

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК УКРАИНЫ

С. В. Иванова
В. Г. Петренко
Н. Е. Ветчинникова

КУРГАНЫ ДРЕВНИХ СКОТОВОДОВ
МЕЖДУРЕЧЬЯ
ЮЖНОГО БУГА И ДНЕСТРА

Ответственный редактор –
доктор исторических наук
В.В. Отрощенко

ОДЕССА
2005

ББК 63.4 (4Укр–4Оде)26–431
И 209
УДК 903.5'14 (477.74)–05–03”

С. В Иванова, В. Г. Петренко, Н. Е. Ветчинникова.

Курганы древних скотоводов междуречья Южного Буга и Днестра.
Одесса, изд-во КП ОГТ, 2005, 207 стр. с ил.

*Рекомендована к печати Ученым советом Института археологии
Национальной Академии Наук Украины
(протокол №2 от 27 января 2005 г.)*

Книга посвящена одному из наиболее сложных периодов древней истории юго-запада Украины — финалу эпохи энеолита и бронзовому веку. Исследования курганов, проведенные в последние годы на территории Одесской области, позволили обобщить характеристику культур и культурных групп скотоводов IV — II тысячелетий до н.э. междуречья Днестра и Южного Буга. Книга содержит развернутую публикацию серии древних погребальных памятников этого региона, а также их культурно-хронологическую интерпретацию на основе сравнительно-типологических данных и результатов радиоуглеродного датирования.

Для археологов, историков, этнографов, преподавателей вузов и студентов, а также всех, кто интересуется историей древних культур.

Рецензенты:

доктор исторических наук А. Л. Нечитайло
доктор исторических наук С. А. Скорый
кандидат исторических наук А. В. Николова

И $\frac{0504000000}{2005}$ Без объявл.

ВВЕДЕНИЕ

IV — II тысячелетия до н.э. — это время утверждения на юге Украины и в соседних степных районах Восточной Европы древнейших в Старом Свете скотоводческих культур, в том числе, вероятно, и первых кочевых этносов. По археологической периодизации данный исторический этап соответствует эпохам энеолита (меди) и бронзы. Для большинства культур и культурных групп этого периода курганы являются фактически единственным типом памятника.

Междуречье Днестра и Южного Буга, особенно территории, удаленные от этих рек и морского побережья, являются «белыми пятнами» на археологической карте энеолита — бронзы. Здесь никогда не проводились такие масштабные исследования, связанные с новостройками, как в Буджакской степи за Днестром; раскопки курганов осуществлялись лишь время от времени и, как правило, носили спасательный характер. Соответственно, культурно-хронологическая колонка степного междуречья Днестр — Южный Буг IV — II тысячелетий до н.э. известна лишь в самых общих чертах. Мы почти ничего не знаем о местном энеолите, кроме усатовской культуры, а данные по «классическим» культурам эпохи бронзы — ямной, катакомбной и культуре многоваликовой керамики этого региона не обобщены и не систематизированы. Эти обстоятельства повышают значение каждого нового памятника, исследованного в степном Буго-Днестровском регионе, и определяют задачи нашей монографии.

В 1990—1991 гг. в этом регионе работали экспедиции Одесского охранного археологического центра, существовавшего при Украинском обществе охраны памятников истории и культуры. Тогда, в частности, были исследованы курганы вблизи с. Лиманское Раздельнянского района (могильник Зальц), курган «Солдатская слава» и курганная группа Катаржино южнее с. Червонознаменка (Катаржино).¹ Опубликованы лишь отдельные результаты этих раскопок (Иванова, Ветчинникова, 1993; Петренко, Шилов, 1992;

Ветчинникова, 2000; Петренко, Ковалюх, 2003). Исчерпывающе материал этих памятников издается нами впервые. Далее, мы сочли целесообразным дать повторную (дополненную одним из авторов) публикацию кургана, раскопанного в 1986 г. в одном микрорайоне с могильником Катаржино, экспедицией Украинского общества охраны памятников истории и культуры (Петренко, Тошев, 1990). Оба памятника, главный курган группы Катаржино и Великозименово, на редкость удачно дополняют друг друга. Кроме того, в публикационный раздел книги включается новейший материал, полученный в 2003 г. экспедицией отдела археологии Северо-Западного Причерноморья Института археологии НАН Украины. Это четыре кургана, попавшие в зону реконструкции автодороги Киев — Одесса у с. Редова Ширяевского района, курган «Любаша» у с. Новогригорьевка Николаевского района и курган у с. Дубиново Савранского района Одесской области (рис.1).

Выбор этих памятников не случаен. Фактически их цепочка позволила «прозондировать» мощный курганный массив региона с юга на север, от Днестра до Буга и, что немаловажно, охватить разные физико-географические зоны. Так, курган у с. Дубиново находился в южной части лесостепи. Могильники Зальц, Катаржино, курганы у сел Великозименово и Редова, а также курганы «Солдатская слава» и «Любаша» связаны с ландшафтами степной зоны, рельеф, почва и климат которой неодинаковы на разных участках (Топчіев, 1998). Это позволяет четче представить масштабы освоения древними скотоводами интересующей нас территории.

Основываясь на материале только что перечисленных памятников и сравнительно-типологических данных, можно выстроить более или менее цельную и во многом новую картину, характеризующую междуречье Днестра и Южного Буга эпохи энеолита — бронзы и, следовательно, заполнить пробел в современных представлениях о древних «курганных» культурах юго-запада Украины, расширить источниковедческую базу. Серия новых радиоуглеродных дат, полученная нами

¹ Курган 1 группы Катаржино входит в пятерку самых больших курганов, раскопанных на территории Северо-Западного Причерноморья.

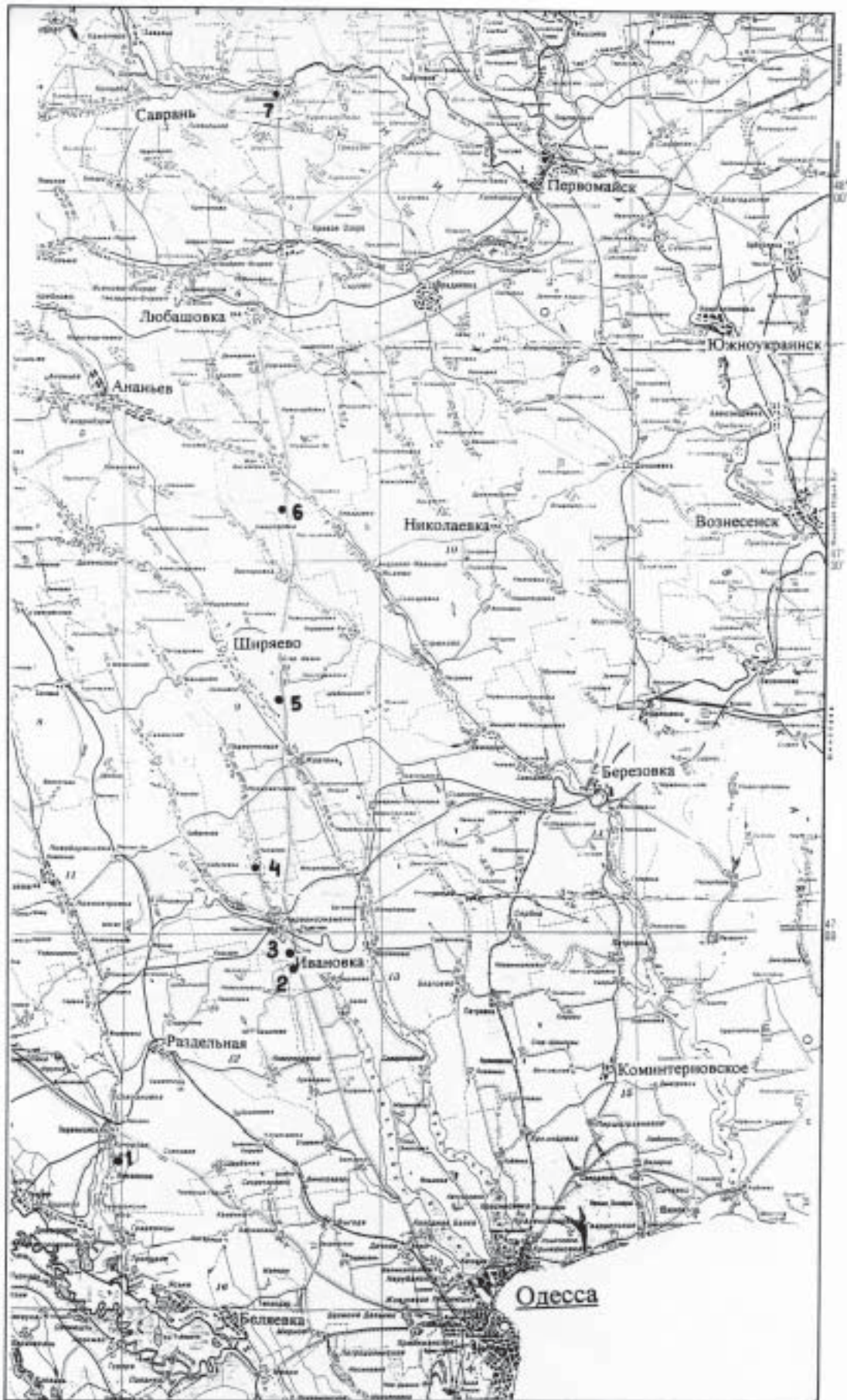

Рисунок 1. Карта публикуемых курганных могильников междуречья Днестра и Южного Буга: 1 – могильник Зальц, 2 – курган «Солдатская слава», 3 – курганная группа Катаржино, 4 – курган у с. Великозименово, 5 – курганы у с. Редова, 6 – курган «Любаша», 7 – курган у с. Дубиново.

как для публикуемых, так и для ряда других важных памятников региона, более определенно, чем прежде, ставит эти древние культуры в контекст реального исторического времени.

Монографию подготовил коллектив авторов: С. В. Иванова (разделы «Ямная культура», «Катакомбная культура», «Культура многоваликовой керамики»); В. Г. Петренко (разделы «Памятники энеолитической эпохи», «Памятники кеми-обинского типа») и Н. Е. Ветчинникова (раздел «Погребения эпохи поздней бронзы и других исторических эпох»). Первая часть книги, посвященная публикации результатов раскопок, написана авторами совместно. Иллюстрации книги выполнены В. Г. Петренко.

Кроме основного раздела, книга включает два приложения. С позиций археоастрономии рассматриваются монументальные сооружения эпохи энеолита, открытые в кургане 3 у с. Рёвова (Приложение 1). Далее следует сводка результатов небольших, но интересных петрографических исследований (Приложение 2).

Авторы выражают искреннюю признательность Т. Л. Самойловой и В. В. Отрошенко за неизменное содействие в подготовке

книги к печати, рецензентам А. Л. Нечитайло, С. А. Скорому и, особенно, А. В. Николовой. Без их помощи, советов и консультаций работа над книгой была бы затруднительна. Глубокой благодарности заслуживают наши друзья и коллеги, в разные годы принимавшие участие в проведении археологических работ и камеральной обработке находок: А. Н. Дзиговский, Г. Е. Краснокутский, П. В. Остапенко, Л. Ю. Полищук, Е. Ф. Редина, А. И. Смирнов, А. В. Субботин, Л. В. Субботин, Г. Н. Тощев, Ю. А. Шилов. Особенно же мы благодарны С. П. Смольяниновой за участие во всех экспедициях и квалифицированную помощь в работе над такой специфической категорией материала, как кремневый инвентарь. Наконец, но не в последнюю очередь, слов благодарности заслуживают авторы специализированных исследований: Н. Н. Ковалюх (изотопное датирование), В. Ф. Петрунь (петрография), В. З. Саркисян (спектральное исследование металлических изделий), Г. В. Сапожникова (трассологическое изучение орудий), а также палеозоолог А. В. Старкин, который определил большинство фаунистических находок и непосредственно участвовал в раскопках.

ГЛАВА I

НОВЫЕ РАСКОПКИ КУРГАНОВ В БУГО-ДНЕСТРОВСКОМ МЕЖДУРЕЧЬЕ

МОГИЛЬНИК ЗАЛЬЦ

Могильник Зальц представляет собой локальное скопление насыпей в многокилометровой и, в общем, довольно разреженной курганной гряде, протянувшейся с юга на север по плато левого берега Кучурганского лимана. От лимана насыпи удалены на 0,5–1,5 км, в среднем на 1 км. Ближе к берегу, параллельно северному отрезку гряды, выстроилось село Лиманское Раздельнянского района Одесской области, объединившее в прошлом две соседние немецкие колонии — Кандель и Зальц. Могильник, исследованный в 1990 г., находится за северо-восточной окраиной села, на бывших землях Зальца (Иванова, Ветчинникова, 1990). Курганы Зальца занимают самый высокий участок прибрежного плато с откосом на запад, в сторону лимана. Абсолютные высоты в этом районе составляют 48–56 м (в балтийской системе высот). На этих же высотах и ниже в 1 км к северу от могильника есть другие курганные насыпи, а плато ограничено глубокой безымянной балкой, впадающей в долину лимана. Всего в могильнике Зальц обнаружено 8 курганов. Они стояли двумя нестройными, но почти параллельными рядами, растянутыми на 500 м с юга на север, по четыре насыпи в ряду (рис.2). Насыпи расставлены с интервалом 75–180 м. Доминантный курган № 7 (не раскапывался) имеет высоту около 3 м (5 м по съемке 1948 г.), на его вершине установлена триангуляционная вышка. Как эта, так и другие насыпи сильно повреждены раскорчевкой виноградника и многолетней вспашкой. Один из небольших курганов, № 3, был вообще распахан до основания. Остальные курганы имели высоту от 0,1 до 2,6 м. Раскопано шесть курганов, попавших в зону строительства газопровода; курганы №№ 7–8 отмежеваны.

КУРГАН 1

Курган 1 находился на расстоянии около 300 м к востоку от ближайших строений на северной окраине с. Лиманское. Насыпь высотой 1,3 м имела диаметр около 50 м. Раско-

пы на кургане были разграничены тремя стратиграфическими бровками по направлению север — юг (рис.2). Насыпь кургана, темно-бурая, суглинистая, перепахана на глубину до 0,8 м. Древняя дневная поверхность читалась на глубине 1,3 м по разрезам погребенной почвы черноземного типа, переходящей на глубине 1,8 м в суглинок без видимой примеси гумуса («материк»). В насыпи кургана, на глубине 0,6–0,7 м изредка встречались кости животных.

Курган был насыпан над погребением 3, вероятно, белозерской культуры. Выброс суглинка из этого погребения лежал на древней дневной поверхности. Как показали разрезы, место, отведенное под захоронение 3, было предварительно очищено огнем. Под выбросом и далее в радиусе 8–9 м от погребения на древней поверхности выделялась темная прослойка прокаленного грунта 1–2 см толщиной, встречались фрагменты обожженных веточек, угольки. Впоследствии погребение 3 было ограблено. Поэтому его культурная принадлежность определяется предположительно. Кроме основного погребения, обнаружены впускные в готовую насыпь: погребение 1 можно отнести к черногоровскому типу (горизонту); погребение 2 не определено.

Описание погребений

Погребение 1 — черногоровское (рис.3, 1), обнаружено в 4,2 м к северо-востоку от репера, в светло-буром суглинке на глубине 1,65 м. Погребальная камера имела план овала, 1,72 × 1,10 м, вытянутого в направлении северо-запад — юго-восток. Стенки прослежены на высоту 0,2 м (-1,85 м)². По краям ямы с восточной стороны отмечены остатки настила из прутьев; видимо, яма имела заплечики. Погребенный был уложен на левый бок, головой на юго-восток. Ноги подогнуты так, что тазобедренный угол почти прямой, а коленный острый. Левая рука протянута к бедрам,

² Здесь и далее в скобках приведена глубина ямы от репера.

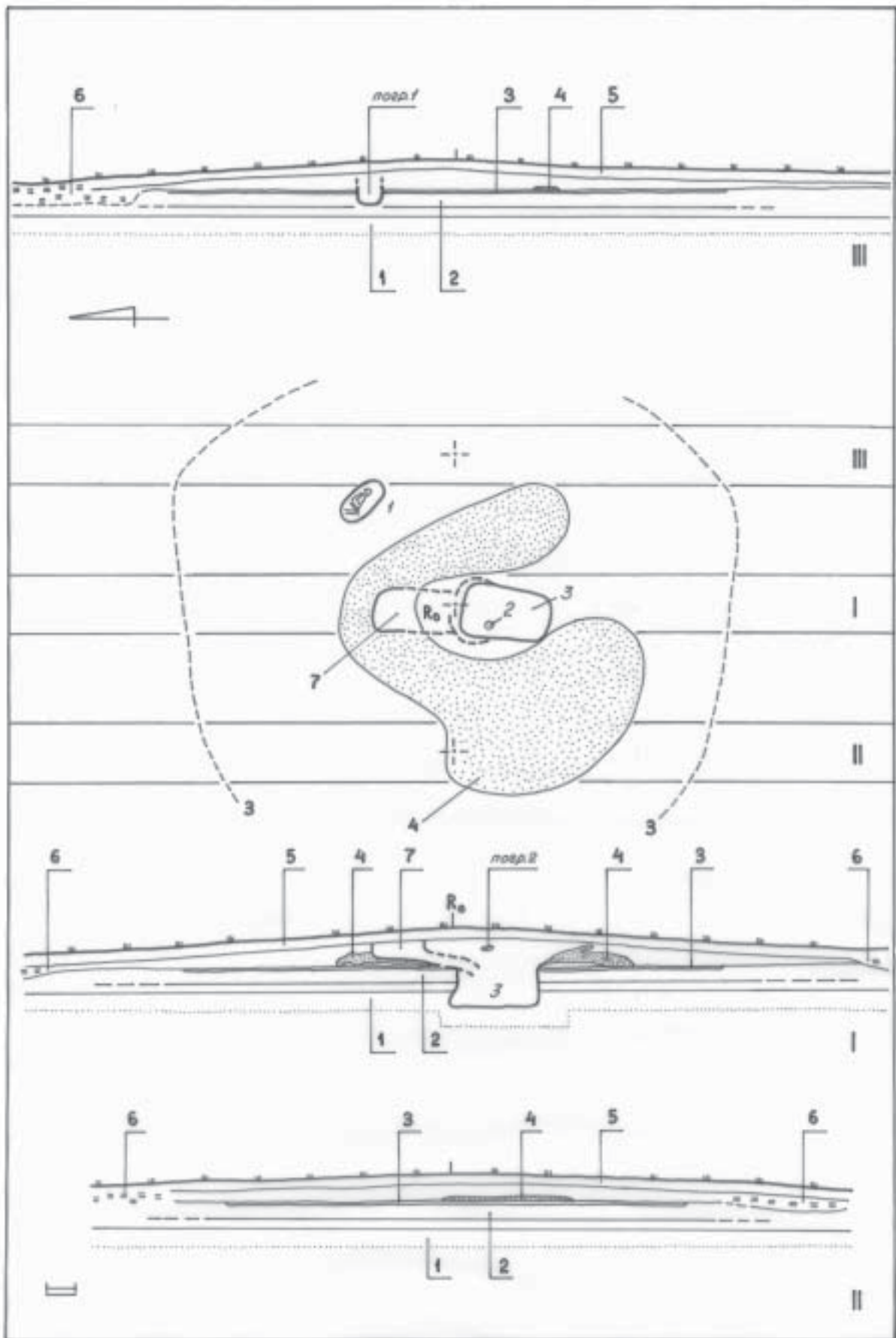

Рисунок 2. Могильник Залыц. Общий план и разрезы кургана 1: I-III – стратиграфические бровки, 1 – материк, 2 – гумусовый слой погребенной почвы, 3 – участок древней дневной поверхности с прожогами и остатками кострища, 4 – выброс грунта из погребения 3, 5 – перепаханный поверхностный слой насыпи кургана, 6 – заиленные участки по краям кургана, 7 – грабительский лаз.

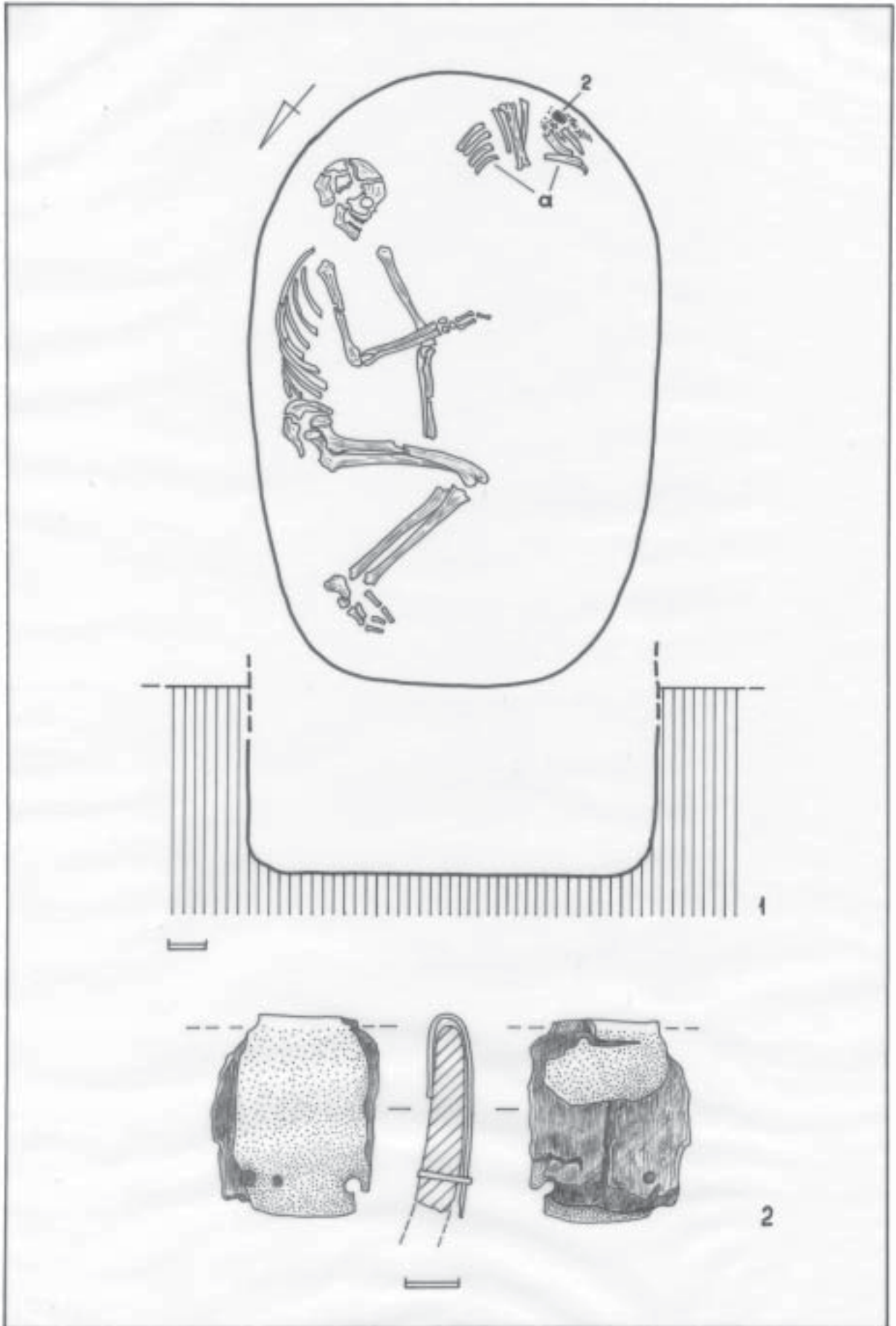

Рисунок 3. Могильник Зальц. Погребение 1: 1 – план и разрез (а – кости животного); 2 – фрагмент деревянного сосуда с металлической накладкой.

правая рука согнута в локте под прямым углом, кисть уложена на локтевой сгиб левой руки. Пяточная кость правой ноги обожжена. Скелет и дно под ним присыпано белым порошком (мел?). В изголовье, у восточной стенки могильной ямы, обнаружены ребра крупного животного (рис.3, 1а), под ними — илистая прослойка. Рядом с костями найдена бронзовая фигурная накладка и немного древесной трухи, возможно, от несохранившегося сосуда.

Инвентарь погребения. Бронзовая накладка с фрагментом деревянной основы толщиной 7 мм (край сосуда?). Накладка, вырезанная из листового металла толщиной 1 мм, двусторонняя, 35 × 28 мм, имеющая с внутренней стороны два сквозных отверстия диаметром 3—3,5 мм. Края пластины скреплены с основой бронзовой заклепкой, вставленной между этими отверстиями (рис.3,2).

Погребение 2 — неопределенное, обнаружено в 1,2 м к западу-юго-западу от репера, на глубине 0,5 м. Яма не прослежена, скелет разрушен плантажной вспашкой. Сохранилось лишь несколько обломков тазовых и бедренных костей человека. Возможно, ориентация захоронения была западная.

Погребение 3 — основное, предположительно белозерской культуры (рис.2, 3), обнаружено в 0,2 м к юго-западу от репера, на глубине 1,5 м. С трех сторон оно окружено выбросом суглинка. Могильная яма длиной 3 и шириной 2,1 м в плане трапециевидная с закругленными углами, расширяющаяся к северу. Стенки прослежены на высоту 1,05 м (-2,55 м). В северной части яма ко дну расширяется до размера 3,15 × 2,25 м. Погребение ограблено. Скелет и инвентарь отсутствуют. У северного и южного бортов участками сохранилась обмазка дна ямы светло-зеленой глиной, но в основном дно нарушено грабительским перекопом. Стратиграфический разрез показал, что грабительский лаз вышел на основное захоронение по выбросу. В заполнении лаза (чернозем с вкраплениями суглинка) на глубине 0,6 м найдем зуб крупного животного.

Таким образом, в кургане выявлены 3 погребения — основное и два впускных. Культурная принадлежность основного захоронения остается под вопросом (белозерская культура?), но четко определяется для одной из впускных могил (черногородовский тип). Кроме того, есть находки в двух пунктах вне погребений. Так, в 4,5 м к западу-северо-западу

от репера, на глубине 0,45 м, в восточной стенке бровки I обнаружены 3 фрагмента человеческих (?) костей. На расстоянии 8,6 м к юго-западу от репера, на глубине 1,25 м того же стратиграфического разреза найдена обработанная каменная плитка в форме сегмента, размером 6,0 × 4,5 × 1,3 см.

КУРГАН 2

Курган 2, расположенный в 95 м к северо-северо-западу от кургана 1, имел высоту 1,4 м при диаметре около 45 м. Макушка кургана срезана, насыпь нарушена плантажной вспашкой. Раскопы, пересекающие насыпь с севера на юг, были размежеваны тремя бровками (рис.4). В южной поле насыпи, на глубинах от 0,4 до 1,2 м периодически встречались остатки тризны (?): черепки разбитой в древности лепной и гончарной (красноглиняной) посуды, светло-глиняных и красноглиняных амфор, кости животных (определены корова и лошадь).

Курган был насыпан над сарматским погребением. Выброс суглинка из могилы лежал двумя сегментами к востоку и к западу от погребальной камеры, маркируя уровень древней дневной поверхности на глубине 1,3 м от репера. Погребение окружено рвом диаметром 29 м, выявленным на уровне светло-бурого суглинка. Заполнение рва неоднородное: на дне скопление ила, перекрытое черноземом насыпи, на который вновь отложился слой ила. На западном профиле центральной бровки фиксировался грабительский лаз, направленный через центр кургана к погребению³.

Погребение 1 — основное, сарматское (рис.5, 1), находилось в 3 м к юго-западу от репера, на глубине 1,9 м. Совершено в яме с подбоем, вытянутой в направлении север — юг. Верхняя часть ямы, 2,10 × 1,35 м, прямоугольная с сильно округленными углами. В нижней части за счет подбоя южной и западной стенок яма имела размеры 2,7 × 1,6 м. Дно ямы находилось на глубине 3 м от уровня обнаружения (-4,9 м от репера). Высота подбоя около 1,5 м от дна. Он углублен с запада на 0,2—0,25 м, с юга — на 0,6 м. В северо-восточном углу ямы, на высоте 1,15 м от дна была ступенька, разрушенная грабителями. Захоро-

³ По-видимому, грабители действовали по той же методике, что и при ограблении кургана 1 — ход шел до уровня выброса отвесно, затем принимал горизонтальное направление, что было связано с поисками основного захоронения.

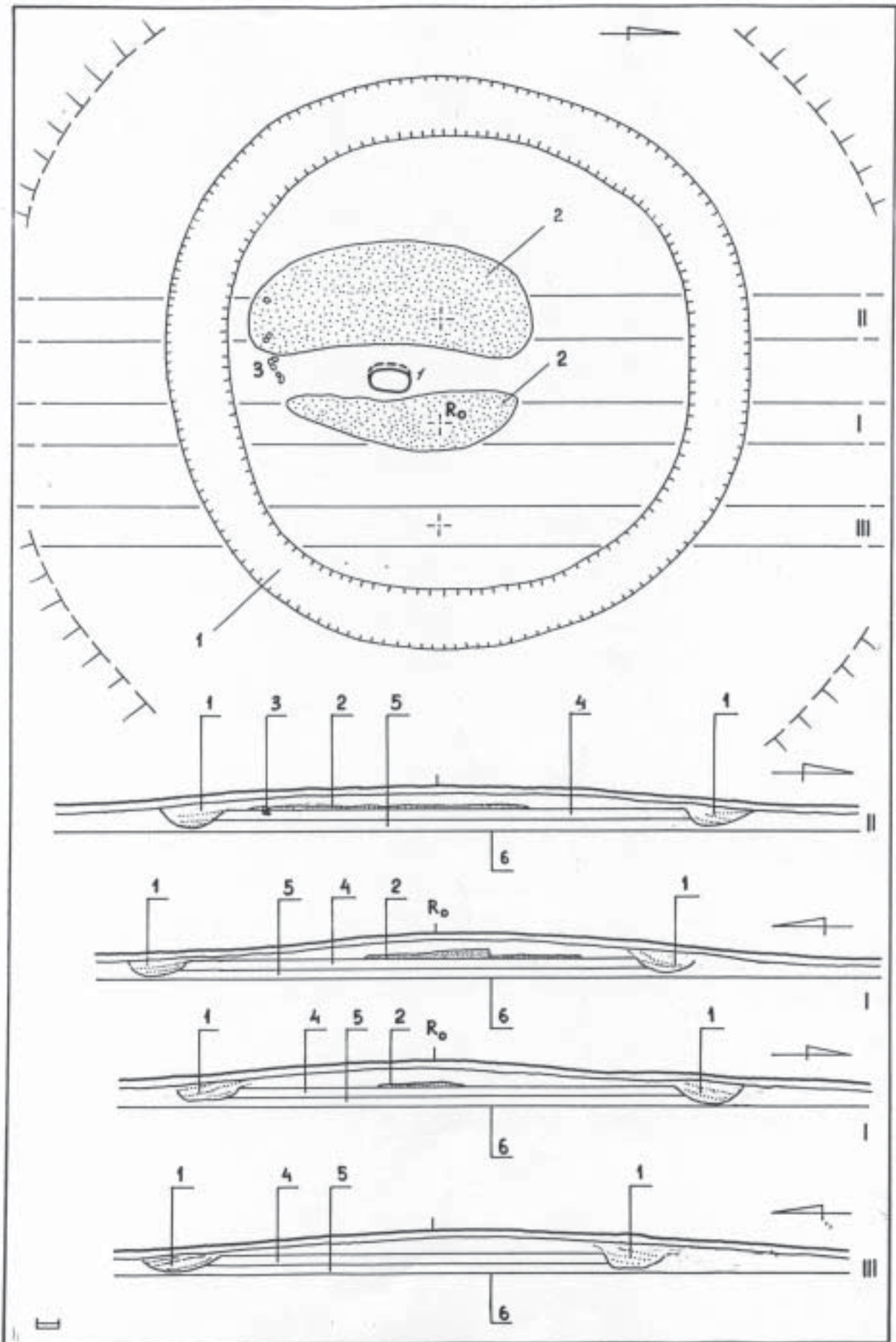

Рисунок 4. Могильник Зальц. Курган 2. Общий план и разрезы I-III: 1 – ров с илстыми отложениями, 2 – выброс, 3 – камни, 4 – погребенная почва, 5 – подпочва, 6 – уровень материка.

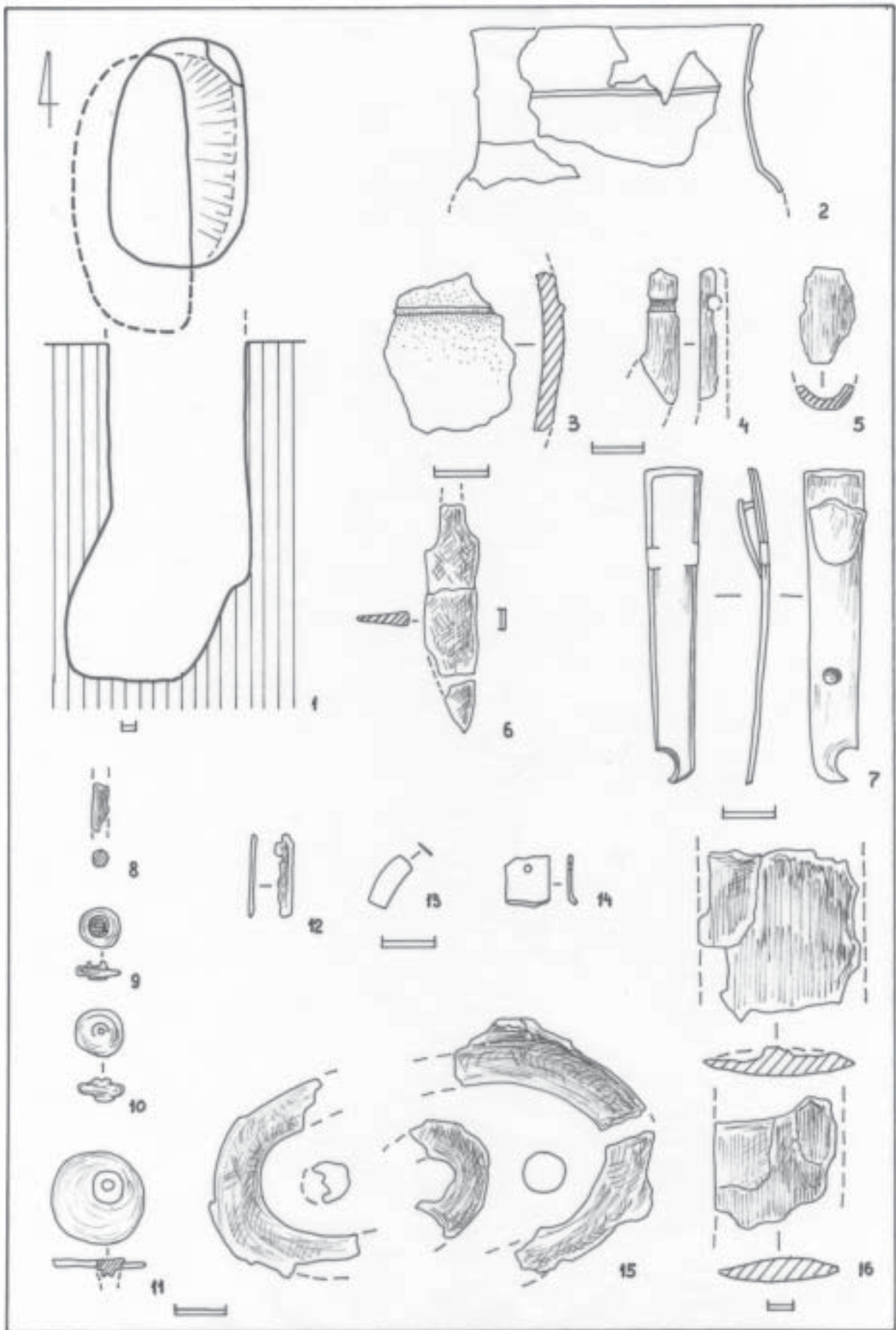

Рисунок 5. Могильник Залц. Курган 2, погребение 1: 1 – план и поперечный разрез захоронения, 2-16 – погребальный инвентарь.

нение разграблено, по-видимому, в древности. Вероятно, после ограбления яма стояла открытой, вследствие чего подбой рухнул. Об этом свидетельствуют плотные илистые затеки под рухнувшим сводом. В заполнении на уровне дна ямы, преимущественно на южной стороне, встречены части деревянной колоды, разбросанные фрагменты человеческих костей, остатки погребального инвентаря.

Инвентарь погребения. 1). Фрагменты тонкостенного стеклянного сосуда с высоким горлышком, имеющим слегка утолщенный и отогнутый наружу край и тонкий горизонтальный валик на середине высоты. Диаметр горлышка около 5,5 см (рис.5, 2); 2). Мелкие фрагменты массивного стеклянного сосуда с таким же валиком, но на корпусе (рис.5, 3); 3). Обломок бронзового стержня (рис.5, 8); 4). Бронзовый или билонный наконечник ремня, с остатками кожи, в форме изогнутой пластины с крюком (6,2 × 1,0 см). Тыльная поверхность имеет припаянный щиток на ножке и несквозное отверстие (рис.5, 7); 5). Фрагменты одного (?) железного разделителя ремней (рис.5, 15); 6). Фрагменты черенкового однолезвийного железного ножа длиной около 13 см, с остатками деревянной рукояти (рис.5, 6); 7). Фрагменты железного меча, клинок которого имел линзовидное сечение шириной от 4,5 до 6 см, толщиной около 0,9 см (рис.5, 16); 8). Железные заклепки, имеющие декоративные бронзовые щитки диаметром 0,8 см, 1 см и 1,8 см (рис.5, 9–11); 9). Фрагменты полого деревянного стержня с поперечным отверстием и следами медных окислов (рис.5, 4–5); 10) Фрагменты листовой бронзы от аппликаций каких-то изделий (рис.5, 12–14); 11). Фрагменты стенок красноглиняных и светлоглиняных амфор.

КУРГАН 3

Курган 3 находился в 280 м к северо-северо-западу от кургана 1. Насыпь не сохранилась. Место кургана выделялось как осветленное пятно пахотного чернозема, отмеченное скоплением стенок амфор. Диаметр пятна около 25 м, высота до 0,15 м. (рис.6, 1). В пахотном слое встречались стенки красноглиняных и светлоглиняных амфор, лепная керамика, кости крупного рогатого скота и птицы. В центральной части пятна выявлено погребение.

Погребение 1 — сарматское (рис.6, 2), обнаружено на глубине 0,9 м. Яма удлиненная с закругленными концами, 2,5 × 0,8 м, слегка

расширяющаяся с востока на запад. Стенки прослежены на высоту 0,2 м (-1,1 м). Погребенный (взрослый) был уложен на спину, вытянуто, головой на запад. Череп покрыт плотным слоем материковой глины. По-видимому, в западной части ямы был подбой, который, рухнув, раздавил череп. На дне погребальной камеры, под черепом и костями ног — коричневый глен. В изголовье погребенного найдены фрагменты стенок лепного сосуда, у подбородка — бусины (3 экз.). В ногах и на левом крыле таза — два небольших фрагмента стенок амфор.

Инвентарь погребения. 1). Лепная керамика характеризуется красной наружной поверхностью, плотным тестом, черным на изломе, примесями шамота; форма сосуда не восстанавливается. 2). Бусины бочонковидной формы и одна цилиндрическая изготовлены из глухого стекла, одна чисто черная диаметром от 4 до 7 мм, и две черные с белой горизонтальной полосой длиной 6–7, диаметром 3 мм (рис.6, 3).

КУРГАН 4

Курган 4, расположенный в 185 м на восток-северо-восток от кургана 1, имел диаметр 52 при высоте 1,8 м (абсолютная высота — 58 м)⁴. Курган сильно распахан, поврежден раскорчевкой росшего на нем виноградника и плантажной вспашкой. В прошлом, до посадки виноградника, насыпь кургана была сильно смещена механическими средствами на северо-восток, вершина срезана. Восточную полу кургана нарушила траншея и грунтовая дорога, юго-западную — оросительный канал.

Курган раскапывался с оставлением четырех бровок, проложенных в направлении север — юг (рис.7). Всего в кургане найдено 4 погребения. Кроме того, обнаружен грабительский лаз длиной 5, шириной 2 м, прошедший через основное и одно впускное захоронение. Вне погребений, в 7,2 м к северо-востоку от репера, на глубине 0,95 м обнаружено несколько необработанных камней известняка, лежащих цепочкой по линии запад — восток. В 4,1 м к северо-западу от репера, на глубине 0,8 м обнаружены следы кострища овальной формы размером 1,3 × 1 м. Всего в кургане найдено четыре погребения: энеолитическое (№ 4), белозерской культуры (№ 3), железного века (№ 2) и печенежско-торчское (№ 1).

⁴ Результаты раскопок кургана были опубликованы (Иванова, Ветчинникова, 1993), однако вполне уместна его повторная публикация в контексте могильника.

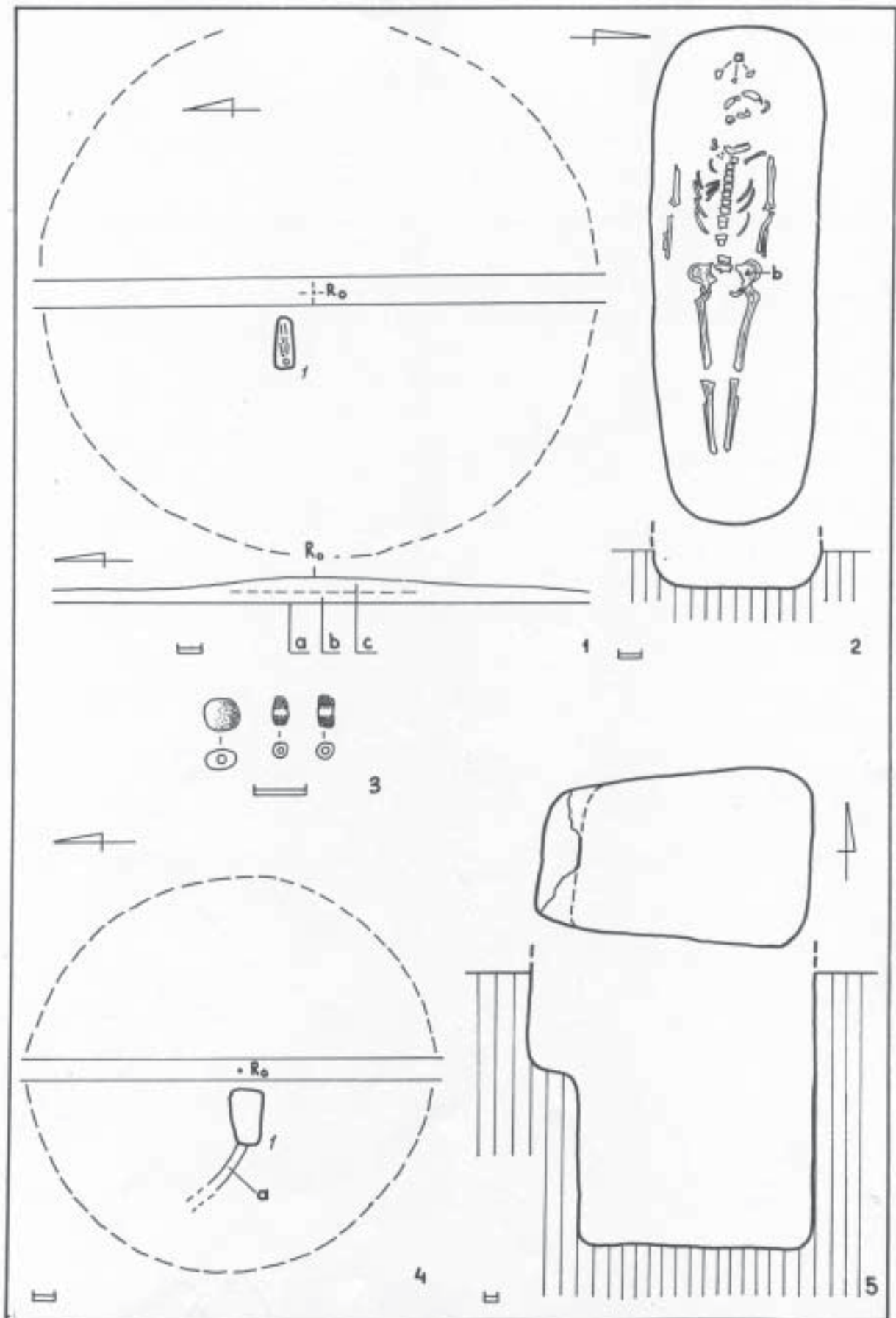

Рисунок 6. Могильник Залы: 1 – курган 3, план и разрез (а – уровень материка, б – погребенная почва, с – остатки насыпи); 2-3 – погребение 1 кургана 3, план, разрез и погребальный инвентарь (3 – бусы, а – фрагменты сосуда, б – стенка амфоры); 4 – план кургана 5 (а – грабительский лаз); 5 – погребение 1 кургана 5 (план и разрез).

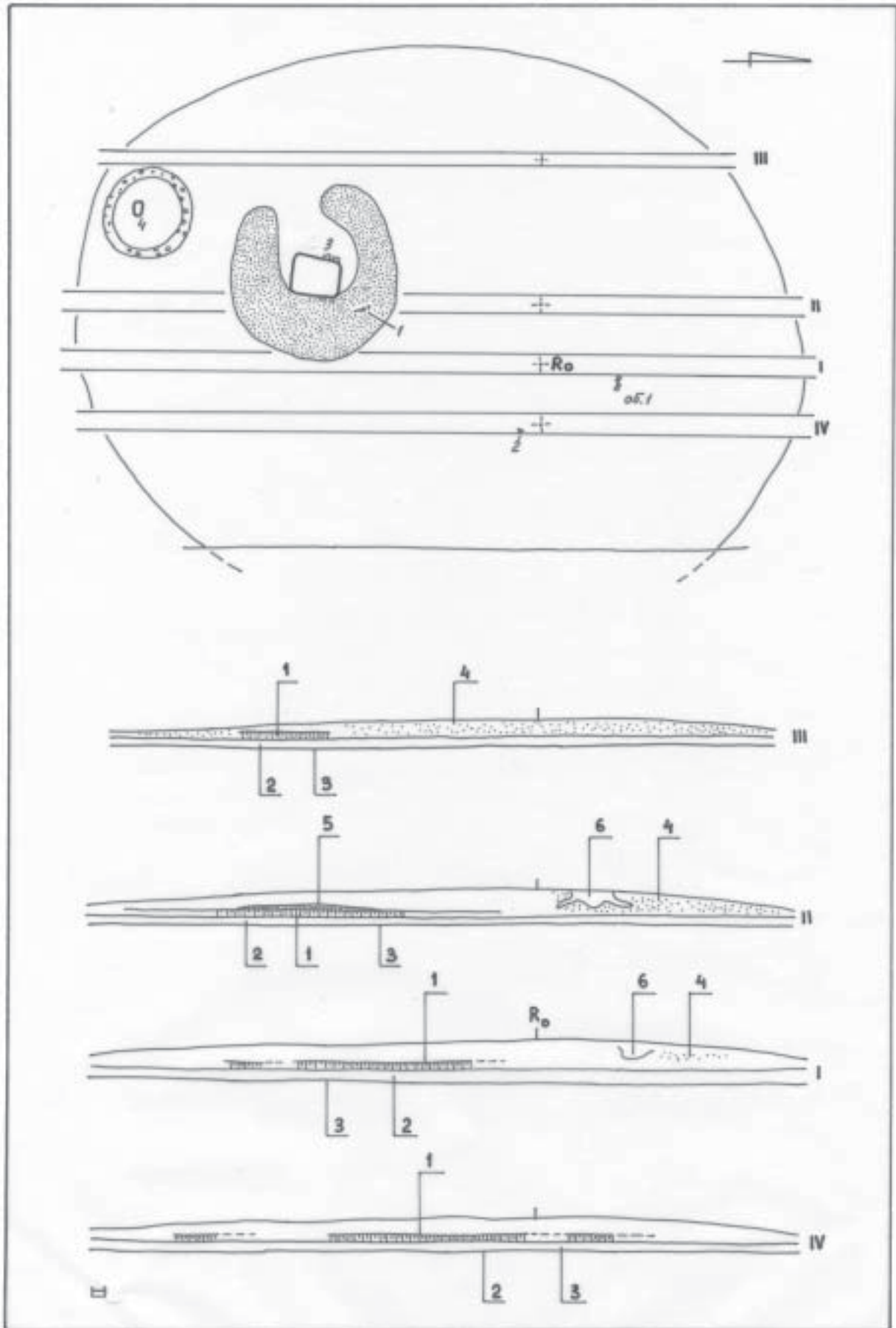

Рисунок 7. Могильник Залыц. Курган 4, общий план и разрезы I-IV: 1 – погребенная почва, 2 – переходный суглинок, 3 – уровень «материка», 4 – участки насыпи из чернозема с примесью глины, 5 – выброс, 6 – грабительские подкопы.

Стратиграфия кургана

Как показали разрезы, насыпь кургана представляла собой однородный массив илистой темно-бурой почвы, не расчлененный на слои (рис.7, 2). Погребенная под этой насыпью почва (чернозем) читалась на глубине 1,8 м от репера и на значительном участке перекрывалась подковообразным выбросом суглинка и глины толщиной до 0,5 м из погребения 3. Таким образом, видимая на разрезах насыпь, несомненно, связана именно с этим захоронением, относящимся к белозерской культуре.

Предположительно, на уровне древней дневной поверхности под юго-западной поллой белозерского кургана, на расстоянии 26 м к юго-западу от репера обнаружен ровик с погребением 4 эпохи энеолита. Ровик глубиной 0,5 м от древнего горизонта, имел диаметр 7 м, ширину сверху 0,8 м, у дна — 0,6 м. Заполнение ровика бурое, суглинистое. Сверху ровик перекрывался камнями. Уровень их обнаружения (–1,8 м от репера) соответствует древней дневной поверхности. Это была кольцевая выкладка из плоских обломков известняка и песчаника (рис.9, 1–2). Камни были уложены в 2–3 горизонтальных ряда по кругу; его диаметр, как и диаметр ровика, около 7 м. На одном из камней восточной части круга — следы копыт. Посередине площадки, ограниченной ровиком, находилось погребение 4. Выброс из него в виде редких крупных комьев суглинка прослежен частично среди камней выкладки. Из-за разрушений дополнительные разрезы, заложенные рядом с энеолитическим комплексом, не позволили ни подтвердить, ни опровергнуть существование над ним курганной насыпи, предшествующей появлению белозерского кургана. Возможно, с энеолитическим погребением связана находка зуба домашней (?) особи крупного рогатого скота, в 31,5 м к юго-западу от репера, на глубине 1,8 м.

Описание погребений

Погребение 1 — печенежско-торческое (рис.8, 6). Обнаружено в 13,5 м к юго-западу от репера на глубине 0,9 м. Контуры ямы не прослежены. Скелет поврежден вспашкой, череп не сохранился. Погребенный (взрослый) лежал на спине, вытянуто, головой на запад. Правая рука уложена вдоль туловища; от левой руки сохранилась лишь плечевая кость. Под костями и на них — коричневый тлен. У правой кисти найдены фрагменты железного кресала, железные заклепки и

фрагменты неопределенного железного изделия; у левого предплечья — кремь-огниво. На правой кисти и отчасти на тазе лежали суставы и копыта лошади. Отдельные кости ее посткраниального скелета найдены также в области грудной клетки погребенного человека. На костях животного и под ними белесый тлен.

Инвентарь погребения: 1). Железное кресало сердцевидной формы, длина 5 см, ширина около 3 см, толщина 0,5–1 см (рис.7, 8); 2). Две железные заклепки с округлыми шляпками диаметром около 2 см (рис.7, 7); 3). Кремь-огниво.

Погребение 2 — раннего железного века, разрушенное. На расстоянии от 0,2 до 1,8 м к югу от репера, на глубине 0,7–1,3 м, обнаружены разрозненные фрагменты человеческих костей и невыразительный фрагмент стенки красноглиняной амфоры. Непосредственно под репером на глубине 0,5 м найден обломок обработанного камня полукруглой формы (лощило?), возможно, относящийся к этому погребению.

Погребение 3 — белозерской культуры, основное (рис.8, 1). Обнаружено в 17 м к юго-западу от репера, на глубине 1,8 м. Яма прямоугольная с закругленными углами, 3,8 × 2,7 м, вытянута в длину в направлении север — юг. Глубина 1,6 м от уровня древнего горизонта (–3,4 м). Захоронение перекрывалось поперечно уложенными деревянными плахами, сохранившимися на бортах ямы. Концы плах обожжены. Поверх деревянного перекрытия в два слоя отложился волокнистый белый и коричневый (сверху) тлен, по видимому, от двух циновок. На верхней циновке встречались обломки обгорелых ветвей, угли. Края циновок по бортам ямы покрывали выброс, местами заходя под его оплывы. По-видимому, погребение какое-то время простояло без курганной насыпи.

Погребение разграблено. Дно ямы изрыто грабителями; нетронутыми остались лишь участки вдоль стен, где сохранилась меловая подсыпка. В юго-восточном углу, в илистом слое, найдены фрагменты черепной крышки и трубчатых костей человека. В заполнении погребальной камеры на разном уровне попадались куски древесины с остатками циновки (от перекрытия). Найдена кремневая пластина палеолитического облика⁵, попавшая в погребение, видимо, через грабительский лаз. Основные находки проис-

⁵ На поле, где расположен курганный могильник, находится стоянка каменного века.

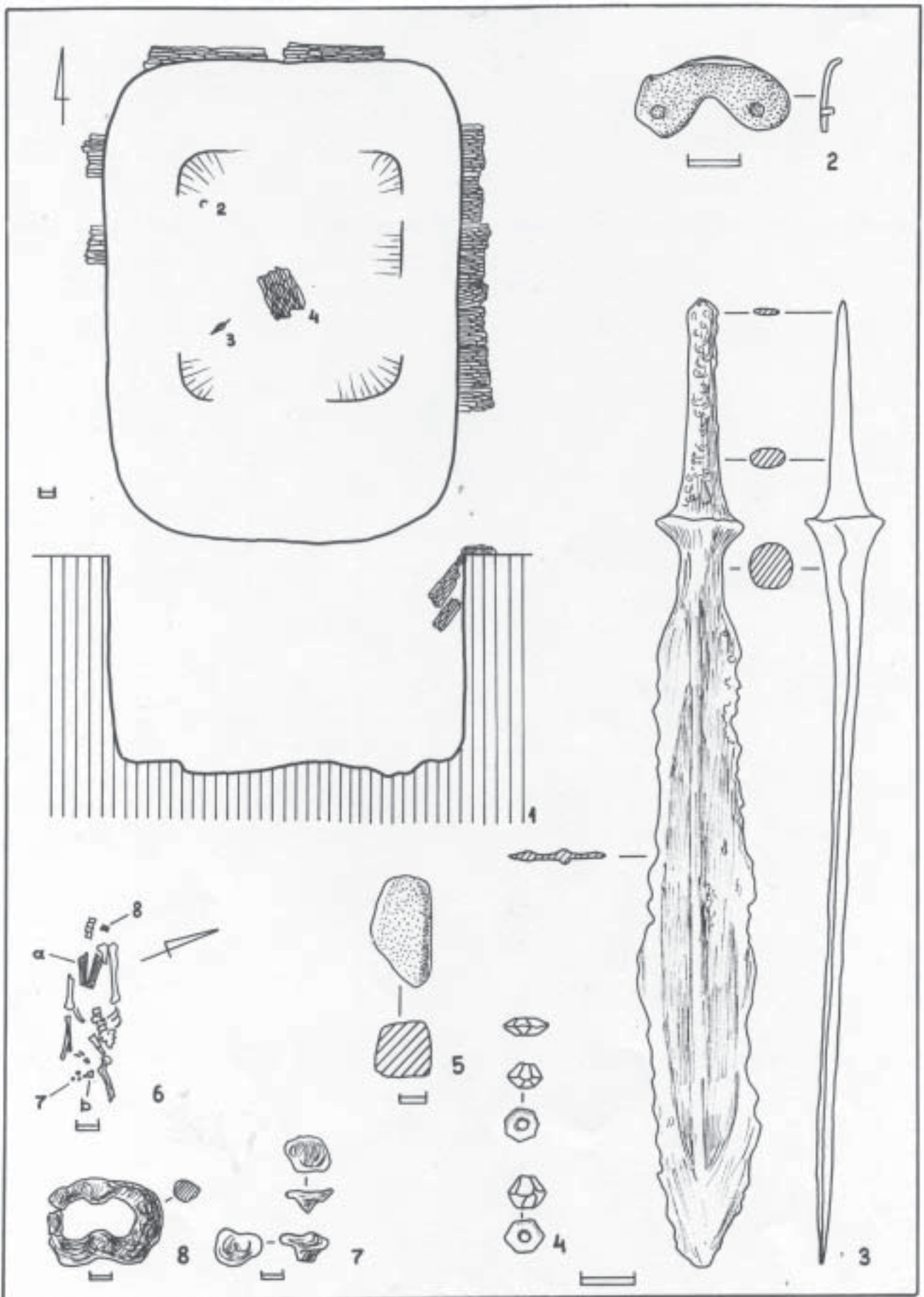

Рисунок 8. Могильник Залыц. Курган 4: 1-5 – погребение 3; 6-8 – погребение 1 (а – кости животных, б – остатки железной пряжки).

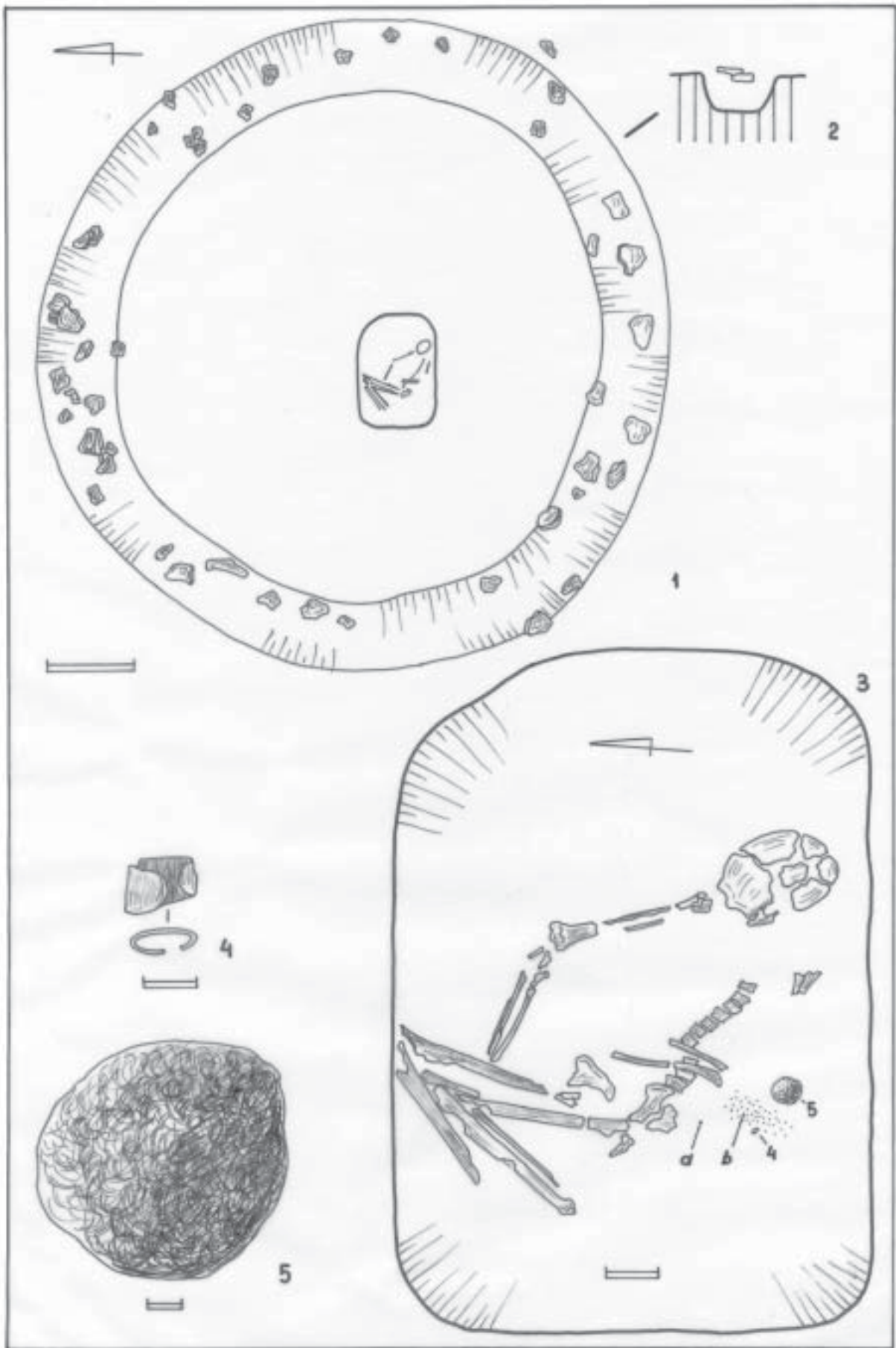

Рисунок 9. Могильник Зальц, курган 4. Погребение 4: план комплекса (1) с разрезом ровика (2), план захоронения (а – пронизь, б – охра) и находки (4-5).

ходят из нижней части заполнения. Так, на расстоянии 1,8 м от северного борта ямы, под обломком деревянной плахи обнаружена россыпь бусин (73 экз.). Между этой плахой и западной стенкой лежал бронзовый кинжал, в северо-западном углу — бронзовая пластина с двумя заклепками. Над погребением в заполнении грабительского лаза найден оселок.

Инвентарь погребения: 1). Бусины из темно-красного янтаря, биконические, шестигранные, поверхность патинирована. Всего их было около 90, в том числе 73 экз. целых. Высота бусин 4–7 мм, диаметр от 5 до 8,7 мм (рис.8, 4); 2). Кинжал с овальным в сечении черенком, листовидным лезвием, оформленным двусторонней нервюрой, и четко выделенным кольцевым упором. Переход от упора к лезвию имеет круглое сечение. Свинцово-оловянистая бронза с примесью никеля (проба из черенка). Длина кинжала 18,1 см, вес — 45,02 г (после очистки). Лезвие без учета перехода к упору, т.е. «перо» этого оружия, имеет длину 12,5 см, толщину 3–5 мм по нервюре (рис.8, 3); 3). Бронзовая подковообразная пластина, 3 × 1 см, 1 мм толщины, с двумя заклепками (рис.8, 2); 4). Обломок оселка (?) призматической формы, квадратного в поперечном сечении (2,5 × 2,5 см), длиной 4,8 см, отшлифован (рис.8, 5).

Погребение 4 — энеолитическое, курганное или грунтовое (рис.9, 3), находилось в 26 м к юго-западу от репера, на глубине 2,1 м. Яма ориентирована запад — восток. Один ее конец прямоугольный, другой округлый. Размеры ямы: 1,3 × 0,9 м, прослеженная глубина 0,2 м (-2,4) (от уровня древней поверхности — 0,6 м). Погребенный (взрослый) лежал скорченно на правом боку или на спине с наклоном набок, по диагонали погребальной камеры, головой на юго-восток. Кисть правой руки находилась под коленями. Левая рука согнута в локте и кистью уложена на живот. У левого локтя — подсыпка малиновой охры и шарообразная поделка из гранита, у таза — медная пронизь, у ступней — медная обойма.

Инвентарь погребения: 1). Сфероид (орудие?) диаметром 8–9 см, по определению В. Ф. Петруня, изготовленный из выветренного крошащегося гранита (рис. 9, 5); 2). Медная трубчатая пронизь, длиной 0,6 см, диаметром 0,3 см, распавшаяся после расчистки; 3). Прямоугольная обойма из согнутого вдвое листа чистой металлургической меди менее 1 мм толщины, 14 × 10 мм (рис.9, 4).

КУРГАН 5

Курган 5, расположенный в 250 м к северо-северо-востоку от кургана 1, был выражен в рельефе как возвышенность высотой до 0,1 м, диаметром около 20 м (рис.6, 4). Обнаружено одно скифское (?) захоронение.

Погребение 1 — предположительно скифское (рис.6, 5), обнаружено в 1 м к западу от репера, на глубине 0,8 м. Выделялось черноземным заполнением на фоне материкового суглинка. Яма, вытянутая по длине с запада на восток, трапециевидная с округленными углами, 2,5 × 1,1–1,5 м, прослеженная глубина 2,7 м (-3,5 м). Западная стенка имела ступеньку на высоте 0,95 м от дна. Погребение ограблено. Дно и, частично, стенки ямы повреждены грабителями, видимо, искавшими тайник. После ограбления яма с восточной стороны какое-то время простояла открытой: здесь наблюдались плотные илистые затеки. В заполнении встречены обломки человеческих костей, кусочки дерева, фрагмент стенки красноглиняной амфоры.

КУРГАН 6

Курган 6, находившийся в 130 м к юго-юго-востоку от кургана 1, выделялся в рельефе высотой 0,15 м, диаметром около 20 м. После удаления 0,8 м перепаханной почвы обнаружили два концентрических кольцевых рва и единственное захоронение, выполненное на обведенной рвами площадке (рис.10). Оба рва воронкообразные в поперечных разрезах, заполнение темное, суглинистое с вкраплениями бурого и желтого суглинка. Внутренний ров шириной вверху 1 м имел диаметр 10 м, на 1 м заглублен в суглинки. Внешний ров диаметром 17 при ширине 0,8 м и глубине в суглинке 1 м.

Погребение 1 — сарматское, обнаружено в 0,5 м к западу от репера, на глубине 0,8 м. Яма прямоугольной формы, 2,1 × 1,1 м, ориентирована по длине северо-северо-запад — юго-юго-восток. Стенки прослежены на высоту 1,3 м (-2,1 м). Черноземное заполнение ямы в нижней части содержит примесь желтого суглинка. На дне погребальной камеры, у северо-восточной стенки, находилось скопление костей человека. Под челюстью обнаружены бронзовая пронизь, бронзовый стержень и фрагмент керамики. В юго-восточном углу найдена костяная бусина, вблизи нее — еще один фрагмент сосуда.

Инвентарь погребения: 1). Бронзовая трубчатая пронизь (?), свернутая из тонкого

листа бронзы, длиной около 1 см, диаметром 0,2 см; 2). Бронзовый стержень длиной около 1 см, диаметром 0,2 см, на конце — утолщение. Возможно, вместе с пронизью являются остат-

ками фибулы (?); 3). Фрагменты стенок лепного сероглиняного сосуда, форма не восстанавливается; 4). Костяная бусина округлой формы со сквозным отверстием, диаметром 0,7 см.

КУРГАН «СОЛДАТСКАЯ СЛАВА»

Курган «Солдатская Слава»⁶ находился в 200 м к северу от знака «1608 километр» автотрассы Санкт-Петербург — Киев — Одесса, в 20 м к западу от полотна дороги. Насыпь занимала край пахотного поля на землях Барановского сельсовета Ивановского района Одесской области (Ветчинникова, Иванова, 1991)⁷. Курган был насыпан на водоразделе между рекой Малый Куяльник и водоносной Кривой балкой, впадающей слева в долину реки Свиной, приток Хаджибейского лимана. Верхушка водораздела представляет собой ровное степное плато, вытянутое с севера на юг и юго-восток и размеченное по этим направлениям редкими, но, как правило, высокими курганами.

По обмерам перед раскопками высота «Солдатской Славы» составляла 2,55 м, не совпадая с данными топографической съемки 1950 г. (3 м, абсолютная отметка 132,7 м). Диаметр основания насыпи 53–55 м. Вершина кургана была разрушена при сооружении триангуляционного знака, южная поля пересечена лесополосой и грунтовой дорогой. По ходу раскопок выяснилось, что насыпь прорезана тремя траншеями, предположительно военного времени. Траншея I длиной 22 м, шириной и глубиной 1 м, прошла через центр кургана с севера на юг. Траншея II длиной 30, шириной 3,5 и глубиной около 2 м пересекла насыпь в направлении северо-запад — юго-восток в 5 м восточнее репера. Траншея III север — юг, длиной 18 м при ширине 3,5 и глубине 1,3 м, проходила в 14 м к востоку от репера. Траншеями были задеты некоторые погребения, а какие-то, возможно, были уничтожены полностью.

Всего в кургане «Солдатская Слава» обнаружено 8 погребений эпохи бронзы, в том числе 3 ямной культуры (№№ 3–4, 10), кембибское (№ 9), два предположительно катакомбной культуры (№№ 1, 11), одно культуры многоваликовой керамики (№ 2) и

погребение № 5 без четко выраженной культурной принадлежности. Погребение 7, вероятно, принадлежит поздним кочевникам. Ямы №№ 6 и 8 (получившие номера погребений), скорее всего, обрядовые, вероятно, тоже эпохи бронзы (рис. 11).

Стратиграфия кургана

Параллельные бровки, оставленные между раскопами в направлении запад — восток (с небольшим отклонением к северу), дали четыре пары стратиграфических разрезов (рис. 12). Древняя дневная поверхность читалась на глубине 2,6 м от репера, по слою погребенного чернозема с гумусовым горизонтом толщиной около 0,4 м под первичной насыпью кургана. Первичная насыпь суглинистая, светло-серая. Она имела высоту 1 м при диаметре 10–12 м. Выбросы суглинков из погребения 4 (ямная культура) на древней почве удостоверяют его связь именно с этой насыпью. Однако периферийное положение погребения 4 по отношению к ее центру позволяет предположить существование еще одного основного захоронения по центру. Скорее всего, оно было полностью уничтожено погребением 10 ямной культуры, большим по площади и глубоким (5,65 м от репера). В выбросе из ямы погребения 10 встречались разрозненные человеческие кости (видимо, из разрушенного захоронения). Дополняет характеристику древнейшей насыпи «Солдатской Славы» находка каменной плиты, 1,5 × 0,9 м, на уровне древней дневной поверхности в 1,2 м к северо-востоку от репера. Предположительно можно рассматривать эту плиту как примитивный жертвенник.

Вторую насыпь кургана, состоявшую из чернозема, связать с определенным погребением не удалось. Высота кургана после сооружения этой насыпи составила около 2–2,5 м, диаметр — 21–22 м. Возможно, вторая насыпь была конструктивной и не соотносится с конкретным захоронением. В макушку второй насыпи было опущено погребение 10. Выброс из него покрыл равномерным слоем суглинка всю северную половину кургана. Это погребение было перекрыто третьей насыпью.

⁶ Местное название, удостоверенное мемориальной табличкой, стоявшей у насыпи.

⁷ Некоторые комплексы этого кургана использовались в публикациях с привязкой к с. Бараново (Иванова, Цимиданов, 1998; Иванова, 2001).

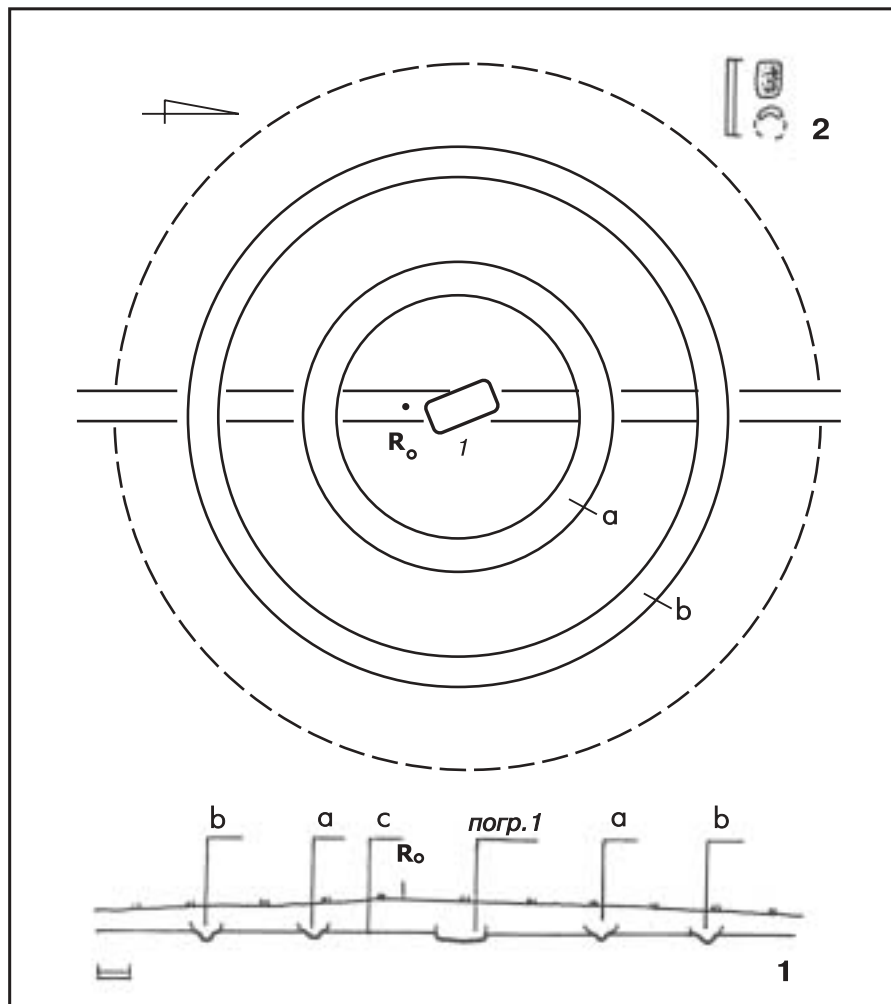

Рисунок 10. Могильник Зальц. Курган 6: план и разрез (1), бусинка из погребения 1. На плане и разрезе: а – внутренний ров, б – внешний ров, с – уровень материковых суглинков.

Рисунок 11. Курган «Солдатская Слава». План с указанием стратиграфических бровок (I-V) и элементов структуры памятника: 12 – насыпи, 3 – выброс из погребения 4, 4 – выбросы на второй насыпи, 5 – выбросы на третьей насыпи, 6 – участок, недоступный для раскопок.

Рисунок 12. Курган «Солдатская Слава». Разрезы: 1-4 – насыпи, 5 – выбросы, 6 – погребенная почва, 7 – материковый суглинок.

Она прослежена лишь в западной поле кургана (в центральной бровке), благодаря материковому выбросу, лежащему на ее поверхности, который, возможно, связан с погребением 3 (ямной культуры), углубленным в материк. Третья насыпь слагалась из чернозема; края ее нечеткие, особенно в восточной поле. Диаметр насыпи, вероятно, был около 28–30 м, высота не восстанавливается. Сохранность выкида из погребения 3 возможно только если оно было перекрыто насыпью (четвертой по счету). Последний, пятый слой (чернозем), шлейфом облегающий края кургана, видимо, сформировался в результате естественного сноса насыпного материала четвертой насыпи. В северо-восточном секторе кургана в этом слое встречались мелкие камни. Однако увязать эту часть насыпи с конкретным захоронением не представляется возможным. Можно лишь предположить, что основная для нее могила разрушена строением (времен второй мировой войны?), остатки которого в виде камней и печных колосников были обнаружены на вершине кургана. Впрочем, не исключена возможность связи четвертой насыпи с погребением 3 ямной культуры. Судя по уровням залегания, некоторые погребения бронзового века были опущены в окончательно сформированный курган: кеминского типа (№ 9), катакомбной культуры (№ 1), культуры многоваликовой керамики (№ 2), погребение 5. Погребение 11 катакомбной культуры обнаружилось в грунте третьей насыпи. Однако в данном случае прослежена лишь донная часть захоронения; определить уровень, с которого оно было опущено в курган, не представляется возможным (над захоронением проходит траншея военного времени). Завершает стратиграфическую колонку позднекочевническое погребение 7.

Описание погребений

Погребение 1 — катакомбной (?) культуры (рис.13, 1), обнаружено в 9,5 м к северо-западу от репера, на глубине 2,4 м. Контуры ямы не прослежены. Погребенный был уложен на левый бок, головой на северо-восток. Правая нога вытянута и повернута согнутой в колене левой ноги. Руки согнуты в локтях, кисти находились перед лицом.

Погребение 2 — культуры многоваликовой керамики (рис.13, 2), обнаружено в 13 м к юго-западу от репера, на глубине 2,45 м. Контуры ямы не прослежены. Погребенный был уложен скорченно на левом боку, голо-

вой на юго-восток, лицом к западу. Руки согнуты в локтях. Кисть левой руки находилась под черепом, правой — на локте левой руки.

Погребение 3 — ямной культуры (рис.13, 3). В 14 м к юго-западу от репера, на глубине 2,8 м обнаружено продольное перекрытие из деревянных плах, которое просело в погребальную камеру. Судя по перекрытию, лежащему вдоль бортов ямы на материковом слое, камера имела по периметру прямоугольный уступ (приблизительно $2,9 \times 1,9$ м). Погребальная камера прямоугольной формы с закругленными углами, ее размеры $2,2 \times 1,4$ м, глубина 0,7 м от уровня уступа (-3,5 м от репера). Вдоль длинных стенок ямы по дну прорыты канавки глубиной 0,13 и 0,15–0,2 м ширины. Скелет сильно разрушен рухнувшим перекрытием. По-видимому, погребенный (взрослый) лежал на спине, головой на северо-северо-запад. Ноги были подогнуты коленями влево, руки вытянуты вдоль туловища. У правого плеча и справа от черепа, — подсыпка охры.

Погребение 4 — основное, ямной культуры (рис.13, 4), обнаружено в 3,5 м к югу от репера, на глубине 2,6 м. Погребение перекрыто пятиугольной, грубо отесанной плитой ($1,9 \times 0,9 \times 0,15$ м, стела?), лежащей посередине поперек могильной ямы. Яма прямоугольная, с округленными углами, $1,7 \times 1,25$ м, глубиной 0,8 м от древнего горизонта (-3,4 м). Погребены двое: они были уложены рядом, на спине, головой на северо-восток; подогнутые ноги, поставленные коленями вверх, упали назад и вправо. Руки слегка согнуты в локтях, кисти уложены на таз. На кости осела охра. На дне ямы — подстилка из коры.

Погребение 5 — эпохи бронзы (рис.13, 5), обнаружено в 8,5 м к востоку-юго-востоку от репера, на глубине 1,9 м. Контуры ямы не прослежены. Плохо сохранившийся скелет ребенка лежал скорченно на левом боку, ориентирован на северо-восток. Руки были согнуты в локтях. У лицевой части черепа — пятно охры, под скелетом — коричневый тлен.

Яма 6 обнаружена в 15,5 м к востоку от репера, на глубине 2,6 м. Яма округлая, диаметром 1,1 м, глубиной 0,25 м от уровня обнаружения. Дно ровное. Заполнение гумусовое. Следов захоронения не обнаружено.

Погребение 7 — предположительно позднекочевническое (рис.13, 6), обнаружено в 10,5 м к юго-юго-востоку от репера, на глубине 2,4 м. Контуры ямы не прослежены. Ске-

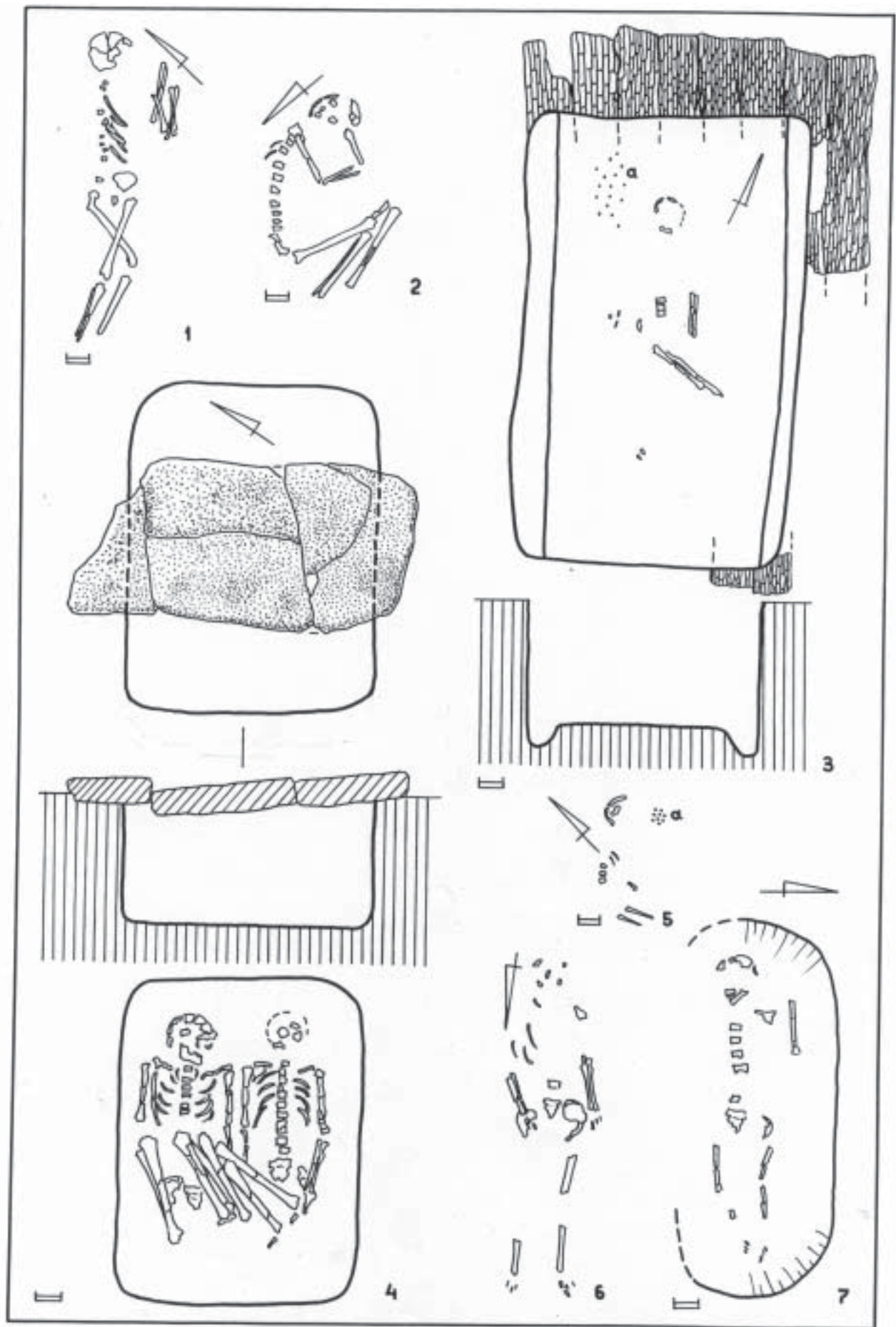

Рисунок 13. Курган «Солдатская Слава»: 1 – погребение 1; 2 – погребение 2; 3 – погребение 3 (а – охра); 4 – погребение 4; 5 – погребение 5 (а – охра); 6 – погребение 7; 7 – погребение 11.

лет плохой сохранности. Тем не менее, можно определить, что захоронение вытянутое, на спине, головой на юг. Левая рука вытянута вдоль туловища, правая слегка согнута, кисть уложена на таз.

Яма 8 обнаружена в 14,5 м к юго-востоку от репера и в 2 м к северу от ямы 6, на глубине 2,6 м. Яма 8 тоже округлая диаметром 1,3 м, глубиной 0,4 м от уровня обнаружения (-3 м). На дне ямы находились два необработанных камня, еще один камень обнаружен в гумусе заполнения.

Погребение 9 — кеми-обинского типа (рис. 14, 1–4), обнаружено в 22 м к юго-юго-западу от репера. На глубине 2,35 м были найдены две покровные плиты каменного ящика: плита $0,9 \times 0,35 \times 0,15$ м и плита $0,65 \times 0,45 \times 0,15$ м. Третья покровная плита была смещена, а сам ящик нарушен современной траншеей. На месте остались три из четырех или пяти прямоугольных плит, поставленных в его стены ($0,8 \times 0,7$ — плита 1, $1 \times 0,65$ м — плита 2; $0,8 \times 0,65$ м — плита 3, все толщиной $0,1–0,12$ м). Поперечная плита 1 осталась в отвесном положении и целой, тогда как плиты, стоявшие в длинных стенках, были повреждены и накренились внутрь ящика. В целом же ящик реконструируется как прямоугольное сооружение длиной около 1 м, шириной 0,8 и высотой от плит перекрытия не более 0,7 м. В однородно рыхлом грунте насыпи не удалось проследить границы ямы, в которой был установлен ящик. Несомненно, для установки плит на дне ямы имелись канавки. Это следует из того, что цоколи плит находились на 15 см ниже уровня, на котором в ящике было совершено захоронение.

Погребенный ребенок лежал скорченно на спине или на спине с наклоном на левый бок, не совсем по оси ящика, головой на запад. От левой руки сохранилась лишь плечевая кость, правая была согнута в локте, кисть уложена на таз (не сохранился). На костях отложился коричневый глени. Под скелетом прослеживалась подсыпка охры. На месте таза, с правой стороны обнаружена трубчатая пронизь. Поверх колен устьем вниз лежала небольшая миска. В южном углу ящика на слое обмазки из зеленой глины находилась пара сосудов — опрокинутая набок миниатюрная амфора и раздавленный горшок, стоявший устьем вверх.

Инвентарь погребения: 1). Медная или бронзовая трубчатая пронизь длиной 6 мм, диаметром от 2,5 до 3,5 мм (рис. 14,5); 2). Ми-

сочка с выпуклыми боками, загнутым внутрь краем и плоским дном. Обжиг хороший, тесто трехслойное, с темно-серым средним слоем и красноватыми наружными слоями. На изломе черепка видны примеси шамота, песка и какой-то органики. Стенки заглажены, но без лощения. Высота сосуда 8 см, диаметр дна — 5, венчика — 9,5 см (рис. 14, 8); 3). Миниатюрная амфора с округлым дном. Высокая горловина, слегка расширенная кверху, плавно переходит в шарообразный корпус, имеющий в средней части четыре ручки-упора с вертикально проколотыми отверстиями. Основание горловины и корпус опоясаны четырьмя орнаментальными зигзагами из веревочных оттисков. Наружная поверхность сосуда светло-розовая, местами бежевая с пятнами вторичного обжига и копоти. Черепок в изломе темно-серый; с примесями растительной органики, толченой ракушки и, возможно, песка. Размеры сосуда: высота — 8,8 см, диаметр тулова — 8,2 см, края горловины — 5 см (рис. 14, 7); 4). Горшок с низким широко открытым устьем, край которого слегка отогнут наружу. Плечики корпуса высокие, дно плоское. Тесто и отделка поверхности грубые, стенки бугристые, местами со следами сглаживания, вероятно, пучком травы. Черепок на изломе черный, снаружи серый с бежевыми и оранжевыми пятнами. Нижняя часть сосуда сильно закопчена. Размеры: высота — 13,4 см, диаметр дна — 6,6 см, устья — 10,4 см, стенки имеют около 0,8 см толщины (рис. 14, 6).

Погребение 10 — ямной культуры (рис. 15). Под репером, на глубине 2,6 м обнаружена верхняя часть ямы, имевшая план прямоугольника с закругленными углами, размеры $4,7 \times 3,1$ м, глубину 1,75 м (-4,15 м). Погребальная камера, вырытая в ее дне, тоже прямоугольная, $2,25 \times 1,40$ м, с северным неровным бортом. Камера имела глубину 1,3 м от уступа (-5,65 м) и на его уровне перекрывалась корой. В восточной части камеры, в заполнении, на глубине 0,8 м, обнаружен обломок известняка $0,8 \times 0,5 \times 0,15$ м. Погребенный лежал скорченно на спине, головой на запад-юго-запад, согнутые в коленях ноги упали влево, руки вытянуты вдоль туловища. У левого плеча находился каменный топор (следов рукояти не отмечено), у висков — пара себренных подвесок.

Инвентарь погребения: 1). Топор имеет загнутое книзу лезвие, овальный выпуклый обушок, осевые нервюры и рельефный пояс

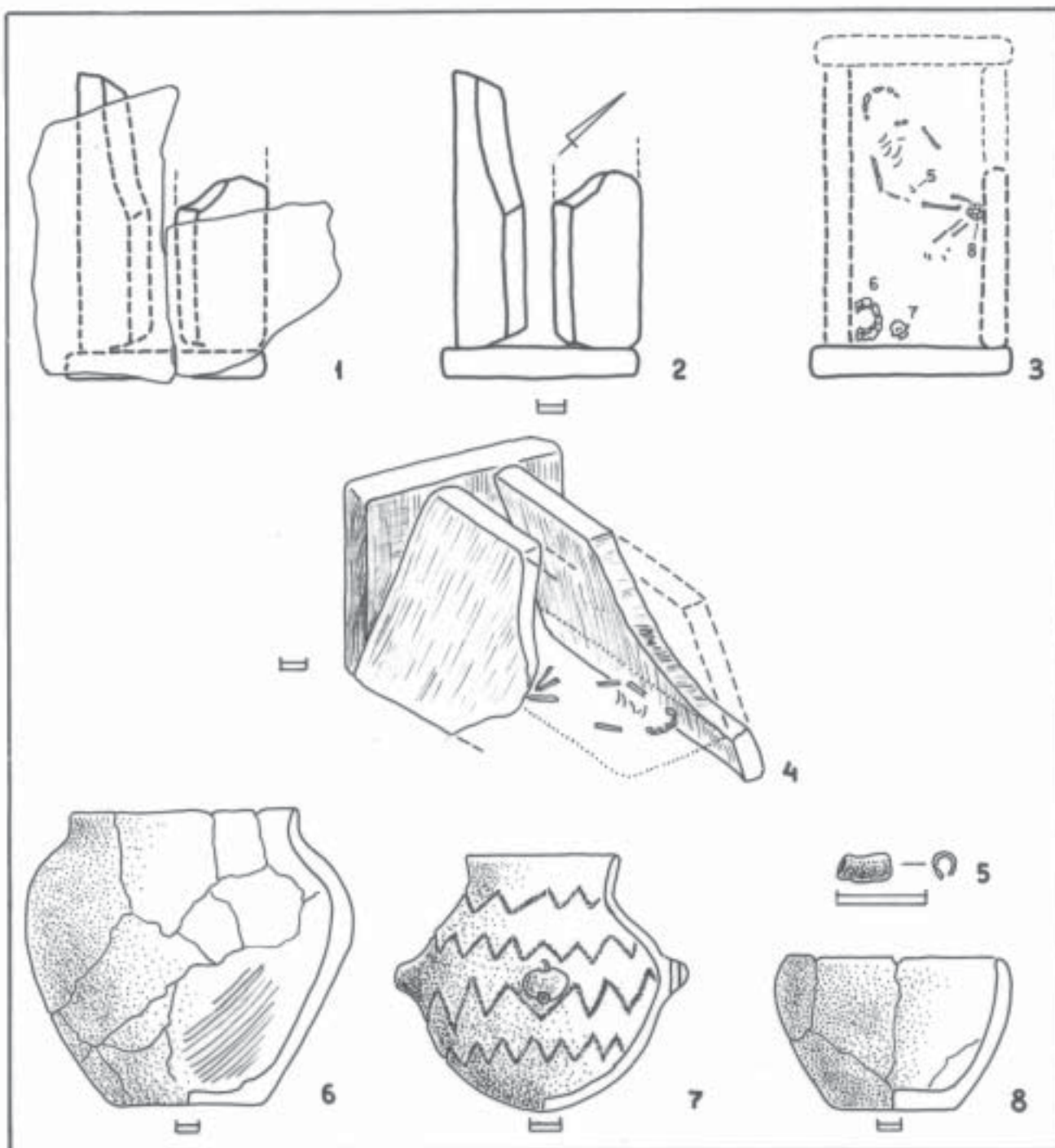

Рисунок 14. Курган «Солдатская Слава». Погребение 9: 1-3 – планы каменной гробницы, 4 – изометрия захоронения, 5 – медная пронизь, 6-8 – керамические сосуды.

с каннелюрами на уровне сверленного отверстия для рукояти⁸. Изделие тщательно отполировано. Длина топора 14 см, ширина у проушины 3,8 см, ширина лезвия 5,2 см, диаметр отверстия 1,7 см (рис.15, 2); 2). Две подвески в 1,5 оборота в виде спирали из серебряной проволоки. Диаметр подвесок 1,6 и 1,1 см, длина 1,3 и 1,1 см, диаметр проволоки 0,3–0,4 см (рис.15, 1).

Погребение 11 — катакомбной (?) культуры (рис.13, 6), обнаружено в 16 м к западу-югу-западу от репера, на глубине 2,6 м. По-

гребальная камера овальная, 1,8 × 0,8 м, ориентирована в длину по направлению запад — восток. Стенки прослежены на высоту 0,15 м (-2,75 м). Погребенный был уложен на спине, вытянуто, головой на запад, череп повернут вправо. Кости правой руки утрачены полностью. От левой руки сохранилась плечевая кость. Ноги были слегка согнуты в коленях, также вправо (кости плохой сохранности). Под скелетом прослежен темно-коричневый тлен.

МОГИЛЬНИК КАТАРЖИНО

Курганный могильник Катаржино находился в 4 км к югу от с. Червонознаменка (до 1932 г. — с. Катаржино) Ивановского района Одесской области, на плато правого берега р. Малый Куяльник (Иванова, Ветчинникова, 1991). Могильник состоял из пяти курганов. Четыре из них, в том числе курган 2 высотой 2,4 м и распаханые до основания насыпи №№ 3–5, стояли в ряд с севера на юг. Самый большой курган 1, высотой 6,45 м, располагался несколько в стороне (рис.14, 1). При этом группа замыкала с севера разреженную курганную цепь, растянутую по меридиональному водоразделу высотой до 120 м над тальвегом реки. Ближайший по цепи курган находился в 1,1 км южнее группы Катаржино. Еще через две насыпи, в 2,3 км к югу от кургана 1 следовал курган «Солдатская Слава» (см. предыдущий раздел).

Курганы 1 и 2 могильника Катаржино раскапывались при помощи параллельных профилей, ориентированных по линии север — юг, на расстоянии 6 м один от другого. Профилировка кургана 1 осуществлялась с запада, а кургана 2 — с востока. После фиксации очередного профиля насыпь с подстилающей почвой снималась бульдозером до следующего профиля, без оставления контрольной бровки. Это увеличивает вероятность ошибок при совмещении разрезов и, соответственно, вызывает неизбежные утраты и, вероятно, искажения стратиграфической информации. Тем не менее, в случае с курганом 1 применение такой методики раскопок было необходимо из-за неплотной структуры и большой высоты курганной насыпи: высокие бровки из рыхлого насыпного материала грозили неминуемыми обвалами.

⁸ Определение породы, из которой изготовлен топор, содержится в статье В.Ф. Петруня (см. Приложение 2).

КУРГАН 1

Курган 1 стоял в 200 м к югу от отметки «1610 км» шоссе Санкт-Петербург — Киев — Одесса, в 21 м к западу от полотна дороги. Диаметр кургана 80–85 м, высота его к началу раскопок — 6,45 м, тогда как по топографической съемке 1950 г. высота была 7,3 м (абсолютная отметка 134,7 м в балтийской системе высот). Склоны кургана сильно распаханы и частично срезаны. Вершина тоже срезана и нарушена современным перекопом. По ходу раскопок было сделано девять параллельных разрезов, пересекающих насыпь с севера на юг. Нулевой отметкой для промеров служил репер разреза V, соответствующий центру и наивысшей точке кургана (рис.16).

Всего в кургане обнаружено 20 погребений (рис.16): энеолитическое (№ 10), кембиобинского типа (№ 1), ямной культуры — 10 погребений (№№ 2, 6–8, 9?, 11–14, 16, 21), катакомбной культуры — 2 (№№ 3, 5), культуры многоваликовой керамики — 3 (№№ 9, 17, 20), 2 погребения эпохи бронзы (№№ 4, 18) и одно неопределенное захоронение № 15.

Стратиграфия кургана

Сопоставление стратиграфических разрезов кургана (рис.17;18) позволяет выделить в нем 12 строительных горизонтов (12 последовательных насыпей). Последний видимый на разрезах тринадцатый слой включает шлейф смещенного по склонам насыпного материала и, возможно, еще одну конструктивную досыпку (объективно не расчленялись). Две, если не три, нижние насыпи соотносятся с основным захоронением 10 эпохи энеолита, остальные — с погребениями ямной культуры. Как обычно, погребенная почва сохранилась лишь под древнейшими насыпями, в данном случае с первой по пятую. Вокруг строящегося кургана неоднократно про-

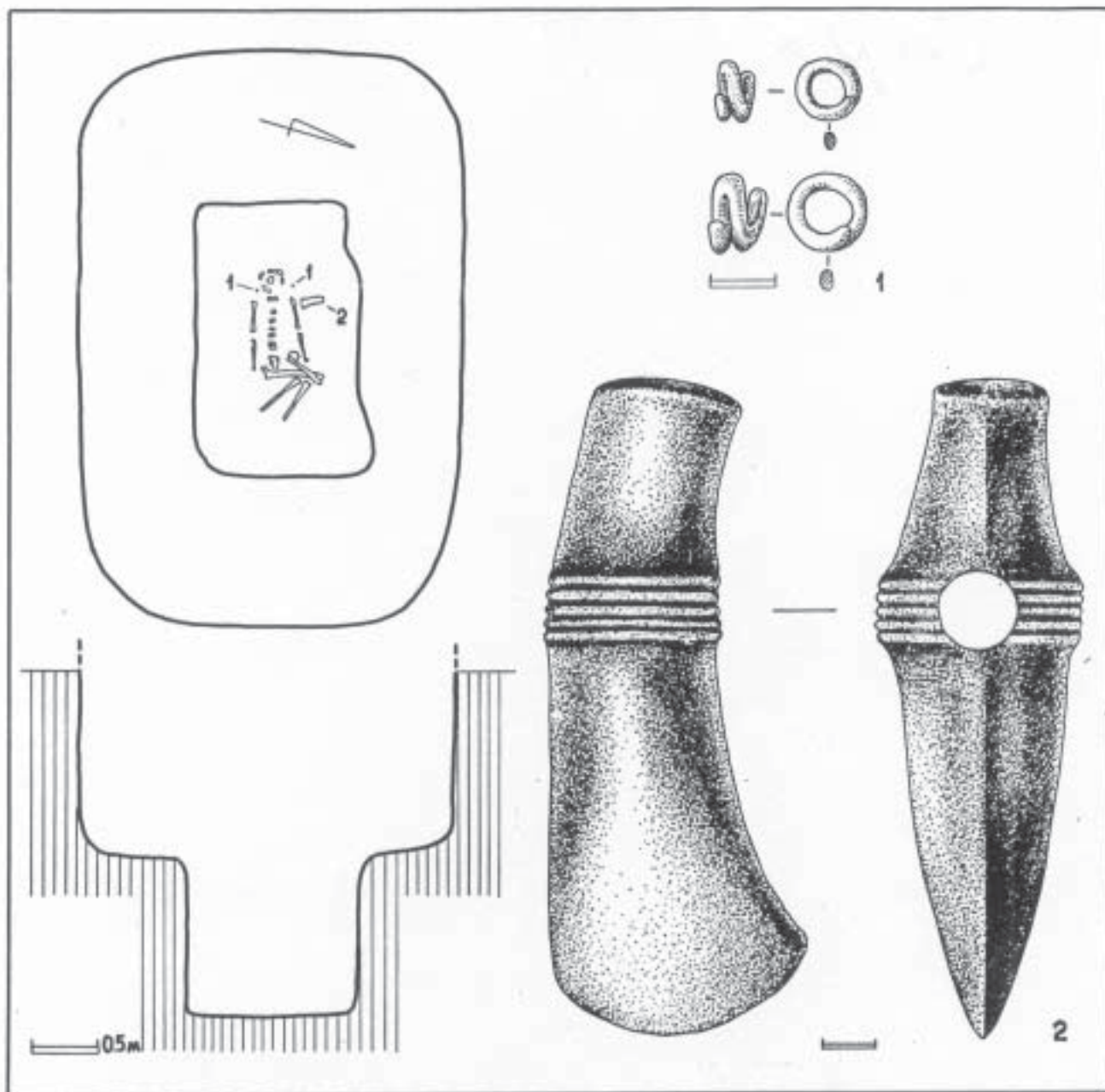

Рисунок 15. Курган «Солдатская Слава». Погребение 10: план, разрез и погребальный инвентарь (1 – серебряные височные подвески; 2 – каменный топор).

Рисунок 16. Могильник Катаржино. Общий план кургана 1 с указанием последовательности стратиграфических разрезов и элементов структуры насыпи: I-IX – стратиграфические разрезы, 1-12 – насыпи.

Рисунок 17. Могильник Катаржино. Стратиграфические разрезы кургана 1: 1-13 – насыпи с конструктивными элементами; 5a – слой ила; 5b, 8a – глиняные валы; 9a, 11a – конструктивные слои; 12a – черноземный бугор; 14 – погребенная почва; 15 – материковый слой; 16 – выбросы; 17 – современные повреждения.

Рисунок 18. Могильник Катаржино. Стратиграфические разрезы кургана 1: 1-13 – насыпи с конструктивными элементами (5a – слой ила; 5b – глиняный вал; 9b – яма с глиняным заполнением); 14 – погребенная почва; 15 – материковый слой.

извонилась выборка грунта для досыпок и, соответственно, основания большинства насыпей (досыпок) эпохи бронзы лежат ниже уровня древней дневной поверхности, впервые перекрытой в энеолите. Далее, из-за разницы в глубинах выборки края одной и той же досыпки порой оказывались на разных уровнях. Этим отчасти объясняются криволинейные очертания некоторых насыпей на плане (рис.16). Погребенная почва залегала на глубине 6,2 м от репера. Сверху это плотный серо-коричневый, темный суглинистый слой (чернозем), на глубине 6,6–6,7 м переходящий в буровато-серый, а затем в желто-бурый суглинок, подстеленный желтовато-красной глиной.

Насыпи кургана и сооружению погребения предшествовал мощный костер, который оставил на древней поверхности сплошной слой древесного угля толщиной в основном 2–5 см на участке около 4 м в диаметре. При этом по краям кострища остались три еще более мощных отложения угля (до 10–12 см толщины, диаметром около метра). Посреди кострища была вырыта яма 10, перекрытая после захоронения плитняком. В первую очередь поверх кладки был отсыпан слой 0,2–0,3 м суглинка с углями. Появление этого слоя, по-видимому, связано с использованием выбросов из погребения 10 и окольного рва 1. Ров охватывал погребальную площадку с юго-запада полукольцом с наружным диаметром 15,5 м. Ров этот трапециевидный в поперечных разрезах и на 0,3 м углублен в материковый суглинок. Ширина ровика везде одинакова: 0,6 м вверху, 0,3–0,4 м на дне. Только на юго-восточном конце он расширялся до 1,7 м, завершаясь закруглением и напоминая в плане змею. В заполнении рва найдены четыре фрагмента лопаточной кости и несколько зубов овцы или козы.

Затем земляная «подушка» над захоронением была вместе с кострищем накрыта панцирным слоем известнякового бута, и первичный бугор могильной насыпи достиг высоты 0,6 м при диаметре около 4 м. Как показала расчистка, панцирный камень в основном укладывался на широкую сторону, но по краям куски плитняка местами были поставлены на ребро. Среди камней попадались обломки крупных трубчатых костей животных. Некоторые камни в северной части обкладки обожжены. Окончательно первичная насыпь сформировалась после отсыпки поверх камней слоя чернозема в пределах рва 1.

Насыпь была овальная, диаметром 13–16,5 м, высотой 1,4 м от древней дневной поверхности.

Вторая насыпь увеличила высоту кургана до 2 м, а диаметр до 24 м, тоже в связи с основным захоронением 10. Насыпь состояла из чернозема с крупными редкими вкраплениями суглинка. Эта насыпь охватывалась рвом 2 в форме не совсем круглого кольца с четырьмя перемичками. Он имел диаметр 22–26 м, трапециевидный профиль, ширину в верхней части 0,9 м и ширину 0,3 м у дна, на 0,4 м опущенного в суглинка. При сооружении рва 2 суглинок из него был выброшен на края второй насыпи. Ее оплывы местами перекрывали ров. В черноземном заполнении рва обнаружено несколько фрагментов костей животных. Примечательно, что перемички рва 2 симметричны относительно оси юго-запад — северо-восток и концов ровика 1: это можно рассматривать как указание на тщательно продуманный план всего комплекса. То обстоятельство, что поверхность второй насыпи успела покрыться серой коркой, возможно, погребенной дернины, свидетельствует о перерыве неопределенной продолжительности между последующими досыпками.

Третья насыпь толщиной до 0,7 м, диаметром 25–26 м, как и предыдущая тоже состояла из чернозема, расцвеченного редкими вкраплениями суглинка, но была более насыщенной тональности. С уровня третьей или, может быть, еще со второй насыпи было опущено погребение 8 (первое захоронение ямной культуры в кургане); из-за выпадения части рыхлого грунта разреза V, проследить это с желаемой четкостью не удалось. В разрез попал только край цинковки со дна этого захоронения, достигшего первичной насыпи.

Четвертая насыпь, толщиной около 0,8 м, имела диаметр около 28–32 м. Насыпь была сероватого цвета с вкраплениями суглинка, на ее поверхности прослежен тонкий плотный слой ила (2–3 см). По отношению к погребению 8 эта насыпь, вероятно, являлась перекрывающей. В ее центр были впущены погребения 6 и 7. Соответствующая стратиграфическая ситуация прослеживалась как на разрезе V, так и при горизонтальной зачистке раскопа. Каменные перекрытия этих соседствующих захоронений находились в одной плоскости и лежали на слое ила, покрывавшем предшествующую насыпь, что четко фиксировалось в процессе раскопок данного участка. Одновременно восточный край по-

ребення 6 попал на разрез. Оба погребения были перекрыты насыпью V. Это последняя в кургане насыпь из тех, которые лежат на погребенном черноземе. Грунт вокруг первых четырех насыпей был выбран настолько, что края последующих лежат на 20–50 и даже на 150 см ниже древней дневной поверхности, на желто-буром суглинке.

Пятая насыпь придала кургану высоту 3,6 м, диаметр 34–36 м за счет слоя толщиной 0,6–0,8 м, сероватого цвета с вкраплениями суглинка. С ее уровня макушка кургана была окопана овальным рвом 3 с наружными диаметрами 17–20 м (см. разрезы IV–VI). Ров имел разную глубину, местами достигая погребенной почвы. В северной части его глубина составляла около 1,5 м при ширине 1 м, ко дну он слегка сужался. В южном секторе глубина рва была меньше, до 1 м, при ширине 0,8–0,9 м. Заполнение рва черноземное с вкраплениями суглинка. Не известно, имел ли ров перемычки.

Окопанный рвом центральный участок насыпи V был покрыт утрамбованным черным илом, уложенным в слой до 0,3 м толщины. На эту площадку доставлялись глина и суглинок и здесь складывались валом. В итоге вал занял южную часть площадки, в центре же глина была распределена как подсыпка. Вал высотой от 0,3 до 0,6 м четко читался на протяжении, по крайней мере, 12 м в трех стратиграфических разрезах (IV–VI). Он тянулся дугой с востока-северо-востока на запад-юго-запад. Наиболее четко были оформлены концы вала, трапециевидные в поперечных сечениях. Ширина в основании составляла до 9 м. Материал для вала не могли дать ни ров, ни впускные могилы, поскольку они не достигали материнской основы почвы. Весь объем мог быть взят только на стороне, вероятно, у подножия кургана. В центр глиняной площадки перед валом в курган было опущено погребение 11 ямной культуры (см. разрез V). За валом, на южном склоне пятой насыпи неотчетливо прослеживались следы кострища (см. разрез VII).

Эту конструкцию перекрыла шестая насыпь толщиной около 1,5 м, диаметром 34–38 м. Мешаный слой суглинка, глины и чернозема довел курган до высоты 5 м от основания. С макушки шестой насыпи в курган было опущено погребение 13.

Седьмая насыпь, перекрывающая это погребение, характеризуется толщиной до 1 м,

диаметром 38–40 м; состояла из смешанного грунта (суглинок с черноземом и глиной). При этом наверху кургана была устроена площадка из глины, трапециевидная в разрезе, длиной 3,5 м, толщиной 0,2–0,3 м (см. разрез VI). В грунте седьмой насыпи обнаружено погребение 2 ямной культуры, но об уровне, с которого оно опущено в курган, можно только догадываться.

Восьмая насыпь слагалась из чернозема с частыми мелкими вкраплениями суглинка (слой до 1,5 м толщины). С ней высота кургана составила 5,8 м, диаметр 39–43 м. Не известно, перекрывала ли восьмая насыпь непосредственно какое-то захоронение (например, № 2). В ее центр было опущено погребение 14, а в основание северного склона — погребение 12 (тоже ямной культуры). Оба эти захоронения и связанные с ними выбросы попали в один разрез V. На том же склоне, но несколько выше и в стороне от погребения 12, из суглинка была устроена площадка высотой 0,3–0,4 м. Начиная с этой насыпи, во всех последующих, максимальная толщина насыпи фиксируется не в центральном секторе кургана, а на его склонах.

Девятая насыпь, возможно, сместила макушку кургана к северу. Но верхняя часть кургана этого времени не сохранилась из-за позднейших разрушений. Эта и все последующие насыпи читались на центральных разрезах как подсыпки склонов, наращивающие основание, а не высоту. Девятая насыпь, перекрывающая погребения 12 и 14, состояла из чернозема с редкими вкраплениями суглинка. Ее толщина 1,6 м, диаметр 45–52 м. На поверхности насыпи зафиксированы отдельные крупные камни и единичные кости (два моляра верхней челюсти быка). В основании насыпи с северо-восточной стороны находилась вымостка 19 (объект 1). Особенно интересны 3 ямы разной глубины, вырытые в насыпи, заполненные желтой глиной и суглинком. Они прослеживались только на разрезах. Две из них, шириной по 2,5 м, имели горизонтальное дно, одна шириной сверху 3,7 м — вогнутое (см. разрезы II, III и VI). Кроме того, посреди верхней части северного склона был отсыпан слой IXa чистой глины, толщиной от 0,3 до 1 м (см. разрезы IV–V), напоминающий нижележащие глиняные площадки.

Десятая насыпь, толщиной 1,1–1,3 м и диаметром около 48 м, состояла из чернозема с мелкими вкраплениями суглинка. Вполне

возможно, что основное для этой насыпи захоронение не сохранилось. Таковым могло быть погребение 15, неопределенное, разрушенное при сооружении геодезического репера. Выброс из него (?) прослеживался на поверхности насыпи.

Одиннадцатая насыпь, диаметром около 53 м, четко выделялась по пластам зернистого чернозема с обильной карбонатной плесенью в виде светло-серых вертикальных прожилок и пятен. На северном склоне изредка встречались обломки известняка, мелкие и средней величины (от 10 до 30–40 см); больше их скопилось в плотном илистом заполнении выемки у подножия насыпи. На разрезе IV читалась локальная досыпка XIa из чернозема. Как показал разрез I, в западную полу одиннадцатой насыпи было опущено погребение I кеми-обинского типа. На разрезе IV читался глинистый выброс, предположительно из впускного погребения 9 эпохи бронзы.

Двенадцатая насыпь, которая перекрыла это захоронение, характеризовалась неправильной формой в пределах диаметров 60–70 м, толщиной до 2 м и светлым суглинистым составом. Под южной полкой этой насыпи на разрезе III обнаружился небольшой бугор XIIa из чернозема. Облегающий эту насыпь тринадцатый слой состоял из рыхлого чернозема и множества небольших камней (известняк). Видимо, основная масса этого грунта скопилась в результате естественного сноса по склонам. Соответственно и камни первоначально находились где-то в верхней части кургана, возможно, составляя какое-то цельное сооружение («шапку?»). Установленная связь досыпки XII с кеми-обинским захоронением позволяет считать, что погребения более поздних культур эпохи бронзы, обнаруженные в кургане, были опущены в окончательно сформированную насыпь кургана.

Описание погребений

Погребение 1 — кеми-обинского типа (рис. 19, 1–4), обнаружено в 25,5 м к западу-юго-западу от репера. На глубине 6,25 м, на участке 3,2 × 3 м, выступили обмазанные зеленой глиной камни и крупные необработанные плиты перекрытия каменной гробницы. Южная плита заклада лопнула и осела. Толщина обмазки была 8–10 см. Гробница представляла собой прямоугольный каменный ящик из четырех плит, поставленный в грунтовой яме. После захоронения яма с гробницей была засыпана. Верхняя часть ямы, вы-

рытая в насыпном грунте, имела пологие борта, прослеженные на высоту 0,5 м, длину с севера на юг 2,9 м и не менее 1,8 м ширины. Дно и пологие стенки этого котлована были покрыты зелено-глиняной обмазкой (толщина 2–3 см). Нижняя часть ямы в суглинке была прямоугольной, 0,4 м глубины, с канавкой шириной 0,2 м и глубиной 0,4 м по периметру дна для установки четырех гробничных плит. Погребальный ящик по наружным обмерам имел длину 1,95 м, ширину 1,2 и высоту 0,9 м. В длину он был выставлен по направлению север — юг. В стенах только восточная плита стояла отвесно, а три другие были наклонены внутрь ящика. Размеры плит (м): 1,47–1,62 × 0,95 × 0,15–0,2 (северная плита); 1,7 × 0,9 × 0,18–0,2 (южная); 1,7–1,8 × 1 × 0,15–0,19 (восточная); 1,72–1,9 × 1 × 0,2 (западная). Это белый плотный известняк, обнажающийся в долине на расстоянии 0,8–1 км от кургана. Изнутри плиты протесаны ровно, снаружи они бугристые. Длинные плиты были установлены между двумя короткими, имевшими небольшие фиксирующие пазы. Оставшиеся щели между плитами замазаны влажной зеленой глиной. На северной, восточной и южной плите сохранились следы росписи бледно-розовой охрой, но более или менее четко система росписи прослеживалась только на двух из них (рис. 19, 3, 4). Так, северный фриз включал крупные силуэтные треугольники, опущенные вершинами вниз от верха плиты и, видимо, какой-то мотив в виде прямой «решетки» в сочетании с косыми полосами. На восточной плите сохранилась панельная роспись, стиль которой можно определить как «лучистый» или «паркетный». Сверху и снизу основной рисунок ограничивали горизонтальные полосы.

Дно ящика покрывал тонкий слой серого мелкозернистого песка, поверх песка лежал дробленый известняк, на котором сохранился слой черного тлена (около 1 см) от подстилки, завернутой по краям на стенки гробницы. Погребенный (взрослый) был уложен головой к северу, скорченно на спине. Ноги были подогнуты и повернуты влево, но первоначально, возможно, стояли коленями вверх. Руки лежали вдоль туловища, левая рука была выпрямлена, правая слегка согнута в локте, ее запястье почти касалось таза (кисть не сохранилась). Череп склонен к левому плечу (рис. 19, 2).

На грудной клетке погребенного лежала известняковая треугольная плита,

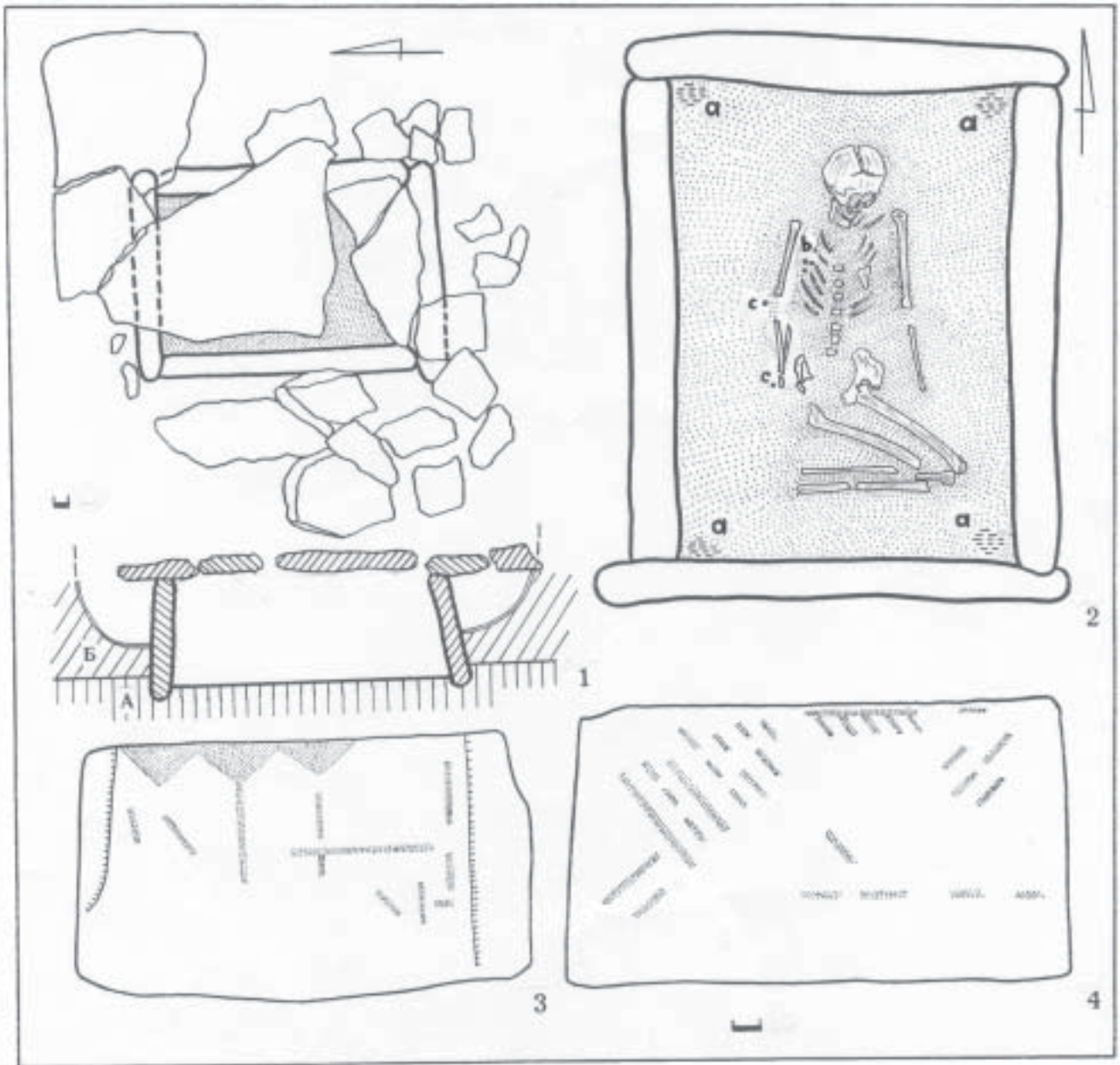

Рисунок 19. Могильник Катаржино, курган 1. Погребение 1: 1-2 – планы и разрез каменной гробницы (А – материковый суглинок, Б – насыпной грунт, а – охра, б – угольки, с – бронзовые пронизи), 3-4 – гробничные плиты с росписью.

0,9 × 0,55 × 0,18 м, без следов обработки. Учитывая, что над этой частью захоронения перекрытие гробницы не нарушено, можно предположить, что плита уложена преднамеренно. Такие же остроугольные камни, но мелкие, отмечены в левой верхней части грудной клетки, между бедренными костями (3 экз. длиной по 5 см), на правой большой берцовой кости (один, длиной около 13 см). В изголовье, у левого предплечья и по углам гробницы прослеживались россыпи порошка розовой охры. На костях грудной клетки справа — следы огня в виде древесных угольков и обгоревших кусочков коры. У локтя правой руки и у правого запястья найдены две трубкообразные пронизи, медные или бронзовые, длиной около 5 мм (обе распались при расчистке). Кроме них, другие погребальные приношения в гробнице не обнаружены.

Погребение 2 — ямной культуры (рис.21,2), обнаружено в 12 м к юго-западу от репера, на глубине 4,2 м. Контуры погребальной ямы прослежены по дну: она была прямоугольной с закругленными углами, 1,7 × 1,2 м, вытянутой по линии север — юг. Захоронение разрушено землеройками. Судя по сохранившимся остаткам, погребенный был уложен скорченно на спине, головой на север. Руки были слегка согнуты в локтях, кисти находились в области таза. По расположению пяточных костей можно предположить, что ноги были подняты коленями вверх и пятками прижаты к тазу. На дне ямы — подстилка из коры, обильно посыпанная мелом.

Погребение 3 — катакомбной культуры (рис.20,1).⁹ Входной колодец грунтовой катакомбы обнаружен на глубине 5,25 м, в 27 м к юго-юго-востоку от репера. На этом уровне в суглинистом заполнении колодца лежали крупные обломки плитняка (1 × 0,75 × 0,3 м, 0,5 × 0,4 × 0,2 м, 0,8 × 0,6 × 0,3 м, известняк). Входной колодец имел диаметр 1,3 м, глубину 2,2 м от уровня обнаружения (-7,45 м). Вход в погребальную камеру, высотой 1 и шириной 0,6 м, закрывала заслонка из трех плит. Плита 0,4 × 0,35 × 0,1 м, поставленная на ребро, служила порогом. Перед ней в колодце лежала плита размером 0,5 × 0,3 × 0,1 м. Выше порога проем в погребальную камеру был закрыт глиняной «пробкой». Слой этой глиняной обмазки до 30 см толщины продолжался на горизонтальную плиту. Поверх «пробки» доступ

в камеру был дополнительно перекрыт плитой 0,85 × 0,6 × 0,3 м, а оставшиеся щели вновь промазаны глиной. Таким образом, вход в погребальную камеру был наглухо перекрыт глиняно-каменным монолитом. Дно камеры находилось на 0,15 м ниже входа. Камера овальная, 2,05 × 1,4 м, высотой 1,3 м, вытянутая в длину с востока на запад. На ее стенах повсеместно отмечен сплошной белый налет, особенно четко фиксируемый в изголовье. Погребенный был положен на правый бок скорченно, головой на запад, лицом к входу. Правая рука вытянута, левая согнута в локте и направлена к кисти правой руки. При этом череп и остов верхней части туловища, включая грудную клетку, фрагментарно представленный позвоночник и верхние конечности, лежали несколько в стороне, не на одной оси с остальной частью посткраниального скелета. Раскрывшуюся грудную клетку заполнял коричневый глени растительного происхождения с большим количеством слабо тронутой тлением травы. В этой травяной «набивке» врассыпную лежала часть позвонков спинного отдела. К четырем шейным позвонкам (нижним), лежавшим в сочленении, с внутренней стороны прилегал изогнутый деревянный штырь длиной 26 см, заходящий концом через затылочное отверстие в полость черепной коробки (рис.20, 2). По всей вероятности, умерший был мумифицирован, а отчлененная голова крепилась к туловищу с помощью стержня. Вокруг тазовых и бедренных костей, а также стоп фиксировался плотный слой темно-коричневого тлена. На нижней челюсти, под грудной клеткой и на берцовых костях — наслоения белого вещества (типа отмеченного в покрытии стен), возле правого плеча — скопление крупинок вещества лимонно-желтого цвета (сера?). В Киевской Радиоуглеродной лаборатории для погребения получены две изотопные даты: 3300 ± 100 ВР (Ki-11206) и дата 3890 ± 60 ВР (Ki-11250). В обоих случаях датировались фрагменты длинных костей ног. Первую дату лаборатория признала омоложенной по причине высокой радиоактивности образца. Неясным, однако, остается источник радиоактивности (белое вещество в катакомбе?).

Погребение 4 — эпохи бронзы (рис.21, 2), обнаружено в 12 м к югу от репера, на глубине 2,2 м; контуры ямы проследить не удалось. Верхняя часть туловища погребенного отсутствовала. Скелет не полный. Сохранилась кости нижней части туловища (вклю-

⁹ Этот комплекс был издан отдельно (Ветчинникова, 2000, с.74), однако вполне уместна его повторная публикация в контексте кургана.

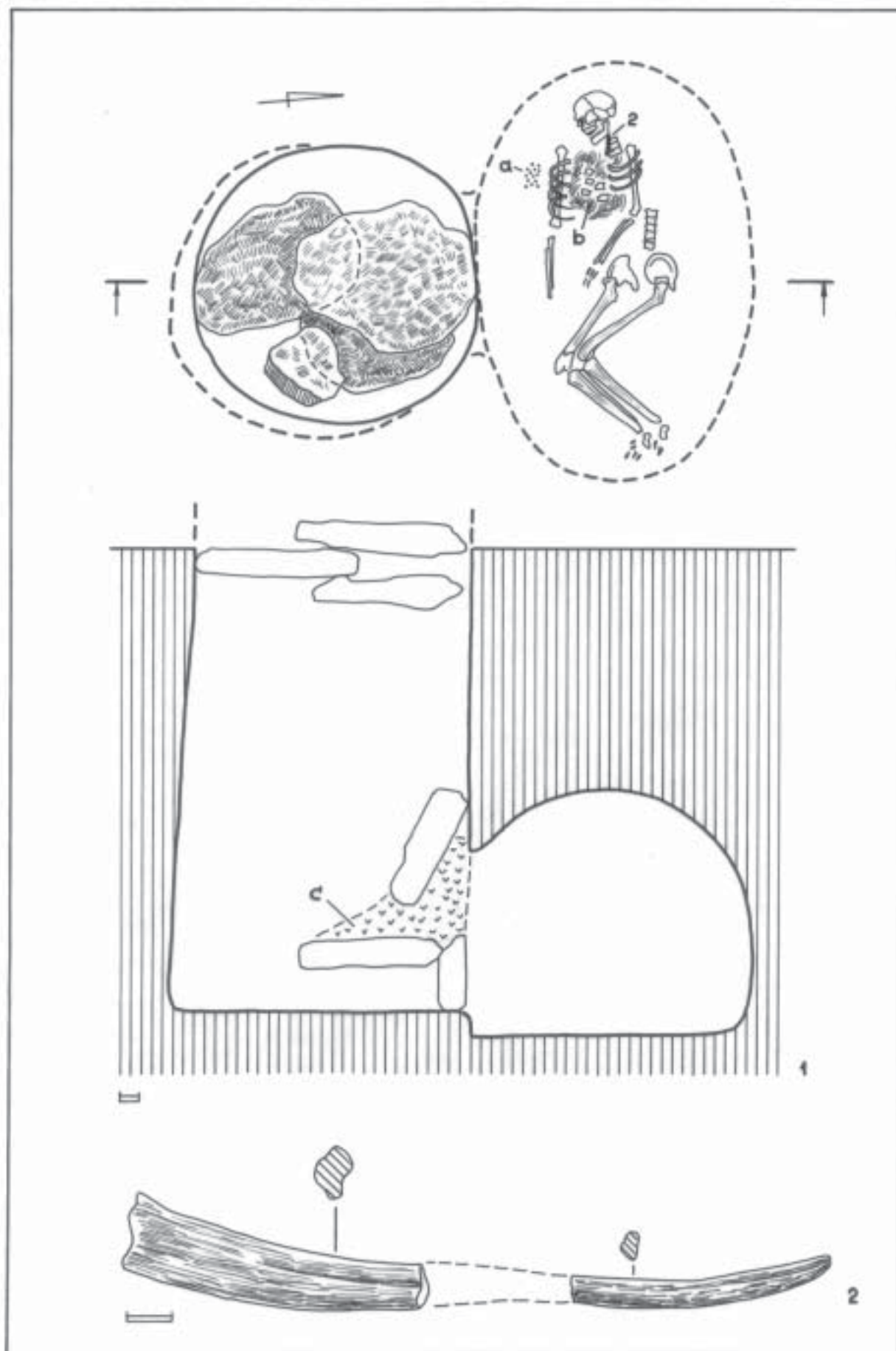

Рисунок 20. Могильник Катаржино, курган 1. Погребение 3: 1 – план и разрез (а – лимонно-желтое вещество, b – травяной тлен, с – глиняная обмазка), 2 – деревянный штырь.

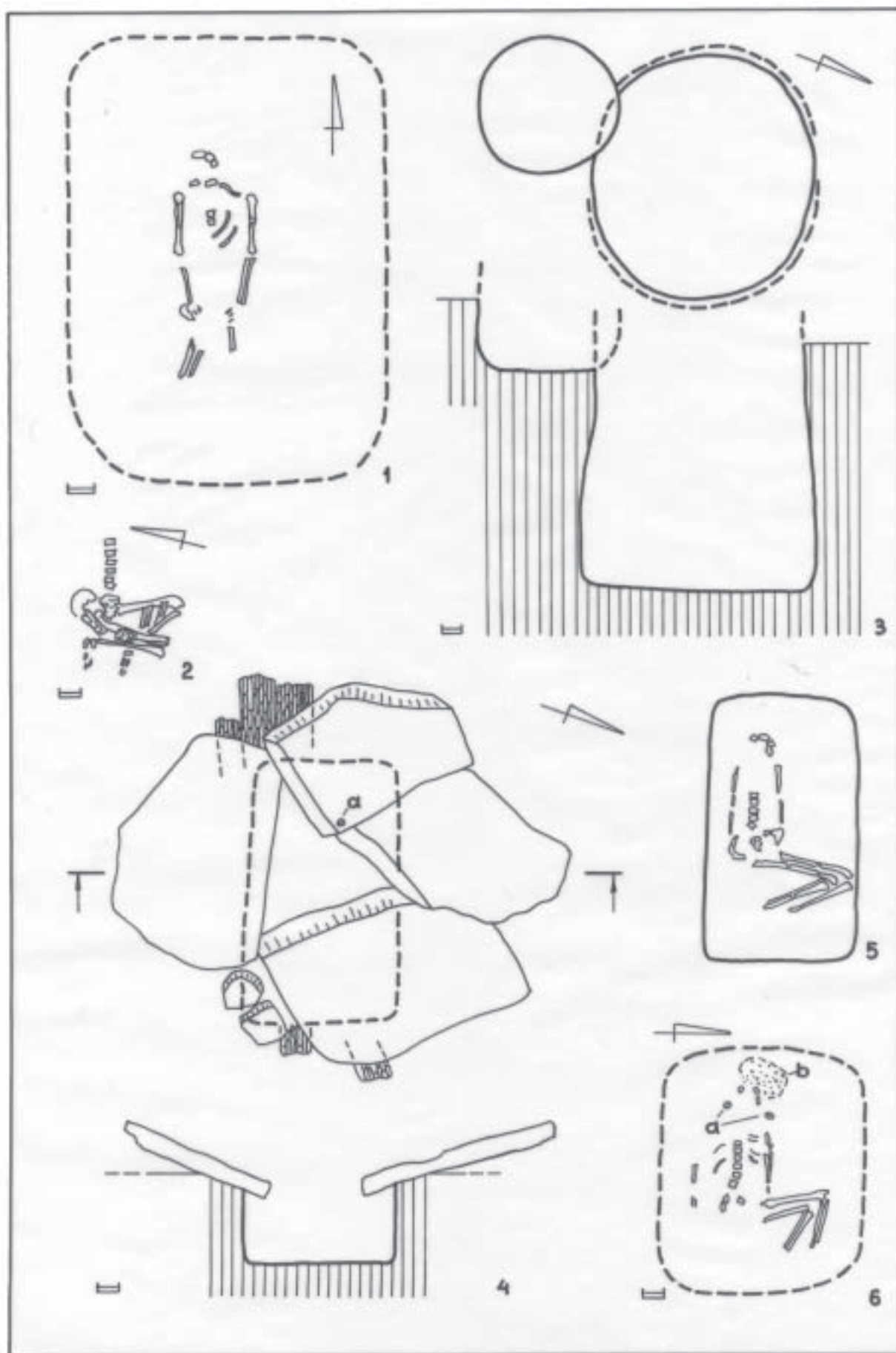

Рисунок 21. Могильник Катаржино. Курган 1: 1 – погребение 2; 2 – погребение 4; 3 – план и разрез ям «погребения» 5; 4-5 – погребение 6 (а – комок охры); 6 – погребение 8 (а – шуф охры, б – подсыпка мела).

чая нижний отдел позвоночника и таз) и подогнутых нижних конечностей, уложенных или упавших на левую сторону. Основная ось скелета ориентирована с запада на восток. Под конечностями прослеживалась подсыпка мела, на костях ног и под левым коленом — древесная труха.

Погребение 5 — условное обозначение не вполне ясного объекта: это был «кенотаф» в виде грунтовой катакомбы или, что более вероятно, пара округлых обрядовых ям на периферии кургана (рис.21, 3). Объект обнаружен в 36 м к югу от репера, на глубине 7,05 м. Яма диаметром 1,2–1,3 м слегка расширялась ко дну, стенки прослеживались на высоту 1,3 м (-8,35 м). Скелет отсутствовал. В темном суглинистом заполнении ямы обнаружены мелкие кальцинированные кости козы/овцы. С южной стороны к этой яме примыкала яма с таким же заполнением, но диаметром 0,7 м, глубиной 0,35 м (-7,4 м), с неровным дном, возможно, более поздняя.

Погребение 6 — ямной культуры (рис.21, 4,5), обнаружено в 7 м к югу от репера, на глубине 3,6 м. Погребальная камера прямоугольная с закругленными углами, 1,35 × 0,75 м, глубина ее 0,55 м от уровня обнаружения (-4,15 м), перекрыта четырьмя известняковыми плитами. Под плитами находились остатки продольно лежащих деревянных плах, толщиной до 8 см, шириной 10–12 см. Плиты и деревянные плахи осели, частично разрушив борта ямы и скелет. Погребенный был уложен скорченно на спине, головой на запад с небольшим отклонением к югу. Ноги согнуты коленями влево. Руки вытянуты вдоль туловища, кисть правой руки подведена под таз. У левого плеча комок алой охры. Дно ямы покрывала двойная подстилка с промежуточной подсыпкой мела (?). Сверху прослеживался коричневый тлен с пятнами охры. Нижний слой представлен волокнистым тленом растительной подстилки с поперечными отпечатками волокон толщиной 0,2–0,3 см.

Погребение 7 — ямной культуры (рис.22, 1), обнаружено в 10 м к югу от репера, на глубине 3,7 м. Основой погребального сооружения являлась прямоугольная яма 2,05 м × 1,25 м, глубиной 0,95 м (-4,65 м), ориентированная в длину по направлению северо-запад — юго-восток. Посреди ямы, но поперек ее длинной оси лежал человеческий скелет. Погребенный был уложен на спину, головой на северо-восток. Подогнутые ноги развернуты коленями вправо. Правая рука была

вытянута вдоль туловища, от левой сохранился лишь фрагмент плечевой кости. У левого плеча находился окатыш фиолетовой охры диаметром 2,5 см. Охрой посыпана правая рука, поверх краски прослеживались отпечатки прутьев; дно у колен также присыпано охрой. На костях скелета и под ним зафиксирован коричневый тлен. Дно ямы обмазано зеленой глиной и посыпано мелом. После укладки тела в яму были опущены рваные по слою плиты (известняк), поставленные на ребро. По правую сторону от скелета одна за другой стояли 3 плиты, просевшие основанием в насыпь. Щели между ними заполнял ил. В ногах одна отвесно поставленная плита придавила стопы. Еще две плитки стояли в заполнении без всякой опоры, перекрывая колени и череп. Скелет разрушила плита, лежавшая на нем плашмя. Возможно, первоначально она покоилась на опорах из вертикально стоящих плит и находилась на уровне верха ямы. Другие плиты были выложены по бортам погребальной камеры. На краю ямы, возле плит обнаружен фрагмент деревянной лаги.

Погребение 8 — ямной культуры (рис.21,6), обнаружено в 4 м к югу от репера, на глубине 5,6 м. Прослежена донная часть ямы с подстилкой (коричневый тлен). Яма прямоугольная с закругленными углами, 1,2 × 1 м. Погребенный лежал скорченно на спине, головой на запад, ноги согнуты коленями влево, руки вытянуты. Дно ямы в изголовье посыпано мелом (рис.21, 6 b). Здесь же найден комок алой охры. У левого плеча — комок сиреневой охры (рис.21, 6 a).

Погребение 9 — эпохи бронзы, предположительно культуры многоваликовой керамики (рис.22, 2,3), обнаружено в 27,5 м к югу от репера, на глубине 6,9 м от репера. Верхняя часть ямы овальная, 1,8 × 1,6 м, стенки прослежены на высоту 0,2 м (-7,1 м). Нижняя часть ямы, собственно погребальная камера, четырехугольная, с выгнутыми длинными сторонами, длиной 1 м, при ширине 0,6–0,8 м, глубиной 0,6 м от уровня уступа (-7,7 м); ориентирована в длину северо-запад — юго-восток. Камера перекрывалась поперечно уложенными деревянными плахами, частично просевшими в яму. Стенки камеры, отвесные вверху, ко дну слегка расширяются с трех сторон, кроме изголовья. В этой расширенной части прослежены остатки стояков диаметром 3–5 см: по три стояка вдоль длинных стен и по одному под короткими стенами. Стояки были на 5–8 см вбиты в дно ямы. От скелета

ребенка сохранились отдельные кости, свидетельствующие о скорченном положении (ноги согнуты коленями влево), головой на запад. Дно погребальной камеры посыпано красно-коричневой охрой (порошком и мелкими комками). Алая охра зафиксирована на южной стенке погребальной камеры. При скелете у левого плеча найден распавшийся сосуд, возле локтя — целый горшочек.

Инвентарь погребения: 1). Лепной сосуд, представленный фрагментами керамических стенок из черного теста с шамотом, которые окрасились охрой. Форма изделия не восстанавливается. Наружная поверхность черепков бугристая, внутренняя несет следы заглаживания зазубренным шпателем. Толщина стенок 0,8 см. 2). Лепной горшочек, имеющий высокую цилиндрическую горловину с уступом внутри, возможно, для посадки крышки, стройный корпус с нечетко выраженным ребром по плечу и зауженное, но устойчивое плоское дно. Кроме того, корпус расчленен по вертикали нечеткими каннелюрами. Поверхность светло-серого цвета, местами закопчена. До обжига сосуд был расписан снаружи темно-бурой (черно-коричневой) краской. Краситель прочный, но местами отслоился. Тем не менее, ясно, что горловина была окрашена полностью, на отдельных участках даже в два слоя. Расписана также большая часть корпуса, на котором выделяются углы и тонированные треугольники, направленные вершинами ко дну, знак «рогатки», сдвоенные черточки разной толщины, круглые точки. Три знака в виде точек нанесены на покрашенный фон горловины. Излом черепка темно-серый, масса плотная, без пустот и крупных примесей (шамот?). Высота сосуда 11 см, диаметр края горловины 11,4 см, дна — 5 см (рис.22,3). 3). Комок красно-коричневой охры длиной 2,5 см с двумя притертыми поверхностями, возможно, от употребления в качестве «карандаша».

Погребение 10 — основное, энеолитическое (рис.23), обнаружено в 6,5 м на юго-юго-восток от репера, под насыпью из нескольких слоев земли и слоя камня (см. стратиграфию). На уровне древней дневной поверхности погребальная яма перекрывалась тростниковой циновкой с четко сохранившимся направлением волокон и однослойной выкладкой плитняка (рис.23, 1,2). Среди плит примечателен выразительный обломок антропоморфной стелы, представленной тесаным

фрагментом, обозначавшим голову. Подле нее циновку покрывал слой 5–8 мм органики в виде плотного желтовато-белого затека (мёд?), прикрытый крупным обломком керамического горшка. Две другие плиты без признаков обработки, но явно похожие на стелы, лежали по бокам заклада с восточной стороны. В целом план заклада характеризуется зооморфным силуэтом (голова тельца?) с осевой симметрией в направлении запад — восток; возможно, это не случайно. Яма под закладом овальная, 1,4 × 1,08 м, глубиной 0,6 м (-6,8 м), с рыхлым светло-суглинистым заполнением. Дно покрывал темно-коричневый тлен подстилки, на которой скорченно на спине лежал погребенный. Ноги были подогнуты и повернуты коленями вправо, руки выпрямлены и уложены вдоль туловища ладонями вниз, череп наклонен к левому плечу, ориентировка — юго-западная (рис.23,3). Отмечена охра: тонкое отложение на костях и массивные плоские лепешки толщиной около 2,5 см. Целая лепешка диаметром 6 см лежала у левой руки на уровне локтя. На груди, возле правой ключицы найден сегмент более крупной лепешки, диаметром около 10 см, под лепешкой — угли. У левой руки, ближе к плечу находился сосудик, поставленный на прослойку угля. Другие находки представлены кремневыми орудиями. Одно из них, с ретушью на концах, обнаружено под черепом, другое — в заполнении.

Инвентарь погребения: 1). Лепной сосудик типа аскоса с характерной асимметрией формы и отбитой в древности ручкой, овальной в сечении. Край горловины резко отогнут наружу, сверху плоский, корпус приземистый, дно слегка вогнуто. Стенки не совсем ровные, с выщерблинами и, кроме того, до обжига покрытые пучками царапин, идущими в разных направлениях. Керамическое тесто тонко отмученное, желтовато-бежевое, качественного обжига. Высота сосуда на линии ручки 8,2 см, с противоположной стороны — 9,2 см, диаметр корпуса 10 см, горловины — 8, дна — 3,2 см (рис.23, 4). От содержимого на дне сосуда остался коричневый осадок с карбонизированными чешуйками; 2). Половина лепного горшка (без дна) грубой выделки из массы с обильной примесью толченой ракушки и шнуровым орнаментом в виде горизонтального четырехрядного пояса и присоединенных снизу дужек. На шейке и верхней части корпуса отмечены бороздки от заглаживания изделия зазубренным шпателем («греб-

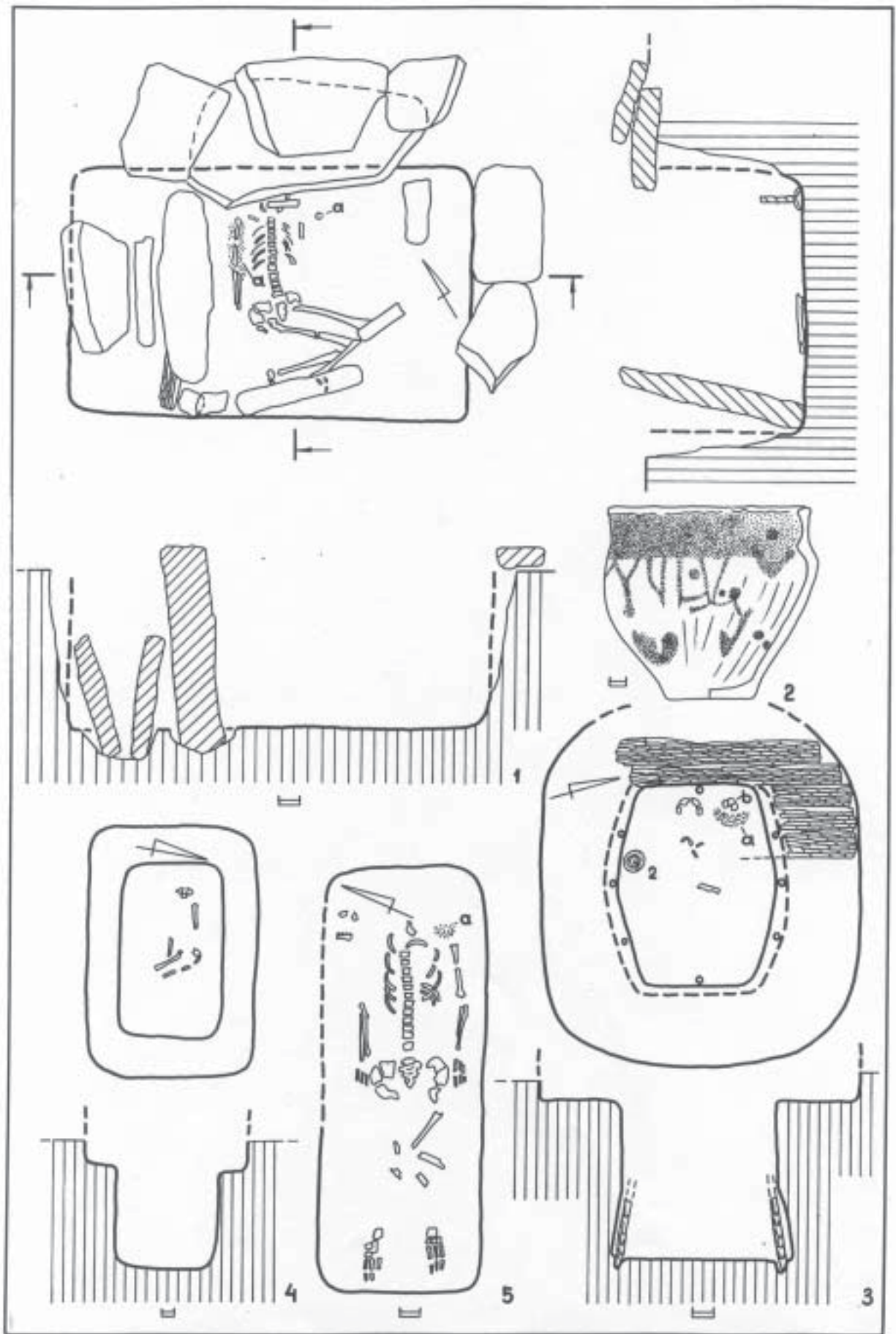

Рисунок 22. Могильник Катаржино. Погребения в кургане 1 (планы, разрезы, погребальный инвентарь): 1 – погребение 7 (а – комок охры), 2-3 – погребение 9 с расписным сосудом (а – подсыпка охры, б – фрагменты керамики, 2 – керамический сосуд), 4 – погребение 12; 5 – погребение 13 (а – подсыпка охры).

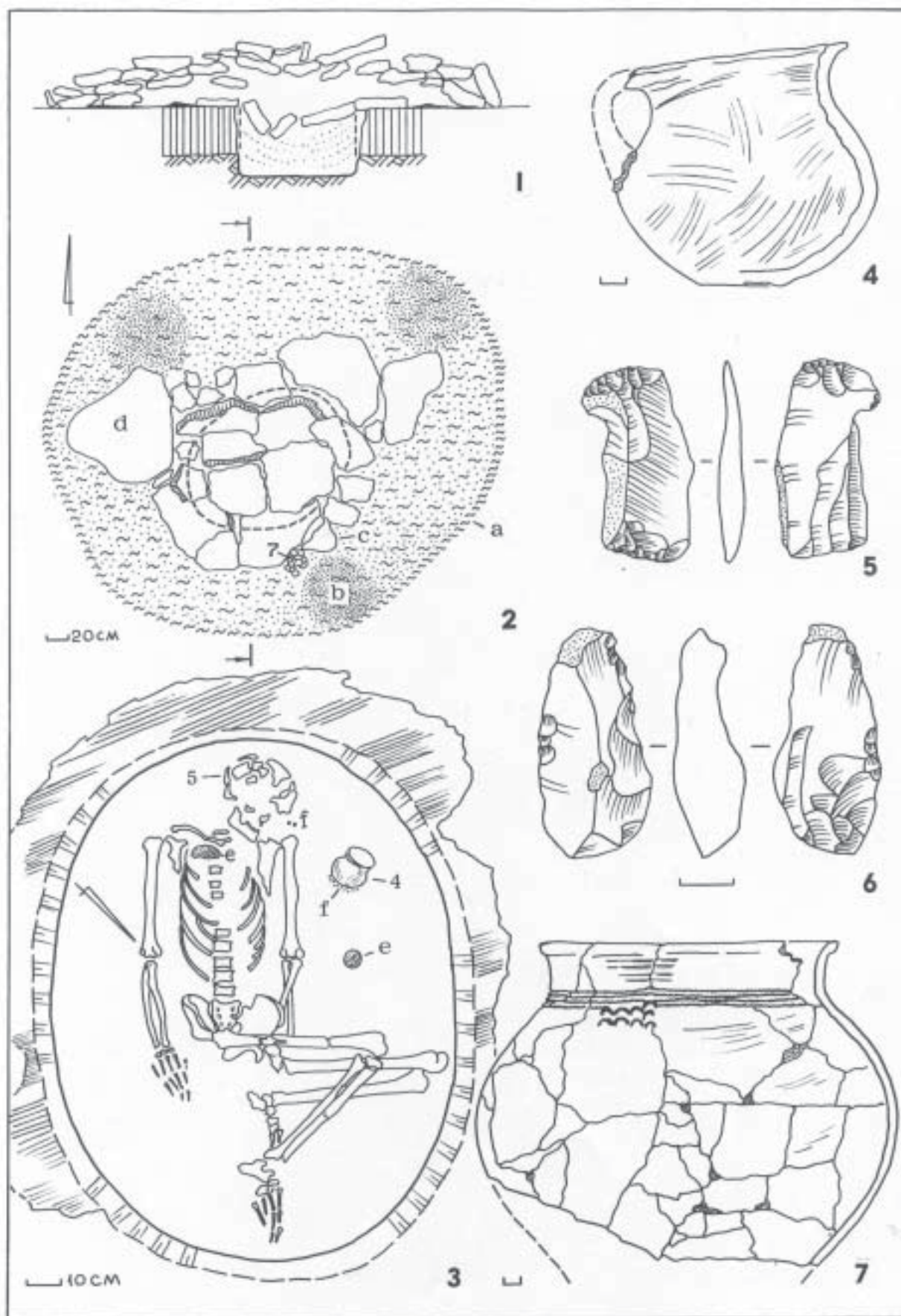

Рисунок 23. Могильник Катаржино, курган 1. Погребение 10: 1 – профильный разрез центрального сооружения, 2 – план кострища и каменного заклада (а – граница кострища; b – место отбора радиоуглеродной пробы; с – обломок антропоморфной стелы; d – необработанные стелообразные плиты, выделить одну на плане), 3 – план погребения (e – охровые «коржи»; f – угли); 4-7 – погребальный инвентарь (4, 7 – керамические сосуды, 5-6 – кремневые долота).

нем»). Высота сосуда была около 20–23 см, диаметр корпуса — 24, горловины — 16–17 см (рис.23, 7); 3). Кремневое орудие типа долота с двумя рабочими лезвиями, изготовленное из отщепа длиной 37 мм, шириной 17 мм. Кремнь серовато-дымчатый (рис.23, 5); 4). Такого же типа орудие (кремнь серый), но более массивное и с одним рабочим лезвием, длиной 44 мм, возможно, попавшее в захоронение позднее (рис.23, 6).

В Киевской Радиоуглеродной лаборатории для погребения получены 3 изотопные даты: по образцу угля из кострища — 4950 ± 70 BP (Петренко, Ковалюх, 2003), по фрагментам костей ног — 4510 ± 60 BP (Ki-11205) и 4970 ± 110 BP (Ki-11376).

Погребение 11 — ямной культуры (рис.24), обнаружено в 8 м к югу от репера, на глубине 3,1 м. Погребальная яма прямоугольная с уступами и закругленными углами, воронковидная в разрезах. Ее размеры $3,7 \times 2,4$ м на уровне обнаружения; $2,1 \times 1,1$ м — в нижней части, в пределах погребальной камеры. Прослеженная глубина ямы 1,5 м (-4,6 м). В 0,5 м от дна камера перекрывалась толстым слоем коры; края этого перекрытия опирались на покатые уступы, оставленные на стенах. В длину яма ориентирована в направлении северо-восток — юго-запад. Скелет сильно разрушен грызунами. Судя по сохранившимся останкам, погребенный был положен на спину, головой на запад-юго-запад, руки вытянуты вдоль туловища, ноги согнуты коленями влево. У правого виска обнаружено бронзовое шило в округлом деревянном футляре (распался). У левого виска — серебряная подвеска. Скелет и дно ямы обильно посыпаны охрой; под скелетом толщина подсыпки достигает 3–4 см. На дне ямы обнаружен решетчатый настил из реек (носилки?), трех продольных и нескольких поперечных шириной 2–2,5 см. Как настил соотносится с подсыпкой? Поверх носилок, под черепом и под верхней частью туловища — обмазка зеленой глиной.

Инвентарь погребения: 1). Бронзовое шило длиной 3,9 см с коротким четырехгранным черенком для насадки на рукоять и округлой в сечении рабочей частью с уплощенным острием. Вес изделия после очистки — 2,17 г (рис.23,2); 2). Височная подвеска в полтора оборота спирали из серебряной проволоки диаметром 0,3 см; диаметр подвески — 1,6 см, вес — 4,76 г (рис.23,1).

Погребение 12 — ямной культуры

(рис.22,4), обнаружено на глубине 5,8 м, в 8 м на северо-северо-восток от репера. Прямоугольная яма имела в верхней части размеры $2,45 \times 1,6$ м, прослеженную глубину 0,7 м до уступа к погребальной камере $1,7 \times 1$ м, глубиной 1 м (-6,5 м). Скелет плохой сохранности, однако можно определить, что погребенный лежал на спине, головой на запад. Ноги были согнуты коленями вправо. От правой руки сохранились лишь плечевая и лучевая кости, от левой — плечевая. Судя по ним, руки погребенного были вытянуты вдоль туловища. Скелет покрыт охрой.

Погребение 13 — ямной культуры (рис.22,5), обнаружено в 5,6 м к югу от репера, на глубине 2,35 м. Проследить, был ли у погребальной камеры уступ, не удалось. Она перекрывалась четырьмя крупными известняковыми плитами без следов обработки. Камера прямоугольной формы с закругленными углами, $2,0 \times 0,9$ м, ориентирована в длину по направлению северо-восток — юго-запад. Глубина от уровня перекрытия — 0,6 м (-2,95 м). Северная сторона ямы сильно повреждена грызунами. Скелет плохой сохранности: плечевая кость правой руки отсутствует, череп сдвинут в сторону, черепная коробка разрушена. Погребенный был уложен на спину, головой на северо-восток. Руки были вытянуты вдоль туловища; подогнутые ноги поставлены коленями вверх. На дне — подстилка из коры, посыпанная мелом; у левого плеча подсыпка охры.

Погребение 14 — ямной культуры (рис.25,7), обнаружено на глубине 1,6 м, в 7 м к югу от репера. Погребальная яма была прямоугольная в плане, с закругленными углами, воронковидная в разрезах, $3,5 \times 2,1$ м сверху, у дна — $1,8 \times 0,95$ м. Прослеженная глубина 2,8 м (-4,4 м). Яма ориентирована в длину по направлению север — юг. В заполнении, преимущественно в верхней его части, обнаружены разрозненные человеческие кости. Возможно, захоронение вскрывалось в древности.

Погребение 15 — неопределенное. Было разрушено при установке бетонных опор геодезического репера. В перемещенном слое у поверхности насыпи обнаружены разрозненные человеческие кости. Фиксировался выброс грунта (см. стратиграфию).

Погребение 16 — ямной культуры (рис.25,1). Прямоугольная с закругленными углами яма, обнаружена в 30 м к северу от репера, на глубине 5,1 м. Ее размеры $1,65 \times 1$ м,

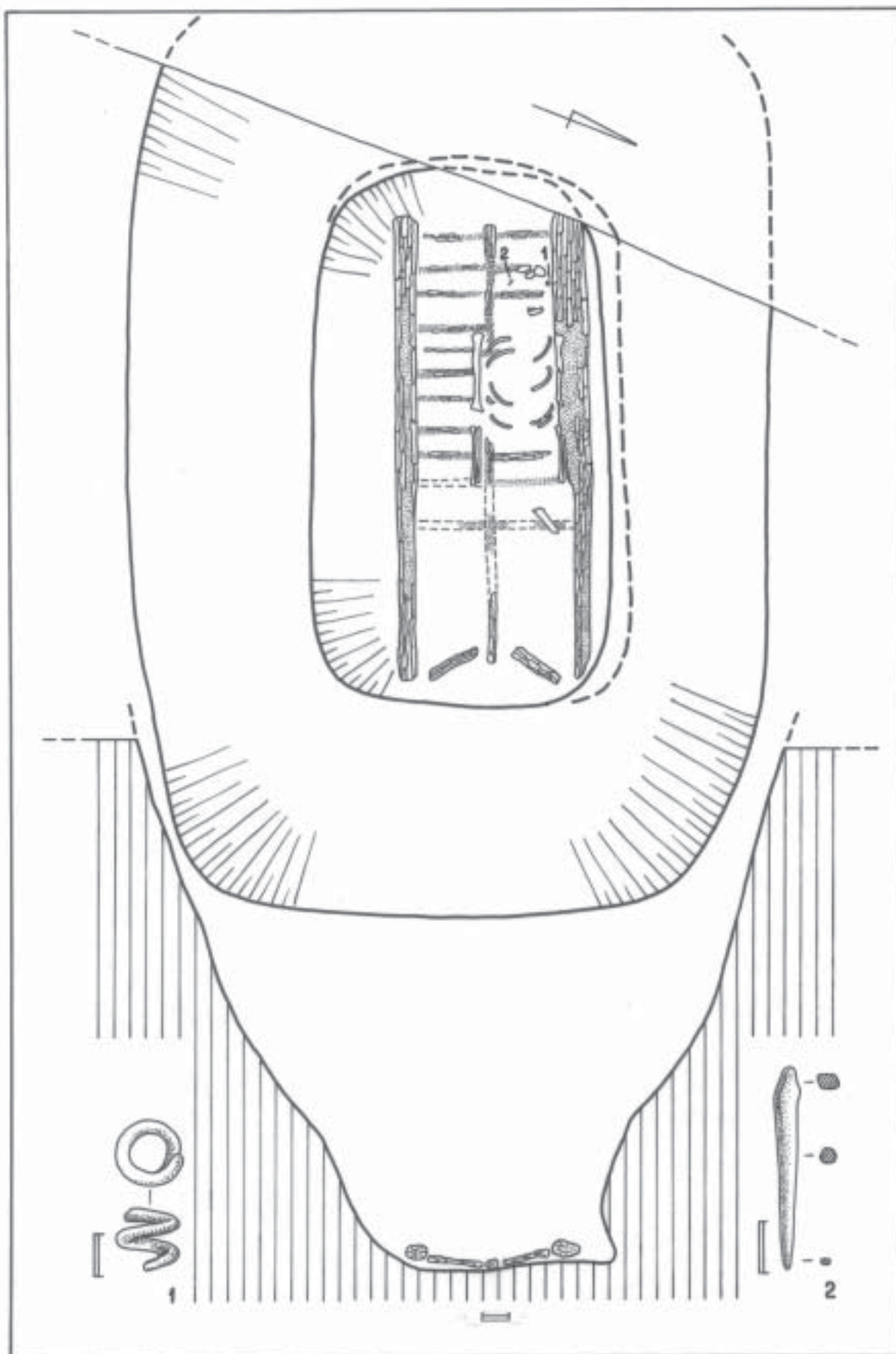

Рисунок 24. Могильник Катаржино. Курган 1, погребение 11: 1 – серебряная височная подвеска; 2 – шило из меди или бронзы.

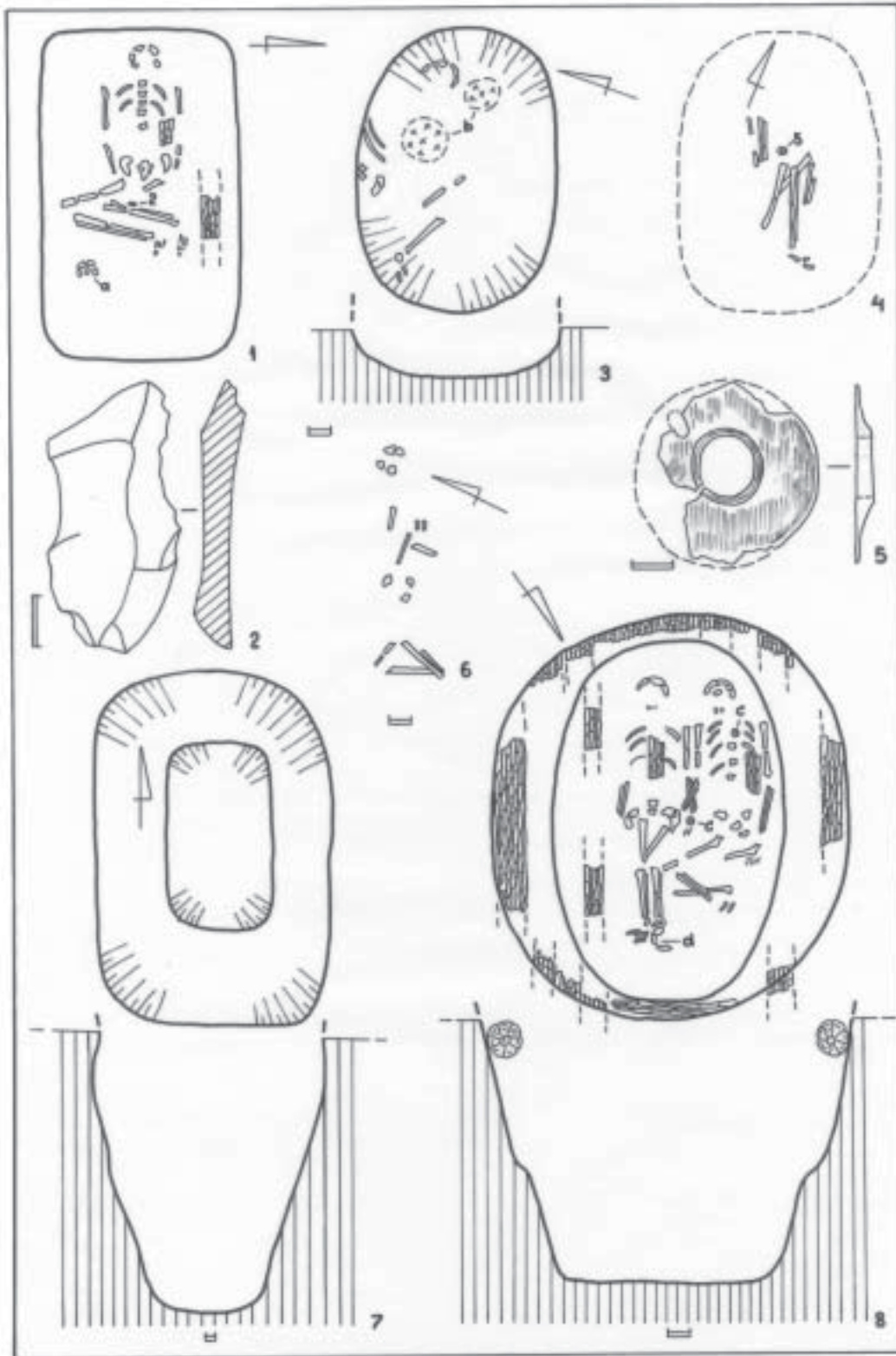

Рисунок 25. Могильник Катаржино. Курган 1: 1 – погребение 16 (а – фрагменты керамики); 2 – кремневая пластина из погребения 16; 3 – погребение 17 (b – пятна прокаленного грунта); 4 – погребение 20; 5 – костяная пряжка из погребения 20; 6 – погребение 18; 7 – погребение 14; 8 – погребение 21 (с – охровые окатыши, d – череп ребенка).

Рисунок 26. Могильник Катаржино. Общий план кургана 2 с указанием последовательности стратиграфических разрезов и элементов структуры насыпи: I-VII – стратиграфические разрезы, 1-3 – насыпи, 4 – выброс из основного захоронения 1, 5 – выброс на первичную насыпь из погребения 6.

Рисунок 27. Могильник Катаржино. Стратиграфические разрезы кургана 2: 1-3 – насыпи кургана; 4 – наносной черноземный слой; 5 – заиленные участки по краям насыпи 2; 6 – погребенная почва; 7 – материковый слой; 8 – материковый выброс из погребения 6; 9 – современные ямы.

прослежена на глубину 0,2 м (-5,3 м). Она была перекрыта продольно лежащими деревянными плахами, которые просели в погребальную камеру. Остатки деревянных плах лежали непосредственно на костях скелета. Погребенный был уложен на спину, головой к западу. Руки вытянуты вдоль туловища, ноги согнуты коленями вправо. Между берцовыми и бедренными костями найдена кремневая пластина, в ногах — фрагменты сосуда.

Инвентарь погребения: 1). Пластинчатый отщеп без ретуши и следов использования в работе, из светло-серого кремня с белыми вкраплениями, $5,2 \times 2,5 \times 0,7$ см (рис.25,2); 2). Фрагменты дна лепного сосуда. Керамика черная на поверхности и в изломах, в которых видны умеренные примеси песка и шамота. Текстура черепков зернистая. Есть бороздки от выравнивания поверхности шпателью. С внутренней стороны на них наслоилась коричневая органика и есть отпечаток косточкового плода (?) с заполнением светло-бежевой органикой. Черепки имеют толщину от 0,8 до 1,5 см.

Погребение 17 — культуры многоваликовой керамики (рис.25,3), обнаружено в 31,5 м к югу от репера, на глубине 5,7 м. Погребальная камера овальной формы, $1,4 \times 1$ м, прослеженной глубины 0,2 м (-5,9 м), ориентирована восток — запад. Погребенный был уложен на левый бок, с подогнутыми ногами, головой на восток. Скелет плохой сохранности, кости рук отсутствуют, кости грудной клетки смещены к северной стенке ямы. На том месте, где они должны были находиться первоначально, дно могилы прокалено на глубину до 3 см на участке диаметром 0,25 м. Такой же прожог отмечен перед черепом. Кости и дно ямы покрыты слоем древесного угля, толщиной до 5 см. Несколько ребер обожжены.

Погребение 18 — эпохи бронзы (рис.25,6), обнаружено в 19 м к юго-востоку от репера, на глубине 3,4 м. Контуры ямы не прослеживались. Скелет сильно разрушен грызунами. Судя по сохранившимся останкам, погребенный был уложен головой на северо-восток, ноги согнуты коленями влево. Положение рук не восстанавливается.

Выкладка 19 (объект 2) — обнаружена в 13 м к северо-востоку от репера, на глубине 5,5 м. Это две горизонтально лежащие известняковые плиты на участке $1,1 \times 0,45$ м. Погребение под закладом не обнаружено.

Выкладка 19' (объект 1) из необработанных обломков известняка выявлена в 20 м к

северо-востоку от репера, на глубине 5,5 м. Площадь этого покрытия — $1,2 \times 0,6$ м. Погребение под ним не обнаружено.

Выкладка 19" (объект 3). В 13,5 м к северо-востоку от репера, на глубине 5,5 м выявлен горизонтальный слой обломков известняка на площади $1,3 \times 0,7$ м. Погребение под ними не обнаружено.

Погребение 20 — культуры многоваликовой керамики (рис.25, 4,5), обнаружено в 15 м к северо-востоку от репера, на глубине 4,6 м. Контуры овальной ямы, $1,45 \times 1,05$ м, прослежены по дну. Скелет плохой сохранности. Судя по останкам, погребенный лежал на левом боку, головой на северо-северо-запад, ноги согнуты, правая рука согнута в локте, кистью направлена к черепу. Между коленом и локтем правой руки — костяная пряжка.

Инвентарь погребения. Костяная пряжка диаметром 3,5 см, толщиной 0,2–0,3 см, с двумя отверстиями. Диаметр большего отверстия 1 см, меньшего — 0,3 см (рис.25,5).

Погребение 21 — ямной культуры (рис.25,8), обнаружено в 20 м к юго-востоку от репера, на глубине 4,25 м. Погребальная яма овальная в плане, воронковидная в разрезах. В верхней части яма имела диаметры 1,8–2,0 м, в нижней — 1,8–1,2 м. Яма перекрывалась продольно уложенными бревнами диаметром 0,2 м. Ее глубина — 1,3 м от уровня перекрытия (-5,55 м). Оно просело в яму. Обломки бревен встречались как в заполнении, так и на костях скелетов. Погребение коллективное — двух взрослых и ребенка. Взрослые лежали скорченно на спине, головами на юго-запад. У скелета 1 руки вытянуты вдоль туловища, ноги коленями подняты вверх. На двух ребрах окислы меди. У скелета 2 ноги согнуты коленями вправо, левая рука вытянута вдоль туловища, кисть подведена под таз, правая кисть уложена на левую руку скелета 1. На запястьях скрещенных рук находился комок сиреневой охры яйцевидной формы, 4 см диаметром. Плитка такой же охры, 2×3 см, обнаружена на грудной клетке скелета 2. На стопах скелета 1 лежал череп ребенка (некоторые зубы коренные). Посткраниальный скелет ребенка представлен всего несколькими обломками ребер и трубчатых костей.

КУРГАН 2

Курган высотой 2,4 м, диаметром около 50 м, находился в 20 м к северо-западу от кургана 1. Насыпь сильно распахана, ее вершина

срезана (рис.26). Курган 2 раскапывался по той же методике, что и курган 1. Соответственно параметрам насыпи было сделано 7 стратиграфических разрезов по линиям север — юг (рис.27). Нулевой отметкой служил репер разреза IV, поставленный в наивысшей точке насыпи.

Всего в кургане обнаружено 6 погребений: одно энеолитическое (№ 1), ямной культуры — одно (№ 6), культуры многоваликовой керамики — одно (№5), одно позднекочевническое (№ 2) и два неопределенной культурной принадлежности (№№ 3—4).

Стратиграфия кургана

В кургане прослежены три строительных горизонта, начиная с оформления основного захоронения и первичной насыпи (рис.27). Погребенная почва с насыщенным гумусовым слоем толщиной 0,4 м залегала на глубине 2,4 м под древнейшим насыпным слоем. За пределами первичной насыпи погребенная почва объективно не выделялась, хотя уровень залегания перекрывающих насыпей в основном соответствовал ее горизонту, что говорит о ненарушенном почвенном покрове.

Закладка кургана связана с погребением 1 эпохи энеолита. Выброс грунта из этого захоронения лег на погребенную почву к юго-востоку и к северо-западу от ямы. Погребение окружал кромлех из обработанных известняковых плит прямоугольной формы, отвесно вкопанных в древний чернозем. Кольцо кромлеха диаметром 6 м было составлено из 27 плит почти стандартной величины: их высота от 40 до 50 см, толщина 10—15 см (рис.28,1). Первая насыпь, перекрывшая кромлех и погребение, в разрезе светло-серая. Она была высотой до 1,3 м, диаметром от 17 до 22 м, и имела вид овала, вытянутого по основной оси захоронения с юго-запада на северо-восток. Бесспорно, с уровня первичной насыпи выполнено погребение 6 ямной культуры. Это доказывается положением грунта, выброшенного из ямы на насыпь (см. разрез IV).

Вторая насыпь кургана сформировалась за счет мощной досыпки чернозема, смешанного с крупными комьями глины (до 0,15—0,2 м). У подошвы насыпи с южной стороны вразброс лежали крупные обломки плитняка от 0,5 до 0,8 м длины (известняк). Насыпь имела диаметр 25—29 м, перекрывая предыдущие наслоения и основное для нее погребение 6. Высота вторичной насыпи из-за сноса вершины не восстанавливается. Во всяком

случае, она явно превышала современную высоту кургана, 2,4 м.

Третья насыпь диаметром около 35 м прослеживалась на разрезах по склонам кургана. Она состояла из чернозема с большим количеством карбонатных стяжений. С этой насыпью (ее верхним слоем) соотносятся отдельные находки человеческих костей. Одна из них (локтевая кость) найдена в 20 м к юго-востоку от репера, на глубине 1,9 м; лучевая кость — в 3 м к востоку, на глубине 0,5 м от репера. Третья кость (человека?) обнаружена в 9 м к северо-западу от репера, на глубине 1,9 м. Не известно, имеют ли отношение к третьей насыпи погребения №№ 3—4 в ее грунте. Из-за плохой сохранности не восстанавливается ни их последовательность, ни культурная принадлежность.

Четвертый слой, рыхлый чернозем, местами заиленный, охватывал курган по периметру сплошным кольцом (диаметр около 50 м). Он представляет собой отложения, сформированные в процессе разрушения кургана естественным путем и техногенными средствами.

Описание погребений

Погребение 1 — основное, энеолитическое (рис.28,2), обнаружено в 1,4 м к югу от репера, на глубине 2,3 м. На этом уровне зафиксирован заклад из мелких камней (размером 0,2—0,3 м), которые лежали плашмя в один-два яруса, не выходя за пределы могилы. Под камнями прослеживалась труха деревянного перекрытия. Погребальная камера в плане прямоугольная, 1,7 × 1,1 м, с закругленными углами, глубиной 0,6 м от уровня древней дневной поверхности (-3 м). Погребенный был уложен на спину, головой на северо-восток. Руки слегка разведены в стороны, согнуты в локтях и протянуты вдоль туловища, ноги повернуты коленями вправо. Между правой частью грудной клетки и тазом находилось каменное орудие, на крестце лежал мелкий обломок известняка¹⁰. Под тазовыми костями и выше, на уровне поясничного отдела позвоночника прослежен слой 1 см обмазки зеленой глиной.

Инвентарь погребения. 1). Плитка серого песчаника, призматической формы, 11,7 × 6,3 × 3,4 см, служившая в качестве песта и терочного камня. В результате использования верхняя плоскость орудия отшлифовалась, а нижняя и все боковые грани равномерно по-

¹⁰ Определение пород см. в Приложении 2.

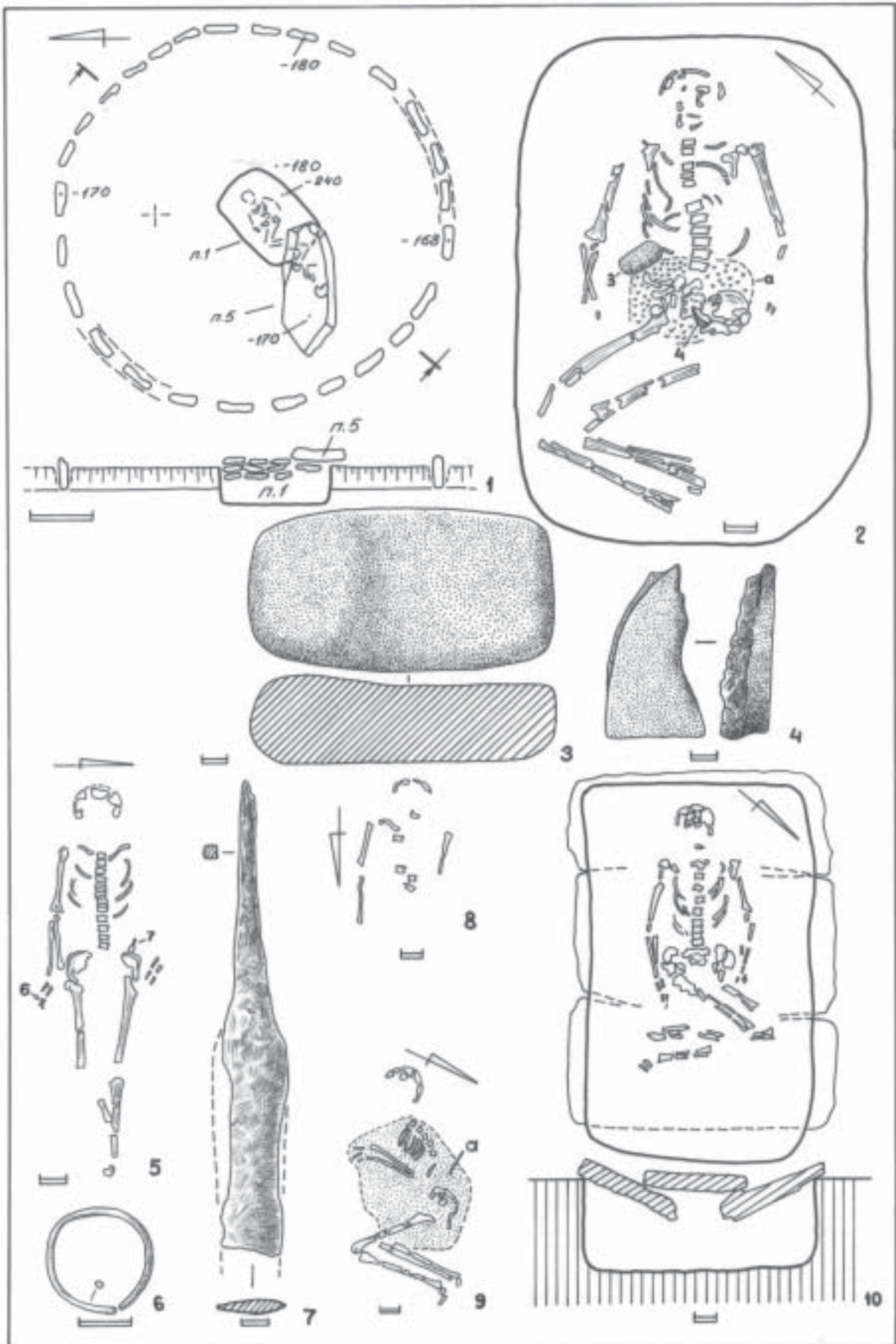

Рисунок 28. Могильник Катаржино. Курган 2: план и разрез кургана на уровне кромлеха (1); погребение 1 (2) и найденные в нем каменные орудия (3-4); погребение 2 (5) с золотым кольцом (6) и железным ножом (7); погребение 3 (8); погребение 5 с подсыпкой охры (9, а); погребение 6 (10).

крылись характерными выбоинами (рис.28, 3); 2). Прочная известняковая плитка в форме полусегмента, $6,6 \times 3,6 \times 2$ см, с острыми краями. Выделяется один край с выемкой, затупленный в ходе утилизации камня, возможно, в качестве скребка или струга (рис.28,4).

Погребение 2 — позднекочевническое (рис.28, 5-7), обнаружено в 3,5 м к северо-востоку от репера, на глубине 1,8 м. Погребальная камера в насыпи не прослеживалась. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на запад, руки вытянуты вдоль туловища, указательный и средний пальцы правой руки скрещены. От левой руки сохранилась лишь кисть. Кости ног также плохой сохранности: судя по остаткам, возможно, были скрещены (рис.28,5). На костях скелета и под ними — коричневый тлен. Под левой тазовой костью обнаружен железный нож. Возле ножа найдена бронзовая пронизь длиной 0,5 см (распалась). У левой кисти находилось золотое кольцо. У правого колена — копыто лошади.

Инвентарь погребения: 1). Железный нож с четырехгранным черенком. Острие ножа обломано. Длина ножа 10 см (длина черенка 5,5 см), ширина лезвия 1,5 см, толщина — до 0,5 см (рис.28,7); 2). Золотое кольцо с несомкнутыми концами, диаметром 2 см, изготовленное из проволоки круглого сечения диаметром 2 мм (рис.28,6).

Погребение 3 — неопределенное (рис.28,8), обнаружено в 0,5 м к западу от репера, на глубине 0,8 м. Погребальная камера не прослежена. Судя по сильно поврежденным остаткам скелета, погребенный был уложен на спину, головой на юг. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая ниже плечевой кости не сохранилась. Нижние конечности тоже не сохранились. Рядом со скелетом обнаружены небольшие кусочки древесины.

Погребение 4 — неопределенное, обнаружено в 0,3 м к югу от репера, на глубине 1 м. Погребение разрушено: в перемешанном грунте обнаружены разрозненные человеческие кости, в т.ч. обломки черепа.

Погребение 5 — культуры многоваликовой керамики (рис.28, 9), обнаружено в 2 м к юго-востоку от репера, на глубине 2,2 м. Контуры погребальной камеры не прослежены, уровень, с которого впущено захоронение, не определяется. Скелет непосредственно перекрывала антропоморфная стела, под которой, кроме раздавленных костей, обнаружили остатки деревянных плах. Возможно, яма имела уступы, не выдержавшие тяжести пере-

крытия. Стела представляла собой известняковую плиту длиной 2,5 м при ширине 1 и толщине 0,25 м. Один ее конец треугольной формы, другой — с небольшим выступом. Погребенный был уложен на правый бок, головой на юго-запад. Левая рука согнута в локте, лежит перед грудной клеткой, правая не сохранилась. Ноги были согнуты в коленях. На скелете и под ним — отложение ярко-оранжевой охры.

Погребение 6 — ямной культуры (рис.28,10), обнаружено в 3,6 м к востоку от репера, на глубине 2,2 м. Погребальная камера перекрыта поперек тремя каменными плитами из необработанного известняка, частично просевшими в яму. Под плитами были зафиксированы ветки, диаметром 2–4 см, лежащие продольно. Яма прямоугольной формы, $1,9 \times 1,1$ м, с закругленными углами, глубиной 0,6 м (-2,8 м). Длинные стенки ориентированы с юго-запада на северо-восток. На стенках ямы желобки длиной по 10–15 см, глубиной 2–3 см от землекопных орудий. Погребенный был уложен на спину, скорченно, головой на запад. Руки вытянуты вдоль туловища, ноги согнуты коленями вправо. На черепе, в лобно-теменной области — пятно охры. Охрой покрыты кисти рук и нижние конечности. У левого плеча находился комок алой охры. Под скелетом отмечены продольно лежащие прутья, ниже шла подсыпка мела, затем коричневый тлен подстилки. Под черепом слой мела достигал толщины около 1 см.

КУРГАН 3

Курган 3, расположенный в 18 м к западу-северо-западу от кургана 1, выделялся как возвышенность высотой до 0,1 м в пределах диаметра 22 м (рис.20, 5). В перепаханном слое встречены небольшие фрагменты стенок красноглиняных амфор.

Погребение 1 — предположительно скифское (рис.29, 7), обнаружено под репером, на глубине 0,5 м. Погребальная камера имела гумусовое заполнение. Она удлиненно-овальных очертаний, зауженная в ногах, ориентирована с юго-востока на северо-запад. Ее размеры: длина 2 м, ширина в изголовье 0,7 м, ширина в ногах 0,45 м, прослеженная глубина 0,3 м (-0,8 м). Погребенный был положен вытянуто на спину, головой на северо-запад, череп лежал на левом виске. Руки вытянуты вдоль туловища: левая кисть уложена на таз, правая находилась под тазом.

КУРГАН 4

Курган 4, высотой не более 0,1 при диаметре около 20 м, находился в 20 м к западу от кургана 1. Под перепаханным слоем на месте насыпи выявлены три погребения (рис.29,1).

Погребение 1 — неопределенное (рис.29,2). На глубине 0,3 м в 1 м к северо-востоку от репера, обнаружена яма неправильно прямоугольной формы, размером 2 × 1,2 м. Южная ее стенка и дно нарушены грабителями. В заполнении мелкие фрагменты ребер человека.

Погребение 2 — неопределенное (рис.29, 3). Яма неправильно овальной формы, 1,2 × 0,9 м, обнаружена на глубине 0,4 м, в 1,5 м к юго-востоку от репера Борта и дно ямы нарушены грабителями. Стенки прослежены на высоту 0,25 м (-0,65 м). Скелет и инвентарь отсутствуют.

Погребение 3 — неопределенное (рис.29,4). Нарушенная грабителями яма овальной формы, 1,3 × 1,2 м, глубиной 0,7 м, обнаружена в 2,5 м к востоку от репера. В заполнении — фрагмент кости человека.

КУРГАН 5

Курган высотой до 0,1 м, диаметром 25 м расположен в 19 м к югу — юго-западу от кургана 1. В насыпи найден фрагмент амфоры¹¹, Фасоса или протофасосского типа, V–IV вв. до н.э. Один край черепка затерт; возможно, это керамический скребок (рис.29,6). В центре кургана, на глубине 0,5 м, выявлена яма конусовидной формы. Диаметр ее устья 1,1 м, диаметр донной части 0,65 м, прослеженная глубина 1,3 м. Яма наполнена необработанными обломками известняка, от 0,25 до 0,4 м в поперечнике (рис.29,5).

ВЕЛИКОЗИМЕНОВСКИЙ КУРГАН

В долине Среднего Куяльника, по обоим берегам реки, на землях сел Великозименово и Марцианово Великомихайловского района Одесской области находится несколько крупных курганов. Насыпи эти издавна содержатся в задернованном режиме и отличаются превосходной сохранностью. Тем не менее, весной 1986 г. пришлось срочно провести спасательные раскопки одного кургана (Петренко, Тоцев, 1990).

Курган этот (курган 1) находился в северной части Великозименово, на территории бывшего села Куликовка, по правому берегу реки. Ширина долины на данном участке 800–900 м, борта высоки и местами довольно круты. Разница в абсолютных высотах dna долины и гребней ближних водоразделов, тоже отмеченных курганами, составляет 75–90 м. Курган 1 был насыпан на террасовидном уступе высотой около 7 м от уреза воды, напротив устья безымянной балки, впадающей в долину с северо-запада. По бортам этой и соседней балки обнажаются известняки, сложенные на плиты.

Курган 1 имел высоту 4 м, согласно топографической съемке 1946 г., диаметр около 35 м. Курган располагался на расстоянии 670 м от реки. Ближе к руслу, в 350 м к юго-востоку от кургана 1 (геодезический азимут 134°) находится курган 2 высотой 4,8 м с абсолютной отметкой 29,5 м (в балтийской системе высот). Между ними на пахотном поле имеются светлые участки почвы, возможно,

на месте некогда существовавших небольших курганных насыпей.

Исследования кургана 1 начались, когда он был сверху более чем наполовину снесен для досыпки полотна грунтовой дороги, а центральное захоронение вскрыто¹². Останец курганной насыпи, с нетронутыми краями, высотой по центру до 1,7 м от уровня древней дневной поверхности раскапывался с одной стратиграфической бровкой. Дополнительный разрез дала южная пола, которая из-за лесополосы раскапывалась частично. Репер с условной нулевой отметкой был установлен в наивысшей точке останца. Всего в кургане открыто 9 захоронений (рис.30).

Среди девяти погребений Великозименовского кургана кеми-обинская гробница, следующее за ней расчлененное (?) захоронение, 3 или 4 погребения ямной культуры (№№ 2, 6, 8 и, возможно, № 5), 2 захоронения катакомбной культуры (№№ 3–4) и одно позднекочевническое (№ 7).

Стратиграфия кургана

Основные стратиграфические разрезы показали идентичную картину: в их централь-

¹¹ Определение Л.В. Носовой.

¹² От окончательного уничтожения памятник спас учитель местной школы Н. А. Габер. Он добился остановки работ и вызвал археологов. Раскопки курировало Общество охраны памятников истории и культуры. Однако никаких средств на исследования выделено не было. В течение 10 дней, пока велись раскопки, Н. А. Габер оказывал нам всяческое содействие.

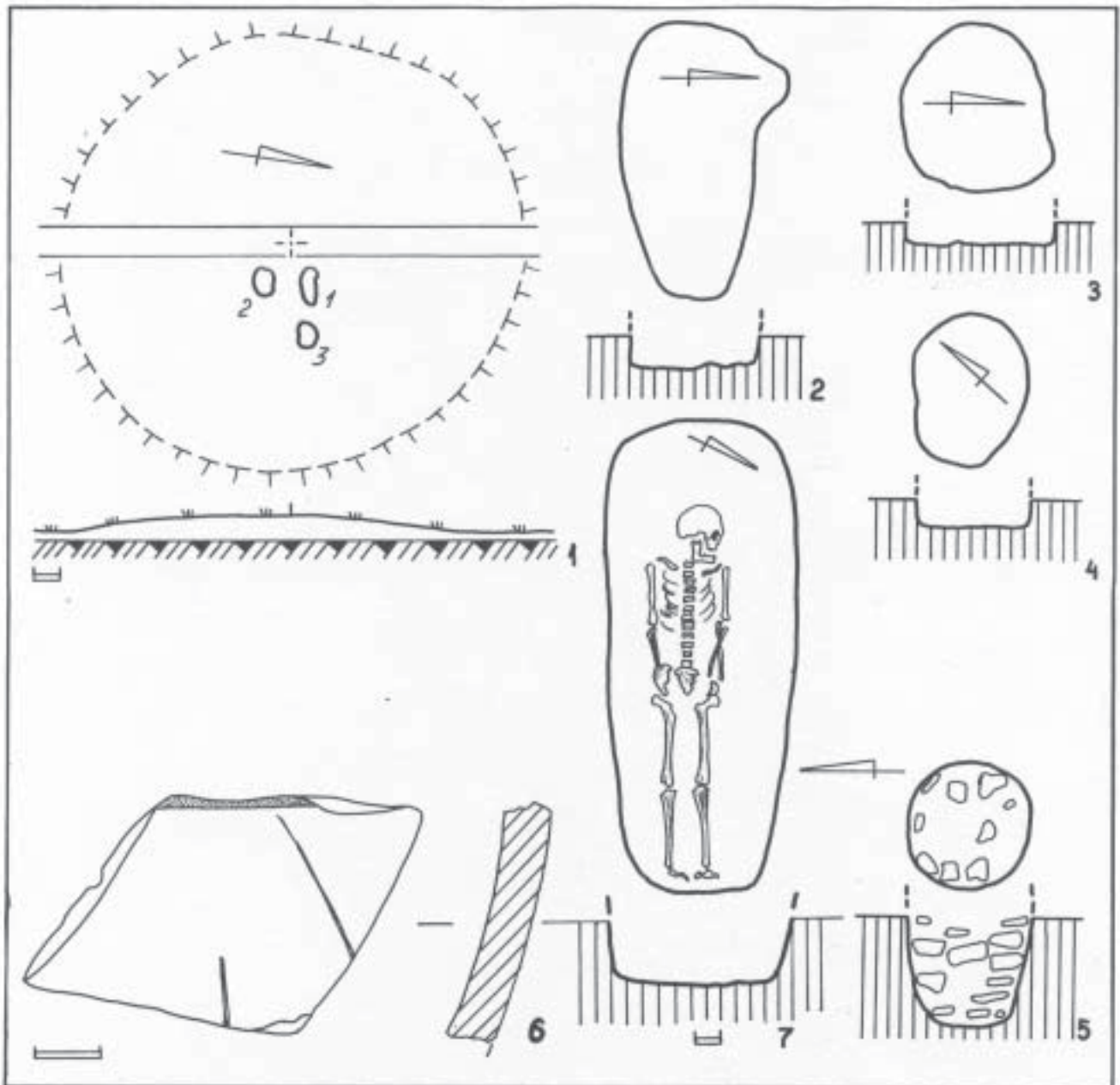

Рисунок 29. Могильник Катаржино: планы и разрезы кургана 4 (1) и найденных в нем ям (2-4); яма, найденная под курганом 3 (5); керамический скребок из насыпи кургана 5 (6); план и разрез захоронения под курганом 5 (7).

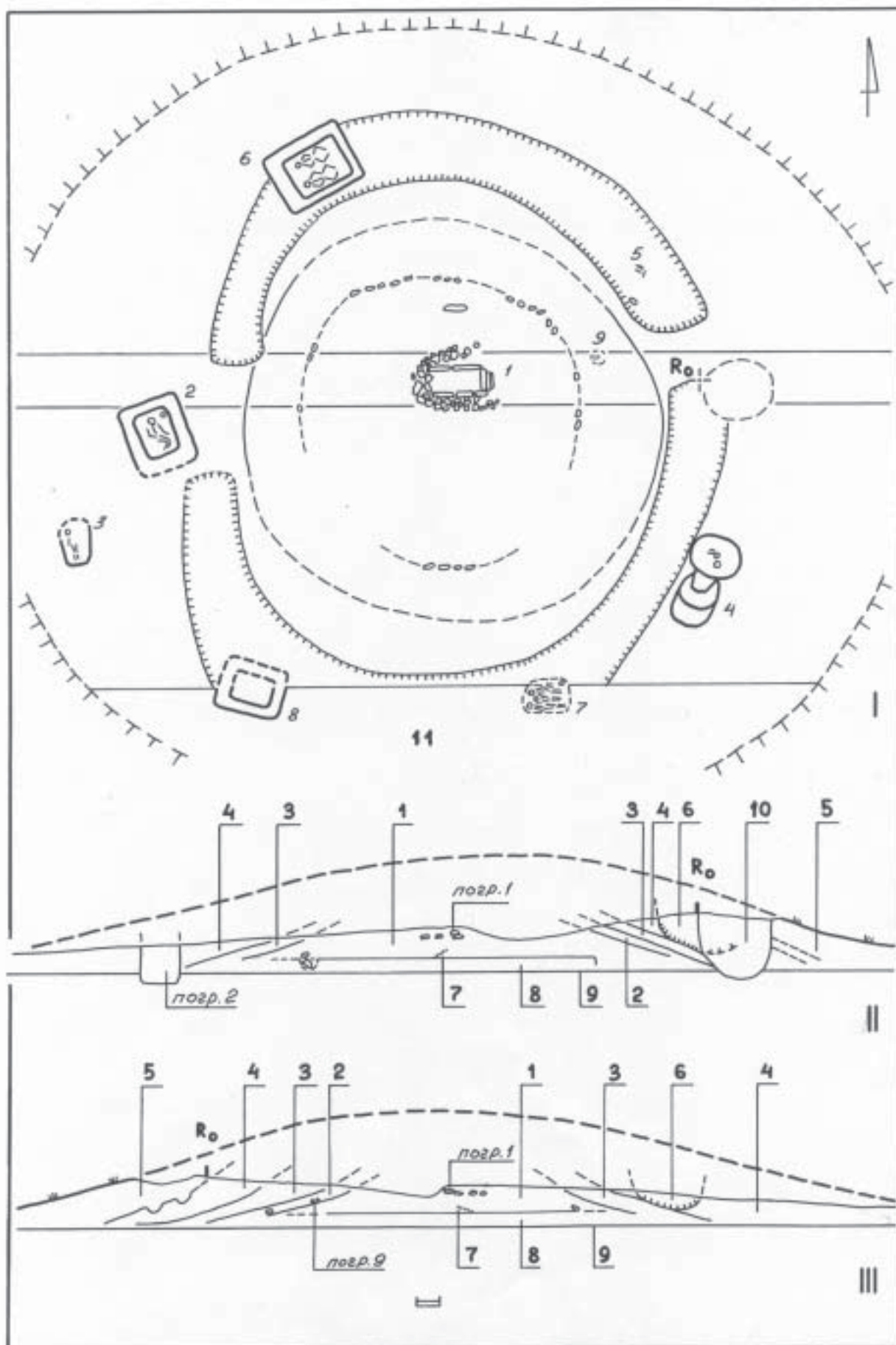

Рисунок 30. Великозименовский курган. Общий план (I) и стратиграфические разрезы (II-III): 1-5 – насыпи, 6 – ров, 7 – прослой щебня, 8 – погребенная почва, 9 – уровень «материка» и дна раскопа, 10 – позднейшая яма, 11 – участок, недоступный для исследования.

ной части читалась первичная насыпь, по краям — свиты досыпок (рис.30). Под первичной насыпью на глубине 1,7 м от репера залегал рыхлый чернозем мощностью 0,4 м. Возможно, эта погребенная почва делювиального происхождения. Она темно-серая с бурым оттенком, комковато-зернистая, суглинистая. Ниже по разрезу шел светло-бурый аллювиальный суглинок («материк»), подстилающий досыпки.

Древнейшим в кургане является погребение 1 кеми-обинского типа в наземной каменной гробнице, перекрытой первичной насыпью. Территория вокруг гробницы была окопана контурным ровиком, о существовании которого свидетельствуют обломки известняка в погребенном черноземе в радиусе от 3 до 7 м от захоронения. Ровик четко просматривается в разрезе на фотографиях бровки. В северном секторе ровика-кромлеха среди камней обнаружены мелкие фрагменты костей, неподдающиеся определению (животных?). Камни то выступали на поверхность плотной кладкой, то уходили в чернозем на глубину до 0,4 м от древнего горизонта. Диаметр этого символического ограждения составлял около 11,5 м. На выгороженной площадке с северной стороны гробницы, в 2,5 м от ее стен стоял менгир. Это была грубо отесанная овальная известняковая плита, 1,6 × 0,9 × 0,3 м, опущенная основанием по высоте в погребенный чернозем.

Первичная насыпь с разрушенной верхушкой имела диаметр 17 м и симметричные склоны под углом около 20°. Она сохранилась на высоту 1,1 м. Грунт в насыпи отличался от погребенного чернозема только высокой плотностью и менее насыщенным цветом в центральной части разреза. По-видимому, насыпной материал был трансплантирован с окружающей поверхности, но в процессе укладки подвергался трамбовке. В первую очередь насыпью были укреплены основания стен гробницы. Этот укрепляющий валик высотой около 0,4 м прослеживался в бровке с западной стороны гробницы на протяжении, по крайней мере, 2,2 м благодаря покрытию слоем 3–5 см известняковой крошки. Затем первичная насыпь была поднята до верха гробницы и с ней на этом уровне покрыта каменной «шапкой». В центре этой массивной кладки находились покровные плиты гробницы. Вокруг них было выложено овальное кольцо диаметром 2,5–3,5 м из плитняка (кромлех). Окончательная высота первично-

го кургана не известна, но вряд ли она была менее 1,5 м, даже если предположить, что макушка насыпи была не выпуклой, а плоской.

Далее, на восточном склоне первичной насыпи было совершено захоронение 9, перекрытое темно-бурым (коричневым) суглинком. За счет этой локальной досыпки основание насыпи с восточной стороны достигло места предыдущей выборки грунта и оказалось на 30–40 см ниже уровня древней дневной поверхности. Повторная досыпка кургана производилась как по восточному, так и по западному склону комковатым суглинком и черноземом. Иногда в этом слое встречались камни. Перекрывающая третья досыпка состояла из комковатого чернозема. На этом этапе насыпь выросла в диаметре до 26 м и, возможно, приобрела высоту, близкую зафиксированной при топографической съемке (около 4 м). С уровня этой досыпки в насыпи был вырыт кольцевой ров диаметром 17–18 м, от 2 до 4 м ширины. Ров имел перемычки в западном и восточном секторе. С восточной стороны в перемычке были вырыты две какие-то мелкие ямы, прослеженные только на разрезе. На северном и южном участках ров прошел через напластования насыпи до уровня погребенного чернозема, а местами дно его достигло материковых суглинков. Заполнение рва — рыхлый чернозем с мелкими обломками известняка, комками и прослойками суглинка. Очевидно, ров был послойно (?) засыпан, после чего восточная сторона кургана, покрылась досыпкой из нескольких конструктивных слоев очень плотного серозема (на одном разрезе прослежено 3 слоя). Могилы, связанные с досыпками 2–4, возможно, разрушены. Одним из таких захоронений могло быть погребение 5 в заполнении рва, предположительно относящееся к ямной культуре. Однако связь этого погребения с последней по времени досыпкой не ясна. Что касается других погребений ямной культуры и катакомбных могил, обнаруженных в кургане, то они, скорее всего, опущены в окончательно сформированную насыпь. Причем два из них, погребения 6 и 8 ямной культуры, тоже прорезали заполнение рва. Не исключено, что все досыпки кургана, ров в насыпи, а также погребение 9 (жертвоприношение?) ритуально связаны с кеми-обинской гробницей.

Описание погребений

Погребение 1 — основное, кеми-обинское (рис.31, 1–5). Погребальное сооружение

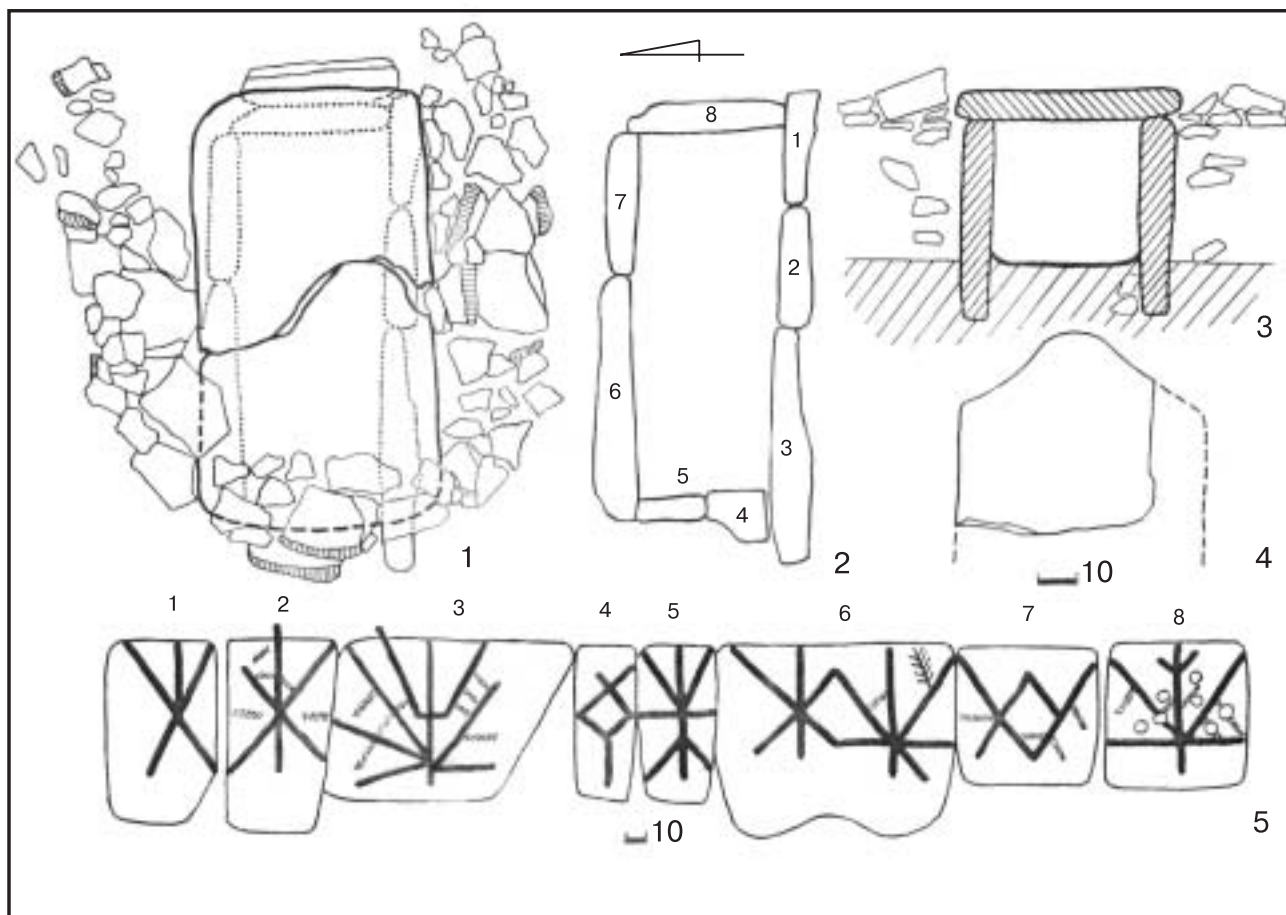

Рисунок 31. Великозименовский курган. Погребение 1: планы и поперечный разрез гробницы (1-3), обломок антропоморфной стелы из перекрытия (4), развертка гробничного фриза (5).

в виде ящичной гробницы с наполовину разрушенным кромлехом из камней и плит известняка на уровне покровных плит обнаружено в 7,8 м к западу от репера. Гробницу закрывала тесаная прямоугольная плита величиной $2,36 \times 1,34 \times 0,17$ м, расколота нарушителями захоронения; только обломок, уходящий под кромлех, остался на месте. Еще одна покровная плита, правильной прямоугольной формы, $2,3 \times 1,3 \times 0,18$ м, лежавшая сверху, была расколота и сброшена перед вскрытием захоронения.

Кромлех на насыпи вокруг покровных плит имел план овала с малым диаметром 2,5 м. В этой кладке толщиной 0,5–0,7 м при высоте от 0,16 м до 0,45 м наблюдалось два-четыре яруса плоских камней и плит. С внешней стороны кладка местами сохранила проглаженный пальцами слой обмазки грязью. Среди камней и плит разрушенной части кромлеха оказался обломок верхней части раз-

битой в древности плоской антропоморфной стелы (рис.31, 4).

Гробница в форме прямоугольного ящика была ориентирована в длину точно по направлению запад — восток (рис.31, 1–3). По наружным обмерам ящик имел длину 2,4 м (2,6 м по южной стене) при ширине 1,2 м, внутри — $2 \times 0,8$ м. Высота от древней дневной поверхности — 0,8 м. Гробница была только наполовину заполнена землей. Дно на уровне земли было промазано слоем грязи толщиной 2–5 см. Стены гробницы сложены из восьми плит. Западная стена состояла из двух плит, северная — тоже из двух, южная стена — из трех плит, в восточной стенке стояла одна плита. Некоторые плиты были вкопаны в древний чернозем (I–III и плита VI). Плиты имели высоту от 0,86 до 1,1 м, ширину 0,34–1,33 при толщине от 0,12 до 0,31 м. Их индивидуальные промеры сведены в таблицу.

Плита	Высота, м	Ширина, м	Толщина, м
I	1,06	0,61	0,12–0,18
II	1,1	0,65	0,16–0,18
III	0,95	1,33	0,12–0,22
IV	0,86	0,34	0,17–0,31
V	0,96	0,42	0,16
VI	1,1	1,34	0,12–0,24
VII	0,8	0,8	0,16
VIII	0,78	0,84	0,14–0,16

Внутренние и боковые стороны плит протесаны. Плиты тщательно пригнаны одна к другой, щели между ними были заполнены мелкими камнями и герметично замазаны грязью. Короткие стены гробницы имели наружные подпорки в виде наклонно поставленных плит крупных размеров (0,84 × 0,6 × 0,2 м и 0,84 × 0,5 × 0,16 см). Изнутри стены подпирались небольшими камнями, наполовину выступавшими над полом по углам гробницы. Обработка плит осуществлялась на кургане, о чем свидетельствуют прослойки щебня и каменной крошки за стенами гробницы.

Расписной фриз внутри гробницы, исполненный темно-красной охрой (с малиновым оттенком) состоял из древовидных и различных крестообразных начертаний из полос шириной 3–6 см. Роспись сохранилась превосходно, краска прочно схватилась с основой и нигде даже не осыпалась. Большинство полос наносилось густой краской, и только некоторые, как бы сильно разбавленной, прозрачной охрой или же, наоборот, были намеренно стертые (условно это показано на рис. 31,5). В росписях плит II и III одна из полосок выведена на верхнюю грань основы. На плите VIII, в отличие от остальных плит, кроме росписи, имеется семь каверн, тогда как наружная сторона этой плиты протесана и гладкая.

По сведениям Н. А. Габера, вскрывшего захоронение, на полу гробницы лежал человеческий скелет, на спине, черепом к западу, кисть согнутой в локте правой руки была уложена на таз, левая рука вытянута вдоль туловища, положение ног не прослеживалось. Под черепом и вокруг него, «нимбом», лежали раскрашенные деревянные палочки. Несколько особенно крупных палочек находилось на груди. При просмотре земли, выброшенной из гробницы, было обнаружено около 200 раскрашенных палочек (в основном обломки), комок темно-красной краски, аналогичной по цвету настенным росписям,

и крупинки ярко-красной охры. Еще около 100 палочек ранее собрал Н. А. Габер.

Осмотр костей, доставленных в местный краеведческий музей, показал, что они принадлежали человеку юношеского возраста. Область правой теменной кости и прилегающего участка затылочной кости оказалась обожженной до белого каления и сильно разрушилась. Снаружи череп покрывали пятна охры цвета росписи на плитах. Густо краска отложилась на лобной, левой теменной кости и левой ветви нижней челюсти. На трубчатых костях следов охры не было.

Инвентарь погребения. Палочки, сделанные из веток, имеют длину от 2 до 11 см, диаметр — 0,2–0,8 см. Только две палочки плоские, остальные с круглым сечением. Палочки, за исключением нескольких, были очищены от коры, концы их чаще затуплены, иногда острые. Каждая с одной стороны покрыта полосками и, реже, точками краски. Преобладают двухцветные экземпляры, разрисованные черной и ярко-красной краской (рис.32).

Погребение 2 — ямной культуры (рис.33,1). Обнаружено в 20 м к западу от репера, в прямоугольной могильной яме с уступом, частично срытом при разрушении кургана. Верхняя часть ямы (2,8 × 2,4 м) глубиной 1,1 м от древнего горизонта (-2,8 м), заполнена равномерной смесью чернозема с суглинком. Погребальная камера, 1,8 × 1,4 м, глубиной 0,8 м от уступа, перекрывалась истлевшими деревянными плахами, уложенными поперек ямы. Погребенный (взрослый) лежал скорченно на спине с разворотом на левый бок, головой к северо-северо-западу. Судя по специфическому смещению позвонков, голова и верхняя часть туловища были, вероятно, приподняты. Кисть согнутой в локте правой руки уложена на таз, левая рука вытянута вдоль туловища, ноги повернуты коленями вправо. На дне могилы прослежен серый и коричневый тлен подстилки с пятнами алой охры. Следы аналогичной краски имеются на костях скелета. Слева

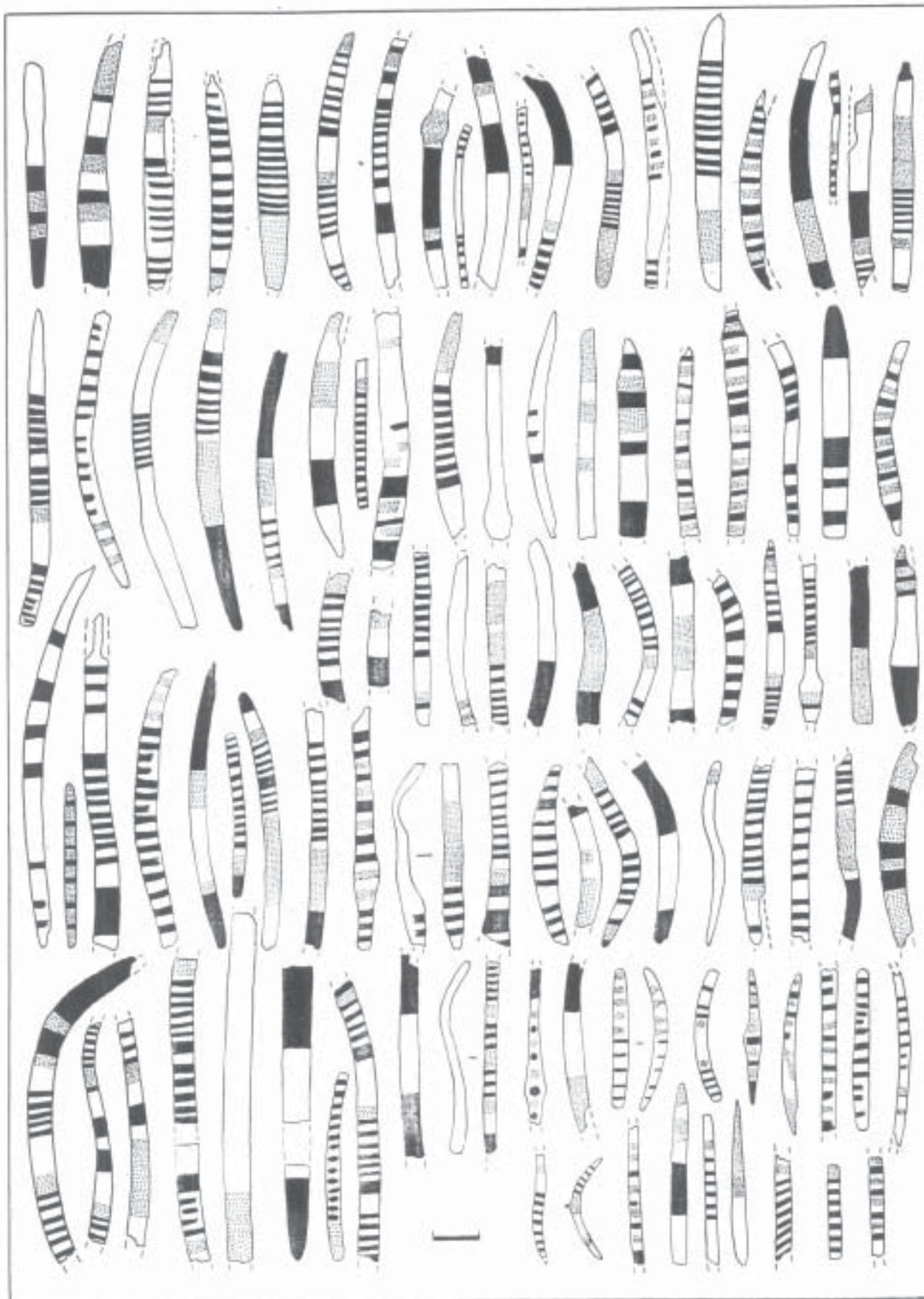

Рисунок 32. Великозимоновский курган. Расписные деревянные палочки из погребения 1.

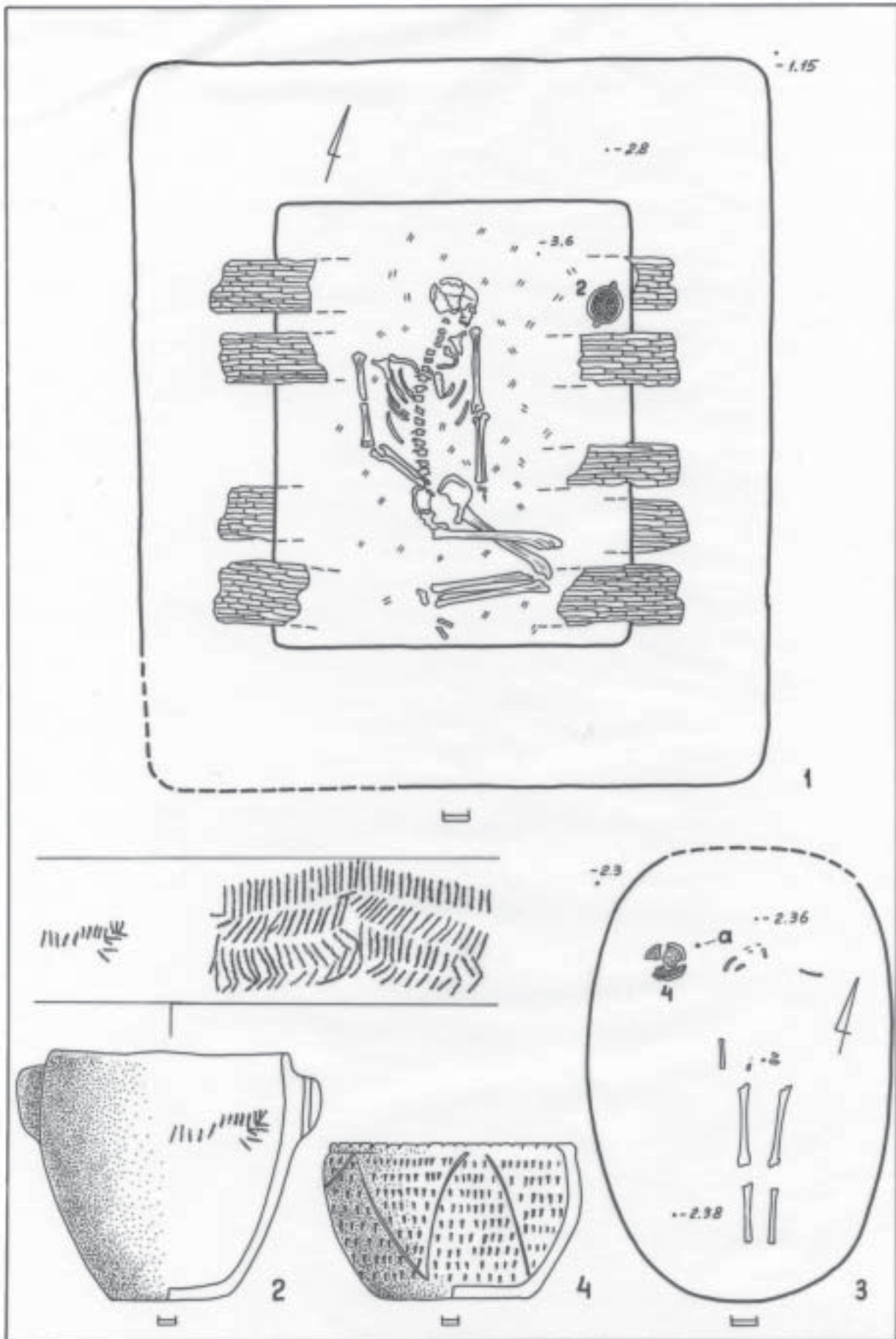

Рисунок 33. Великозименовский курган: 1 – погребение 2; 2 – сосуд из погребения 2; 3 – погребение 3 (а – бронзовая пронизь); 4 – сосуд из погребения 3.

от черепа, возле стенки ямы стоял керамический сосуд.

Инвентарь погребения. Лепной сосуд в форме банки, имеющей под краем два пластиковых упора с вертикально проколотыми отверстиями. Орнамент нанесен оттисками шнура. Стенки гладкие, с пятнами светло-коричневого и темно-серого цвета, излом — темно-серый с примесями шамота. Сосуд внутри покрыт алой охрой. Высота сосуда 14,5 см, диаметр венчика 14, дна — 7 см (рис.33, 2).

Погребение 3 — катакомбной культуры, частично уничтоженное при разрушении кургана (рис.33,3). Обнаружено в 24,7 м к западу — юго-западу от репера, на глубине 2,3 м. Овальная в плане погребальная камера, 1,95 × 1,25 м, заполнена черноземом, стенки прослежены на высоту всего 8–10 см. Скелет взрослого человека вытянут на спине, в северо-западной ориентировке. Локтевая кость правой руки параллельна туловищу, кости левой руки не сохранились. Под скелетом отмечен коричневый тлен подстилки с пятнами красной охры. В инвентаре — керамическая миска и окисленное бронзовое изделие (пронизь?); по-видимому, они находились вблизи черепа, который не сохранился.

Инвентарь погребения. Миска имеет плоский край, который слегка загнутый внутрь. Стенки заглажены и снаружи местами вылощены. Узор на корпусе состоит из прочерченного зигзага и. клиновидных углублений, край орнаментирован насечками. Темно-серое керамическое тесто содержит примесь шамота. Высота сосуда 9,5 см, диаметр венчика 14, дна — 8,5 см (рис.33,4).

Погребение 4 — катакомбной культуры (рис.34). Обнаружено в 7,7 м к югу от репера, на глубине 1,1 м. Входная яма погребальной катакомбы овальная, 1,9 × 1,6 м, вытянута в направлении юго-юго-запад — северо-северо-восток. До глубины 2,7 м входная яма заполнена материковым суглинком с примесями чернозема, ниже — чистым суглинком. В заполнении на глубине 2,1 м, возле северо-восточной стенки ямы наклонно на ребре стояла треугольная известняковая плита (0,8 × 0,75 × 0,15 м). Еще одна плита (0,8 × 0,6 × 0,2 м) лежала на уровне основания первой плиты. На глубине 2,7 м южная стенка ямы имела ступеньку шириной 0,7 м, отмеченную скоплением костей овцы и двух особей крупного домашнего рогатого скота.¹³

Кости этих же животных находились и в за-

¹³ Определение Е. П. Секерской.

полнении нижней части входной ямы, где она имела округлую в плане форму (1,5 × 1,4 м) и углублялась до отметки 3,25 м от репера. На стенах входной ямы сохранились желобки длиной до 0,2 м от землекопных орудий. Погребальная камера расположена перпендикулярно входной яме и соединена с ней овальным лазом (0,75–0,6 м) и пологим желобом — пандусом длиной 1 м, имеющим план трапеции. Доступ к захоронению со стороны входной ямы настолько тщательно был перекрыт камнями и плитами, что земля почти не проникла в погребальную камеру. Камера в плане овальная (2 × 1,5 м), высотой 1,7 м. Ее потолок и стены обмазаны белой глиной, сохранившей следы заглаживания пальцами. Дно камеры на 0,85 м ниже дна входной ямы. Скелет, принадлежавший мужчине юношеского возраста, почти полностью истлел. Уцелели фрагменты свода черепа, зубы, правая плечевая кость, несколько ребер и часть позвоночника. Можно предположить скорченное положение погребенного на левом боку или, что менее вероятно, на спине, головой к юго-востоку. У черепа находился опрокинувшийся набор целый лепной сосуд в обрамлении из астрагалов.

Инвентарь погребения. 1). Массивный горшок с короткой шейкой и отогнутым наружу венчиком. Темно-серая керамическая масса сосуда содержит примесь шамота, поверхность заглажена и орнаментирована оттисками гребенчатого штампа с квадратными в сечении зубьями. Узор состоит из 8 горизонтальных рядов «елочного» рисунка с белой инкрустацией. Внутри сосуда — коричневый осадок. Высота сосуда 18 см, диаметр венчика 17 см, дна — 7 см (рис.34,2). 2). Комплект астрагалов (27 экз.) овцы/козы, без следов обработки; один астрагал пропитан окислами несохранившегося изделия из меди/бронзы (рис.34,3).

Часть астрагалов (8 экз.) использована для получения изотопной даты: 3780 ± 70 ВР (Ki-11210).

Погребение 5 — предположительно ямной культуры. Обнаружено в 4 м к северо-северо-западу от репера в заполнении рва, на глубине 1,4 м. Контуры ямы не прослежены. Погребение потревожено при разрушении кургана. Сохранились длинные кости ног и несколько ребер, принадлежавшие взрослому человеку. Под костями — пятна охры.

Погребение 6 — ямной культуры (рис.35,1). Обнаружено в 15,8 м к северо-за-

паду от репера, в прямоугольной яме с уступом. Верхняя часть ямы (3,2 × 2,6 м) глубиной от репера 1,6 м заполнена смесью чернозема и глины, на дне — белый тлен. Погребальная камера, 2,2 × 1,50 м, глубиной от уступа 1 м (-2,6 м), перекрывалась продольно деревянными плахами. Часть засыпки верхней ямы вместе с перекрытием обрушилась в камеру, где были захоронены двое взрослых людей. Скелеты их лежали на дне камеры в одинаковой позе — на спине, в юго-западной ориентировке. Руки слегка согнуты, кисти уложены у тазовых костей, кости ног расположены ромбом. Под соприкасающимися коленями находилось каменное орудие. На дне прослежен коричневый тлен от подстилки с пятнами красной охры.

Инвентарь погребения. Комбинированное орудие в форме асимметричного бруска (красновато-бежевый песчаник) с функциями песта и терочного камня зерна и растительных продуктов¹⁴. Размеры: 11 × 7,5 × 5,5 см (рис.35,2).

Погребение 7 — средневековое, коллективное (рис.35,3). Обнаружено в 13 м к юго-юго-западу от репера, в черноземе на глубине 1 м. Стенки могильной ямы не прослежены. Кости плохой сохранности. От одного погреб-

бенного, ребенка, сохранился лишь череп, ориентированный теменем на восток, от другого — кости голеней и стоп взрослого человека, захороненного в западной ориентировке. Еще трое погребенных (двое взрослых и ребенок) лежали на спине, вытянуто, в западной ориентировке.

Погребение 8 — ямной культуры, возможно, кенотаф. В 16,6 м к юго-западу от репера, на глубине 1,3 м обнаружена полуразрушенная прямоугольная яма с уступом, заполненная черноземом с вкраплениями суглинка и материковой глины. В длину яма ориентирована по направлению восток-юго-восток — запад-северо-запад. На уровне уступа (-1,7 м) яма имела длину 2,5 м и перекрывалась поперечно уложенными деревянными плахами. Перекрытие обрушилось на дно нижней части ямы длиной 1,7 м и глубиной от уступа 0,8 м (-2,5 м). На дне прослежен белый и коричневый тлен подстилки. Захоронение отсутствует.

Погребение 9 — раннего периода бронзового века. Однослойное скопление разрозненных обломков крупных костей конечностей взрослого человека (одного?) на восточном склоне первичной насыпи, обнаруженное в 3,5 м западнее репера, на глубине 1,2 м.

¹⁴ Определение Г. В. Сапожниковой.

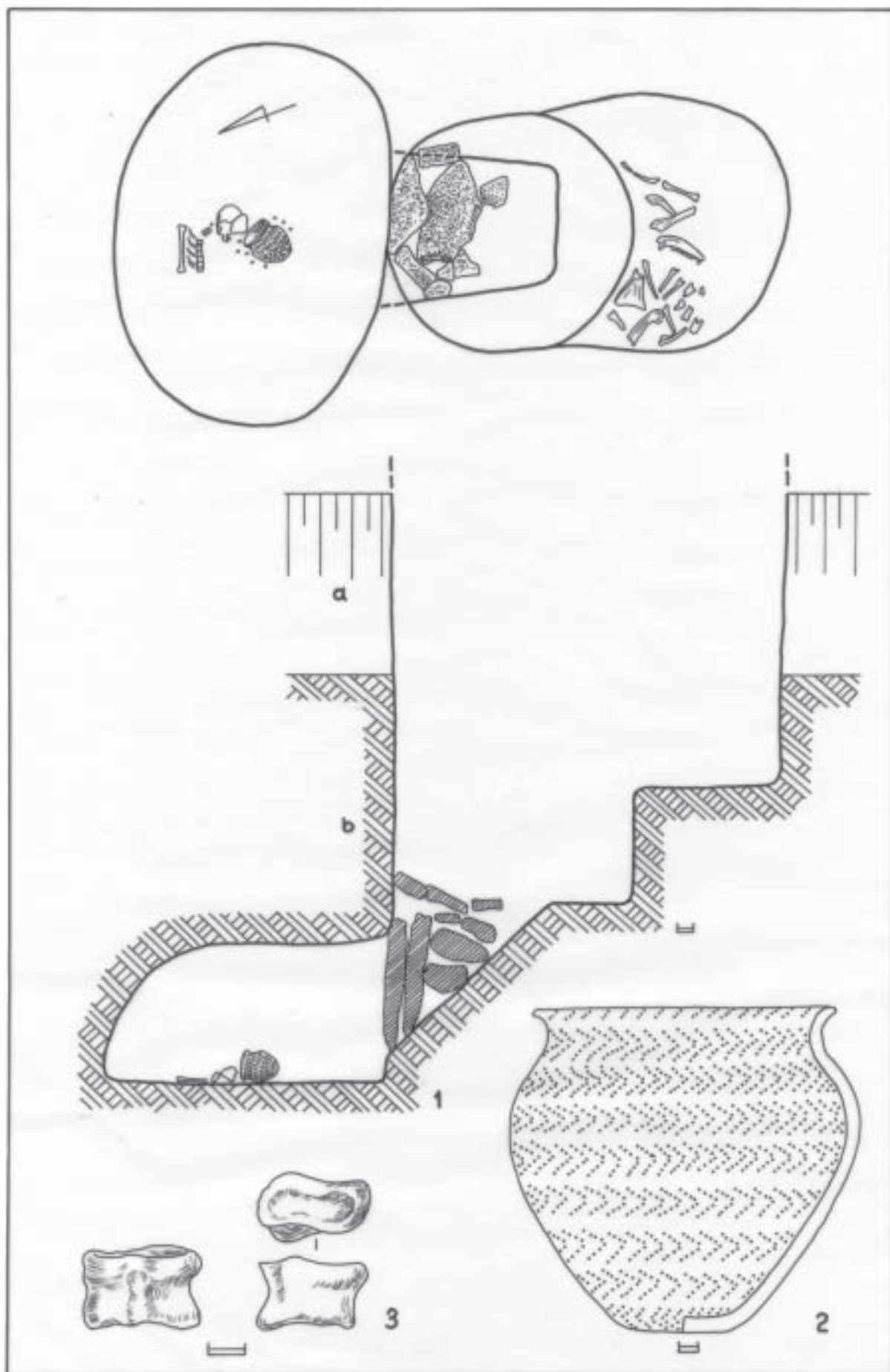

Рисунок 34. Великозименовский курган: погребение 4 (1) и найденные в нем предметы (2-3).

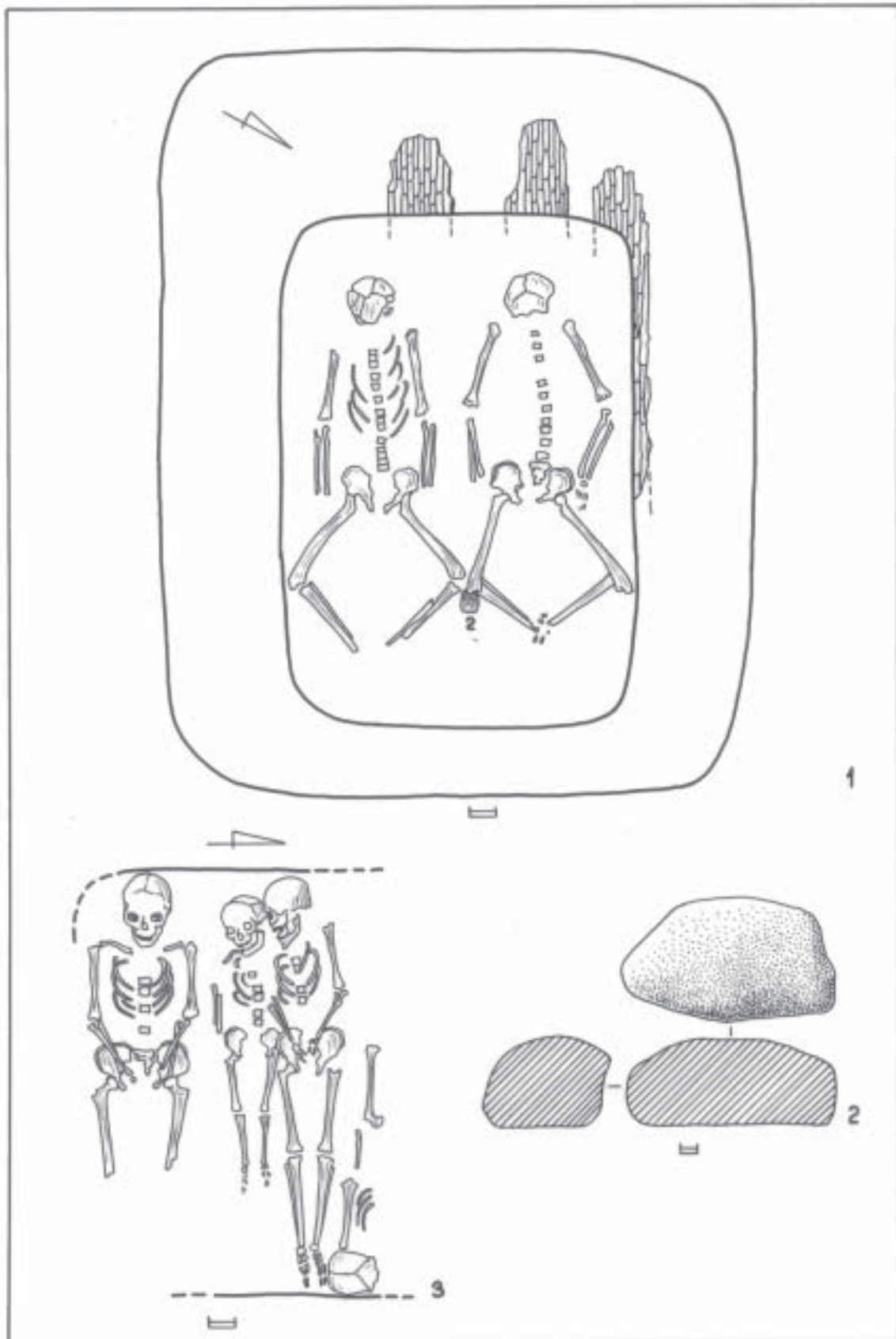

Рисунок 35. Великозименовский курган: 1 – план погребения 6; 2 – комбинированное орудие с функциями песта и терочного камня из погребения 6; 3 – погребение 7.

Рисунок 36. Курган 3 у с. Рёвова. Общий план (I) и разрезы (II–III): 1-4 – насыпи; 5 – материковый слой; 6-8 – рвы (а – следы кострища).

Рисунок 37. Курган 3 у с. Рёвова: план крепиды.

КУРГАННАЯ ГРУППА У СЕЛА РЕОВОА

В окрестностях села Ревова Ширяевского района Одесской области были исследованы два кургана, № 3 и № 4. Курганы располагались по левому борту долины р. Большой Куяльник, на высоте 84 м над тальвегом реки (125 м в балтийской системе высот). Они занимали верхнюю часть склона юго-западной экспозиции, полого опускающегося к реке, до которой от курганов 1,5 км. В этих топографических условиях территория могильника являлась превосходной обзорной площадкой на юг и юго-запад¹⁵.

КУРГАН 3

Курган 3 находился напротив отметки «370,1 км» трассы Киев — Одесса, с западной стороны дорожного полотна. Насыпь, осажженная многолетней вспашкой, имела высоту всего 1,1 м от современной поверхности при диаметре около 45 м. Со слов фермера, владеющего полем, при вспашке иногда встречались кости. По сведениям местных жителей, ранее на кургане стоял геодезический знак.

Несмотря на малую высоту, курган оказался трудным объектом для раскопок. Кольцевая каменная выкладка, сразу же обнаруженная в центральном секторе, ограничила использование землеройной техники. Там основной объем работ был выполнен вручную. Чтобы без потерь раскрыть каменные конструкции по всей площади, пришлось отказаться от стратиграфических бровок и заложить только один разрез, пересекающий курган по диаметру с севера на юг (рис. 36).

Всего в кургане выявлено 18 захоронений. Из них к эпохе энеолита относится погребение № 19, к ямной культуре — 7 погребений (№№ 3–4, 6–7, 15–16, 20), к катакомбной культуре — 4 (№№ 5, 8, 10, 13), к культуре многоваликовой керамики — 1 (№ 14), к эпохе поздней бронзы — 2 (№№ 1–2). Поздние кочевники оставили в кургане 2 или 3 захоронения — №№ 12, 18 и, возможно, погребение 21. Кроме погребений, в кургане обнаружены отдельные находки в пунктах 1–2 и три ямы. Ямы №№ 9 и 11, вероятно, энеолитические. Яма 17 объединяет перекоп под опоры геоде-

зического знака и более ранний (?) грабительский шурф.

Стратиграфия кургана

Плантажная вспашка, которой в недавнем прошлом неоднократно подвергался курган, нарушила насыпь в среднем на глубину 0,7 м, что затруднило изучение стратиграфии. Тем не менее, строительные горизонты в структуре объекта читались достаточно ясно. На стратиграфический разрез попали первичная насыпь, каменная обкладка ее основания, досыпки, одновременные рвы и два впускных погребения (рис. 36, II–III). Полный профиль погребенной почвы под насыпными слоями нигде не прослеживался. Представлен был только палевый суглинок (условный археологический «материк»), продолжающийся за пределами насыпи как нижний горизонт чернозема (горизонт С). Это объясняется тем, что в древности «строительная» площадка кургана была целенаправленно очищена от верхних горизонтов почвы. Проследить края этой выборки не удалось¹⁶. Зато выяснилась одна примечательная деталь. Оказалось, что под серединой первичной насыпи «материковый» суглинок лежит заметно выше (т.е. срезан меньше), чем по краям и за насыпью. Перепад составлял около 30 см (при отметках глубин 1,0–1,3 м от репера). Это возвышение, устроенное на месте будущего насыпного кургана, не кажется нам случайным.

Другой важной деталью оформления той же площадки являлся ров 1. Он состоял из двух отдельных дугообразных отрезков с округленными концами. Обрамляя участок диаметром 11–12 м, один отрезок рва имел план полукольца, другой — четверти. Перемычка на линии рва с восточной стороны площадки составляла 1 м, тогда как на юго-западе разрыв достигал 9 м. Обе части рва обнаружили на одном уровне зачистки (–1,3 м от репера). Они были одинаковой ширины 1,2 м, глубиной 0,4 м в суглинке. В их однородном черноземном заполнении сверху время от времени встречались камни. Кроме того, в западной оконечности рва на уровне перемычки отложились маловыразительные остатки кострища (угольки, комочки прокаленной земли).

¹⁵ С могильника отчетливо просматривается сектор с радиусом 5–6 км; видны даже курганы за рекой, на плато правого берега Большого Куяльника.

¹⁶ Плантаж не позволял установить верхний уровень залегания суглинка в полах кургана.

Суглинок, вынутый из рва и, вероятно, срезанный с площадки, был сложен на ней в насыпь (насыпь 1). К тому времени площадка была уже центрирована погребением 19 (основным, эпохи энеолита). Насыпь 1 имела основание диаметром около 10 м. Высота ее была 1,0 м от уровня материка (в том секторе, через который был произведен разрез кургана). Диаметр, насыпи, судя по периметру рва 1, был около 11–12 м, при толщине насыпного слоя в центре, над погребением 19, около 1 м (за счет повышения площадки, с которой было выполнено захоронение). Насыпной материал имел разную тональность, очевидно, в зависимости от глубины, с которой брался. Преобладал более светлый суглинок.

На следующем этапе насыпь 1 была облицована обломками известняка¹⁷, а окружающей ров 1, вероятно, засыпан. Обкладка охватывала основание насыпи на высоту 1 м пологим кольцевым слоем разнокалиберных плит известняка от 0,1 до 0,6 м в поперечнике (рис.37). Верхний край обкладки имел диаметр 6–6,5 м, нижний — от 9,5 до 10,5 м. Следуя наличному рельефу насыпи или за счет подрезки склонов, западный сегмент обкладки оказался заметно выше восточного (перепад высот доходил до 0,4 м). Самые крупные обломки обрамляли насыпь с восточной стороны. Везде камни лежали плашмя, иногда в два или три слоя, и только в западном секторе нижний край каменной обшивки ограничивался дугообразной двухслойной кладкой длиной 1,6 м из плиток, вкопанных в насыпь ребром. Небольшой участок (1,6 × 1,5 м), прилегающий к этой кладке снаружи, был вымощен камнем горизонтально.

Полная расчистка обкладки показала, что это монументальное сооружение сохранилось без существенных искажений и утрат. Вспашка его не затронула. Перекрывающая досыпка сыграла роль защитного слоя. Из более поздних, впускных, захоронений обкладку задело лишь одно (погребение 15 ямной культуры). Несомненно, она выстроена по определенному плану. Существенной и, главное, вполне объективно фиксируемой частью этого плана представляется связь сооружения с осевым направлением восток — запад. Далее, еще в ходе раскопок обнаружилось зрительное сходство постройки с черепахой. Особенно выразителен западный выступ, как бы обозначающий голову: вымостка из мел-

¹⁷ Выходы этой породы известны в 4 км к югу от кургана.

ких камней, на которой размещены два крупных камня-глаза (?). Тем не менее, возможны и другие интерпретации.

Вероятно, к этому же энеолитическому комплексу относятся две ритуальные (?) ямы №№ 9 и 11 западнее первичной насыпи. По стратиграфии, завершала комплекс досыпка из суглинка, или насыпь 2 диаметром около 18–22 м¹⁸. Она полностью перекрыла каменное сооружение и ров 1. Суглинок для второй насыпи, предположительно, доставлялся из кольцевого рва 3 диаметром 36 м с севера на юг и 32 м с запада на восток. Это была корытообразная в разрезе выемка шириной около 2 м, глубиной до 0,5 м в суглинках, с плотным илистым наполнением.

Возможно, в центральную часть кургана с уровня второй насыпи было опущено погребение 3 (ямной культуры?), позднее почти полностью разрушенное перекопом. Захоронение перекрывалось крупными каменными плитами и мелкими камнями. Камни надмогильного сооружения лежали на суглинке, суглинком были заполнены и щели между мелкими камнями.

В восточную и западную полы второй насыпи были впущены захоронения №№ 4 и 7 ямной культуры. Это подтверждается следующими наблюдениями. Края деревянного перекрытия погребения 4 лежали на поверхности суглиняковой насыпи. Восточная сторона могильной ямы находилась ближе к краю курганной насыпи и была слегка ниже западной. Погребения №№ 4 и 7 находились примерно на равном расстоянии от центра второй насыпи, уровень обнаружения перекрытия погребения 4 и выброса из погребения 7 (лежащего на суглиняковой насыпи) также одинаков. Это указывает на сходную конфигурацию курганной насыпи в западном и восточном секторах и ее овальную форму. Трудно сказать, были ли эти погребения одновременны, однако следует иметь в виду сходство в положениях скелетов, включая идентичную ориентировку (северную, довольно редкую в ямной культуре).

Создается впечатление, что и погребение 16 со стелами также выполнено с уровня второй насыпи (но, по-видимому, если учитывать имеющиеся радиоуглеродные даты, ранее захоронений 4 и 7). Эти три захороне-

¹⁸ Несмотря на наличие всего одного разреза, овальная форма насыпи фиксировалась в плане. Она проявилась после снятия с помощью скрепера всей черноземной толщи над суглиняковыми насыпями.

ния (или четыре, если погребение 3 также впущено со второй насыпи) были перекрыты третьей, черноземной насыпью с белыми вкраплениями. Она сохранилась лишь в центральной части кургана и разрушена вспашкой на его остальной площади. В этой насыпи был прорыт ровик диаметром около 16 м, шириной 0,5–0,6 м. Ров 2 слабо читался на разрезе. В плане же он фиксировался только возле погребения 14, которым был перерезан. Прослеженная глубина ровика составляла всего 0,1–0,15 м. В эту насыпь опущено погребение 15 ямной культуры, что четко было видно на стратиграфическом разрезе. Скорее всего, с этим захоронением (но, быть может, не с ним одним) связана последняя, четвертая, черноземная насыпь кургана. Этот слой сильно разрушен и растянут вспашкой. Возможно, к ямной культуре следует отнести также детское погребение 6 (?), устроенное в северо-западном секторе, и разрушенное погребение 20 из юго-восточного сектора насыпи. Уровень, с которого опущены эти погребения, объективно не определяется.

Вероятно, все остальные погребения впущены в уже сформированную насыпь. Прежде всего, это погребения катакомбной культуры №№ 5, 8 и 13 в южной поле кургана, погребение 10 — в северной поле. Погребение 14 культуры многоваликовой керамики, также, вероятно, было впущено с уровня последней насыпи. Завершают хронологическую колонку эпохи бронзы два захоронения (№№ 1–2), обнаруженные в верхнем слое насыпи и, предположительно, относящиеся к сабастиновской культуре. Курган более не использовался вплоть до эпохи средневековья, к которой определенно относятся печенежско-торчское погребение 18 и ногайское погребение 12. В эту же серию захоронений поздних кочевников, вероятно, следует включить младенческое погребение 21.

Описание погребений

Погребение 1 — эпохи поздней бронзы (рис.38,1), расположено в 1,45 м к юго-юго-востоку от репера, на глубине 0,47 м. Погребенный уложен скорченно на левом боку, головой на восток, с незначительным отклонением к северу. Руки согнуты в локтях, правая кисть под подбородком, левая поднесена к лицу. За черепом лежал небольшой плоский камень.

Погребение 2 — эпохи поздней бронзы (рис.38,3), обнаружено в 6,3 м к юго-востоку от репера, на глубине 0,62 м. Положение по-

гребенного скорченное на левом боку, головой на северо-восток. Руки согнуты в локтях, предплечья уложены перед грудной клеткой, параллельно подогнутым ногам (поза «скачущего всадника»). На месте, где должны были находиться стопы — два мелких камня.

Погребение 3 — предположительно ямной культуры, разрушенное грабительским шурфом (рис.38,4). Частично сохранилась грунтовая яма с каменным перекрытием, обнаруженная в 1 м к северо-востоку от репера. В перекрытии *in situ* лежали две крупные плиты известняка (0,8 × 0,7 и 1,1 × 0,7 м), замеченные с глубины 0,2 м, и обломки плитняка средней величины (0,2–0,5 м в поперечнике). Центральная плита отсутствовала, видимо, изъята грабителями. Вероятно, кладка разрушена также с северной стороны, откуда шел грабительский подкоп. Основание заклада находилось на уровне 0,65–0,7 м, дно ямы — на глубине 1,15 м от репера. В яме уцелел лишь небольшой участок дна (0,5 × 0,5 м). По-видимому, она была прямоугольной с прогнутыми наружу длинными стенками или же имела план трапеции и округленные углы. Дно обмазано глиной, посыпано охрой и мелом.

Погребение 4 — ямной культуры (рис.39,1), находилось в 9,1 м к востоку от репера, на глубине 1,35 м. Впущено с уровня второй суглиняковой насыпи. Яма имела поперечное перекрытие из деревянных плах шириной до 22 см, толщиной до 5 см, лежащее на бортах ямы, на поверхности насыпи. Погребальная камера прямоугольной формы, 1,65 × 1,45 м, с округленными углами, глубиной 0,4 м от уровня перекрытия (-1,75 м). Скелет ребенка (?) почти полностью истлел: сохранились только фрагменты правой плечевой, бедренной и берцовой костей. В области туловища — кротовина. Судя по сохранившимся костям, погребенный был уложен скорченно на левый бок (или на спине с наклоном влево), головой на север. Череп не сохранился (или отсутствовал); на месте, где он должен был быть найден кремневый отбойник. На дне под костяком — плотный коричневый тлен кожаной (?) подстилки. В изголовье, на расстоянии 0,2 м от западной стенки ямы — подсыпка малиновой охры в пределах пятна 15 × 8 см. На дне изредка встречается белесый тлен рухнувшего деревянного перекрытия, основные обломки которого встречались в заполнении. В ногах, ближе к западному борту — отпечатки коры. Создается впечатление, что до совершения погребально-

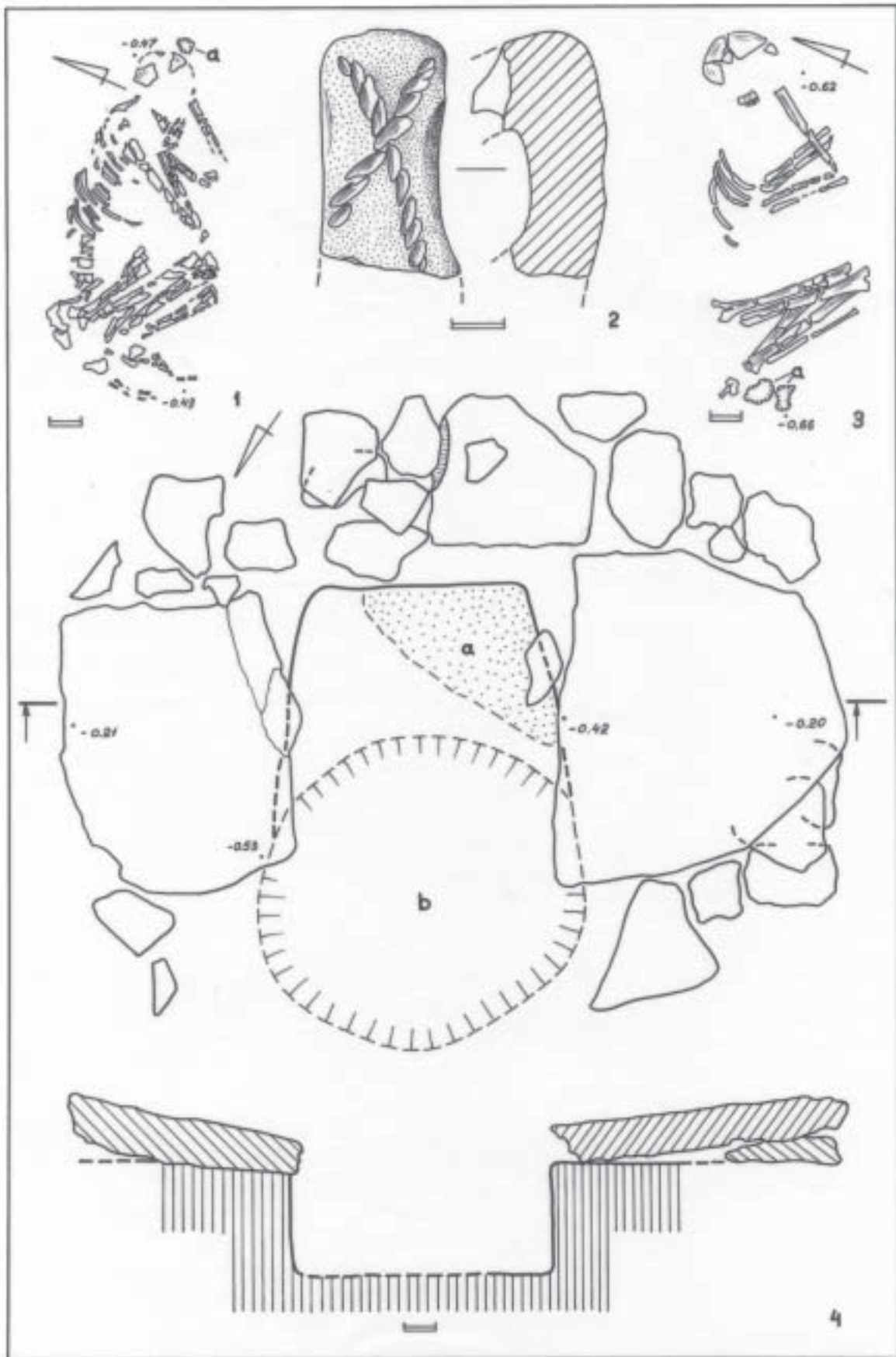

Рисунок 38. Курган 3 у с. Редова. 1 – погребение 1 (а – камень); 2 – фрагмент ручки амфоры из насыпи кургана; 3 – погребение 2 (а – мелкие камни); 4 – погребение 3 (а – сохранившийся участок дна, б – перекоп).

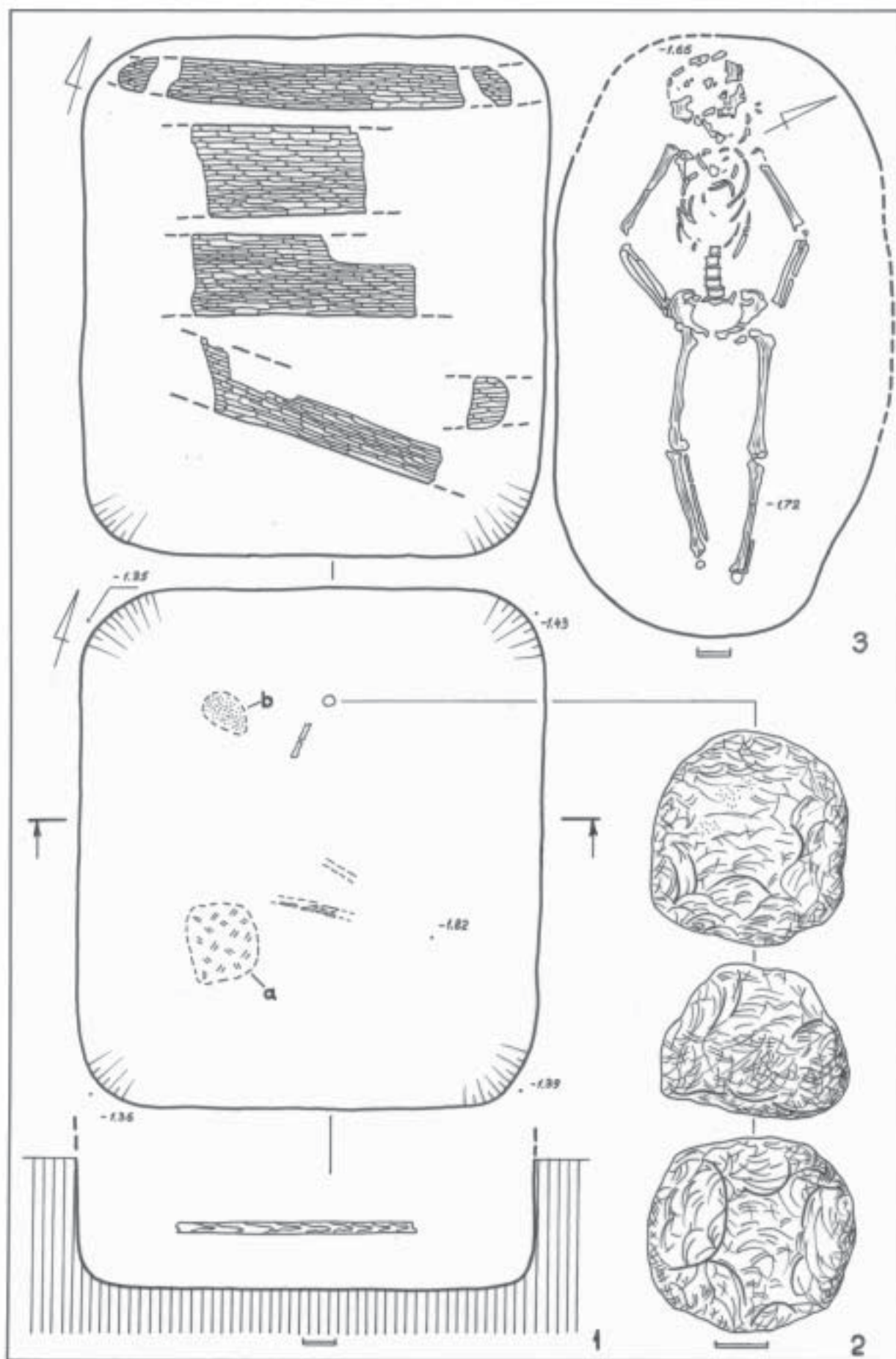

Рисунок 39. Курган 3 у с. Рёвова. 1 – погребение 4 (а – кора, б – охра); 2 – кремневый отбойник из погребения 4; 3 – погребение 5.

го обряда, могильная яма какое-то время простояла открытой: под подстилкой на глине — тонкий слой ила.

Инвентарь погребения. Отбойник из кремневой гальки светло-серого цвета и не совсем правильной полусферической формы, диаметром 3,8—4,0 см. Высота орудия — 2,9 см. Наиболее сильная сработанность (забитость) видна на круговой кромке орудия (рис.39,2).

Погребение 5 — катакомбной культуры (рис.39, 3), выявлено в 13 м к юго-востоку от репера, на глубине 1,65 м. Выделялось как темное пятно нечетких очертаний на фоне суглинка. Погребальная камера прослежена на уровне дна. Она овальная, 1,9 × 1,05 м. Стенки сохранились на высоту до 0,2 м (-1,85 м). Погребенный лежал посредине камеры, вытянуто на спине, головой на запад-северо-запад. Руки согнуты в локтях, кисти находятся под тазом, левая нога вытянута, правая слегка согнута.

Погребение 6 — ямной культуры (?), находилось в 8 м к северо-западу от репера, на глубине 1,55 м. Погребальная камера четырехугольная, 1,1 × 0,8 м, вытянута в длину с юго-запада на северо-восток. Стенки прослежены на высоту 0,25 м (-1,8 м). Дно повреждено землеройками, на нем — остатки подстилки из коры. Скелет, если он был (ребенка?), не сохранился.

Погребение 7 — ямной культуры (рис.40), обнаружено в 8 м к западу от репера, на глубине 1,25 м. Погребение совершено в прямоугольной яме с отвесными стенками и уступом. Верхняя часть ямы имела размеры 2,5 × 2 м, стенки прослежены на высоту 0,85 м (-2,1 м). Погребальная камера, 1,65 × 1,3 м, опущена на 0,8 м ниже уступа (до глубины 2,89 м от репера). На уступ первоначально опиралось поперечное дощатое перекрытие, которое провалилось в камеру: труха и обломки древесины попали в заполнение и на дно могилы. На стенках погребальной камеры — пятна белого тлена. На скелете и дне могилы были видны остатки покрова из травяной (?) циновки с продольным направлением основных волокон. Погребенный (взрослый) уложен скорченно на левом боку, головой на север. Правая рука согнута в локте, лежит поперек туловища. От левой руки сохранилась лишь труха плечевой кости. У правого плеча — подсыпка охры рубинового цвета. Дно напротив колен прокалено. У восточной стенки ямы, по углам стояли сосуды; в заполнении

сосуда, поставленного в изголовье, найден кремневый скребок и фрагмент человеческой ключицы.

Инвентарь погребения: 1). Лепной сосуд типа «амфоры», стоявший в северо-восточном углу. Он плоскодонный, со слегка отогнутым краем, низкой горловиной, покатыми плечиками и двумя вертикально проколотыми пластическими ушками на корпусе. Форма несколько асимметрична. Обжиг неравномерный, соответственно черепок на изломе черный, снаружи пятнистый, выдержан в серых, бежевых и розоватых тонах. В керамическом тесте отмечена примесь крупного шамота. Внешняя поверхность закопчена. Высота сосуда — 16,5 см, диаметр венчика — 10,8 см, корпуса — 15 см, дна — 8 см (рис.40,2).

2). Лепной сосуд в форме банки, поставленный в северо-восточном углу погребальной ямы. Край банки прямой, под ним расположены два боковых упора с вертикально проколотыми отверстиями. Снаружи сосуд светло-коричневый, выглаженный перед обжигом пучком травы. Внутренняя поверхность серая, черепок в изломе темно-серый, с примесями шамота. Высота сосуда 16 см, диаметр венчика — 19,5 см, диаметр дна — 8 см (рис.40,3).

3). Скребок бокового типа, изготовленный из пластинчатого отщепы средней величины (48 × 23 мм). Кремень серый, непрозрачный, с участками желвачной корки. Со стороны спинки край изделия обработан крупной «скребковой» ретушью, с бруска лезвие подправлено крупной заостряющей ретушью возле ударного бугорка (рис.40, 1).

Изотопная дата данного комплекса установлена в Киевской Радиоуглеродной лаборатории по образцу осколков крупных костей конечностей — 3910 ± 60 BP (Ki-11058).

Погребение 8 — катакомбной культуры (рис.41, 1), обнаружено в 10,5 м к юго-востоку от репера, на глубине 1,65 м. Выделялось темным заполнением на фоне суглинка. Погребальная камера у дна имеет размеры 2,4 × 1,1 м, глубину от уровня фиксации 0,3 м (-1,95 м) и ровное дно. В плане это неправильный овал с зауженной южной стороной. Стенки идут ко дну подбоям (рис.41, 1a—1b), особенно глубоким в южной части камеры (0,3 м). Погребенный вытянут на спине, ориентирован на север, череп лежал на левой височной кости. Скелет частично разрушен землеройками. От правой руки сохранилась лишь плечевая кость; лучевая и локтевая кости ле-

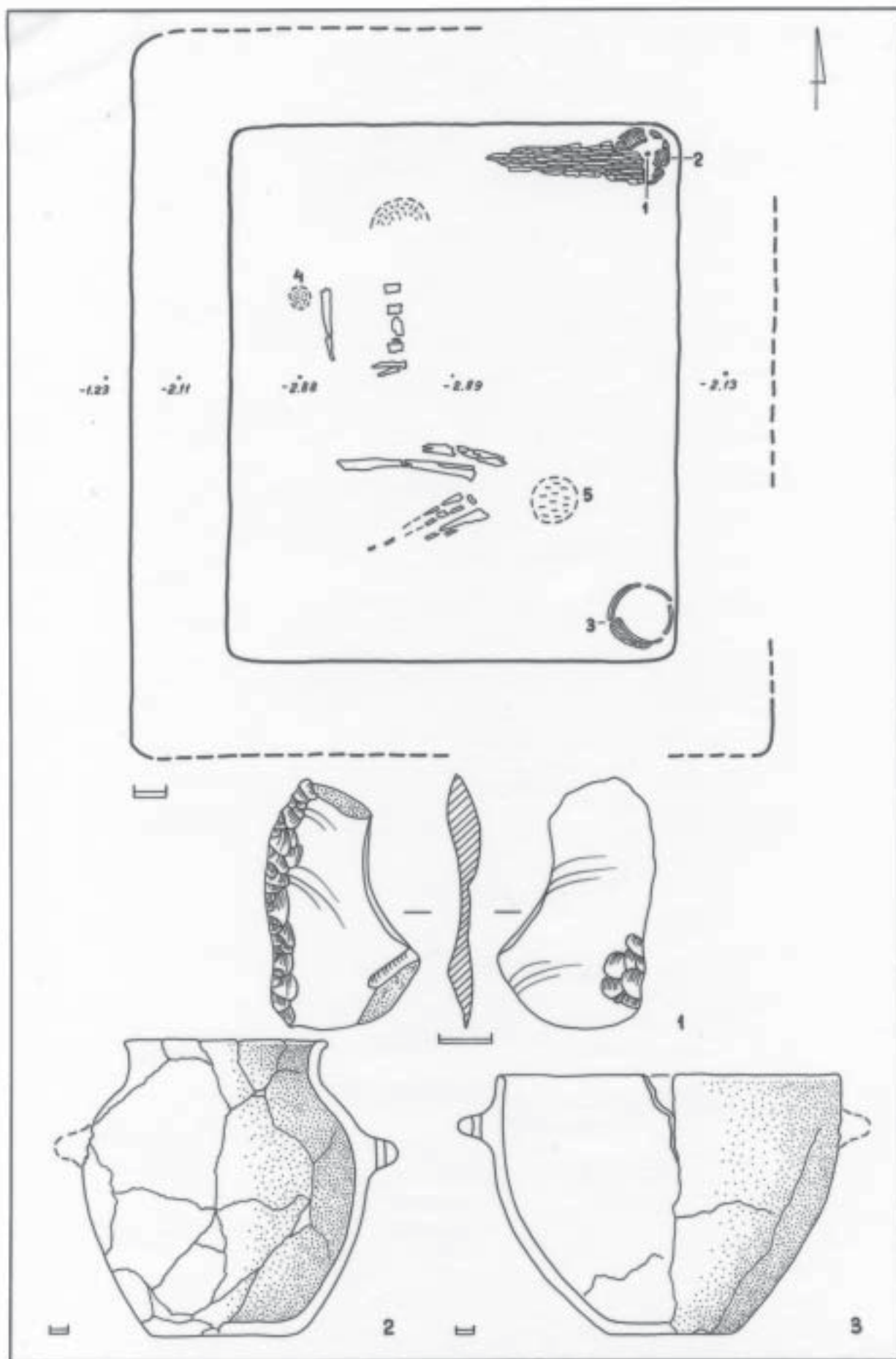

Рисунок 40. Курган 3 у с. Регова. Погребение 7: 1 – кремневый скребок; 2-3 – сосуды из погребения 7; 4 – охра; 5 – следы огня.

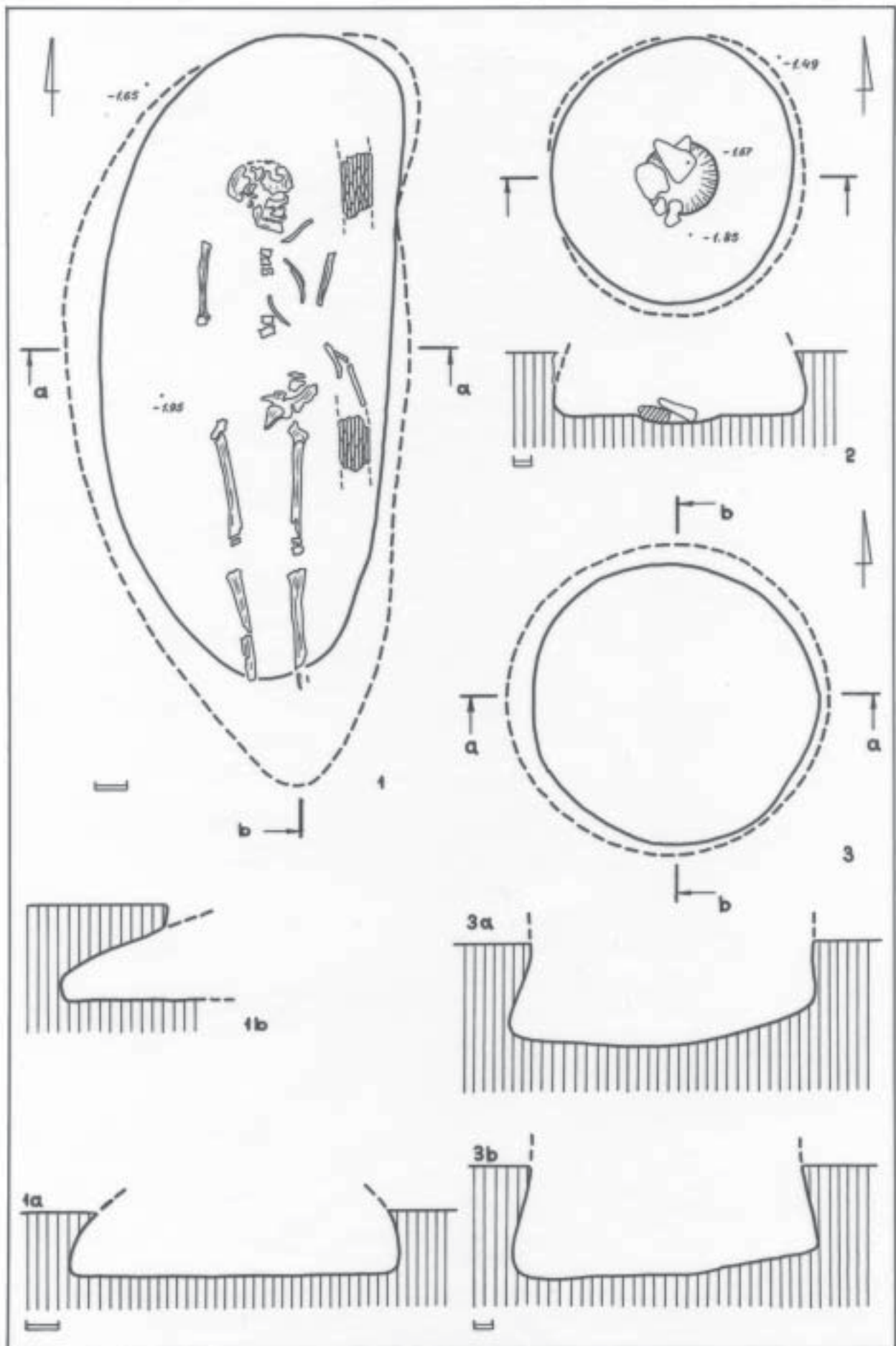

Рисунок 41. Курган 3 у с. Рєвова. 1 – погребєнє 8; 2 – погребєнє 9; 3 – погребєнє 11.

вой руки сдвинуты в сторону. На дне под скелетом фиксируются слабые следы подстилки. Вдоль восточной стенки, у черепа и тазовых костей, отмечены отпечатки деревянных плах шириной до 0,15 м.

Яма 9 — предположительно эпохи энеолита (рис.41, 2–3), обнаружена в 7,5 м к западу-северо-западу от репера, на глубине 1,69 м. Яма округлая, 1,55–1,75 м в диаметре, с темным гумусовым заполнением. Стенки, прослеженные на высоту 0,16–0,18 м (-1,85–1,87 м), шли ко дну небольшим подбоем. Дно было центрировано тарелкообразным углублением диаметром около 40 см, 5 см глубины. В углублении пирамидкой были сложены 5 плоских обломков песчаника без следов обработки.

Погребение 10 — катакомбной культуры (рис.42), обнаружено в 11 м к северо-западу от репера, на глубине 1,5 м. Фиксировалось по темному пятну овальной формы. Размеры могильной ямы сверху — 2,6 × 1,8 м, у дна — 2,5 × 1,68 м, прослеженная глубина 0,93–0,95 м (-2,43–2,45 м). Южная стенка выполнена в виде подбоя, северная скошена ко дну под наклоном. Дно относительно ровное, на уровне дна попадают линзы каменной крошки (кора выветривания). Погребенный находился ближе к южной стенке, он вытянут на спине, ориентирован головой на восток. Правая рука уложена вдоль туловища, левая согнута в локте, кисть прикрывает левый тазобедренный сустав. От ног сохранились лишь бедренные кости и часть левой берцовой кости. Под скелетом — слабый тлен от подстилки.

Яма 11 — предположительно эпохи энеолита (рис.41, 3). Обнаружена в 8 м к западу-юго-западу от репера, на глубине 1,75 м. Яма вверх имеет диаметр 1,8 м. Стенки прослежены на высоту 0,4–0,6 м (-2,15–2,25 м). Ко дну яма расширяется, приобретая диаметр 2 м. Дно имеет небольшой уклон к западу. Скелет и какой-либо инвентарь отсутствуют.

Погребение 12 — предположительно ногайское (рис.43,1), обнаружено в 13 м к юго-юго-востоку от репера, на глубине 1,5 м. Яма удлиненной формы с закругленными углами имела длину 2,15 м, ширину в изголовье — 0,55 м, в ногах — 0,45 м. Заполнена плотным желтоватым суглинком. Погребенный (взрослый) вытянут на спине, теменем на западу-юго-запад, лицом к югу. Руки выпрямлены и прижаты к туловищу, кисти уложены поверх бедер. Отменная сохранность костей свиде-

тельствует об относительно поздней дате захоронения.

Погребение 13 — катакомбной культуры (рис.43), находилось в 8,7 м к юго-юго-западу от репера, на глубине 1,9 м. На материке выделялось темным заполнением грунтовой катакомбы с рухнувшим сводом. Погребальная камера имела план овала, длину 2,1 м, ширину 1,5 м, прослеженную глубину 1,1 м (-3 м). Округлый входной колодец примыкал к погребальной камере с юго-восточной стороны. Его диаметр — 0,7 м, прослеженная глубина — 0,5 м. Умерший лежал на спине вытянуто, головой на северо-северо-запад. Череп склонен к правому плечу, лицевым скелетом к югу. Позвоночник изогнут. У восточной стенки, на уровне предплечья находилась керамическая чаша, поставленная на подсыпку бордовой охры. Боковые упоры сосуда были направлены на юг. За теменной частью черепа лежали три кремня, еще один находился у левого предплечья. На дне погребальной камеры прослежен темно-коричневый тлен подстилки.

Инвентарь погребения: 1). Чаша с округлым дном и ровно срезанным краем, орнаментированная композицией из желобков и прочерченных линий. Орнамент, начинающийся под краем чаши, включает пояс из шести желобков и шесть опускающихся от него тройных фестонов. Свободные участки между фестонами расчерчены рядами затертых параллельных бороздок, нанесенных зубренным шпателем и создающих рифленую фактуру. Орнамент замыкается на паре горизонтальных цилиндрических выступов («носиков»), центрированных сквозными отверстиями. Выступы расположены асимметрично, один несколько выше другого. Под ними, между фестонами, нанесена фигура удлиненно-конических очертаний из трех желобков; как бы еще один фестон, но встречного направления. Поверхность чаши светло-коричневого цвета, пятнистая, местами вылощена, донная часть закопчена. Керамическая масса на изломе черепка темно-серая, с примесями песка и шамота. На внутренней и внешней поверхности — следы заглаживания и разводы, оставленные на сырой глине инструментом типа гребня (зубренным шпателем), причем снаружи они более грубые, особенно у дна. Высота сосуда 16,5 см, диаметр 18,5 см (рис.43,6).

2–5). Комплект кремней, включающий два осколка и два отщепа, мелкий и средней

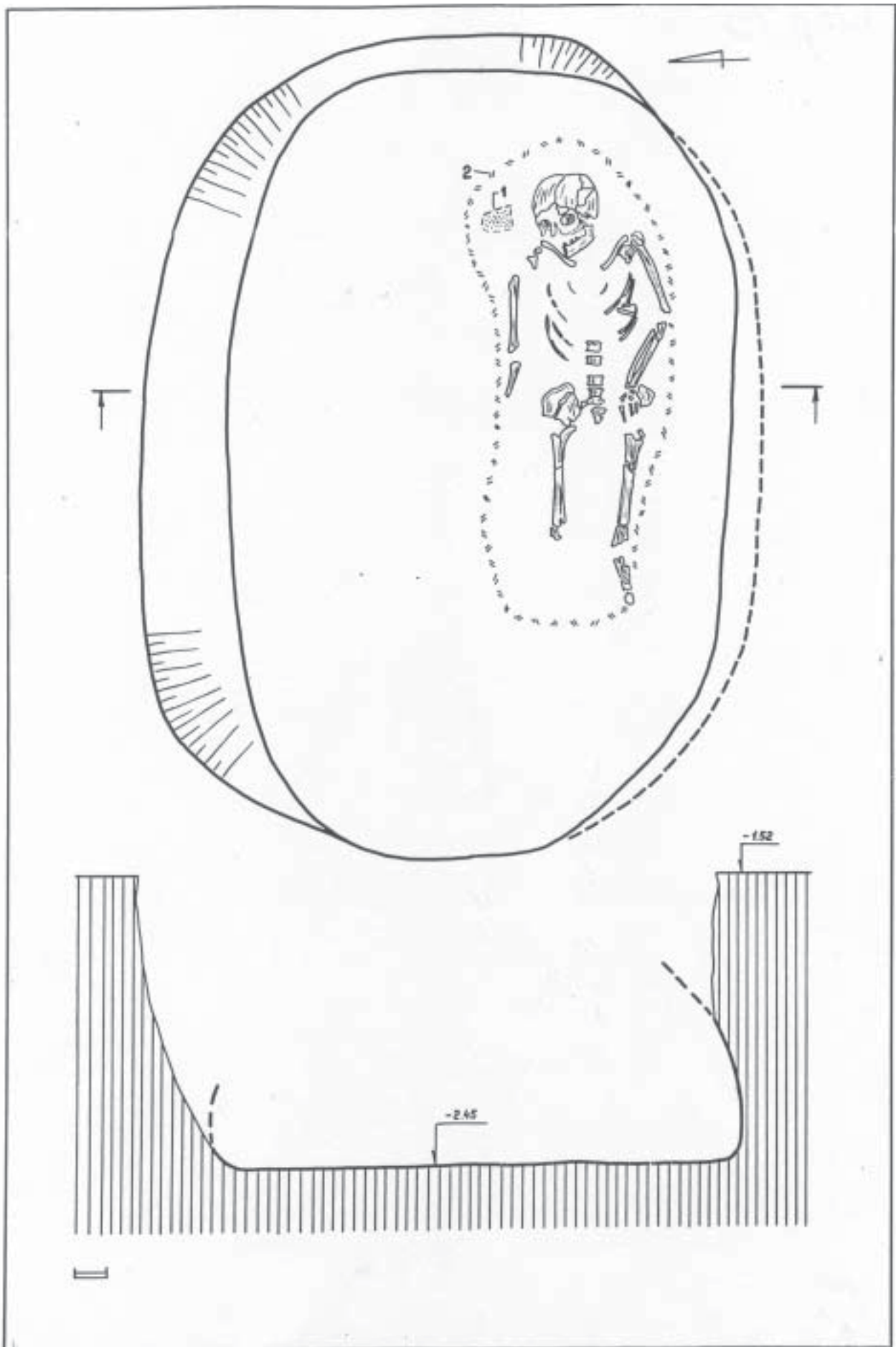

Рисунок 42. Курган 3 у с. Рёвова. Погребение 10 (1 – каменная крошка, 2 – подстилка).

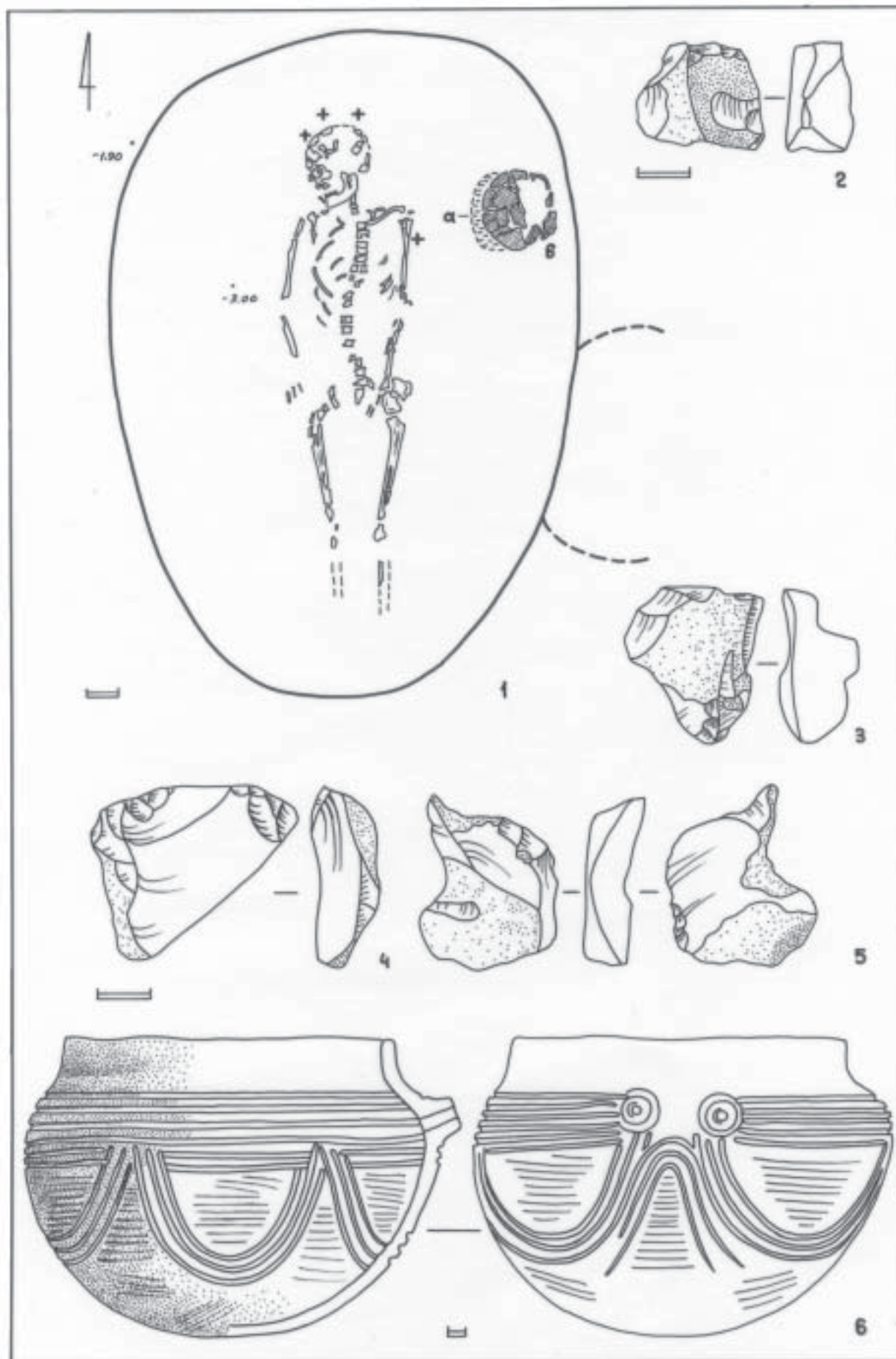

Рисунок 43. Курган 3 у с. Редова. 1 – погребение 13 (а – охра, б – сосуд); 2-5 – кремневые отщепы из погребения 13; 6 – сосуд из погребения 13.

величины, с небольшим участком ретуши на вентральной стороне. Все изделия со следами желвачной корки. Кремень серый, светло-серый и пестрый (рис.43, 2-5).

Изотопная дата данного комплекса установлена в Киевской Радиоуглеродной лаборатории по образцу осколков крупных костей конечностей — 3940 ± 60 ВР (Ki-11172).

Погребение 14 — культуры многоваликовой керамики (рис.44, 2), обнаружено по фрагментам поперечного деревянного перекрытия, от которого сохранился коричневый тлен в центральной части ямы непосредственно на костях скелета. Погребение находилось на расстоянии 6,5 м к югу от репера, на глубине 1 м. Дно погребальной камеры прослежено частично, по тлену коричневой подстилки. По-видимому, камера была прямоугольная, с сильно закругленными углами, длиной 1,35 м, шириной 0,8 м. Стенки прослежены на высоту 0,15 м (-1,15 м). Скорченный скелет лежал на левом боку, ориентирован на запад-юго-запад. Левая плечевая кость параллельна основной оси скелета, правая плечевая кость направлена в сторону левой. Другие кости рук не сохранились. Захоронение присыпано алой охрой (отложения на дне и костях). Изотопный возраст комплекса, установленный в Киевской Радиоуглеродной лаборатории по образцу фрагментов костей конечностей, составляет 3590 ± 70 ВР (Ki-11175).

Погребение 15 — ямной культуры (рис.44, 3), обнаружено в 1,5 м южнее репера, на глубине 0,7 м, по бревенчатому перекрытию. Яма четкой прямоугольной формы, 1,9 ? 1,1 м, прослеженная глубина 0,5 м (-1,2 м). На перекрытии лежали массивные бревна диаметром около 20 см (обломки на бортах ямы и в заполнении). В основном этот накат был поперечным, но одно-два бревна, возможно, лежали по центру ямы продольно. На дне ямы, вдоль длинных стен, имелись канавки шириной по 12 см, глубиной 2 см каждая. Под двумя стенками в дне были пробиты отверстия диаметром 7 см, глубиной 19–20 см. В одном из них у короткой (восточной) стенки — остатки древесины, возможно, случайные, из перекрытия. На стенках местами отпечатались плотно прилегающие друг к другу стебли диаметром 2–5 мм (от циновок?). Дно промазано светлой глиной и присыпано охрой. Погребенный был уложен на спину головой на юго-запад, руки вытянуты вдоль туловища. Ноги были подогнуты и поставлены

коленями вверх. Позвоночник изогнут в грудном отделе. Поверх обмазки дна в области туловища прослеживалась прослойка серой глины, покрытая белым однородным тленом, скорее всего, растительного происхождения. По этим органическим (?) остаткам и характерным изгибам позвоночника можно предположить, что под спину погребенного была подложена какая-то «подушка». По фрагментам костей нижних конечностей установлена изотопная дата комплекса 3780 ± 70 ВР (Ki-11060).

Погребение 16 — ямной культуры (рис.45, 1–2), обнаружено на расстоянии 7 м к северу от репера, по выступившим в пахотном слое краям известняковых антропоморфных стел. Стелы лежали поперек могильной ямы, но не горизонтально, а образуя тупой угол, как бы в приподнятом состоянии. Возможно, в такое положение их поставил плантаж, или же стелы осели так самопроизвольно. Нижние грани у обеих стел не обработаны. Восточная стела, $0,9 \times 0,6$ м, толщиной 20–25 см, имеет приземистые пропорции. Половину плиты занимает полукруглый выступ, обозначающий голову (частично сбит). Западная стела, наоборот, продолговатая ($1,2 \times 0,8$ м, толщина 0,12–0,2 м). Голова в антропоморфном силуэте этой плиты едва намечена и притом смещена от средней осевой линии.

Погребальная камера обнаружилась под стелами на глубине 0,8 м от репера. Это была прямоугольная яма с закругленными углами, $1,4 \times 0,75$ м, наполненная плотным суглинком. Ее стенки сохранились на высоту 0,4 м (-1,2 м). Погребенный (подросток?) лежал на спине, головой на запад. Руки слегка согнуты в локтях и уложены вдоль туловища, ладонями вниз. Ноги были подогнуты и поставлены коленями вверх; длинные кости частично сохранились «in situ». Череп покрыт сиреневой охрой, кисти рук — алой. Справа от черепа находилась подсыпка мела и окатыш сиреневой охры в форме яйца, длиной около 3 см, слева от черепа — кусок мела или извести. Под черепом — подсыпка крупными мела. Дно ямы промазано светлой глиной. По фрагментам костей нижних конечностей установлен радиоуглеродный возраст комплекса 4135 ± 60 ВР (Ki-11059).

Яма 17 объединяет разновременные пещеры: котлован геодезического знака и грабительский шурф, возможно, не один. Яма выявлена под пахотным слоем в 1 м к северо-

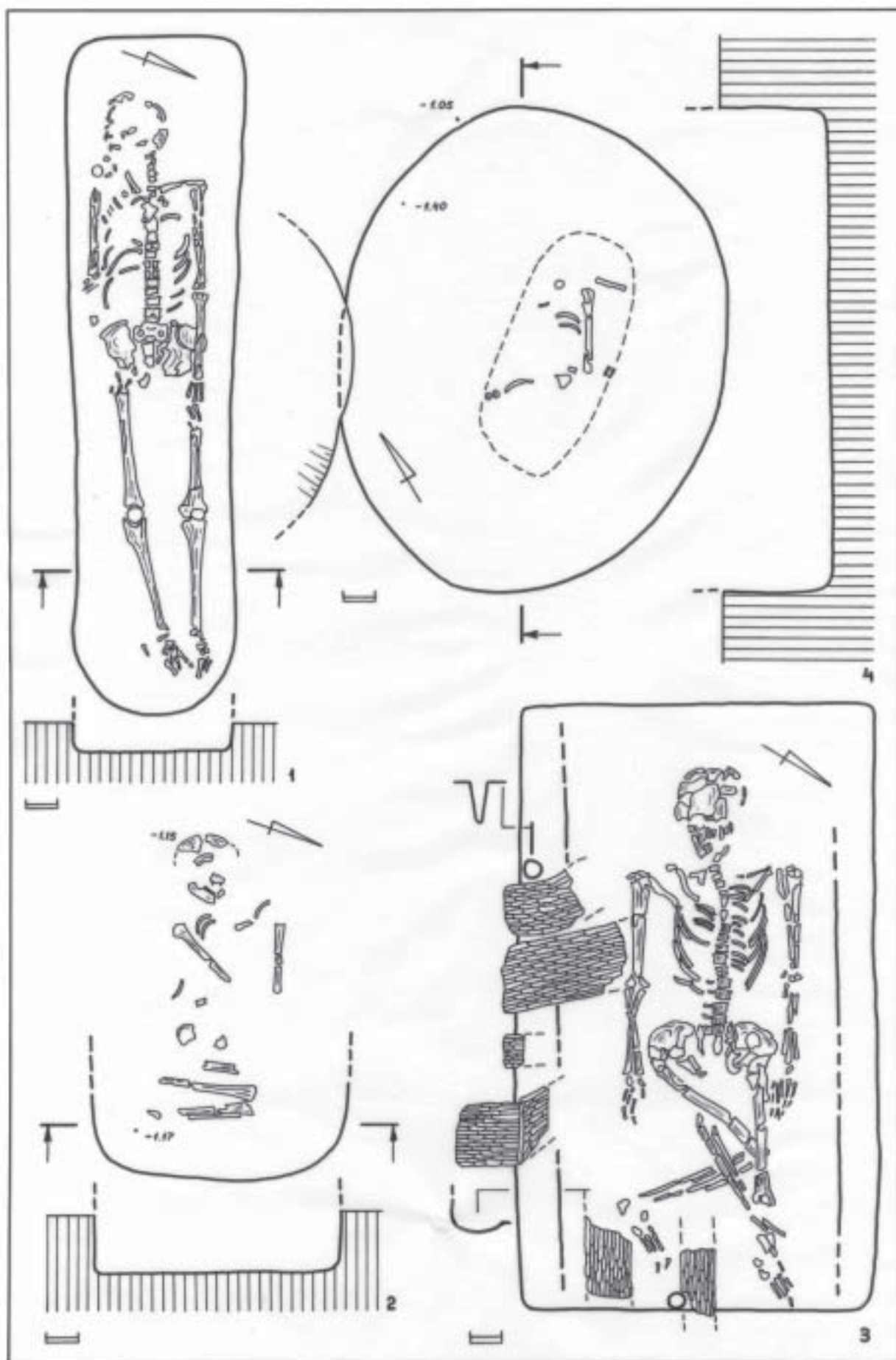

Рисунок 44. Курган 3 у с. Рєвова. 1 – погребєнє 12; 2 – погребєнє 14; 3 – погребєнє 15; 4 – погребєнє 19.

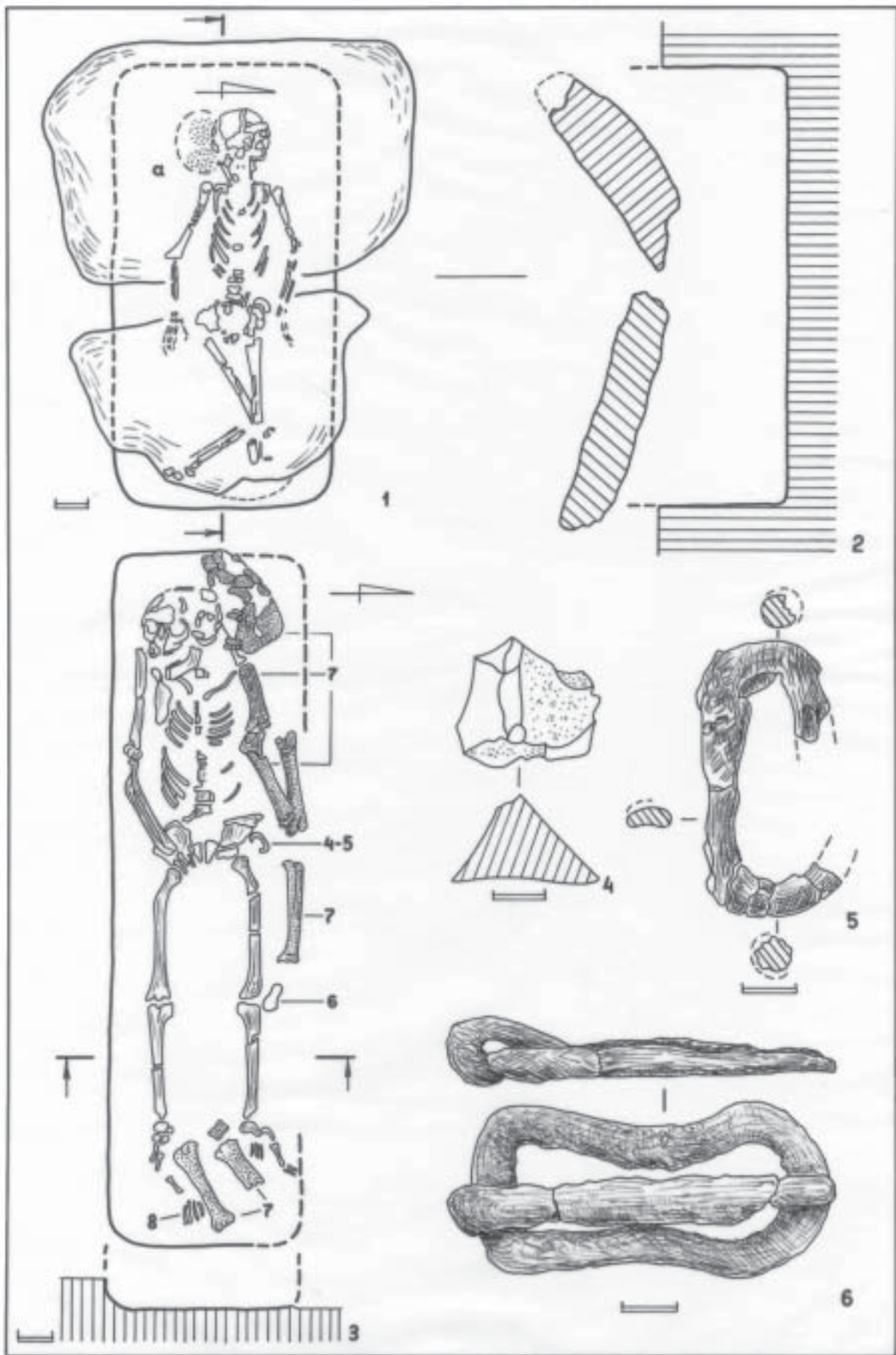

Рисунок 45. Курган 3 у с. Редова: 12 – погребение 16 (а – подсыпка мелом); 3 – погребение 18 (7 – кости лошади); 4 – кремь-огниво из погребения 18; 5 – железное кресало из погребения 18; 6 – железная пряжка с позолотой из погребения 18.

востоку от репера. В самой глубокой части она пробила насыпь кургана до материка на глубине 1,4 м, разрушила погребение 3 и задела основное захоронение 19. По всей глубине в яме 17 встречены обломки человеческих костей, покрытые охрой.

Погребение 18 — печенежско-торческое (рис.45, 3). Обнаружено в 2 м к северу от репера, на глубине 1,1 м. Скелет взрослого человека лежал в деревянном гробу длиной 2,2 м, шириной 0,6 м, из досок в 1 см толщины. Стенки ящика сохранились на высоту 10 см (-1,2 м). Погребенный ориентирован головой на запад, левая рука вытянута, правая согнута в локте, кисть ее лежала в области крестца. В нижней части крестца — зеленая глина, фаланги пальцев находились поверх глины. На груди — коричневый тлен от кожи (?), на большой берцовой кости правой ноги — пятно тлена черного цвета. На позвонках и на дне между нижними конечностями фиксировался древесный тлен от крышки гроба. Под левым крылом таза найдены огниво и кресало, у левого колена — железная пряжка.

Вдоль северной стенки ямы, по-видимому, первоначально на крышке гроба, лежали череп и кости конечностей лошади (шкура с головой и ногами?). Эти кости плохой сохранности, особенно череп. Для остеологического исследования взята сильно разрушенная лицевая часть черепа, включая верхний ряд зубов и некоторые зубы нижней челюсти. Передним конечностям принадлежат лучевая, локтевая и метакарпальные кости, фаланги. Задние конечности представлены большой берцовой костью, мелкими костями плюсны и фалангами. Возраст лошади — около трех лет.

Инвентарь погребения: 1). Огниво — треугольный в сечении осколок кремня, 2,6 × 2,4 см, с участками желвачной корки и пятнами окислов железа (рис.45, 4); 2). Кресало — в виде железной скобы (в обломках), имеющей посередине овальное, а на концах круглое сечение. Длина изделия 5,2 см, ширина была около 2,5 см, диаметр заготовки — 0,8 см (рис.45, 5); 3). Кованая железная пряжка со следами позолоты, имеющая рамку в форме восьмерки и накладной язычок. Длина 7,5 см, ширина 2,6–3,4 см (рис.45, 6).

Погребение 19 — основное, эпохи энеолита (рис.44, 4). Захоронение выявлено на расстоянии 2,1 м к востоку-северо-востоку от репера, в суглинке на глубине 1,05 м. Погребальная камера овальная, 1,55 × 1,15 м, вытянутая с северо-востока на юго-запад. Стенки

прослежены на высоту 0,35 м (-1,4 м). Разрозненные и большей частью в обломках кости человека залегали по всей толще заполнения восточной части ямы. Заполнение ямы суглинковое, с прослойками ила и супеси в месте скопления костей. Послойная разборка скопления позволяет предположить, что состояние и размещение костных останков обусловлено обрядом расчлененного захоронения, быть может, с имитацией сидячего положения погребенного. Верхний уровень занимали остатки черепа (теменные кости) и шейных позвонков, средний — ребра, в нижнем ярусе лежали позвонки поясничного отдела и крестец. Кости левой ноги отсутствуют полностью, включая стопу. Берцовые кости правой ноги, тоже без стопы, находились в вертикальном положении, тогда как бедренная кость лежала горизонтально, повернутая головкой к основному массиву костей. Вертикальное положение занимала лучевая кость правой руки. Другие кости рук, в том числе кистей, отсутствуют. В донной части ямы находились скуловые кости. Коленная чашечка лежала несколько в стороне от скопления. Некоторые фрагменты черепа окрашены охрой. На дне погребальной камеры, вблизи костей отмечены крупницы алой охры. Повсюду встречена труха обгоревших плах. В Киевской Радиоуглеродной лаборатории по образцу трубчатых костей получена дата погребения 19 — 5450 ± 80 ВР (Ki-1117).

Погребение 20 — ямной культуры, обнаружено в 13,6 м к юго-востоку от репера, на глубине 1,9 м. Сохранились лишь череп и один из краев погребальной камеры (в изголовье), по которому можно предположить, что яма была прямоугольной с закругленными углами. Череп лежал на левом виске. На всем сохранившемся участке дна ямы прослежен плотный коричневый тлен. За черепом подсыпка охрой двух цветов, алая и темно-вишневая.

Погребение 21 — детское, поздних кочевников (?), обнаружено на расстоянии 18 м к северу от репера, на глубине 1,4 м в заполнении рва на краю кургана. Яма прямоугольной формы с четко выделенными углами, 1,1 × 0,6 м. В яме находился хорошо сохранившийся дощатый гробик (0,8 × 0,3 м). В нем были небольшие фрагменты черепа и отпечатки ребер младенца, лежавшего на спине головой на запад.

Пункт 1. В юго-восточной поле кургана, на расстоянии около 12 м от репера, под пахот-

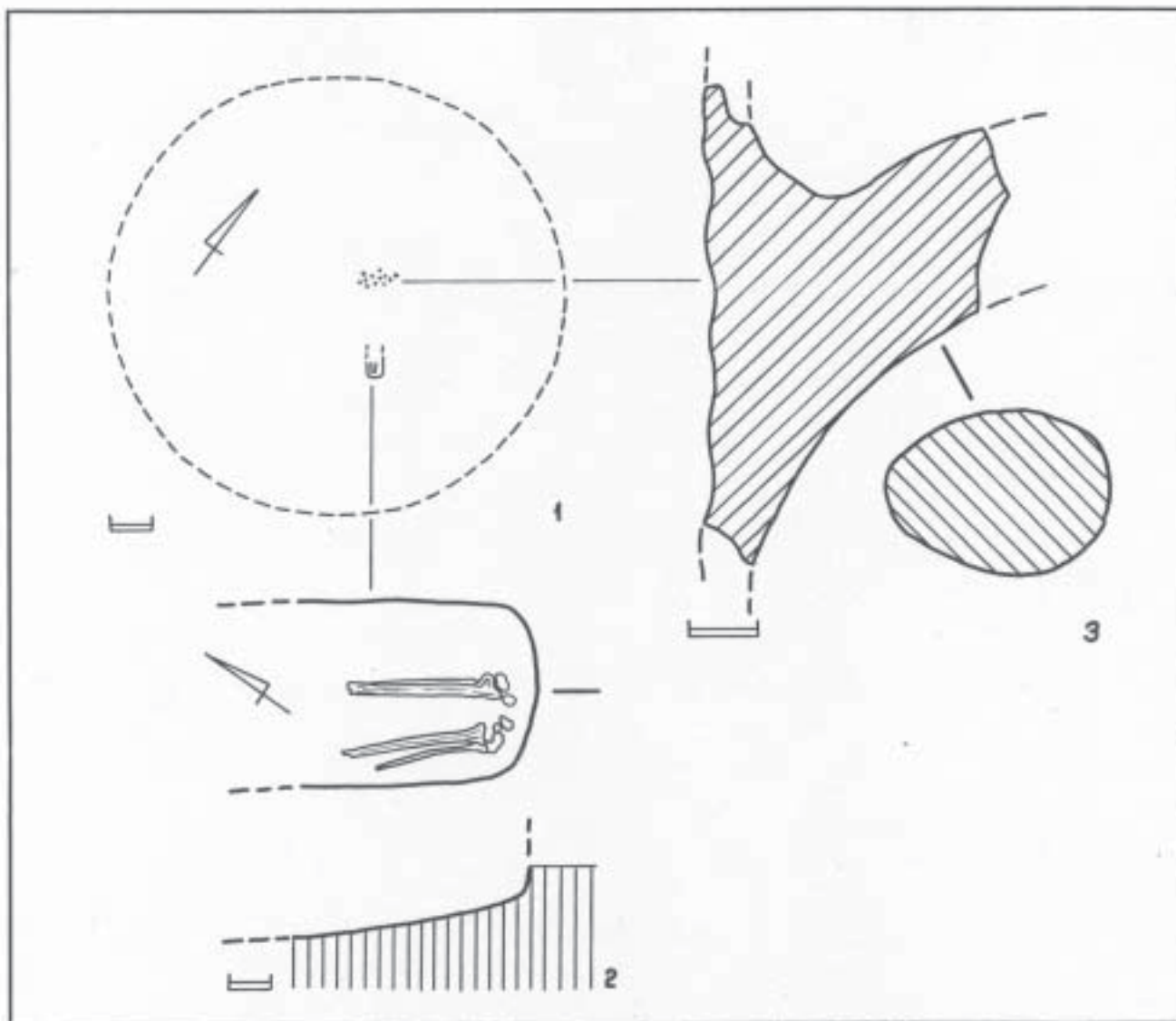

Рисунок 46. Курган 4 у с. Рёвова: 1 – общий план кургана 4; 2 – погребение 1 кургана 4; 3 – фрагмент ручки амфоры из кургана 4.

Рисунок 47. Курган «Любаша». Общий план: 1А, 1В, 2-5 – насыпи; 6 – ров; I-III – стратиграфические бровки.

Рисунок 48. Курган «Любаша». Западные профили I, II, III (1А, 1В, 2-6 – насыпи кургана; 7 – современные разрушения насыпи; 8 – погребенная почва; 9 – материковый слой; 10 – ров; а – выброс из основного погребения; б – грабительский шурф; с – материковый выброс из шурфа).

Рисунок 49. Курган «Любаша». Восточные профили I, II, III (1А, 1В, 2-6 – насыпи кургана; 7 – современные разрушения насыпи; 8 – погребенная почва; 9 – материковый слой; а – выброс из основного погребения; б – деревянное перекрытие основного погребения).

ным слоем найден горизонтально лежащий обломок плитняка (0,95 × 0,7 м, известняк).

Пункт 2. В юго-восточной поле кургана найден фрагмент ручки лепного сосуда, украшенной косым, «андреевским» крестом из оттисков толстого шнура с четкими линиями волокон плетения (рис.38, 2). Поперечное сечение ручки почти квадратное. Керамическое тесто серое в основе, с тонким бежевым слоем (до 2 мм) у поверхности. Видна незначительная примесь шамота. находка относится к ямной культуре.

КУРГАН 4

Курган 4 находился в 50 м к западу-северо-западу от кургана 3. Насыпь в рельефе читалась с трудом (высота 0,3 при условном

диаметре 10 м). Из этой едва заметной возвышенности последняя вспашка вывернула остатки тризны на участке 1,0 × 0,5 м: обломки амфоры III–II вв. до н.э.¹⁹, невыразительные черепки лепного сосуда. Единственное захоронение обнаружено 1 м к юго-востоку от тризны в условном центре кургана, на глубине 0,7 м от поверхности (рис.46, 1,3).

Погребение 1 — скифского времени (рис.46, 2). Значительная часть захоронения уничтожена плантажем. Сохранилась юго-восточная оконечность узкой (0,43 м) могильной ямы с вогнутым дном и округленными углами. В яме найдены берцовые кости взрослого человека. Вероятно, он был погребен в вытянутом положении на спине, головой на север-северо-запад.

КУРГАН «ЛЮБАША»

Курган «Любаша», или курган № 2, находился в 2 км к северу от с. Новогригорьевка Николаевского района Одесской области, по правую сторону трассы Киев — Одесса, напротив отметки «338,5 км». Курган стоял при въезде в Любашевский район и был увенчан трехметровой гипсовой скульптурой женщины (см. фото на обложке). Отсюда местное название кургана — «Любаша».

Курган находился на плато правого берега р. Тилигул, на высоте 118 м над тальвегом реки (167,7 м в балтийской системе высот). Место это представляет собой край самой высокой в ближайшей округе плоскости водораздела. Он тянется с юго-востока на северо-запад между Тилигулом и балкой Глубокий Яр. Другие курганы на этом же участке плато находятся в 1,13 км юго-восточнее и в 2,5 км северо-западнее «Любаши». До реки от кургана 2 км; спуститься к ней можно по склонам и дну безымянной балки.

К началу раскопок насыпь «Любаши» сохранилась на высоту 3,5 м (при диаметре около 55 м). Полвека назад курган был на метр выше (+4,6 м, по съемке 1950 г.). В недавнем прошлом курган неоднократно подвергался перекопам и досыпкам в связи с работами по строительству автотрассы. Так, западная пола «Любаши» была полностью разрушена; за исключением полосы шириной 8–10 м, прилегающей к центру. Край восточной полы попал под полотно существующей трассы. Северная пола была разрушена площадкой или дорогой, вымощенной щебнем, а затем досыпана при установке скульптуры. Юго-

западная пола прорезана кюветом старой автотрассы и тоже досыпана. Наконец центральную часть кургана повредил фундамент скульптуры.

Всего в кургане «Любаша» обнаружено 17 захоронений: ямной культуры — 6 (№№ 2, 7–8, 10, 16, 19), катакомбной культуры — 3 (№№ 1, 4, 17/18), культуры многоваликовой керамики — 5 (№№ 3, 9, 11–12, 15), погребение № 5 сабашиновской культуры, сарматское погребение № 14 и погребения №№ 6 и 13 с неопределенной культурной принадлежностью. Периодически в насыпи кургана встречались обработанные кремни с патиной, палеолитического облика.

Стратиграфия кургана

Раскопы на «Любаше» были заложены с севера на юг. Бровки, оставленные между раскопами, дали 6 полных стратиграфических разрезов (рис.47; рис. 48; рис. 49). На разрезах четко читались как строительные горизонты «Любаши», начиная с первичной насыпи на древней дневной поверхности, так и многочисленные посторонние вторжения. Однако с этими горизонтами, которых было не менее 6, из-за разрушений кургана удалось соотнести далеко не все погребения.

Уровень древней дневной поверхности фиксировался по погребенной почве на глубине 3,6 м от главного репера R₀, установленного в наивысшей точке кургана. Погребенная почва отчетливо просматривалась под основной и вторичной насыпью на всех раз-

¹⁹ Определение Е. Ф. Рединой.

резах. Далее поверхность, как правило, теряя резкость, опускалась на 20–25 см вследствие подрезки. В полном профиле почвы местами выделялась более светлая корка (толщиной 1–2 см), характерная для палеопочв древнейших курганов юга Украины (Золотун, 1970, с.173; Петренко, Островерхов, Сапожников, 2002, с.41). Верхние два горизонта суглинистые, суммарной мощностью около 60 см, темно-серый с буроватым оттенком и бурый с темной локальной окантовкой в основании. Нечетко выделяющийся переходный горизонт светло-бурый. Нижележащая материнская основа почвы («материк») — плотный светло-бурый суглинок. До этого уровня были доведены раскопы глубиной 4,5–4,6 м от репера.

Необычен первичный курган, состоявший из двух смежных насыпей 1А и 1В из суглинка и преобладающих комьев ила. Насыпь 1А, вытянутая с севера на юг, имела диаметр 9,5–13,5 при высоте 1,3 м и не совсем ровный южный скат с прогибом и бугром у основания. У западного края этой насыпи прослеживался уходящий под нее дугообразный ровик, прорытый в древней почве на глубину от 0,15 до 0,5 м. Наиболее глубокими были концы ровика с плотным суглинистым наполнением. Он был засыпан вровень с землей прежде, чем его перекрыла насыпь, и отчетливо читался только на разрезе (рис.48, II).

Погребений под курганом 1А не оказалось, но у его подножия с северной стороны было совершено захоронение 19 ямной культуры. Суглинок, выброшенный из этого погребения, читался на разрезах по обе стороны центральной бровки, на погребенной почве; на этом же уровне лежал бревенчатый накат поверх могилы, частично перекрывший выброс (рис.48, I,а; рис. 49, I,а–б). Курган 1В высотой 1,5 м, с асимметричной макушкой, диаметром 10–12 м в основании, полый перекрыл погребение 19 и одновременно северный склон предыдущей насыпи. Не исключено, что под насыпью 1В было еще и центральное захоронение, бесследно (вместе с выбросом?) уничтоженное в скифо-сарматское время впускным погребением 14. Но поскольку доказательств этого нет, погребение 19 должно считаться в «Любаше» единственным основным. В окончательном виде первичный курган представлял собой насыпь с округлыми выступами по бокам и седловиной.

Слой 2 светло-бурого перемешанного суглинка, сформировавший вторичную на-

сыпь, увеличил «Любашу», не меняя «двугорбий» профиль кургана. Быть может только, насыпь стала более округлой, высотой около 2,5 при диаметре 18–22 м. По восточному склону обновленная насыпь была разреженно покрыта вальками ила. Вокруг нее на двух участках прослеживался контурно намеченный ров с темно-серым наполнением, глубиной всего 0,15–0,20 м в погребенной почве.

В юго-восточную полу этой насыпи были впущены погребения ямной культуры 7, 8 и 10, расположенные по дуге. Затем возведена третья насыпь из темно-серого грунта, охватывающая полукольцом восточную полу кургана (без досыпки центрального сектора). Внешняя ее поверхность покрыта толстым (5–7 см) слоем ила. Досыпка, скорее всего, связана с погребениями 7–8 и, возможно, 10. В западном профиле восточной бровки прослежена грабительская яма, вырытая с уровня современной поверхности над погребением 8. Однако до уровня погребения грабители не дошли. В грунте второй насыпи зафиксировано погребение 16 ямной культуры, однако, впущено оно было после выполнения захоронения 7, 8, 10. На это указывает тот факт, что четвертая насыпь, охватывающая центр и восточную часть кургана, перекрывает погребение 16 и третью насыпь. Можно отметить локальную пятую досыпку в юго-западном секторе (связанную с погребением катакомбной культуры 4?). Непосредственно на склоне пятой (юго-западной) досыпки было произведено захоронение № 3 культуры многоваликовой керамики. Последняя, шестая насыпь, определенно не увязывается ни с одним из погребений. В западном секторе прослежена выемка грунта, заполненная илом. Она перекрывалась последней насыпью, следовательно, грунт из нее брался для предыдущих досыпок. Возможно, выемка ограничивает еще одну (не прослеженную в связи с разрушением кургана) насыпь. Илистые слои фиксировались и в юго-западном и южном секторах, но не так четко; практически весь край южной полу состоял из плотного илистого грунта.

Описание погребений

Погребение 1 — катакомбной культуры (рис.50, 1), расположено в 3 м к западу от репера, на глубине 1,35 м. Контуры погребальной ямы в насыпи проследить не удалось. Над скелетом отмечены следы деревянного перекрытия или настила (бессистемно располо-

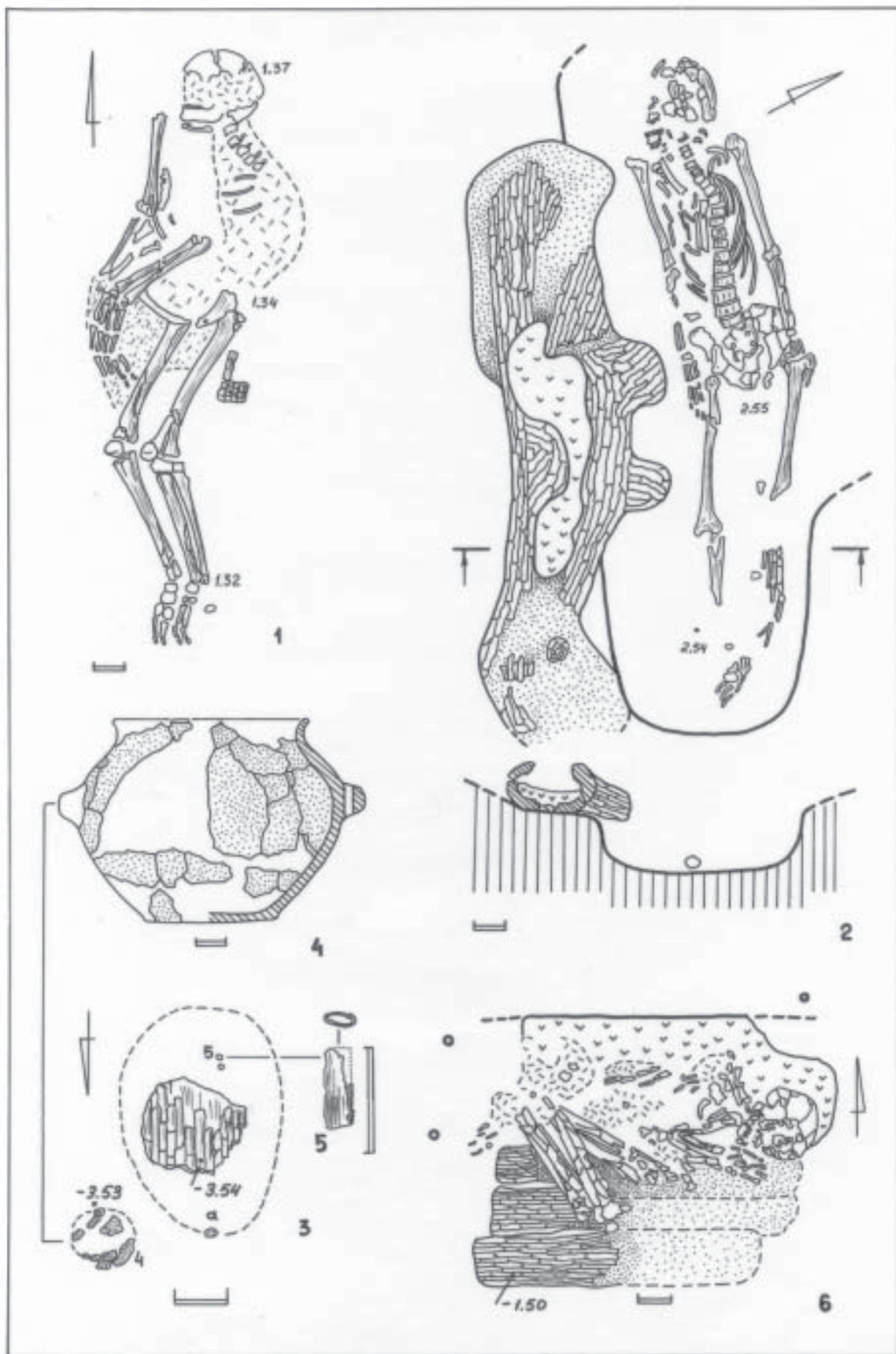

Рисунок 50. Курган «Любаша»: 1 – погребение 1; 2 – погребение 4; 3-5 – погребение 2 (3 – остатки деревянного подноса; 4 – сосуд; 5 – пронизь); 6 – погребение 3.

женные фрагменты плах). Заполнение вокруг костяка — плотный комковатый суглинок с примесью органики (белый и коричневый тлен). Погребенный был уложен на правый бок, лицом к западу, теменем на север. Ноги были слегка подогнуты, руки протянуты вдоль бедер и соединены в кистевых суставах (кисти одна под другой). Обращает на себя внимание неудовлетворительная сохранность черепа и костей туловища, превратившихся в костную труху. На тазовых костях отмечены остатки деревянных прутьев. Под скелетом прослежены следы меловой подсыпки, особенно четкие в области кистей рук. Возле левой бедренной кости обнаружены остатки деревянного предмета.

Инвентарь погребения. Деревянный предмет в форме прямоугольного брусочка, $8 \times 6,5 \times 1,5$ см, с неочищенным от коры отростком длиной 10 см.

Погребение 2 — ямной культуры (рис.50,3) Контуры ямы не прослежены. Обнаружено в 14 м к западу от репера. Практически весь участок курганной насыпи над комплексом поврежден строительными работами. На глубине 3,05 м отмечен древесный тлен, еще на 0,5 м ниже (-3,1 м) в суглинке найден погребальный (?) инвентарь. Частично сохранившийся сосуд стоял в заполнении с примесью карбонатных стяжений и прожилок органики (белый тлен?). Рядом находились остатки деревянного подноса. На нем обнаружены корродированные медные или бронзовые пронизи (3 экз.), кусочек охры ярко-красного цвета и небольшой осколок трубчатой кости с пятнышком окисла меди. Человеческие останки отсутствуют. Возможно, комплекс представляет собой «тризну» или так называемый кенотаф.

Инвентарь комплекса: 1). Фрагментарно представленный сосуд с шаровидным плоскодонным корпусом, широкой и низкой горловиной, край которой слегка отогнут наружу и закруглен. На плечиках сохранилась одна пластическое ушко с вертикально проколотым отверстием, характерное для амфор ямной культуры. Фактура черепка гладкая, текстура зернистая и одновременно рыхлая за счет комковатости массы, примесей песка и, возможно, шамота. Керамика темно-серая, с редкими бежевыми пятнами на поверхности. В графической реконструкции предполагается, что высота сосуда была около 7,8 см. (рис.50,4); 2). Овальный поднос, вероятно, из цельной доски, 50×30 см; 3). Медные или

бронзовые трубкообразные пронизи. Две из них при расчистке распались. Сохранилась пронизь в виде приплюснутой трубки длиной 6 мм, свернутой из кусочка листового металла (рис.50,5).

Погребение 3 — культуры многоваликовой керамики (рис.50,6), обнаружено в 10,5 м к юго-западу от репера, на глубине 1,5 м. Стенки погребальной ямы не прослежены. Захоронение перекрывалось помостом из горбылей, продольно уложенным непосредственно на тело или, что менее вероятно, осевшим на скелет и дно без всякой промежуточной прослойки. В помосте было 5 или шесть горбылей (сохранились концы трех). Полукруглой стороной, неочищенной от коры, они были обращены вниз. Погребенный (взрослый) лежал скорченно на левом боку, головой к востоку. Ноги сильно согнуты в коленных и тазобедренных суставах, левое колено подтянуто к грудной клетке. Руки тоже согнуты, кисти находились перед лицом. Костная ткань крошится. В срезе она имеет серосиний цвет на костях конечностей, возможно, в результате термического воздействия (каления). Уровень, на котором обнаружен скелет, выделялся зеленоватой глиняной обмазкой с одним хорошо сохранившимся ровным краем, вкраплениями угольков и легким обжигом. В ногах эта обмазка разрушена. В головах она имела четко оформленный выступ шириной 0,45 м при ширине на уровне плеч 0,74 м и длине 1,05 м. За пределами обмазки обнаружены следы трех ямок диаметром 2–3 см с древесным тленом, возможно, от стоек какого-то легкого навеса. Радиоуглеродный возраст захоронения, установленный по фрагментам костей нижних конечностей — 3080 ± 70 BP (Ki-11176).

Погребение 4 — катакомбной культуры (рис.50,2), обнаружено на глубине 2,2 м, в 11,2 м к юго-юго-западу от репера. На этом уровне в направлении северо-запад — юго-восток на краю захоронения лежал кусок древесного ствола диаметром около 0,35 м, длиной 1,75 м с остатками ветвей. В центральной части бревна имелось дупло или выдолбленное отверстие длиной 0,73 м, на его дне — плотная зеленоватая глина. Бревно размещалось вдоль южной стенки погребальной камеры, на ее борту, нависая над ямой. Северная ее стенка прослежена лишь частично. Наиболее четко сохранился восточный конец камеры шириной 0,63 м, попавший в стратиграфическую бровку. Длина погребальной камеры

восстанавливается по тлену подстилки — 1,97 м, глубина была не менее 0,4 м (-2,55 м). Вполне возможно, что погребальное сооружение представляло собой яму с подбоем, закрытым со стороны входа бревном, или же вдоль южной стенки имелся уступ на высоте 0,2 м от дна. Яма бала наполнена рыхлым черноземом. Погребенный (взрослый) лежал по оси ямы, на спине вытянуто, с небольшим наклоном вправо, теменем на запад-северо-запад, лицом к югу (в сторону входной ямы?). Руки вытянуты вдоль туловища, левая кисть подвернута под таз. Скелет частично разрушен и растащен грызунами. У правой кисти найден фрагмент какой-то кости; обломок этой же кости найден при зачистке дупла. Вокруг скелета и на дне под костями — белый органический тлен, в ногах тлен с отпечатками растительности, под ним — подсыпка мела (?) слоем толщиной 2–3 см.

Погребение 5 — эпохи поздней бронзы (рис.51,1), обнаружено в 14 м к югу от репера, на глубине 1,84 м. Стенки могильной ямы не прослежены. Погребенный подросток (?) лежал скорченно на левом боку, головой на восток, лицом к югу. Колени сильно поджатых ног находились перед грудной клеткой. Правая рука, согнута в локте под прямым углом, охватывала колени. Левая рука была согнута сильнее (локтевой угол острый), кисть поднесена к лицу. Инвентарь отсутствует.

Погребение 6 — неопределенное. На расстоянии 12,7 м к юго-востоку от репера, на глубине 3,25 м обнаружено бессистемное скопление обломков ребер и костей ног человека. Среди костей — мелкий кремневый отщеп с бледно-голубой патиной. Контурсы могильной ямы не выявлены.

Погребение 7 — ямной культуры (рис.52), обнаружено в 15,2 м к юго-востоку от репера, на глубине 3 м, по остаткам поперечного деревянного перекрытия на уступах погребальной камеры. Судя по площади перекрытия и пятнам циновки (белый тлен), верхняя часть ямы имела размеры 3 × 2,8 м. Перекрытие, состоявшее из плах шириной 20 см, 2–3 см толщиной, просело внутрь погребальной камеры вместе с перемешанным заполнением (суглинок и чернозем). Возле ее северного угла на плахах гладкой стороной вниз лежал пласт глиняной обмазки 0,45 × 0,32 м, армированный прутьями. Погребальная камера в плане имела вид кособочкой трапеции с округленными углами, длиной сверху от 1,8 до 2,0 м; 1,05–1,35 м ширины. Ко

дну яма сужалась, приобретая размеры 1,6 × 1,02 м. Глубина камеры от уровня уступа — 0,9 м (-3,9 м). Умерший был уложен скорченно на спине, головой на юго-запад. Руки были вытянуты вдоль туловища, при этом левая рука подведена под таз. Ноги, первоначально поставленные коленями вверх, наклонились вправо, сохранив приподнятое положение. Охра темно-вишневого цвета зафиксирована на теменных костях, левой и правой височной кости и костях стоп. На дне зафиксирован двухслойный органический тлен, коричневый слой внизу, белый — сверху. Вдоль левой руки в белом тлене наблюдались отпечатки стеблей растений и волокна структуры. Вдоль правой руки — подсыпка мела, перекрытая отложением темной охры. Под тазовыми костями светло-коричневый тлен.

Погребение 8 — ямной культуры (рис.53), обнаружено в 14,37 м к юго-юго-востоку от репера, на глубине 3,25 м. Верхняя часть ямы (2,73 × 2,2 м), наполненная суглинком, была прямоугольной в плане, со слегка выгнутыми стенками, прослеженные на высоту 0,55 м (-3,8 м). Вырытая в ее дне погребальная камера перекрывалась настилом. Он состоял из 14 поперечно уложенных плах шириной 0,18–0,20 м, длиной в среднем 1,55 м (от 1,30 до 2,06 м). Погребальная камера прямоугольная, 1,55 × 0,80 м, глубиной 1 м от уровня уступа (-4,75 м). Стенки погребальной камеры, вероятно, были задрапированы камышовыми (?) циновками. От них сохранился белый тлен плотно прилегавших друг к другу стеблей толщиной от 5 до 15 мм.

Умерший (взрослый) лежал скорченно на спине, головой на юго-запад. Первоначально голова и плечи находились в приподнятом положении: поэтому череп оказался стоящим на основании и как бы втянутым в плечи, а позвоночный столб приобрел характерный S-образный изгиб (фото). Очевидно, тело полулежало на какой-то органической «подушке». При этом руки служили ему опорой; правая рука была слегка согнута, а левая — оставлена прямой. Подогнутые ноги были повернуты или самопроизвольно упали на правую сторону. Кисть левой руки погружена в подсыпку охры. В центре лобной кости имелось овальное пятно охры малинового цвета с точечным отложением белой органики. Охрой «обведены» верхние и нижние края глазниц. Скопление охры обнаружилось в левой глазнице, пятно — на левой стороне мозговой капсулы. Под скелетом и вокруг него отложился белый тлен

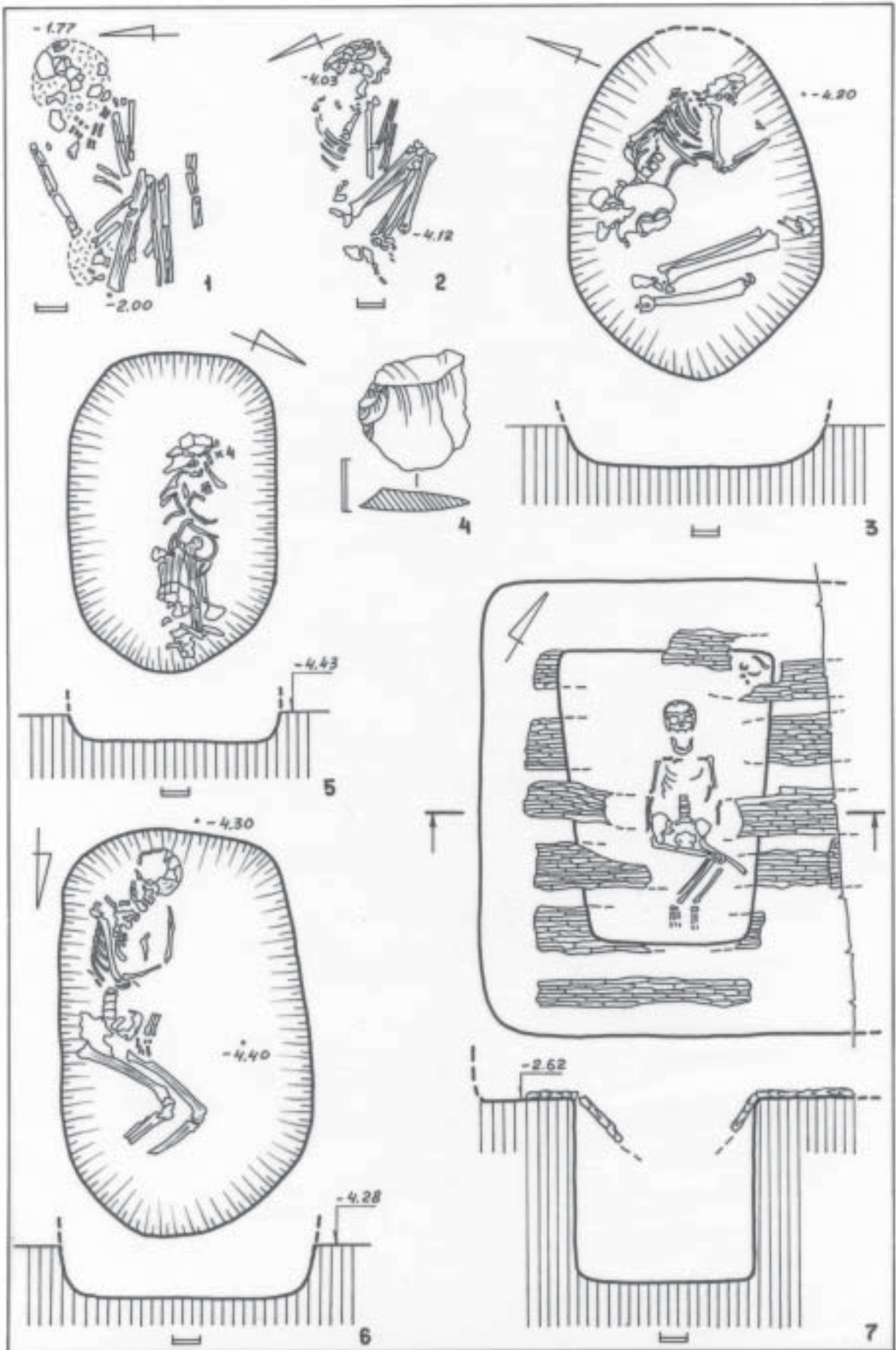

Рисунок 51. Курган «Любаша»: 1 – погребение 5; 2 – погребение 12; 3 – погребение 11; 4 – погребение 15; 5 – кремневый отщеп из погребения 15; 6 – погребение 9; 7 погребение 10.

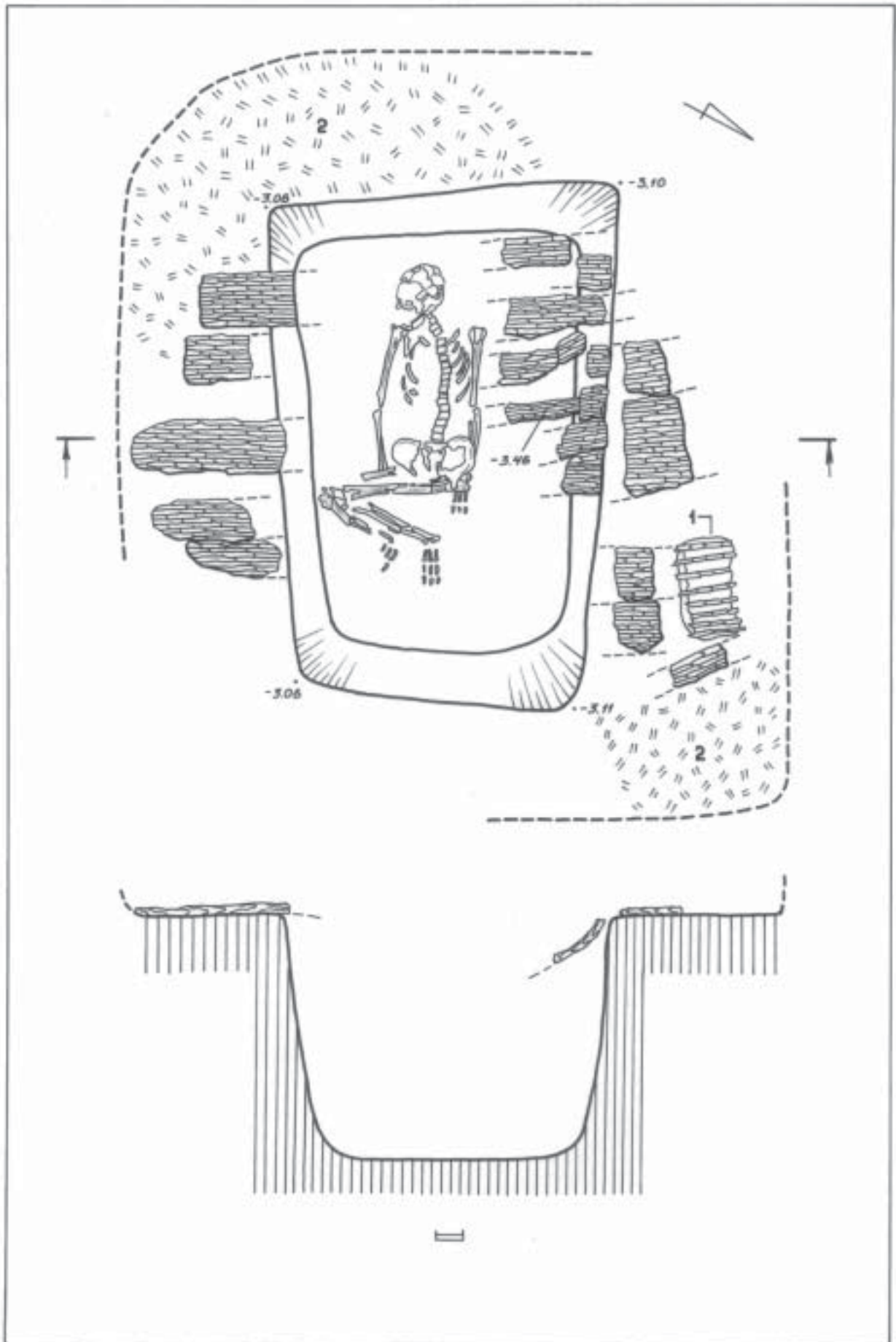

Рисунок 52. Кургan «Любаша». Погребение 7 (1 – прутья в глиняной обмазке, 2 – остатки циновки).

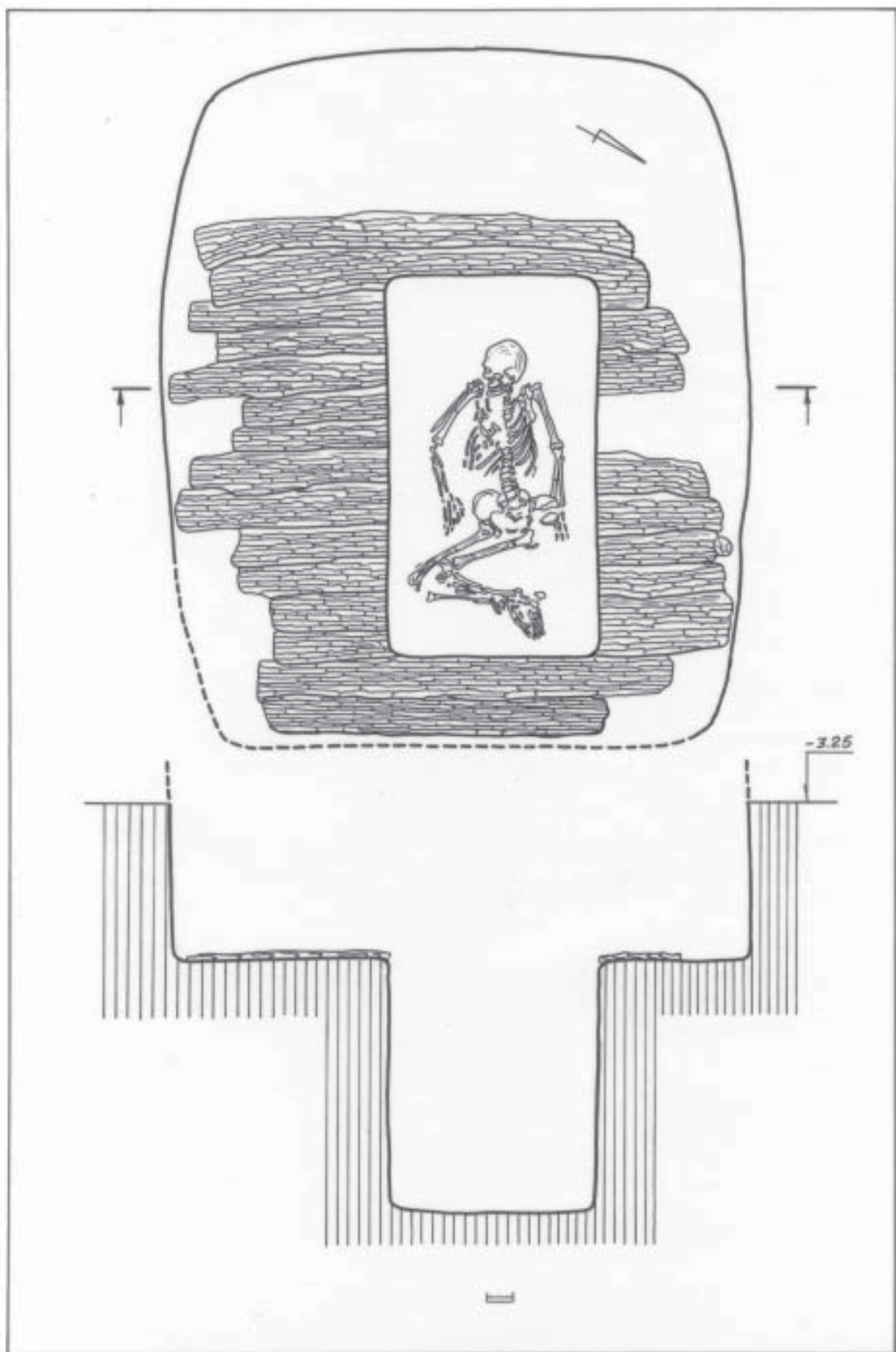

Рисунок 53. Курган «Любаша». Погребение 8.

органического происхождения, особенно обильный в районе черепа («подушка?»). Под белым тленом отмечен коричневый тлен. По фрагментам костей конечностей установлен радиоуглеродный возраст захоронения — 3990 ± 70 BP (Ki-11177).

Погребение 9 — культуры многоваликовой керамики (рис.51,6), обнаружено в 16,3 м к западу от репера, на глубине 4,3 м, под плотными илистыми затеками, накопившимися по краю кургана. Яма в плане овальная ($1,56 \times 0,93$ м), в разрезах корытообразная, глубиной 0,15 м (-4,45 м), ориентирована в направлении север — юг. Заполнение плотное, илистое. Скелет находился под восточной стенкой ямы. Погребенный (взрослый) лежал скорченно на левом боку, головой на юг. Руки протянуты вдоль туловища, кисти соединены и касались левого бедра. По фрагментам костей ног установлена радиоуглеродная дата захоронения — 3520 ± 80 BP (Ki-11173).

Погребение 10 — ямной культуры (рис.51,7), обнаружено в 13,5 м к востоку-юго-востоку от репера, на глубине 2,6 м. Верхняя часть ямы, заходящая под дорожное полотно, прослежена у самого дна. На этом уровне она прямоугольная, с округленными углами, $1,7 \times 1,4$ м. Погребальная камера, вырытая в ее дне, перекрывалась поперечно уложенными плахами шириной 17–20 см. Эта часть ямы трапецевидная со слегка закругленными углами. Она имела длину 1,2 м, ширину в изголовье 0,8 м, в ногах — 0,6 м, глубину 0,7 м от уровня уступа (-3,3 м от репера). Погребенный (подросток?) лежал скорченно на спине, головой на северо-северо-восток. Руки вытянуты вдоль туловища, ноги согнуты коленями влево. Некоторые ребра перемещены, находились в северо-восточном углу. Под скелетом — коричневый тлен. Охра отмечена под пяточными костями (темно-красная). На дне, северной и восточной стенках погребальной камеры остались вертикальные отпечатки стеблей растений диаметром 2–3 мм и белый тонкоструктурный тлен циновок. В заполнении камеры найден кремневый скребок концевое типа из отщепа мелких размеров, палеолитического облика, с патиной. Лезвие полукруглое, ретушь крупная, притупляющая с дорсальной стороны. Это изделие, скорее всего, попало в захоронение случайно.

Погребение 11 — культуры многоваликовой керамики (рис.51,3), обнаружено в 20,3 м к юго-востоку от репера, на глубине 4,2 м. Суглинковое заполнение ямы не отли-

чалось от вмещающего грунта. Овальная яма прослежена по дну: длина 1,42 м, ширина 0,89 м, глубина 0,15 м от уровня обнаружения (-4,35 м). На северной стенке ямы — слабый белесый тлен. В изголовье стенка не прослежена. Погребенный (взрослый), ориентированный головой на северо-восток, скорчен на левом боку. Правая рука согнута в локте, кисть находилась напротив лица. Левая рука согнута так, что локоть отведен за спину, а кисть уложена под таз. Череп разрушен, от него сохранились мелкие фрагменты плоских костей и несколько зубов. Возле черепа найден небольшой осколок кремня с патиной.

Погребение 12 — культуры многоваликовой керамики (рис.51,2), найдено в 23,8 м к югу от репера, на глубине 4,05 м. Могильная яма не прослежена. Скелет обнаружен в суглинке под плотным слоем ила, заполнявшего выемку грунта, образовавшуюся в процессе строительства кургана. Погребенный (подросток?) сильно скорчен на левом боку, головой ориентирован на юго-восток. Руки согнуты в локтях, кистями поднесены к лицевой части черепа.

Погребение 13 — неопределенное, обнаружено в 25 м к юго-юго-востоку от репера, на глубине 3,8 м. Погребальная яма, прослеженная в суглинке частично, удлиненно-овальных очертаний ($1,8 \times 0,8$ м). Стенки сохранились на высоту 0,35 м (-4,15 м). Скелет полуразрушен: *in situ* остались кости ног, таз, плечевая кость и одна фаланга правой руки. Они свидетельствуют о вытянутой позе на животе и западном направлении захоронения. Прочие кости не в анатомическом порядке находились как на дне ямы, так и в ее заполнении. Сохранность костей свидетельствует, что погребение является относительно недавним.

Погребение 14 — скифо-сарматского времени (рис.54,1). Это захоронение и прорезающий его грабительский шурф читались с верхушки кургана на центральном разрезе. Полностью контур погребального сооружения открылся на глубине 4 м, в 0,3 м к северу от репера. Это была не совсем прямая четырехугольная яма с однородно темным заполнением. Она имела длину 3,8 м с запада на восток при ширине 1,9 м и делилась в нижней части на две по-разному оформленные половины. Восточная половина с ровным дном на глубине 6,45 м от репера, видимо, являлась квадратной погребальной камерой. Западная половина с покатым дном представ-

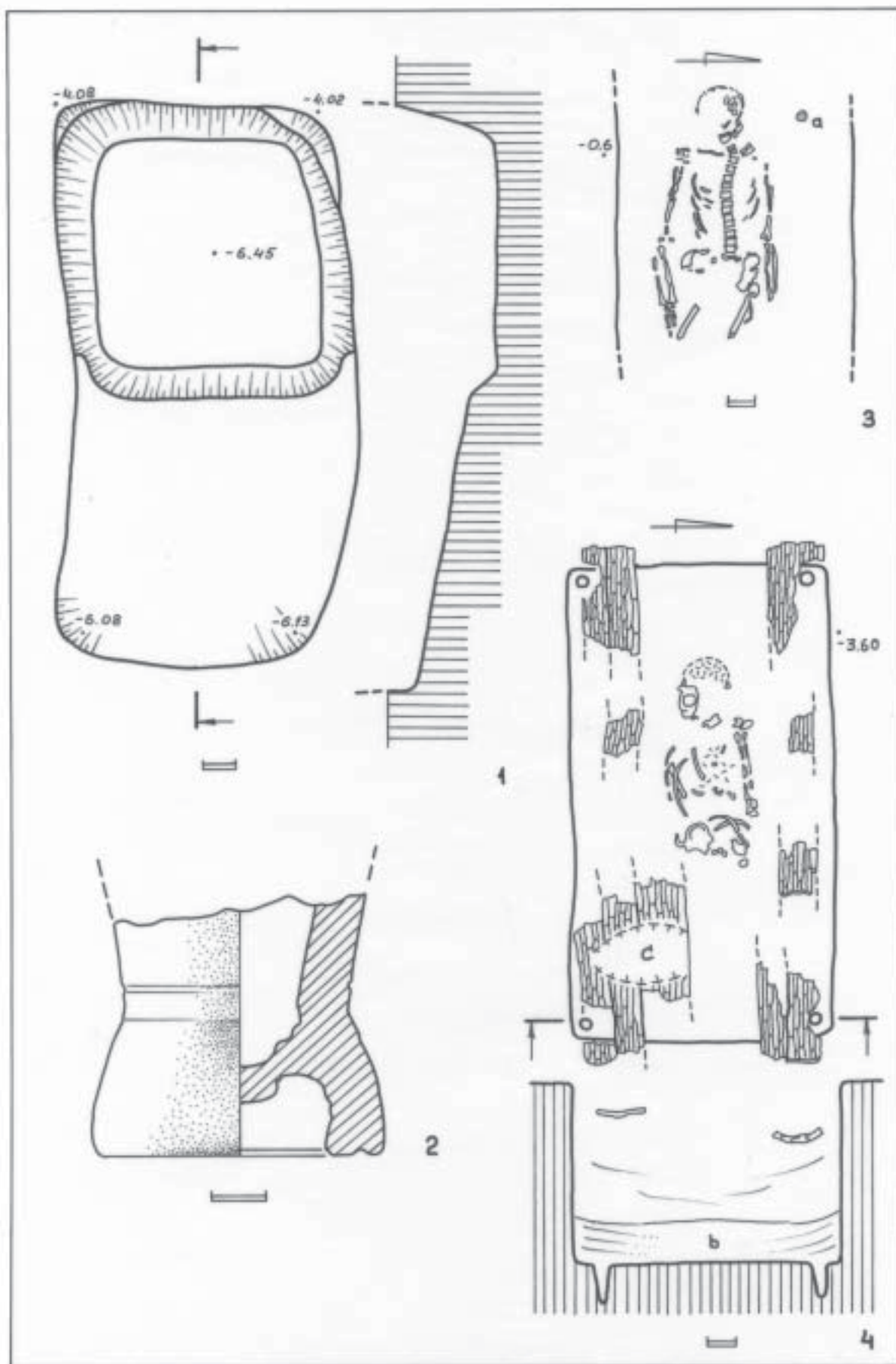

Рисунок 54. Курган «Любаша»: 1 – погребение 14; 2 – ножка амфоры из погребения 14; 3 – погребение 16 (а – охра); 4 – погребение 19 (b – суглинок, с – следы огня).

ляла собой нечто вроде пандуса, который заканчивался уступом высотой 0,2 м. Стены ямы везде неровные, испещренные выбоинами и бороздами от землекопных орудий с широкими и узкими рабочими концами (заступа, кайла или кольев). Более глубокими выбоинами, 0,1–0,2 м, выделялись углы и обе короткие стенки ямы (северная и южная). Эти выбоины располагались колонкой по две-три (в углах) или попарно на разной высоте (в стенках). Первоначально предполагалось, что выбоины являются деталью оформления ямы и служили ступенями. Однако, практическая польза таких «ступеней» в яме глубиной более 6 м, особенно в углах, вызывает определенные сомнения. Более вероятно, что эти выбоины нанесены грабителями, искавшими в погребении тайник. Так или иначе, в северо-восточном углу было 3 выбоины на высоте 1,32 м, 1,6 и 2,05 м от дна. На северной стенке их две пары (одна — в 1,42 и 1,8 м, другая — на высоте 1,24 и 1,7 м). Северо-западный угол имел две «ступеньки» на высоте 0,8 и 1,1 м. Наконец, южная стенка подбита на высоте 1,25 и 1,35 м, юго-восточный угол — в 0,75 м от дна. На трех стенках ближе к углам погребальной камеры (кроме северной) нанесены широкие горизонтальные белые полосы²⁰.

Захоронение оказалось полностью разграбленным. В погребальной камере на месте остался только белый органический тлен подстилки. На восточном разрезе центральной бровки, а также в заполнении ямы 14 под бровкой четко фиксировался воронкообразный грабительский лаз. Южная часть лаза, возможно, совпала со стенкой погребальной ямы, северная — опускалась ступеньками. В верхних слоях заполнения лаза найдены обломки черепной крышки и трубчатой кости человека.

Вдоль южной стены погребальной камеры, на разных уровнях заполнения, встречены кости крупного домашнего рогатого скота, а также фрагмент трубчатой кости человека. Среди костей крупного рогатого скота — фрагменты черепа (ушной кости, верхних и нижних зубов, премоляров и моляров), разрозненные фрагменты позвонка и ребер, передней и задней конечностей. Передние конечности представлены метакарпальными костями и фалангами, задняя конечность — фрагментами центральной кости плюсневого сустава, метатарзальной кости и фаланг.

²⁰ Определение пигмента, которым оформлены стены, приводится в статье В. Ф. Петруня.

У западной стенки в заполнении ямы обнаружена ножка светло-глиняной амфоры римского времени²¹ (рис.54,2), в восточной части — кремневый отщеп и фрагмент трубчатой кости птицы. Отщеп характеризуется патиной, двугранной ударной площадкой и участком галечной корки на дорсальной стороне. Птичья кость длиной 4 см расщеплена продольно, на краях — следы неглубоких пропилов и сломов по ним. Характерно, что выброс из ямы не зафиксирован ни в бровках, ни в траншеях; по видимому, он был вынесен за пределы курганной насыпи. Суглинок, выброшенный из грабительского лаза, прослеживался в траншее между центральной и восточной бровкой, а также на стратиграфическом разрезе. Выброс тянулся дугой с севера на юг на протяжении 4,8 м на глубине 1,67 м от репера.

Два захоронения (№№ 6 и 13) разрушены, определить их культурную принадлежность не представляется возможным.

Погребение 15 — культуры многоваликовой керамики (рис.51,5), расположено в 24 м к юго-востоку от репера, на глубине 4,43 м. Яма, наполненная черноземом, овальная размером 1,2 × 0,8 м, прослеженная глубина 0,15 м (-4,58 м), ориентирована в направлении северо-восток — юго-запад. Скелет не в анатомическом порядке, сложен плотным «пакетом» посреди ямы. Череп находился в юго-западной части скопления. Он был поставлен на шейные позвонки, теменем вверх, затем раздавлен. Затылочная часть черепа отсутствует. Посреди «пакета» размещались ребра, под ними — одна из костей рук. На краю скопления у восточной стенки находились компактно сложенные кости рук, поверх них — кости ног, сверху — кости таза. На дне ямы подле черепа найдены крупницы розовой охры и отщеп кремня.

Инвентарь погребения. Кремневый отщеп светло-коричневого цвета, без патины (рис.51,4).

Образец, сформированный из фрагментов костей конечностей, позволил установить радиоуглеродную дату погребения 15 — 3740 ± 70 BP (Ki-11201).

Погребение 16 — ямной культуры (рис.54,3), обнаружено в 5 м к югу от репера, на глубине 0,6 м. Погребение нарушено современными строительными работами; всего на 10 см выше костей скелета залегал современный строительный мусор. От деревянного перекрытия сохранились лишь фрагменты, осевшие непосредственно на скелет. По ним

²¹ По определению Т. Л. Самойловой.

было видно, что плахи в перекрытии погребальной камеры имели продольное направление. Определена только ширина ямы — 0,88 м. В тлене подстилки под скелетом четко читались продольные и поперечные волокна (стебли каких-то растений). Погребенный (взрослый) лежал на спине, головой на запад, руки вытянуты вдоль туловища, ноги сохранились выше колен, однако можно определить, что они были согнуты коленями вправо. Скелет сильно разрушен корнями растений дернового покрова насыпи. Справа от черепа обнаружен комок темной охры яйцевидной формы, высотой около 3 см.

Погребения №№ 17–18 — катакомбной культуры (рис.55). По всей видимости, объекты № 17 и № 18 представляют собой единый комплекс — грунтовую катакомбу с входным колодезем, в котором был погребен жеребенок (погребение 17), и погребальную камеру (погребение 18). Соединительный лаз между двумя конструкциями не прослежен.

Входной колодез обнаружен в 25 м к югу от репера, на глубине 4,45 м. В основании это была круглая яма (1,2 × 1,15 м), сверху же она имела план расширяющегося к югу овала (1,5 × 1,35 м). Прослеженная глубина — 0,55 м (-5 м). Заполнение ямы темное, суглинистое, с плотной илистой прослойкой в 0,38 м выше дна (рис.55,1). Поверх этой прослойки, на левом боку, черепом к югу лежал скелет жеребенка (возраст до 1 года). Два нижних резца находились несколько ниже головы.

Погребальная камера находилась с северной стороны колодца за материковым простенком 0,45 м толщины (рис.55,2). Камера имела план не совсем правильного четырехугольника, 2,15 × 1,2 м, вытянутого в широтном направлении, и неровное дно на глубине

4,93 м от репера (на 14 см выше дна ямы 17). В восточной части ямы сохранились остатки подстилки (белый тлен). Здесь же — два пятна костного тлена; скелет не сохранился. В северо-восточном углу — пятно красной охры.

По результатам изотопного анализа Киевской Радиоуглеродной лаборатории, захоронение жеребенка датируется 3890 ± 60 ВР (Ki-11217).

Погребение 19 — основное, ямной культуры (рис.55,4), обнаружено на уровне древней поверхности, в 3 м к югу от репера, на глубине 3,6 м. Могильная яма перекрывалась накатом из продольно уложенных двухметровых бревен диаметром около 0,2 м. Бревна восточной части перекрытия сверху обуглены. Погребальная камера прямоугольной формы имела размеры 1,55 × 0,9 м, глубина ее 0,7 м от уровня древней поверхности (-4,3 м). По углам ямы прослежены вертикальные желобки, под ними на дне — 4 конусовидных отверстия, глубиной 20–25, диаметром 5–7 см. Скелет представлен частично, в основном обломками костей, принадлежавшими взрослому человеку. Они были сложены в определенном порядке: с противоположных сторон череп и таз, посредине кости рук и ребра. Кости ног отсутствуют, наличные — покрыты охрой. Под скоплением останков прослежен тонкий коричневый тлен подстилки. Ниже по всей площади ямы до дна шла подсыпка равномерным слоем суглинка толщиной 0,2 м. Восточный край ямы, на ширину около 0,5 м покрыт поверх подстилки илом (видимо, какое-то время эта часть погребальной камеры была открытой). По обломкам трубчатых костей установлен радиоуглеродный возраст захоронения — 3090 ± 60 ВР (Ki-11204) и 4030 ± 60 ВР (Ki-11249).

КУРГАН 1 У СЕЛА ДУБИНОВО

Курган²² располагался на плато правого берега р. Южный Буг, в 200 м к востоку от с. Дубиново Савранского района Одесской области, у восточной обочины автомобильной дороги Киев — Одесса. Насыпь была нарушена земляными работами: макушка изрыта в связи установкой геодезического репера, склоны многократно перепаханы.

²² Раскопки проводились под руководством старшего научного сотрудника Института археологии НАН Украины А. Н. Дзиговского.

Местоположение кургана совпало с центром обширной полукруглой возвышенности, ограниченной береговым откосом и двумя балками, впадающими с юга в долину. Такие же возвышенности, центрированные одиночными курганами, есть рядом по правому берегу Буга как вверх, так и вниз по течению. Та, которую занимал курган 1, выше тальвега на 29 м. От реки курган находился на расстоянии 450 м к югу.

Вокруг кургана наблюдалась обширная ложбина на месте древней выемки насыпно-

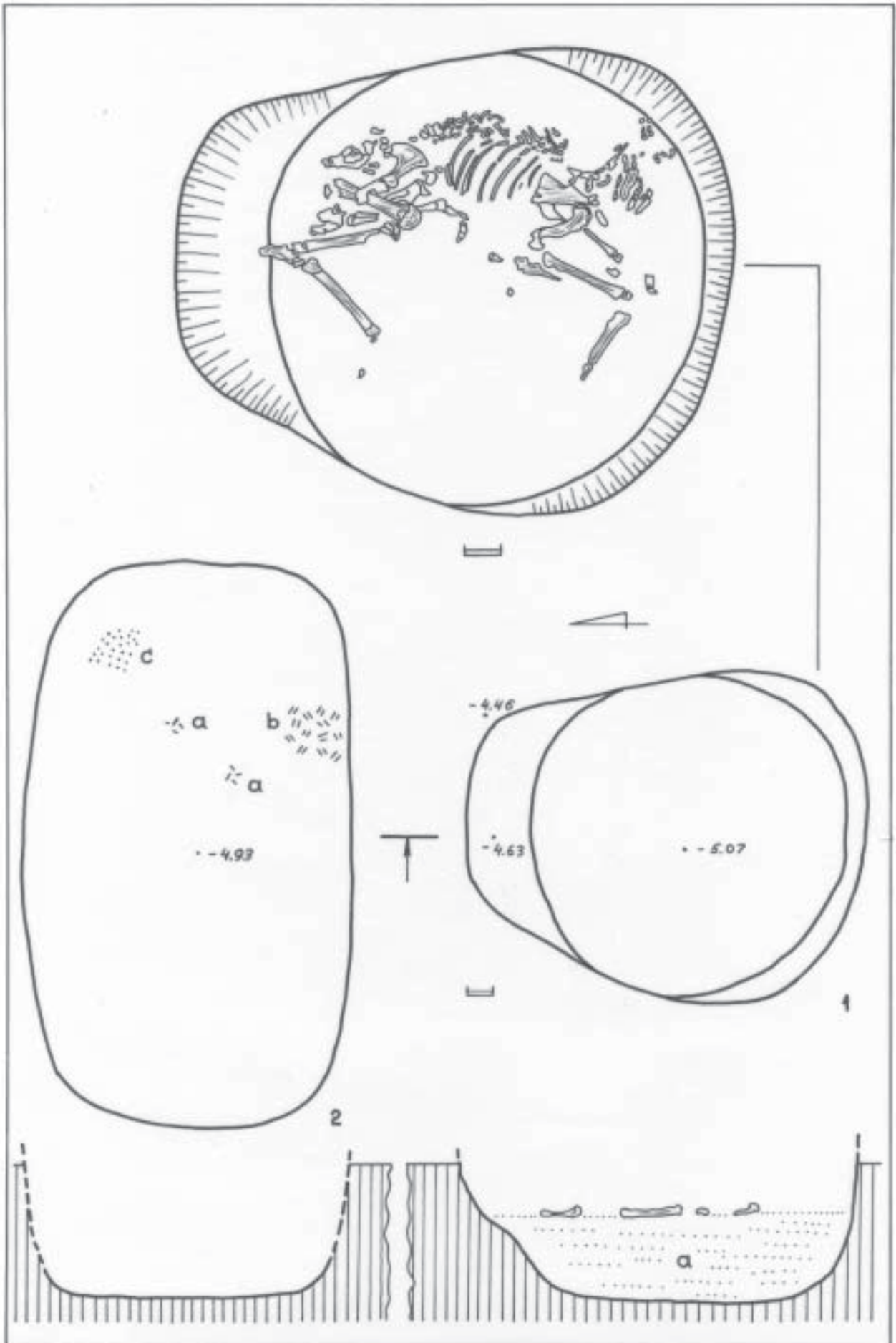

Рисунок 55. Курган «Любаша»: 12 – комплекс 17/18 (а – костный тлен, б – остатки подстилки, с – охра).

го грунта. От уровня этой депрессии высота кургана составляла 2,0–2,2 м при диаметре насыпи 36 м. Абсолютная высота кургана — 116,0 м (в балтийской системе высот). Представление о стратиграфии памятника дают две бровки и два профильных разреза, проложенные в направлении север — юг (рис.56).

Всего в кургане у с. Дубиново выявлено 15 погребений, в том числе одно энеолитическое (№ 7), два ямной культуры (№№ 5, 13), пять катакомбной культуры (№№ 8–12), одно культуры многоваликовой керамики (№14) и одно захоронение эпохи поздней бронзы (№ 3). Четыре погребения датируются в широком хронологическом диапазоне (эпоха бронзы): плохая сохранность не позволяет соотнести их с определенной культурой (погребения №№ 1–2, 4, 6). Неопределенным является погребение 15.

Стратиграфия кургана

На разрезах читались два слоя насыпи и нижележащая погребенная почва с древней дневной поверхностью на уровне –1,8 м от репера и гумусовым горизонтом мощностью 0,5–0,6 м (рис.56, II, III). Первичная насыпь, темно-бурая, суглинистая, диаметром 19 м, высотой примерно 1,5 м, была возведена над погребением 7 эпохи энеолита. Выброс суглинка из этой могилы толщиной до 0,2 м лежал полукольцом. На расстоянии 7,8 м к северо-востоку от погребения 7 (в 6 м от репера) стоял массивный камень-менгир (?) пирамидальных очертаний, погруженный цоколем в погребенный чернозем. Менгир возвышался над первичной насыпью (показан на восточном ее разрезе). Не известно, связан ли он с основным погребением, поставлен до или после появления первой насыпи.

В восточную полу первой насыпи было опущено погребение 13 ямной культуры. Над ним на разрезе видна просадка грунта, идущая от поверхности первой насыпи. Погребение 5, относящееся к той же культуре, могло быть впущено в эту либо в следующую, вторую, насыпь.

В центральной части кургана выявлен кромлех диаметром около 19–19,5 м, составленный из массивных гранитных плит. Отдельные участки этой кладки выступали на поверхность и были видны еще до начала раскопок. Плиты были различной формы, но чаще всего имели более или менее правильную прямоугольную огранку. Наибольшие из них достигали 90–100 см высоты при ширине

70–90 и толщине 20–30 см. Многие обломки были наполовину меньше по размерам. Плиты стояли в основном вплотную друг к другу, под наклоном к центру насыпи.

Однако, связь кромлеха с первой насыпью, как с основным погребением 7, так и с впускными могилами 13 и 5, сомнительна. Плиты не были заглублены в почву, а края первичной насыпи едва доходят до плит. Очевидно, что первая насыпь не могла быть опорой кромлеху. Он явно был выстроен позже, в связи с досыпкой. Особенно наглядно это проявляется в западной бровке, в южной ее части, где цепочка камней прослежена вплоть до современной поверхности кургана, видимо, маркируя вторую насыпь. В западной же бровке, в ее северной части, виден ровик (выемка грунта у краев второй насыпи?), в который был впущен кромлех в этой части кургана.

Таким образом, вторая насыпь, более насыщенной темной окраски по сравнению с первой, имела диаметр не менее 19,5–20 м, высоту не менее 1,8 м. Скорее всего, основное для второй насыпи погребение было разрушено при установке геодезического знака. Кромлех, по-видимому, был связан с этим разрушенным захоронением. Отложения за кромлехом появились в результате естественного сноса насыпного материала с поверхности второй насыпи или, может быть, еще одной, не сохранившейся досыпки.

Описание погребений

Погребение 1 — эпохи бронзы (рис.57, 1), выявлено в 3 м к западу от репера на глубине 1 м. Контуры могильной ямы не прослеживались. Сохранившиеся части скелета человека лежали не в анатомическом порядке, черепом на северо-восток; к черепу примыкали кости рук, ключица, лопатки, части ребер и позвонков, крестец и пяточная кость.

Погребение 2 — эпохи бронзы, находилось в 4,3 м к юго-западу от репера, на глубине 1 м. Костяк практически уничтожен при установке геодезического знака. На месте остались лишь кости левой ноги. Можно предположить скорченное захоронение на левом боку, головой на восток.

Погребение 3 — эпохи поздней бронзы (рис.57, 2), обнаружено в 6,1 м к юго-западу от репера, на глубине 1,1 м. Контуры могильной ямы не прослеживались. Поза погребенного была скорченная, на правом боку, головой на северо-восток. Голени были вплотную

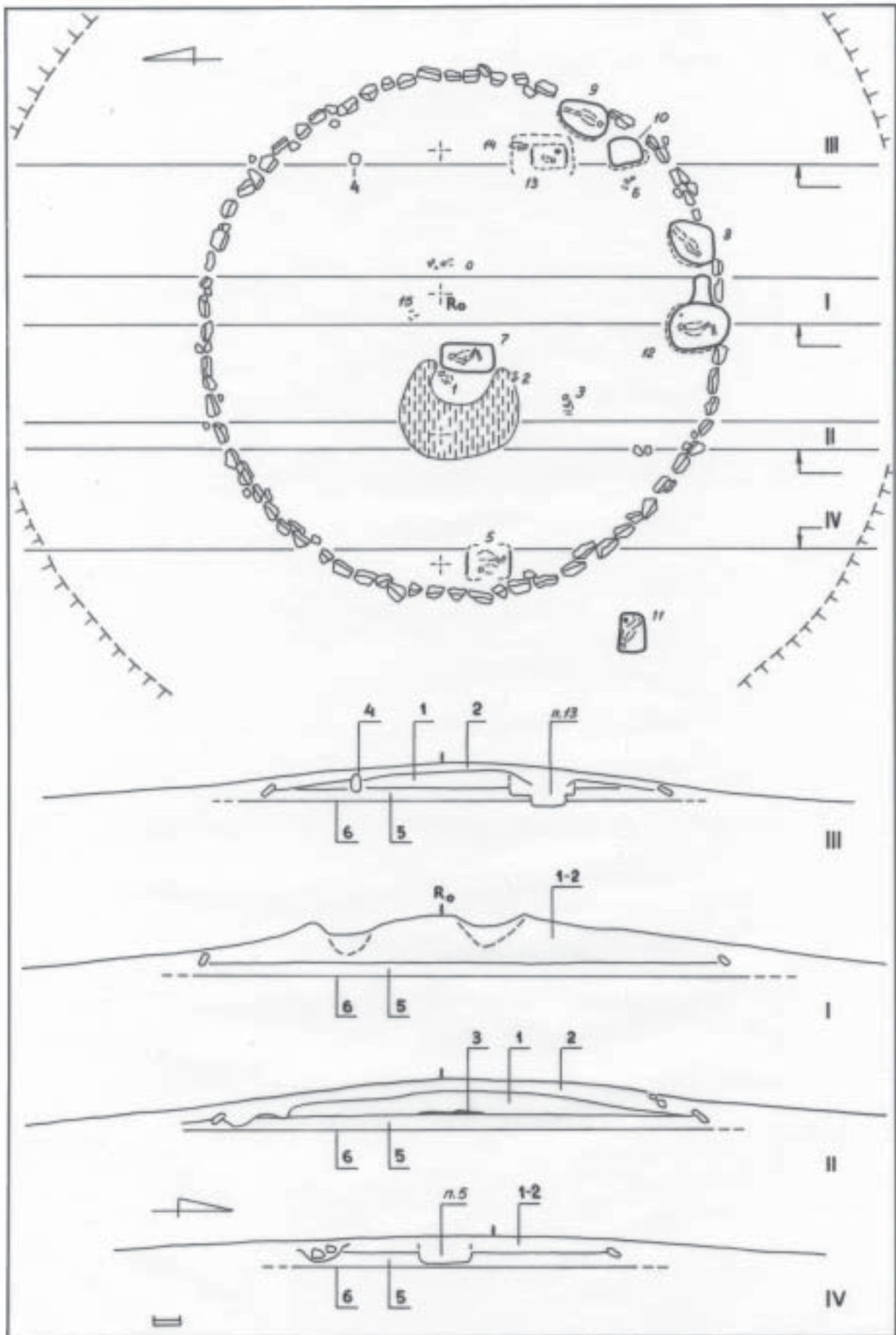

Рисунок 56. Курган 1 у с. Дубиново. Общий план и стратиграфические разрезы I–IV: 1–2 – насыпные слои, 3 – выброс грунта из основного захоронения 7, 4 – менгир, 5 – гумусовая часть профиля погребенной почвы, 6 – уровень дна раскопа.

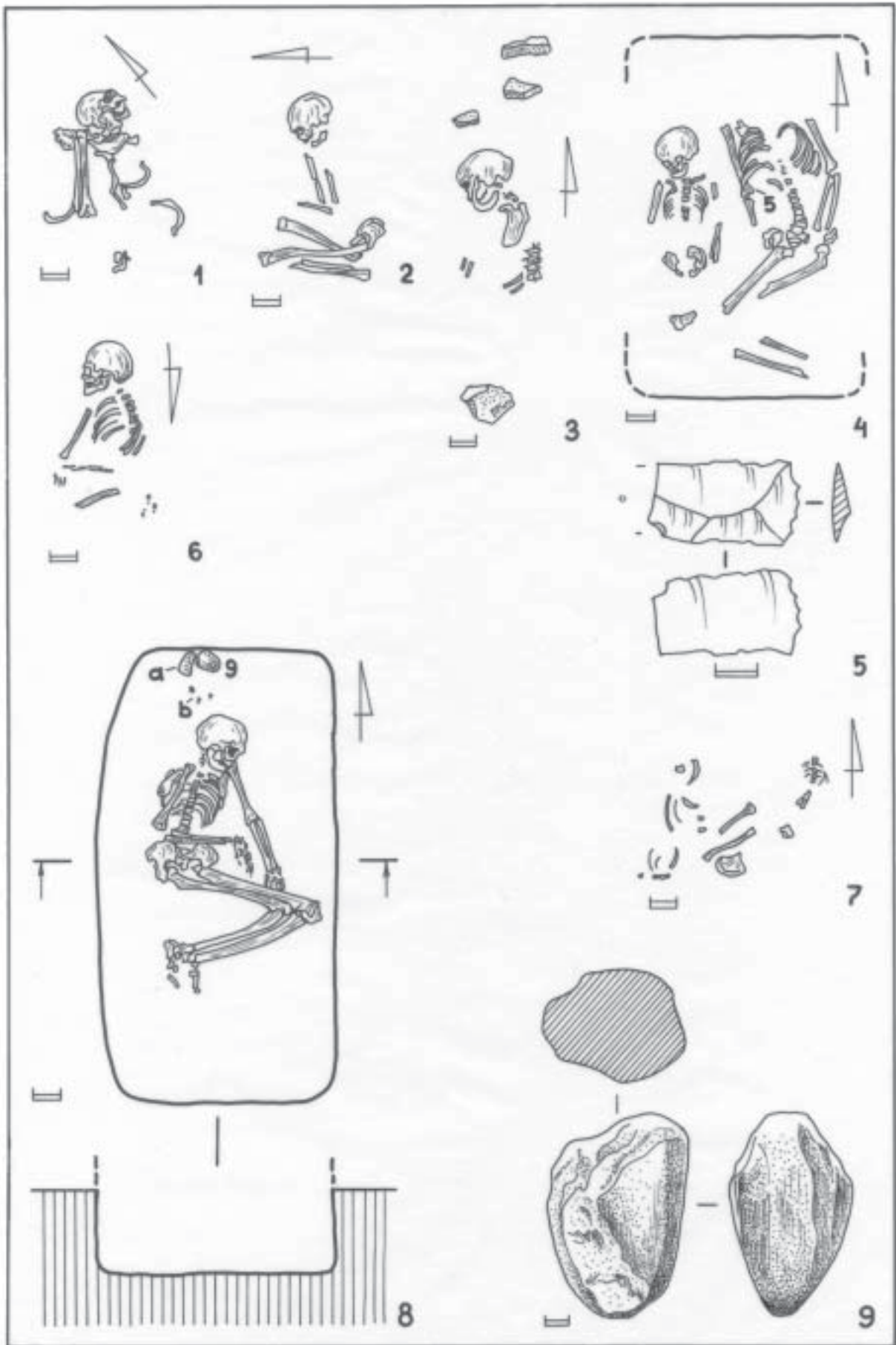

Рисунок 57. Курган 1 у с. Дубиново: 1 – погребение 1; 2 – погребение 3; 3 – погребение 4; 4, 5 – погребение 5; 6 – погребение 14; 7 – погребение 6; 8 – погребение 7 (а – штуф фиолетовой охры, б – мелкие отщепы); 9 – «охровый карандаш» из погребения 7.

поджаты к бедрам, тазобедренный угол почти прямой. Руки согнуты свободнее, предплечья уложены параллельно бедрам.

Погребение 4 — эпохи бронзы (рис.57, 3), выявлено в 1,1 м к востоку от репера, на глубине 1,6 м. Контуры могильной ямы не прослеживались. Судя по небольшим камням, видимо, от перекрытия или оградки длиной около 1,6 м, и остаткам скелета, захоронение ориентировано с юга на север. Верхняя часть скелета *in situ* свидетельствует о положении на правом боку. Прослеженные детали обряда, включая применение мелкого камня для закладки погребальной камеры, характерны для культуры многоваликовой керамики. Однако сохранность комплекса недостаточна для однозначных определений культурной принадлежности.

Погребение 5 — ямной культуры (рис.57,4), обнаружено в 10 м к западу от репера, на глубине 2,3 м. Судя по остаткам подстилки (коричневый тлен), погребальная камера была в плане прямоугольной, приблизительно $1,7 \times 1$ м, ориентированной по длине в направлении север — юг. Погребены двое, подросток (слева) и взрослый, головами на север. Подросток лежал на спине с вытянутыми вдоль тела руками; кости ног отсутствовали. У погребенного взрослого отсутствовал череп. Этот умерший лежал на спине, с наклоном вправо (с небольшим поворотом к подростку), ноги согнуты коленями вправо. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая слегка согнута в локте, кисть уложена на таз. Под плечевой костью правой руки взрослого, у локтевого сгиба, найдена пластина из халцедона. На дне, помимо подстилки, отмечены разрозненные древесные угольки.

Инвентарь погребения. Светло-дымчатая халцедоновая ножевидная пластинка, трехгранная в поперечном сечении, $3,5 \times 2 \times 0,4$ см (рис.57,5).

Погребение 6 — эпохи бронзы (рис.57,7), выявлено в 8 м к юго-востоку от репера, на глубине 2,6 м. Контуры могильной ямы не прослеживались, костяк сильно разрушен, его поза не устанавливается. Судя по верхней части грудной клетки, вероятно, сохранившейся в первоначальном положении, можно предполагать, что погребенный (подросток) был ориентирован головой на северо-северо-восток.

Погребение 7 — основное, энеолитическое (рис.57,8), выявлено в 2 м к западу от ре-

пера, на глубине 2,1 м. Могильная яма, ориентированная по длине север — юг, была прямоугольной, с чуть выпуклой западной стенкой, заужена к северу. Ее длина 2,1 м, ширина — от 0,9 до 1 м, в средней части — 1,1 м. Стенки прослежены на высоту 0,4 м (глубина от уровня древней дневной поверхности — 0,7 м; -2,5 м от репера). Погребенный (взрослый) лежал скорченно на левом боку, головой на север. Вытянутая левая рука касается согнутых ног. Согнутая в локте правая рука уложена поперек туловища, кисть направлена к ногам. Костяк и дно могилы около него были покрыты красно-коричневой охрой. Особенно интенсивно окрашен череп. К северу от головы погребенного находились обломок стенки раковины и мелкие отщепы (3 экз.). Непосредственно у северной стенки лежали рядом два крупных комка охры овальных очертаний.

Инвентарь погребения: 1). Небольшой (0,7 см) фрагмент стенки раковины пластинчато-жаберного моллюска (*Cardium?*); 2). Три мелких (до 1 см) отщепы оливкового кремня без ретуши и следов использования; 3). Формованный ком фиолетовой охры, круглый в поперечном сечении и с округленными концами, один из которых шире другого, $10 \times 4-6 \times 3,5$ см; 4). Штуф криворожского роговика, истертый и сточенный, видимо, с целью получения красно-коричневого пигмента (охры), «охровый карандаш»²³, его размер $9,5 \times 6,2 \times 5,2$ см, вес — 319 г (рис.57,9).

Погребение 8 — катакомбной культуры (рис.59,1) выявлено в 9 м к юго-юго-востоку репера, на глубине 2,34 м. Могила представляла собой катакомбу, площадью $2,25 \times 1,75$ м, ориентированную длинной осью по направлению юго-запад — северо-восток. Наибольшая высота свода у входа в погребальную камеру предположительно достигала 0,75 м. Входной колодец, видимо, находился с южной стороны камеры, где стенки были выполнены строго отвесно. Погребен взрослый. Положение вытянутое, на спине, головой на юго-запад. Руки были слегка согнуты в локтях и уложены вдоль туловища (левая кисть — на таз). За головой, под стенкой камеры стоял лепной сосуд.

Инвентарь погребения. Горшок приземистых пропорций, с короткой шейкой, чуть отогнутым округленным венчиком, выраженными плечиками и округлыми боками, сужающимися к плоскому дну. Плечики сосуда

²³ Определение В. Ф. Петруня.

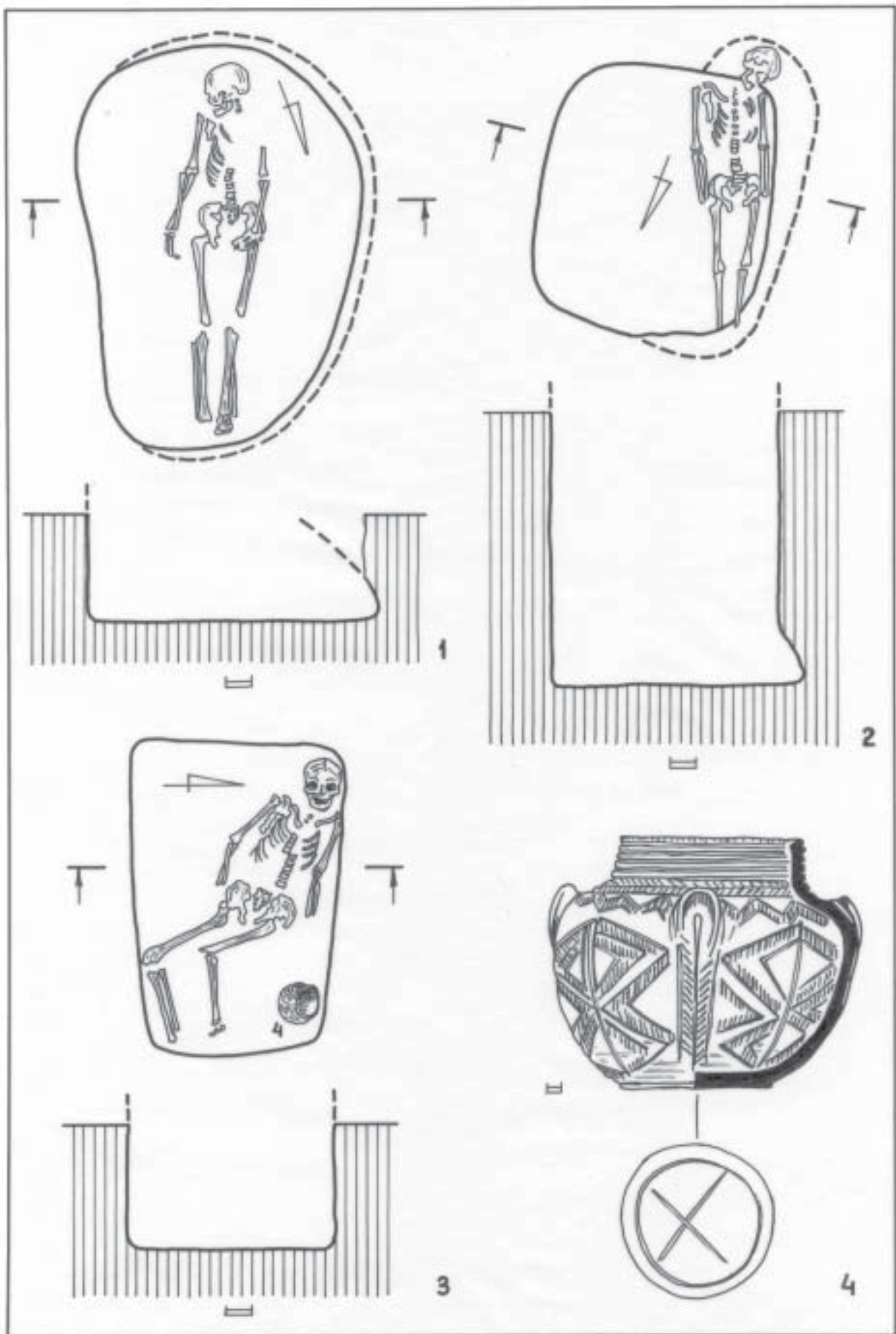

Рисунок 58. Курган 1 у с. Дубиново. 1 – погребение 9; 2 – погребение 10; 3 – погребение 11; 4 – сосуд из погребения 11

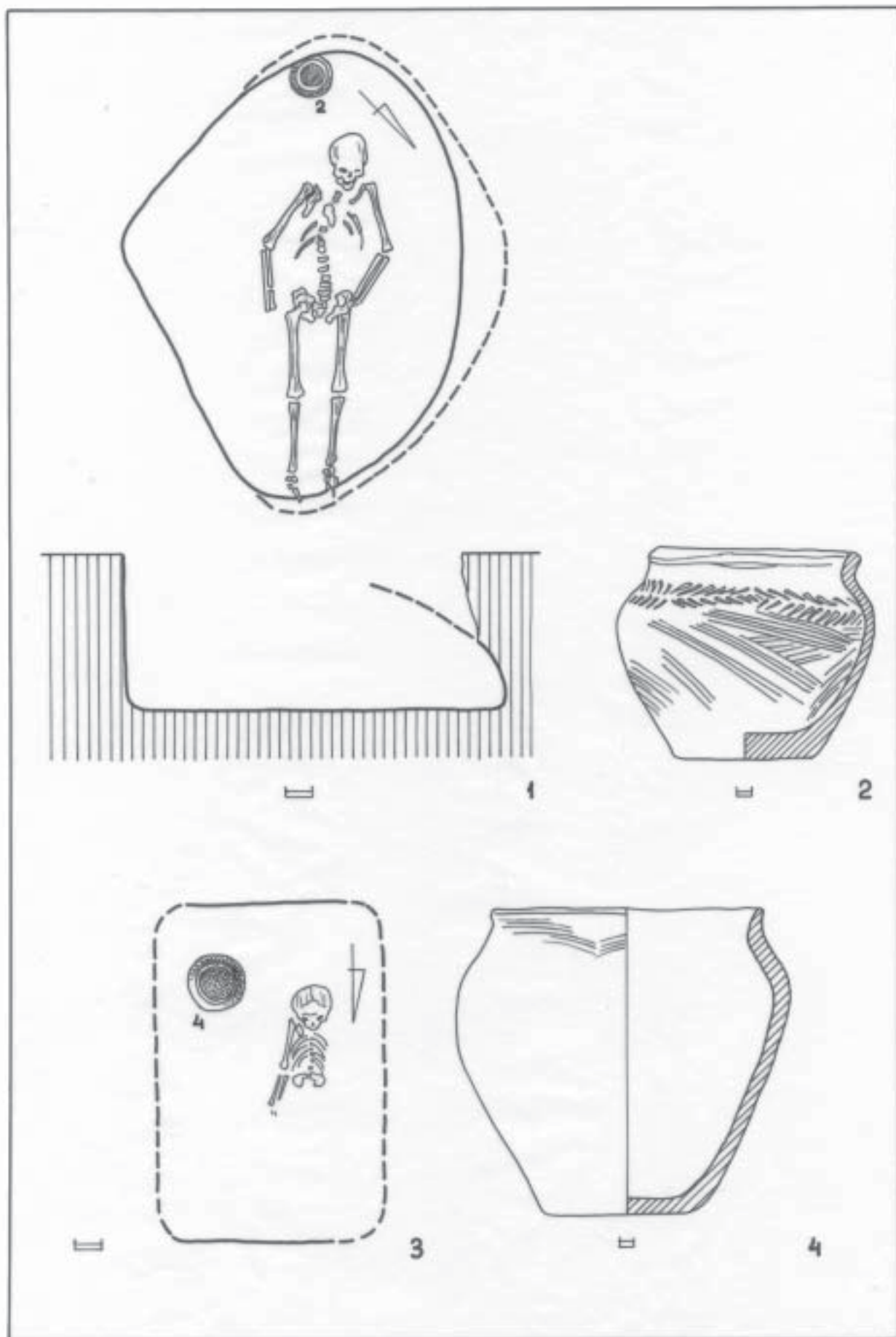

Рисунок 59. Курган 1 у с. Дубиново. 1 – погребение 8; 2 – сосуд из погребения 8; 3 – погребение 13; 4 – сосуд из погребения 13.

украшены идущими под углом друг к другу удлиненными насечками (горизонтальная «елочка»). До обжига стенки обрабатывались зазубренным шпателем («гребнем» с четырьмя зубцами). Снаружи его следы в виде пучков параллельных бороздок бессистемны, внутри сосуда направлены горизонтально. Цвет сосуда — коричнево-серый, излом черепка черный, в тесте видна растительная примесь и шамот. Плечики и частично горло покрыты слоем черного нагара. Высота сосуда 14,5 см, диаметры слегка асимметричного венчика 13,2–14,2 см, диаметр тулова около 16,6 см, дна — 9 см (рис.59,2).

По образцу обломков костей конечностей установлена радиоуглеродная дата 3940 ± 70 BP (Ki-11200).

Погребение 9 — катакомбной культуры (рис.58,1). На расстоянии 8 м к юго-востоку от репера, на глубине 2,55 м обнаружена овальная в плане погребальная камера (2,1 × 1,4 м), ориентированная длинной осью по направлению юго-юго-запад — северо-северо-восток. По-видимому, входной колодец находился у восточного края камеры. Именно там ее стенка отвесна (прослежена на высоту 0,5 м (-3,05 м)). Погребен взрослый. Он лежал на спине, с выпрямленными конечностями, головой к юго-юго-западу. Кисть левой руки была уложена на таз. Лицо повернуто к востоку, вероятно, к выходу из катакомбы. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 10 — катакомбной культуры (рис.58, 2), выявлено в 8,3 м к юго-востоку от репера, на глубине 2,85 м. Погребальное сооружение представляло собой вытянутую яму, 1,4 × 0,7 м, с подбоем в западной стенке. Стенки прослежены на высоту 1,3 м (-4,15 м). Подбойная ниша имела длину 1,55 м, ширину до 0,5 м и приблизительно такую же высоту. Погребенный (подросток?) лежал на спине, головой на юго-юго-восток. Череп склонен к левому плечу, руки вытянуты вдоль туловища, прижаты к тазу.

Погребение 11 — катакомбной культуры (рис.58,3), выявлено в 14 м к юго-западу от репера, на глубине 2,7 м. Погребальной камерой являлась нечетко прослеженная катакомба или простая яма. Она трапециевидная в плане, 1,5 × 0,75–1 м, стенки сохранилась на высоту 0,6 м (-3,3 м). В длину яма ориентирована по направлению восток — запад. Скелет лежал на спине, почти по диагонали камеры, черепом на северо-запад. Ноги, первоначально поднятые коленями вверх, упали вправо.

На костях отложение розовой охры, на дне — коричневый глен от подстилки. В юго-восточному углу стоял лепной сосуд.

Инвентарь погребения. «Амфора» с прямым горлом, шаровидным туловом и плоским дном, выделенным закраиной. На плечиках симметрично наклеплены две пары арочных ручек с вертикальными отверстиями. Край горловины покрыт насечками. Ниже она расчленена семью горизонтальными желобками и за счет этого рифленая. Основание горловины подчеркнуто прочерченными линиями с заполнением из косых насечек, образующих горизонтальную «елочку». Между ручками по плечикам прочерчен двойной зигзаг, заполненный насечками. По ручкам корпус сосуда разделен вертикалями с «елочной» штриховкой на четыре панели, которые расчерчены медианами и присоединенными к ним двойными углами с насечкой. Днище сосуда украшают две концентрические окружности с крестом внутри. Наружная поверхность сосуда покрыта светло-оранжевым ангобом, внутри — черно-серая. Излом черепка темно-серый, в тесте примесь шамота. Высота сосуда 17,3 см, высота горла — около 3 см, диаметр слегка асимметричного венчика 12,3–12,8 см, диаметр корпуса — 20,4 см, дна — 10,3–10,7 см. (рис.58,4). Установлена радиоуглеродная дата комплекса по образцу костей нижних конечностей — 3720 ± 70 BP (Ki-11202).

Погребение 12 — катакомбной культуры (рис.60,1), выявлено в 10 м к югу от репера, под центральной бровкой. На глубине 2,75 м зафиксированы боковые грани двух обработанных каменных блоков, закрывавших вход в катакомбу со стороны колодца. Более крупный блок, 0,55 × 0,5 × 0,3 м, правильной прямоугольной формы, был поставлен на ребро. Другой блок, 0,5 × 0,18 × 0,3 м, поставленный на торец вровень с первым, неправильных очертаний. С восточной стороны у катакомбы прослежен или входной колодец, или, что более вероятно, пандус шириной 0,65 м при длине 1 м на уровне дна. Перед лазом в погребальную камеру пандус имел ступеньку высотой 0,15 м, заставленную каменными блоками. Сама камера имела в плане форму расширяющегося к северу овала, размером 2,4 × 1,8 м. Дно камеры находилось на 0,55 м ниже дна входного колодца (пандуса).

Погребенный (взрослый) лежал на спине, с небольшим наклоном на левый бок (слабо скорчен на левом боку?), головой на север, лицом к востоку (к входу в погребальную ка-

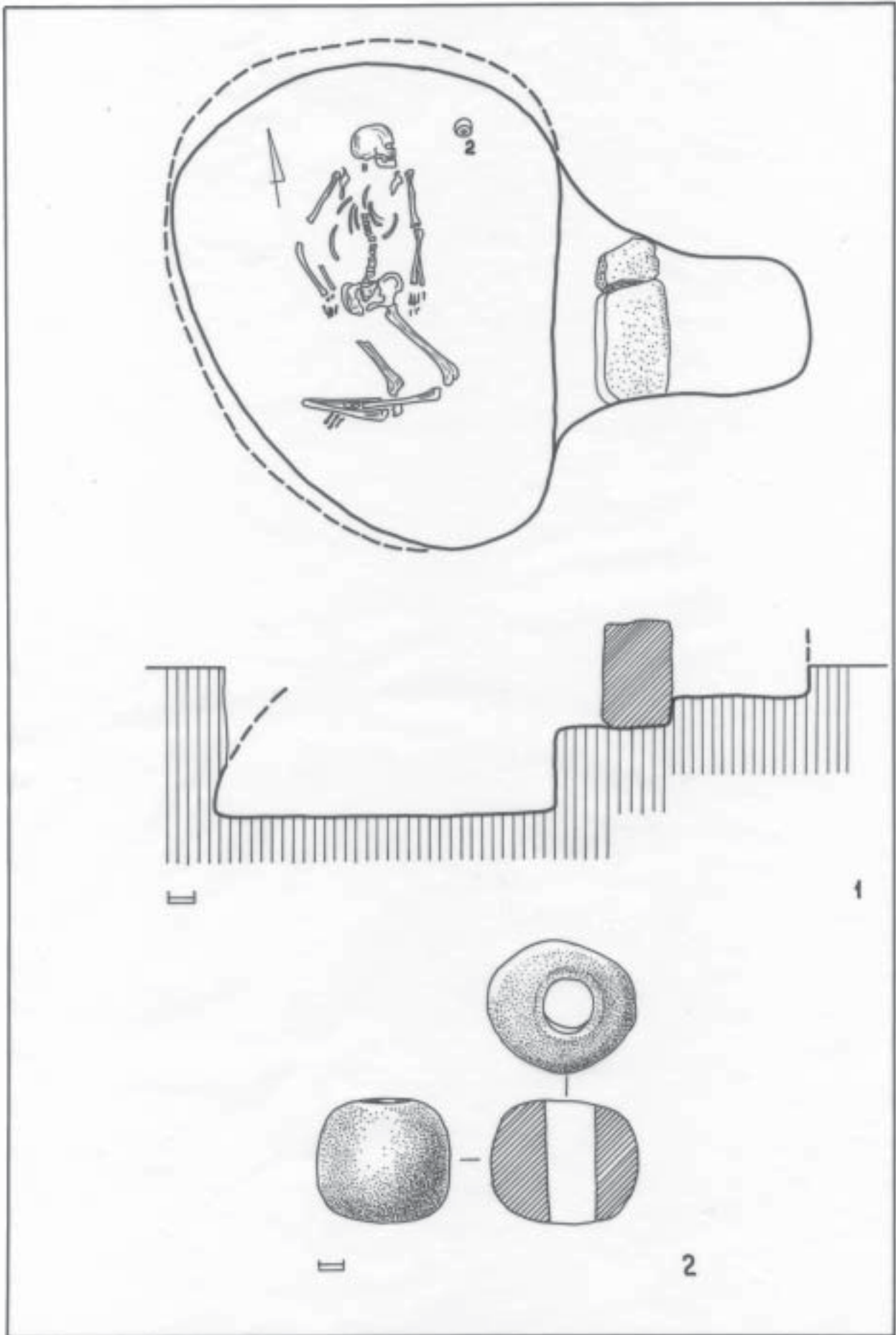

Рисунок 60. Курган 1 у с. Дубиново. 1 – погребение 12; 2 – каменная булава из погребения 12.

меру). Ноги были согнуты коленями влево. Левая рука вытянута вдоль туловища, правая согнута в локте, кисть ее лежала у таза. Под черепом и вокруг него отмечен коричневый тлен. Напротив лицевой части черепа находилась булава или, возможно, только ее навершие (какие-либо остатки рукоятки не отмечены).

Инвентарь погребения. Навершие шаровидной или, скорее, округленно-цилиндрической формы, с отверстием для насадки на рукоять. Изготовлен из зеленовато-черного гнейса²⁴. Сквозное отверстие с крайними диаметрами 2,2 и 2,5 см высверлено «под конус» с одной стороны изделия. Поверхность отполирована, окрашена красно-коричневой охрой и, местами, мелом. Высота 5,6 см, диаметр 6,2–6,9 см (рис.60,2).

Изотопный анализ образца (фрагменты костей нижних конечностей) показал радиоуглеродную дату 3900 ± 80 BP (Ki-11203).

Погребение 13 — ямной культуры (рис.59,3), обнаружено в 6,6 м к востоку-юго-востоку от репера, на глубине 2 м. Могильная яма прослежена в основном на разрезе кургана. Вероятно, она была прямоугольной, ориентированной север — юг. Верхняя часть ямы имела длину 2,4 м, глубину 0,7 м (-2,7 м). Нижняя часть, собственно погребальная камера, за счет уступа сокращалась в длину до 1,4 м. Ширина камеры предположительна (0,9 м). Прослеженная высота стенок — 0,4 м (-3,1 м). Судя по остаткам скелета, погребенный (ребенок) лежал на спине, головой на юг. Правая рука вытянута вдоль туловища, кости левой руки и нижних конечностей не сохранились. Напротив головы погребенного стоял керамический сосуд.

Инвентарь погребения. Крупный лепной горшок с коротким, чуть отогнутым ок-

ругленным венчиком, выпуклыми боками и суженным к плоскому дну туловом. Поверхность сосуда покрыта серым ангобом, местами оранжевая, внутри и частично снаружи покрыта слоем черного нагара. На дне и придонной части — следы мела. Излом черепка черно-серый, со светлым, оранжево-серым, оттенком у внешней поверхности. Высота сосуда 21 см, диаметр слегка асимметричного венчика 17,4–18 см, корпуса — 22 см, диаметр дна 10–11 см (рис.59,4).

Погребение 14 — культуры многоваликовой керамики (рис.57,6), выявлено в 6,4 м к востоку-юго-востоку от репера, на глубине 2,8 м. Могильная яма не прослеживалась. Кости скелета сохранились не полностью. Судя по ним, погребенный (ребенок) лежал скорченно на правом боку, головой на юг, лицом к востоку. Ноги были подогнуты (тазобедренный угол тупой), правая рука вытянута кистью к коленям, кости левой не сохранились. На черепе отмечены пятна красной охры.

Погребение 15 (неопределенное) выявлено в 1 м к северо-западу от репера, на глубине 0,6 м в центральной бровке. Здесь, на месте земляных работ под установку геодезического репера, найдены разрозненные человеческие кости (целые и обломки) из какого-то разрушенного захоронения.

* * *

Закljučая этот раздел, целесообразно свести воедино данные о распределении выявленных объектов по эпохам и культурам (таблица 1), а также представить полную колонку изотопных дат публикуемых комплексов (таблица 2)²⁵.

²⁴ По определению В. Ф. Петруня; подробнее см. Приложение 2.

²⁵ В таблицу также включены даты некоторых памятников из раскопок прошлых лет одного из соавторов монографии (В. Г. Петренко).

Таблица 1. Распределение комплексов по эпохам и культурам

Памятник	Энеолит	Ямная	Кеми-обинская	Кагакомбная	КМК	Сабатиновская	Белозерская	Эпоха бронзы	Черногородская	Раннежелезного века	Скифы	Сарматы	Печенежско-торчское	Ногайские	Неопределенные	Итого
Зальц, курган 1							1		1						1	3
Зальц, курган 2												1				1
Зальц, курган 3												1				1
Зальц, курган 4	1						1			1			1			4
Зальц, курган 5											1					1
Зальц, курган 6												1				1
"Солдатская Слава"		3	1	2	1			1					1			9
Катаржино, курган 1	1	11	1	1	3			2							1	19
Катаржино, курган 2	1	1			1								1		2	6
Катаржино, курган 3											1					1
Катаржино, курган 4															3	3
Великозименово		4	1	2									1		1	9
Рева Курган 3	1	7		4	1	2							1	2		18
Рева Курган 4											1					1
Курган "Любаша"		6		4	5	1						1			2	19
Курган у с.Дубиново		3		5	1			5							1	15
Всего раскопано	4	35	3	18	12	3	2	8	1	1	3	4	4	2	11	111

Таблица 2. Изотопные даты Киевской радиоуглеродной лаборатории

Энеолит

№ п.п.	Привязка	Лабораторный номер	Возраст ¹⁴ C	
			BP	BC/AD
1	2	3	4	5
1	Ревава, кург. 3, погр. 19	Ki-11174	5450±80	1σ 4361-4223 BC 4187-4165 BC 2σ 4455-4417 BC 4201-4157 BC 4127-4047 BC
2	Катаржино, кург. 1, погр. 10	Ki-9523	4950 ± 70	1σ 3793-3655BC 2σ 3941-3837 BC 3823-3639 BC
3	Катаржино, кург. 1, погр. 10	Ki-11205	4510±60	1σ 3345-3305 BC 3301-3263 BC 3239-3169 BC 3163-3101 BC 2σ 3485-3475 BC 3371-3019 BC 2975-2971 BC 2945-2941 BC
4	Катаржино, кург. 1, погр. 10	Ki-11376	4970±110	1σ 3935-3875 BC 3870-3860 BC 3805-3650 BC 2σ 3980-3620 BC 3600-3520 BC
5	Кошары III (Сычавский могильник), кург. 3, погр. 6	Ki-11211	4720±70	1σ 3631-3579 BC 3567-3561 BC 3537-3499 BC 3457-3443 BC 3435-3377 BC 2σ 3639-3369 BC
6	Утконосовка, к. 3, п.2 ¹	Ki-11252	4830±70	1σ 3699-3677 BC 3667-3623 BC 3601-3523 BC 2σ 3765-3719 BC 3715-3501 BC 3433-3379 BC
7	Кошары II, п. 220 ²	Ki-11207	4300±60	1σ 3017-2977 BC 2969-2945 BC 2939-2877 BC 2σ 3095-2859 BC 2811-2753 BC 2723-2701 BC

¹ Уголь.² Раскопки Е.Ф. Рединой 2003 г.

Ямная культура

№ п.п.	Привязка	Лабораторный номер	Возраст ¹⁴ C	
			BP	BC/AD
1	2	3	4	5
1	Ревава, кург. 3, погр. 7	Ki-11058	3910±60	1σ 2467-2305 BC 2σ 2565-2521 BC 2497-2269 BC 2257-2203 BC
2	Ревава, кург. 3, погр. 15	Ki-11060	3780±70	1σ 2327-2325 BC 2307-2131 BC 2083-2041 BC 2σ 2459-2419 BC 2405-2029 BC 1993-1983 BC
3	Ревава, кург. 3, погр. 16	Ki-11059	4135±60	1σ 2863-2807 BC 2781-2771 BC 2759-2719 BC 2707-2621 BC 2607-2599 BC 2σ 2881-2573 BC 2515-2501 BC
4	«Любаша», погр. 8	Ki-11177	3990±70	1σ 2581-2455 BC 2σ 2857-2813 BC 2683-2289 BC
5	«Любаша», погр. 19	Ki-11204	3090±60	1σ 1425-1421 BC 1413-1293 BC 1277-1263 BC 2σ 1495-1475 BC 1461-1251 BC 1249-1211 BC 1201-1191 BC 1175-1165 BC 1141-1131 BC
6	«Любаша», погр. 19	Ki-11249	4030±60	1σ 2657-2653 BC 2621-2607 BC 2601-2467 BC 2σ 2861-2811 BC 2755-2721 BC 2703-2455 BC 2449-2431 BC 2423-2403 BC 2375-2369 BC 2365-2353 BC

Кеми-обинский тип памятников

№ п.п.	Привязка	Лабораторный номер	Возраст ¹⁴ C	
			BP	BC/AD
1	2	3	4	5
1	Старые Беляры, кург. 1/14, скелет 2	Ki-11209	4030±80	1σ 2855-2849 BC 2841-2815 BC 2671-2463 BC 2σ 2873-2803 BC 2785-2395 BC 2385-2343 BC 2317-2313 BC

Катакомбная культура

№ п.п.	Привязка	Лабораторный номер	Возраст ¹⁴ C	
			BP	BC/AD
1	2	3	4	5
1	Ревава, кург. 3, погр. 13	Ki-11172	3940±60	1σ 2495-2395 BC 2387-2341 BC 2σ 2577-2283 BC 2251-2233 BC
2	Дубиново, кург. 1, погр. 8	Ki-11200	3940±70	1σ 2575-2511 BC 2505-2401 BC 2379-2349 BC 2σ 2837-2817 BC 2665-2647 BC 2637-2279 BC 2253-2231 BC 2221-2205 BC
3	Дубиново, кург. 1, погр. 11	Ki-11202	3720±70	1σ 2267-2259 BC 2203-2025 BC 1995-1981 BC 2σ 2395-2389 BC 2335-2321 BC 2309-1917 BC
4	Дубиново, кург. 1, погр. 12	Ki-11203	3900±80	1σ 2471-2283 BC 2251-2233 BC 2217-2207 BC 2σ 2577-2191 BC 2183-2141 BC
5	Катаржино кург. 1, погр. 3	Ki-11206	3300±100	1σ 1685-1490 BC 1480-1455 BC 2σ 1875-1840 BC 1815-1795 BC 1780-1390 BC 1330-1325 BC
6	Катаржино кург. 1. п.3	Ki-11250	3890±60	1σ 2463-2297 BC 2σ 2555-2539 BC 2495-2199 BC 2159-2149 BC

№ п.п.	Привязка	Лабораторный номер	Возраст ¹⁴ C	
			BP	BC/AD
1	2	3	4	5
7	Старые Беляры, кург. 1, погр. 33	Ki-11208	3810±80	1σ 2427-2425 BC 2403-2377 BC 2351-2137 BC 2075-2071 BC 2σ 2467-2033 BC 1989-1987 BC
8	Великозименово, кург. 1, погр. 4 ¹	Ki-11210	3780±70	1σ 2327-2325 BC 2307-2131 BC 2083-2041 BC 2σ 2459-2419 BC 2405-2029 BC 1993-1983 BC
9	«Любаша», погр. 17 ²	Ki-11217	3890±60	1σ 2495-2395 BC 2387-2341 BC 2σ 2577-2283 BC 2251-2233 BC

Культура многоваликовой керамики

№ п.п.	Привязка	Лабораторный номер	Возраст ¹⁴ C	
			BP	BC/AD
1	2	3	4	5
1	«Любаша», погр. 3	Ki-11176	3080±70	1σ 1415-1261 BC 2σ 1467-1189 BC 1181-1151 BC 1145-1129 BC
2	«Любаша», погр. 9	Ki-11173	3520±80	1σ 1943-1741 BC 2σ 2119-2097 BC 2039-1681 BC 1671-1657 BC
3	«Любаша», п.15	Ki-11201	3740±70	1σ 2277-2253 BC 2231-2221 BC 2205-2033 BC 2σ 2399-2381 BC 2347-1943 BC
4	Ревава кург. 3, погр. 14	Ki-11175	3590±70	1σ 2033-1877 BC 1795-1779 BC 2σ 2137-2079 BC 2067-1747 BC

¹ Астрагалы.

² Кости жеребенка.

ГЛАВА II

МЕЖДУРЕЧЬЕ ДНЕСТРА И ЮЖНОГО БУГА В ЭПОХУ ЭНЕОЛИТА — БРОНЗЫ

ПАМЯТНИКИ ЭНЕОЛИТИЧЕСКОЙ ЭПОХИ

Погребальные комплексы эпохи энеолита, представленные в предыдущем разделе, позволяют актуализировать некоторые общие вопросы, связанные с изучением такого рода памятников как в междуречье Днестра и Южного Буга, так и в соседних регионах. Энеолитическими являются древнейшие объекты курганов Дубиново 1, Редова 3, Катаржино 1 и 2, Залыц 4. На наш взгляд, эти комплексы не составляют единого целого ни в культурном отношении, ни по хронологии. Едва ли не каждый из них представляет тот или иной самостоятельный тип, характерный для эпохи энеолита или, наоборот, обладающий ярко выраженной индивидуальностью. В этом нетрудно убедиться, рассматривая объекты поочередно, начиная с кургана Редова 3, видимо, самого архаичного в публикуемой серии.

Энеолитический курган Редова 3. Обычно под курганами в пределах первичной насыпи всегда сохраняется древняя погребенная почва с четким гумусовым горизонтом. Редова 3 является исключением. Здесь верхние горизонты почвы (горизонты А–В) были заранее целенаправленно удалены. Затем на оголенной, повышающейся к середине суглинистой площадке был вырыт подковообразный ров с перемычками. Сулинок и желтовато-серая подпочва были сложены в насыпь посреди рва, когда там уже совершилось захоронение (№ 19). Насыпь была значительная, диаметром около 10, высотой более от 1 до 1,3 м. Это был асимметричный бугор, постепенно повышающийся с востока на запад, с довольно крутым, как бы подрезанным западным склоном. Склоны были по кругу вымощены известняком. На выкладку пошел разнокалиберный бут, в основном плитняк. При этом почти весь самый крупный камень попал на восточную половину бугра, а западный сектор заполнила преимущественно мелочь. Едва ли эта каменная обшивка была рассчитана на укрепление насыпи. Этому никак не могла способствовать укладка самых тяжелых и крупных плит по верхнему краю насыпи, а мелких обломков по склонам (восточный сектор). Везде

камни выкладывались плашмя, и только мощное основание «лобового» западного склона было дополнительно ограничено двухслойной кладкой из плиток, поставленных на ребро дугой, видимо, в прорытую для этого канавку. С внешней стороны к середине этой кладки была пристроена вымостка. За счет этого и других, но не столь аккуратных выступов каменной обшивки, и перепадов рельефа грунтово-каменная насыпь в целом смотрелась как распластанная фигура черепахи. Так это на самом деле или нет, но целостность кладок показывает, что объект если и «экспонировался», то недолго. И «черепахи», и окружающий ее ров, присыпанный или сам по себе затянувшийся черноземом, были перекрыты слоем суглинка. За рвом энеолитическому кургану, вероятно, принадлежали две круглые ямы, сужающиеся от дна к горловине. Особенно примечательна яма 9, центрированная по дну округлым углублением с «пирамидкой» из обломков песчаника. Наличие контекста (курган) позволяет считать эти ямы ритуальными, несмотря на полное отсутствие каких-либо находок.

Насыпь в один или несколько слоев почвы и (или) суглинка-глины в окружении рва — это типичный вариант кургана эпохи энеолита (Субботин, Петренко, 1986; Петренко, 1995). В одном только Северо-Западном Причерноморье их известно более 30, включая малохарактерные объекты усатовской культуры (могильник Маяки). Кольцевой каменный пояс позволяет предельно сузить круг аналогий Редова 3, поставив в тесную связь с двумя энеолитическими памятниками Нижнего Поднепровья — Красное 9 (Серова, Яровой, 1987, с.42 и сл.) и Семеновка 14 (Субботин, 1985, с.48 и сл.). С курганом Семеновка 14 сходство особенно примечательно, поскольку оба эти памятника связывают радиоуглеродные даты.

Образец костей человека из основного погребения Редова 3/19, исследованный в Киевской Радиоуглеродной лаборатории, показал следующую изотопную дату и ее калиброванные значения:

Объект	Образец	Лаб. индекс	BP	BC (1σ)	BC (2σ)
Ревава, Курган 3, Погребение 19.	кость, гл. 1,4 м	Ki-11174	5450 ± 80	4361–4223 4187–4165	4455–4417 4201–4157 4127–4047

Для захоронения Семеновка 14/6 первоначально было получено равнозначное радиоуглеродное определение: Ки-2165, 5400 ± 60 BP, 4370 ± 78 BC (Петренко, Островерхов, Сапожников, 2003, с.29). Однако повторная дата этого же комплекса резко разошлась с первой: Ki-7089, 4135 ± 60 BP, или 2703 ± 84 BC (Назаров, Ковалюх, 1999, с.75). Трудно сказать, какой из них следует отдать предпочтение (оба раза датирующими образцами служила древесина перекрытия). Во всяком случае, вторая дата — это дата ямной культуры, не применимая к погребению Семеновка 14/6 (энеолит). К тому же новая дата неправдоподобно моложе даты более позднего погребения Семеновка 14/2 этой культуры: Ki-2126, 4600 ± 90 BP (Субботин, 2000, с.364).

Согласно стратиграфии кургана Семеновка 14, впускное погребение 6 следовало за основным погребением 25 в овальной яме, по пропорциям и ориентации почти такой же, как в Ревава 3/19. Обряд захоронения Семеновка 14/6 характеризуют: мощное перекрытие из древесины и плитняка, прямоугольная яма, скорченный скелет на левом боку (детали позы не ясны), северная ориентировка. Подле могилы стоял приземистый каменный цилиндр с лункой наверху, который определен в исходной публикации как ступка. На самом деле это мог быть какой-то примитивный переносной жертвенник. Но ни он, ни находки керамики с толченой ракушкой из северной секции рва, по словам Л. В. Субботина, расчерченные гребнем, не были взяты с места раскопок. Наряду с «пляской» радиоуглеродных дат, это обстоятельство сильно снижает ценность комплекса. Даты же следует признать сомнительными. Соответственно, с осторожностью необходимо относиться и к дате Ревава 3/19 (4263 ± 98 г. до н.э.). В предварительной датировке этого объекта надежнее опираться на менее низкие и притом совпадающие даты, которые получены для энеолитического кургана Красное 9 и аналогичного памятника Саратены 1: 5180 ± 30, 5140 ± 40 BP (Яровой, 2000, с.17).

В отличие от нижнего горизонта кургана 1 в Саратенах, относящегося к хаджидерской группе энеолита, или, по терминологии

И. В. Манзуры, группе Хаджидер-Чернавода I (Leviĳki, Manzura, Demèenko, 1996, p.156, fig.52), культурная принадлежность «черепahi» Ревава не столь определена. С равной вероятностью можно предполагать связь данного комплекса с группами так называемого «постстогового» типа (Рассамакин, Евдокимов, 2001). Не проясняет вопрос и погребальный обряд Ревава 3/19. Сидячее положение тела или имитация такой позы — это редкий в степном энеолите вариант захоронения, в частности, отмеченный в Александровском могильнике (Братченко, Константинеску, 1987, с.26), а также на значительном удалении от территории Украины к востоку (Шишлина и др., 2001, с.119).

Казалось бы, первая аналогия (Александровский могильник, погребение 13 на участке кургана 7А) говорит в пользу исключительной древности Ревава, учитывая формальное совпадение даты погребения в «черепahi» с нижними датами памятников новоданиловского типа (Петренко, Ковалюх, 2003), к которому отнесен и Александровский могильник (Братченко, Константинеску, 1987). Однако, если это сопоставление имеет хоть какое-то хронологическое значение, так, скорее, только в пользу поздней позиции Ревава 3 по отношению к новоданиловским памятникам. В Александровском могильнике и раньше обращали на себя внимание черты, не свойственные новоданиловской культуре: наличие курганов, их связь с обрядом захоронения на боку, нехарактерным для новоданиловских могильников (Петренко, 1985). Теперь же можно дополнить наблюдения, если принять во внимание важные результаты, которые получила Н. С. Котова, обрабатывая материал Александровского могильника, в том числе радиоуглеродные даты 4730 ± 60 и 4815 ± 60 (Котова, 2003, с.86 и сл.). Для нас становится очевидным, что существенная (по крайней мере) часть Александровского могильника (в том числе упомянутый комплекс 7А/13, но по инвентарю, а не обряду) представляет ту же группу, что и Александровский некрополь, включенный Н. С. Котовой в константиновскую культуру.

Последнее, что хотелось бы отметить в связи с Ревава, касается возможности сопос-

тавить с конкретными категориями артефактов энеолита наиболее надежно зафиксированную часть архитектуры «черепашки» (кольцо с выступающей наружу мощеной площадкой). Нельзя не заметить общего сходства плана сооружения с одной разновидностью антропоморфных амулетов энеолита Балкано-Карпатского региона. Это плоские или вогнутые кольца, имеющие боковой выступ с обозначениями глаз, золотые в культуре Кукутень А и Варненском некрополе (Тодорова, 1986, табл.114). С этой линией сопоставлений идеально согласуется радиоуглеродная дата энеолитического кургана Ревова 3. Если это сходство не случайно, то мы получаем еще одно свидетельство вклада земледельческих культур в развитие энеолита степного Причерноморья. Правда, в хронологическом отношении с данными аналогиями комплексу Ревова и тут «не повезло». Я. Маккаи, который систематизировал такого рода амулеты, демонстрирует с их помощью существенные противоречия (реальные или мнимые — это особый вопрос) в абсолютной хронологии энеолита — ранней бронзы Средиземноморья, Балкан и Карпатского бассейна (Маккай, 1985; Маккай, 1989, p.36–45).

Комплекс Зальц 4/4. К сожалению, плантаж не позволил проследить насыпь над этим захоронением, если она существовала. Разрезы кургана Зальц 4, которые могли бы это установить, пролегли с неподходяще большим интервалом (рис.4, 1). Реально определить удалось только границы ритуальной площадки, выделенной под захоронение ровиком диаметром всего 7 м. Внешние рвы энеолитических курганов обычно почти вдвое или втрое больше. Но изредка под ними встречаются небольшие внутренние ровики, вполне сопоставимые по диаметру с ровиком Зальца (Петренко, Островерхов, Сапожников, 2003, с.56). Примечательно, что в Зальце это сооружение вначале было наполнено гумусом, потом глиной и, наконец, заложено обломками плитняка в 2–3 яруса с большими пустыми промежутками, но на одном уровне. Некоторые камни были взяты из какого-то кострища на стороне или же огонь разводился прямо надо рвом на кладке. Послойное наполнение и следы огня являются характерными особенностями древних обрядовых сооружений: ям, колодцев, рвов (Русанова, 2002, с.23). Закладка рва камнями поверх грунта отмечена в энеолитическом кургане 6 могильника Хаджидер I (Патокова и др., 1989, с.124),

и еще в одном кургане этого типа (Кале 2, раскопки М. М. Фокеева, 1995–1996). Но все это лишь отдельные, выборочно взятые сходства. В целом же погребению Зальц 4/4 не место в группе памятников типа Хаджидер (ср.: Leviĳki, Manzura, Demĕenko, 1996, p.156, fig.52). Есть другие, более точные соответствия.

В этом захоронении удлиненная яма, прямоугольная на одном конце и округленная на другом. Скелет лежал на правом боку или на спине с наклоном на правый бок, черепом к юго-востоку. Ноги подогнуты, кисть правой руки находилась под коленями. Левая рука согнута в локте, ее кисть уложена на живот. Индивидуальной особенностью (частным признаком) этого погребения является положение скелета по диагонали ямы.

В целом энеолитические комплексы с таким обрядом немногочисленны. Но первые скорченные захоронения на спине с наклоном набок (вправо-влево, на боку) появляются еще в грунтовых могильниках новоданиловской культуры (Суворово II и др.). Не будь в Зальце 4/4 находок, его можно было бы с некоторыми оговорками, но с неясной 100% ошибкой зачислить именно в эту культуру (тем более что не исключен грунтовый тип захоронения и нет радиоуглеродной даты). Реальные же аналогии комплекса лежат на противоположном хронологическом отрезке энеолита. Определенно Зальц 4/4 можно включить в обрядовую группу, объединяющую два симметричных варианта наклонного положения скелета на спине, т.е. с наклоном вправо/влево (Плешивенко, Рассамакин, 1994).

В первую очередь следует выделить погребение Ново-Котовск 1/7 всего в 20 км севернее могильника Зальц, но на правом берегу Кучургана. Стратиграфия кургана Ново-Котовск 1 прослежена исчерпывающе (Агульников, Савва, 1992). Основной была могила с трипольским сосудом периода Триполье С1 и скорченным скелетом, наклоненным на левый бок (восточная ориентация). Выше по разрезу находилось интересующее нас захоронение 7 в такой же ориентации, но с наклоном на правый бок или скорченное на правом боку (что не принципиально, поскольку различие между этими вариантами позы часто условно). Захоронение перекрывалось антропоморфной стелой. Еще выше легло типичное погребение ямной культуры — на спине, подогнутые в коленях ноги образова-

ли «ромб», ориентировка была западная (восток на опубликованном плане указан ошибочно). С основным или первым впускным захоронением связан небольшой ровик: примечательная деталь, сближающая сопоставляемые комплексы.

Обряд, соответствующий Зальцу 4/4, но с некоторыми отличиями в деталях позы и формы ямы (эллипс), представлен на левобережье Днестра центральным погребением 7 под курганом 2 с кромлехом в могильнике Буторы III (Мелюкова, 1974, с.76–77). Расписной сосуд, вероятно, связанный с этим так называемым усатовским погребением, обладает рядом примечательных признаков: широкая горловина, пара высоко посаженных ушек, зубчатое обрамление росписи (Мелюкова, 1974, рис.3,4). Скорее всего, он датируется второй половиной периода CI, быть может, самым началом периода CII культуры Триполье (бадражская или кошиловецкая группа). Далее, на юге междуречья Днестра и Буга целесообразно учесть впускное энеолитическое погребение 10 Одесского кургана, хотя эта аналогия не распространяется на ориентацию, в данном случае северную (Тошев, 1984, с.176, 179, рис.4).

За Днестром ни одной убедительной параллели погребению Зальц 4/4 пока нет. Зато они далеко не единичны в Буго-Днепровском регионе. Среди них особенно важны, как представляется, два инвентарных комплекса: Верхняя Маевка XIV–1/16 (Ковалева и др., 1977, с.37, 104, табл.7, 5–9) и Любимовка 23/4 (Плешивенко, Рассамкин, 1994, с.102, рис.3, 2,6). В первом случае захоронение последовало за постмариупольскими «вытянутыми» погребениями, одно из которых было надлено костяными фигурными бусами. Хронологическим репером для захоронений с такими атрибутами является курган «Садовый» поздней усатовской культуры (Малюкевич, Петренко, 1992). Соответствующая релятивная датировка выводится и для Любимовки 23/4 по расписному сосуду из этого погребения. В данном случае представлен вариант керамики, характерной для того же «Садового», могильника Пуркары (Яровой, 1990) и других позднейших памятников усатовской культуры, памятников животиловского типа (Петренко, 1994), а также кукутенских памятников, занимающих по хронологии промежуточное положение между памятниками выхватинского типа и Гординештами (Бикбаев, 1994).

Что касается инвентаря Зальца 4/4, то он указывает, скорее всего, на тот же, принципиально поздний хронологический уровень: пронизь, «обойма» из листовой меди¹, каменный «шар». Энеолитические трубообразные пронизи являются относительно редкой находкой в Северо-Западном Причерноморье, где они известны по единичным экземплярам из Усатово (Патокова, 1979, с.75,109) и двух комплексов животиловского типа (Дергачев, Манзура, 1991, рис.35, 6, рис.44, 3). Похоже, основная область распространения таких украшений в позднем энеолите лежит восточнее, в Поднепровье. Раритетом в местном энеолите является и медная «обойма», представленная также в Усатово (курган II–6, раскопки В. Г. Петренко).

Так называемый «пращевой» шар (сфероид), найденный в погребении Зальц 4/4, определенно сближает этот комплекс с памятниками животиловского типа, где их наличие (Андросов и др., 1991, рис.4, 7) обоснованно расценивается как свидетельство родства животиловского типа с погребениями майкопско-новосвободненского горизонта (Ковалева, 1991, с.83). Эти предметы, возможно, имели не только или не столько практическое, сколько символическое значение (как можно предположить по крошащейся породе «шара» из Зальца²). В междуречье Днестра и Прута аналогичный сфероид представлен в комплексе Тараклия I–1/26 (Дергачев, Манзура, 1991, с.46–47), несомненно, относящемся к животиловскому типу.

Таким образом, по всем релятивно-хронологическим ориентирам Зальц 4/4 — это поздний энеолитический памятник, близкий по времени или синхронный усатовской культуре, скорее всего, ее младшей ступени. В целом же складывается впечатление, что обрядовой группе, представленной этим комплексом, присуще неравномерное территориальное и хронологическое распределение вариантов. «Правосторонние» комплексы, к числу которых принадлежит Зальц 4/4, в массе поздние и распространены от Днепровского Левобережья до Днестра, тогда как «левосторонние» заходят и за Днестр (Арциз 1/20, Кубей 22/17 и др.). В усатовской культуре вторая вариация по выверенным данным зарегистри-

¹ Спектральный анализ показал следующий состав (в условных единицах содержания): Mg — 120, Mn — 35, Si — 122, Fe — 164, Al — 110, Ca — 76, Cu — 250, Cr — 35 (Иванова, Ветчинникова, 1993, с.182).

² Выветренный гранит, характерный для Украинского кристаллического щита, по данным В. Ф. Петруня.

стрирована дважды (эпонимное Усатово), первая — ни разу. Но обе они представлены как типичное проявление нижнемихайловской культуры (по Ю. Я. Рассамакину) не только на одной территории, но и подчас в одном стратиграфическом горизонте с погребениями на боку (на левом и на правом). Примерами могут служить «нижнемихайловский» ярус кургана 1 у Скадовска (Евдокимов, Рассамакин, 1988), «усатовский» курган Ясски 1 (Петренко, Алексеева, 1994). Возможно, эти сочетания «левого» и «правого», специфические отклонения ориентировки (северные и южные) должны быть поставлены в связь с аналогичными проявлениями обрядности в культуре животиловского типа. Первое появление захоронений данной обрядовой группы (скорченных на спине с наклоном набок) датируется временем Триполья ВП (Плешивенко, Рассамакин, 1994, с.103). Но это только предположение: бесспорна лишь синхронность таких погребений с культурой позднего Триполья (этапы С1 и СII). В раннем бронзовом веке данная обрядовая традиция сохраняется или возникает заново (это еще предстоит прояснить) в могильниках «классической» ямной культуры на обширной территории, включая Северо-Западное Причерноморье.

Комплекс Дубиново 1/7 относится к энеолитическим памятникам, культурная принадлежность которых, как и в предыдущем случае, не вполне ясна. Как уже отмечалось в описании стратиграфии кургана Дубиново 1, связь погребения 7 с кромлехом крайне сомнительна. Это была монументальная мегалитическая ограда почти метровой высоты из цельных гранитных плит, составленных в кольцо диаметром 19 м. Края первичной насыпи едва доходят до этих плит. Очевидно, насыпь над основным погребением 7 не могла являться опорой этому кромлеху. Он явно был выстроен позже, в связи с досыпкой. Досыпка прослежена одна, но их могло быть и больше (памятник сильно распахан). До досыпки в первичную насыпь было опущено как минимум одно захоронение ямной культуры (№ 13). Всего же погребений этой культуры в кургане обнаружено 2. Однако кромлех, как представляется, не имеет к ним непосредственного отношения, но связан, возможно, с несохранившимся комплексом. Основанием так считать, является тип этого сооружения: «впускная» ограда из вертикальных монолитов, вокруг насыпи из почвы. В Буджакской степи между Днестром и Дунаем

он не представлен. Искомые архитектурные аналоги локализуются на юге междуречья Днестра и Буга, а также в Побужье и Поингулье.

Прежде всего, это Одесский курган (отчет Шкадышек, 1912; Добровольский, 1915; Альбом раскопок, 1912—1913). Его кромлех состоял из еще более крупных плит, чем в Дубиново, но был меньше по диаметру (около 10 м). Сооружение этого кромлеха Г. Н. Тошев связывает с несколькими погребениями, найденными в границах данной ограды (Тошев, 1984, с.176), но более вероятно ее связь с разрушенным каменным ящиком, стоявшим по центру кургана выше (рис.61, 3).

Тщательно исследованные памятники показывают связь таких кромлехов с погребальными каменными ящиками, установленными на верхушках курганов более раннего времени: Великая Александровка (Шилов, 1988, с.5—8), Весняное (Тесленко, Гребенников, 2002)³. Эти гробницы «на подиумах» содержали захоронения на спине, скорченные, северо-восточной ориентации. Культурная принадлежность таких гробниц определяется как кеми-обинская (Ю. А. Шилов) или ямная (Д. Л. Тесленко). Показательно, что гробнице Великоалександровского кургана предшествовало захоронение 23 животиловского типа⁴ (позднетрипольское, по Ю. А. Шилову), в кургане 1 у Скадовска — энеолитические погребения днепро-бугской группы, или нижнемихайловские (Евдокимов, Рассамакин, 1988). Это дает определенный *terminus post quem* для гробниц (скорее, все-таки время ямной культуры) и позволяет четче сориентироваться в датировке предшествующих захоронений, в данном случае — интересующего нас комплекса Дубиново 1/7.

Видимо, есть все основания присоединить его к позднеэнеолитической днепро-бугской группе⁵ (Николова, Рассамакин, 1985). Этой группе исчерпывающе соответствуют не

³ Видимо, аналогичная ситуация имела место в кургане 1 у с. Малая Александровка (Рассамакин, Евдокимов, 2001, примеч.2, рис.4).

⁴ Аналогичная стратиграфия, но читается в Одесском кургане: более ранним по сравнению с кромлехом из плит было погребение 13, опущенное с уровня первой насыпи. Именно с этим захоронением связан расписной трипольский сосуд. Полагаем, есть достаточно оснований отнести погребение 13 к памятникам животиловского типа.

⁵ Благодарю А. В. Николову за возможность ознакомиться с ее последними, еще не опубликованными разработками по этой группе энеолитических памятников.

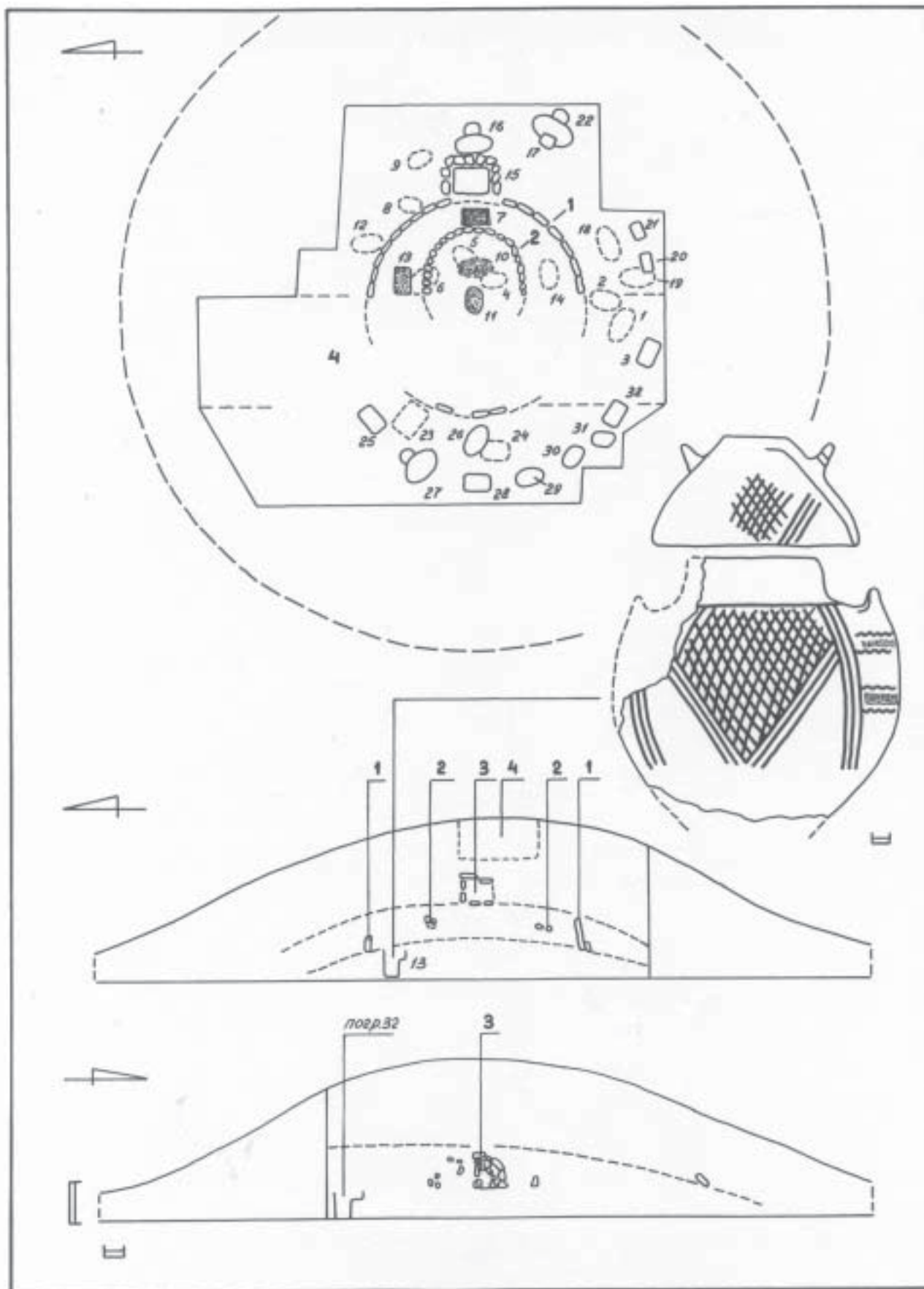

Рисунок 61. Одесский курган – первый «эталонный» памятник энеолита-бронзы Северо-Западного Причерноморья: план, разрезы, сосуд с двухцветной (черной и красной) росписью из погребения 13.

На разрезах: 1-2 – кромлехи, 3 – разрушенные «ящичные» гробницы, 4 – места позднейших вторжений в насыпь. Энеолитические погребения на плане выделены тонировкой. Вертикальный масштаб разрезов удвоенный. По М. Ф. Шкадышеку и А. В. Добровольскому (раскопки 1912-1913 гг.).

только все составляющие погребального комплекса, включая, куски охры, но и его территориальная позиция. Что же касается Буго-Днестровского региона, то здесь, кроме Дубиново 1/7, уже известна целая серия аналогичных погребений, относящихся к позднему энеолиту. Типичны простые неглубокие ямы, скорченное положение на боку (левом, правом — в позах «скачущего всадника»). Ориентация нестабильна: отмечены восточный, реже северный и южный векторы. Охра присутствует в виде отложений на скелете, обычно слабых, и штуфов. Такого рода объекты, например, представлены в кургане Ясски 1 (Петренко, Алексеева, 1994), в кургане Красное 9 (Серова, Яровой, 1987). Следует также упомянуть погребение 7 Одесского кургана (Тошев, 1984, с.176), по ориентировке и позе скелета едва ли не такое же, как в Дубиново, но в четырехугольном каменном ящике. Особо отметим, что из аналогов не исключается и комплекс Красное 9/17 (Серова, Яровой, 1987, с.66–68). Он хоть и считается одним из древнейших в энеолите Северо-Западного Причерноморья (Серова, Яровой, 1987, с.125 и сл.), однако, этот вывод вызывает определенные сомнения. Для погребения Красное 9/17 в радиоуглеродной лаборатории Гейдельберга получена изотопная дата $BP\ 4434 \pm 23$, или $3114 \pm 30\ BC$ (HD-19933)⁶, предельно близкая наиболее надежным поздним датам усатовской культуры и датам комплексов животилковского типа (Петренко, Ковалюх, 2003). На наш взгляд, соответствующая датировка действительна для перечисленных памятников как серии в целом, включая Дубиново. Так или иначе, Дубиново 1/7 — это первый энеолитический курганный комплекс, исследованный в северной, лесостепной части междуречья Днестра и Южного Буга.

Катаржино 2/1. В обоснование энеолитического возраста этого комплекса (как мы полагаем, тоже позднего), наверное, достаточно было бы ограничиться ссылками на стратиграфические разработки по «доямным» памятникам и ямной культуре (например, Яровой, 1985, 2002) или характеристики «постстоговых» погребений (Рассамакин, Евдокимов, 2001). Впрочем, такого рода погребения выделяют и в рамках раннего этапа ямной культуры (Ковалева, Марина, Ромашко и др., 2003, с.16–18). Но не стоит отклонять возмож-

⁶ Дата используется с любезного разрешения Е. В. Ярового.

ность еще раз подчеркнуть сложности, которые связаны с изучением такого рода памятников, возникающие даже на материале хорошо стратифицированных курганов (Петренко, Островерхов, Сапожников, 2003).

В Катаржино 2 скорченное на спине погребение, в прямоугольной яме, с округленными углами, с характерной северо-восточной ориентацией скелета было единственным под первичной насыпью. Важной особенностью Катаржино 2/1 является перисталит, кромлех из вертикально выставленных плит. Западнее обнаружено всего только 2 аналогичных памятника: это первичные комплексы кургана «Бакумова гора»⁷ и кургана 6 могильника Ясски (Алексеева, 1992, с.31–32, 48, рис.7,1, рис.8,1).⁸ Однако аналогичные объекты хорошо известны в между Бугом и Днепром почти на одной широте, например, у сел Антоновка (Шапошникова, Фоменко, Довженко, 1986, с.154), Зеленый Гай (Ковалева, Марина, Ромашко и др., 2003, с.16–18), Марьевка (Пиоро, 1999, с.42, мал.1,2). В этом же регионе известны случаи вторичного использования аналогичных, но более ранних кромлехов (условно нижнемихайловских) под такие погребения (Шарафутдинова, 1980). Кроме того, там же такие кромлехи строились вокруг скорченных погребений на спине, но с западной/юго-западной ориентацией (Шапошникова, Бочкарев, Корпусова, 1980, с.35 и сл.). Аналогичный комплекс можно выделить и за Днестром, в Подунавье на материале Болградского могильника (Субботин, 1970).

Кромлехи имели диаметры от 3,5 м в Ясках до 6,0 м в Катаржино. Плиты были высотой 50–60 см. В Катаржино плиты стояли неплотно, с промежутками, едва возвышаясь над землей. Очевидно, они были поставлены в неглубокую кольцевую канавку, не прослеженную в погребенном черноземе при раскопках. Первичная насыпь «Бакумовой горы», сложенная вальками речного ила, была обставлена плитами на уровне древнего горизонта. В перекрытиях могил отмечено применение деревянных лаг и камня, как бута, так и относительно крупных плит. Что касается инвентаря, то в погребении под «Бакумовой Горой» найдены фрагменты чаши с округлым

⁷ Информацию о «Бакумовой горе» любезно предоставил А. С. Островерхов, под руководством которого велось исследование этого кургана.

⁸ И. Л. Алексеевой мы обязаны возможностью более подробного ознакомления с этим полностью пока не опубликованным памятником.

дном, содержащей в примесях мелкий кварцит и мел⁹, и деревянный брус с отверстиями, овальный в сечении. В Катаржино 2/1 находились каменные орудия: брусок, служивший одновременно в качестве песта и терочного камня, и плитка в форме полусегмента с острыми, частично изношенными краями. Охра представлена в «Бакумовой горе» на черепках, в Яссах — пятнами на скелете и штуфами, а в Катаржино ее не было.

Следует заметить, что наименее сложной является хронологическая атрибуция тех скорченных на спине погребений восточной ориентации, которые характеризуются овальными или близкими к овалу планами погребальных ям. Неслучайно именно эта разновидность составила основной массив «постстоговских» погребений (Рассамакин, Евдокимов, 2001). Трудности появляются, как только этот, казалось бы, частный признак, меняется (прямоугольная яма). Тотальная принадлежность этого варианта к «доямному» и даже «доусатовскому» горизонтам, на чем систематически настаивает Е. В. Яровой, не может быть поддержана. Такие погребения бывают впускными в энеолитические насыпи (например, курган Новая Долина 3) и курганы с основными могилами животиловского типа (Суворово I–2). Вместе с тем они есть в могильниках Усатово. Это всего два, но исключительно ярких комплекса. Кстати оба лишены инвентаря, не считая кремневых отщепов. Один из них, основной для кургана I–9, перекрыт впускной ямой с бронзовым инвентарем усатовской культуры (Патокова, 1979, с.58 и сл.). Еще более выразителен другой памятник, курган I–8: «постстоговец» погребен под индивидуальной насыпью (но почему-то с краю); на участок, с которого для его насыпи выбирался грунт, опущена группа усатовских захоронений (Патокова, 1979, с.55 и сл.). Интересно, что не зафиксированы слу-

чай «обратной» стратиграфии с усатовскими комплексами.

Насколько широк реальный хронологический диапазон таких погребений (скорченных на спине, ориентировка восток/северо-восток), ясно показывают случаи их залегания выше типичных захоронений ямной культуры, например, в Катаржино I. Не менее принципиальным моментом является устойчивая связь таких (по обряду) погребений с «репинской» керамикой в основном ее ареале (Николова, 2002). Стоит выделить комплекс под курганом в пригороде Одессы (Синіцин, 1960), примечательный сосудом (Алексеева, 1992, рис.26, 11) с «репинскими» чертами в построении формы и орнаменте («елочка» из оттисков гребенки на корпусе).

Все говорит о том, что пока нет надежных критериев датировки интересующих нас комплексов. Их суммарная «архаическая» интерпретация внушена сходством в обряде (надо заметить, более чем поверхностным) с памятниками новоданиловского типа. Среди них есть как настоящие энеолитические погребения, так и объекты времени «классической» ямной культуры.

Ситуацию могли бы прояснить серийные радиоуглеродные датировки, но их нет. Есть дата погребения 2 кургана 14 Семеновского могильника: Ki-2126, 4600 ± 90 ВР (Петренко, Островерхов, Сапожников, 2003, с.56). Казалось бы, весомость ей придает то обстоятельство, что она принадлежит памятнику из района, где не известны усатовские захоронения старшей ступени (которые показывают близкие даты по ¹⁴C). Но выше мы уже видели ее несоответствие более ранним датам кургана Семеновка 14. В этой связи контрольное значение приобретает дата основного, по типу определено «постстоговского» захоронения 6 в кургане 3 могильника Кошары III (иначе Сычавского):

Объект	Образец	Лаб. индекс	ВР	BC (1σ)	BC (2σ)
Мог-к Кошары III, курган 3, погребение 6.	Кость	Ki-11211	4720 ± 80	3631–3579 3567–3561 3537–3499 3457–3443 3435–3377	3639–3369

Комплекс Кошары III–3/6 характеризуется следующими данными, по публикации

⁹ Находка известна только по описанию в отчете (Черняков, Добролюбский, Дзиговский и др., 1982, с.36–37). Погребение определено в отчете как усатовское.

автора раскопок (Гудкова, 1980) и результатам обработки наличной коллекции¹⁰. Яма не воз-

¹⁰ Памятник раскапывался в 1969 г. Находки и антропологический материал хранятся в Одесском археологическом музее НАН Украины. Половозрастные определения

де четко прослеживалась, но, по крайней мере, со стороны ног она была овальной. Погребенный — мужчина старческого возраста. Положение — на спине, ноги подогнуты в коленях, завалились (?) влево. Руки были слегка разведены в стороны и лежали вдоль туловища. Основная ось скелета ориентирована с юго-запада на северо-восток. Возле запястий, а также на тазовых костях и черепе найдено 13 (в наличии 3) раковин *Theodoxus* sp. с проколотыми отверстиями для нанизывания на нить. Возможно, к этому погребению имеют отношение некоторые находки из насыпи. Во-первых, это длинная кремневая пластина с одним заостренным концом и ретушью (правда, аналогичные изделия есть в новоданиловском могильнике Кошары I). Во-вторых, обломок венчика сосуда из глины с толченой ракушкой, с бороздами от гребенки и насечками по краю. Этот фрагмент, конечно, не усатовский, как указано в публикации, а более ранний. Черепок достаточно выразителен. Он принадлежит типичному кухонному сосуду трипольской культуры, конца периода ВП или, что наиболее вероятно, периода СI, но не позднее. А. В. Гудкова считает, и небезосновательно, что данное погребение 6 было в кургане первичным, но не единственным основным захоронением. За этим погребением, но до появления насыпи, последовало захоронение 7: скорченное на левом боку, головой к юго-востоку, в овальной яме, но почему-то не посередине, а под стенкой (быть может, эта яма имела подбой?). Оба погребения находились под насыпью внутри овального кромляха из плитняка, но по-настоящему центрировало эту кладку только погребение 7, тогда как погребение 6 располагалось в стороне.

Не исключено, что дата погребения 6 несколько омоложена; если бы керамика была найдена в нем, а не в насыпи, это можно было бы утверждать с полной определенностью, опираясь на трипольскую шкалу радиоуглеродных дат. Тем не менее, для энеолитических могильников Кошарского микрорайона¹¹ корректность даты 4720 ± 80 не вызывает ни малейших сомнений. Она занимает промежуточное положение с разрывом в 300–400 лет между радиоуглеродными датами могильника

в 70-е годы выполнил К. В. Зиньковский, образец для изотопного исследования был сформирован в 2004 г. Раковины определены в Институте биологии южных морей НАН Украины (А. И. Синегуб).

¹¹ Петренко В. Г. Отчет об исследовании энеолитического могильника Кошары I в 2001 г. // Архив Института археологии НАН Украины.

Кошары I новоданиловской культуры (Петренко, Ковалюх, 2003) и комплекса усатовской культуры в могильнике Кошары II (раскопки 2003 г.). Впрочем, и даты этих памятников (Кошары I–II) оказались омоложенными. Все три могильника лежат в непосредственной близости один от другого (300–800 м). Так что можно предположить «омоложение» в силу одних и тех же факторов. Возможно, на датах сказывается повсеместное присутствие в Кошарах мощных отложений жилых и культовых объектов V–III вв. до н.э. Так или иначе, 4720 ± 80 — это первая радиоуглеродная дата, полученная для комплекса «постстоговского» типа, и как таковая она должна считаться предварительной, сугубо ориентировочной. Во всяком случае, если бы сопоставимую с этой датой показали «постстоговцы» Усатово, это следовало бы признать более чем удовлетворительным результатом¹².

Катаржино 1/10. Основное захоронение 10 кургана Катаржино позволило выделить отдельную обрядовую группу позднеэнеолитических захоронений (Петренко, Шилов, 1992). Она представлена как вариант единой традиции (Петренко, Алексеева, 1994, с.54), называемой «постстоговской» (Рассамакин, Евдокимов, 2001). С погребением Катаржино 1/10 связана четырехслойная двухметровая насыпь, окруженная ровиком диаметром до 24 м, под ней — еще один ров. Захоронение было совершено в овальной яме посреди огромного кострища на уровне древней дневной поверхности. Погребение, напомним, скорченное на спине, черепом к юго-западу. Отмечена охра: тонкое отложение на костях и массивные круглые «коржи». У левой руки — лепной сосудик из отмученной глины, с грубо обработанной поверхностью и без всяких признаков росписи, стоявший на прослойке угля. Другие находки представлены долотовидными орудиями из кремневых отщепов. Погребальная яма была накрыта сверху тростниковой циновкой и заложена плитняком. Среди плит примечателен выразительный фрагмент антропоморфной стелы. Подле нее на циновке наблюдалось скопление органического вещества (мёд?). Здесь же лежал крупный обломок лепного горшка грубой выделки из массы с обильной примесью толченой ракушки, шнуровым орнаментом и затертые следы обработки стенок «гребенкой».

¹² Есть небольшие образцы древесины из такого комплекса (Усатово I–9).

Первичный бугор надмогильной насыпи над погребением достигал диаметра 4 м, высоты 0,6 м, включая панцирный слой известнякового буга. Ряд данных, прежде всего целостность отложений кострища, позволяют предположить непрерывность и в целом кратковременный характер обрядовой ак-

ции: мощный костер, захоронение, перекрытие ямы каменной выкладкой с керамическим сосудом, отсыпка нижних пластов кургана. Проба угля из кострища (2002 г.) и фрагменты костей непосредственно из захоронения (пробы 2004 г.) дали следующие изотопные даты:

Объект	Образец	Лаб. Индекс	BP	BC (1σ)	BC (2σ)
Катаржино, Курган 1, Погребение 10.	Уголь, Гл. 6,2 м	Ki-9523	4950 ± 70	3793–3655	3941–3837 3823–3639
	Кость Гл. 6,8 м	Ki-11205	4510 ± 60	3345–3305 3301–3263 3239–3169 3163–3101	3485–3475 3371–3019 2975–2971 2945–2941
	Кость Гл. 6,8 м	Ki-11376	4970 ± 110	3935–3875 3870–3860 3805–3650	3980–3620 3600–3520

Как видим, первая дата расходится со второй более чем на 400 радиоуглеродных лет. Основной и вполне объективной причиной столь радикального «омоложения» может быть продолжительное соседство в музейном хранилище антропологического материала (образец Ki-11205) с радиоактивными, как выяснилось¹³, костями из погребения Катаржино 1/3 катакомбной культуры, которые показали такое же «отставание» от серийных катакомбных дат. В первый раз основной комплекс кургана Катаржино 1 получил, как представляется, вполне корректную дату 4950 ± 70 BP. Ее объективность подтверждает контрольное датирование, осуществленное по кости: 4970 ± 110 BP. По трипольской шкале обе старшие даты приходятся на время Триполья С1. Едва ли древнее этого периода найденный в погребении асимметричный сосуд с отбитой ручкой (похожий на «аск») из светло-желтой отмученной глины. Отсутствие росписи не позволяет однозначно конкретизировать локально-хронологическую атрибуцию находки. Вообще говоря, такого рода трипольские сосуды в форме «аска» или кувшина с ручкой (кружки) отмечены в единичных экземплярах в усатовской культуре (Ефимовка) и в комплексах животиловского типа (Казаклия, раскопки С. М. Агульникова). Однако такая особенность строения находки из Катаржино, как одутловатое и как бы опущенное книзу тулово, однозначно говорит о принципиально более раннем времени, чем Триполье С11 (владимирская, томашевско-сушковская или, возможно, кошиловецкая

группы). Для второй керамической находки из этого же захоронения Катаржино 1/10, кроме самого общего сходства с керамикой Усатово — Большого Куяльника (за исключением следов «гребенки»), стоит отметить другие и, кажется, более важные параллели. Прежде всего, это материал трипольского поселения Ольховец косеновской группы (Видейко, 1997, рис.3), хотя по радиоуглеродным датам (Videiko, 1999, tab.6) оно значительно моложе Катаржино (даже учитывая его «младшую» дату 4510 ± 60 BP). Соответственно, напрашивается та же параллель, которая проведена М. Ю. Видейко для кухонной керамики Ольховца, — Молюхов Бугор (Нераденко, 1995). Наконец, в этот же круг аналогией, на наш взгляд, входит сосуд из основного захоронения 5 кургана 1 у Баратовки на Ингульце (Rassamakin, 1996, fig.8). Этот комплекс по стратиграфии предшествует горизонту энеолитических погребений с пластикой серезлиевского типа. В то же время в Еромолаевке (Рыбалова, 1964) захоронение с таким же положением скелета, как в Катаржино, сопровождалось «серезлиевской» статуэткой, каменным молотом и расписной амфорой, характерной в степи для позднеусатовских памятников и комплексов животиловского типа. Таким образом, вариант курганной обрядовой традиции, во всей полноте представленный Катаржино, определенно существовал в рамках периодов С1 и С11 Триполья, примерно со второй трети IV тысячелетия до н.э. по калиброванной хронологии и согласно полученной датам, хотя зародился, возможно, даже несколько ранее.

¹³ Данные Киевской Радиоуглеродной лаборатории.

Подведем итог. Только что проведенная атрибуция погребальных комплексов в силу их характера сосредоточилась, главным образом, на двух еще малоизученных, но, полагаем, достаточно типичных проявлениях позднего энеолита в междуречье Днестр – Южный Буг, а именно на так называемых «постстоговских» и «нижнемихайловских» погребениях. Выделяются такого рода памятники исключительно по стратиграфическим данным и признакам обряда. Кроме обряда захоронений и элементов погребальной архитектуры, мало что известно о других категориях культуры, присущих этим таксономическим единицам, особенно «постстоговской» группе. Соотнесение этих памятников с трипольской шкалой оказывается наиболее надежным способом установления их относительной хронологии и проверки данных изотопного датирования.

«Постстоговская» группа объединяет энеолитические курганные захоронения в скорченном положении на спине. На территории Северо-Западного Причерноморья, включая Побужье, мы их знаем в двух основных вариантах, различающихся по направленности скелетов (восток – северо-восток, запад – юго-запад). Днепро-Бугское Правобережье выделяется как основной район их распространения, прежде всего, варианта с восточным вектором ориентации. Оценка стратиграфических данных, приведенных в цитированных выше работах, показывает, что именно «постстоговская» группа одна из первых (если не первая) ввела в том регионе практику строительства курганов. Приблизительно одновременно и едва ли ранее периода VII культуры Триполье-Кукутень, курганы появляются на юго-западе Украины и в Бессарабии, но в связи не с «постстоговской», а с хаджидерской культурной группой (Петренко, 1989, 1993, 1995; Яровой, 2000). Степное междуречье Днестр – Буг вырисовывается как контактная зона этих групп. Неслучайно в «постстоговских» комплексах региона (Новая Долина, Кошары) представлены раковины *Theodoxus* с отверстиями для подвешивания, типичные для хаджидерской группы, и характерная для нее керамика (ср.: Ковпаненко, Фоменко, 1986, с.12, рис.1,8; Рассамкин, Евдокимов, 2001, с.15, рис.15,1).

Носители «постстоговской» традиции, несомненно, причастны к становлению усатовской культуры, поскольку в эпонимном

Усатово есть не только их «чистые» комплексы, о чем говорилось выше, но и «адаптированные» объекты с типичной усатовской керамикой. Учитывая характер погребального обряда «постстоговской» группы и ее несомненное «доживание» до финала Триполья, что ясно показали последние работы на Днепро-Бугском Правобережье (Ковалева, Марина, Ромашко и др., 2003), вполне вероятно вклад этой группы в генезис ямной культуры, предполагаемый многими исследователями. Однако все меньше оснований остается для выделения собственно «стоговских» могильников как таковых (Котова, 2003). Отсюда – целесообразность замены термина «постстоговский». Подходящим эпонимом нам представляется Катаржино (комплекс 1/10).

«Нижнемихайловская» группа/культура представлена скорченными погребениями на боку или на боку с наклоном корпуса на спину, как правило, с несимметричным положением рук. Такого рода курганные захоронения в степном Днепро-Бугском регионе в массе приходится на верхние стратиграфические горизонты энеолита и по времени, видимо, соответствуют финальным ступеням Триполья (конец периода СИ). Кроме того, в этот же период на территории Днепро-Бугского Правобережья и они, и «постстоговские» (катаржинского типа) погребения образуют «смешанные» комплексы с постмариупольской культурой (из последних находок см.: Ковалева, 2003). Отсюда – вполне резонные попытки выделять в этом регионе синкретичную культурную группу позднего энеолита (днепро-бугская группа А. В. Николовой и Ю. Я. Рассамкина). В этой связи обращает на себя внимание наличие в междуречье Днестр – Буг относительно ранних памятников с параметрами нижнемихайловской, если не днепро-бугской группы, прежде всего, «Высокой могилы» (Яски). С днепро-бугской группой по характеристикам вполне соотносится большинство впускных энеолитических погребений кургана Красное 9 и ряд публикуемых захоронений. Одно из них (Красное 9/17, 4434 ± 23 ВР) датируется в изотопном измерении также как и погребение Красное 9/10 животиловского типа 4467 ± 34 ВР (Петренко, Ковалюх, 2003). Дополняет общую картину предположительно животиловский комплекс, выделенный нами в Одесском кургане (рис.61).

ЯМНАЯ КУЛЬТУРА

Итоги исследования

Публикуемые в монографии погребения ямной культуры, в целом, органично вписываются в круг ямных древностей Северо-Западного Причерноморья. В научный оборот вводятся данные о 35 погребениях, происходящих из шести курганов. Привлекает внимание тот факт, что лишь один курган был сооружен непосредственно носителями ямной культуры (курган «Любаша»). В Великозименово основным было захоронение кемиобинского типа, в остальных случаях использованы более ранние (энеолитические) насыпи. Заметим, что для Северо-Западного Причерноморья, в целом, характерна иная ситуация: собственно ямные курганы составляют свыше 80% (Субботин, 2000, с. 353).

Представляет интерес курганная архитектура изученных памятников. Курган 1 могильника Катаржино является одним из пяти наиболее высоких курганов, исследованных в Северо-Западном Причерноморье. Сооружение, по крайней мере, десяти из тринадцати его насыпей связано с ямными племенами. На поверхности одной из насыпей (второй по счету, из соотносимых с ямной культурой) была утрамбована и покрыта илом горизонтальная площадка. К ней вели также покрытые илом пандусы, основания которых смыкались со рвом, ограничивающим площадку (он был прорыт в теле насыпи). В центральной части площадки находилась конструкция трапецевидной в разрезе формы (вал?), шириной в основании до 9 м, высотой (в самой высокой части) до 0,6 м, выполненная, из материковой глины и суглинка. Ее длина была не менее 12 м, в плане вытянута по линии юго-запад — северо-восток. Заметим, что утрамбованная, покрытая илом площадка (но лишенная каких-либо иных конструкций) зафиксирована и в кургане 1 у с. Маяки на левом берегу Днестровского лимана (Черняков, Добролюбовский, Дзиговский, 1982). Известна сходная конструкция кургана, в виде усеченного конуса, и на правобережье: Семеновка, к. 8 (Субботин, 2000, с. 355). Аналогии такому элементу курганной архитектуры распространены как в междуречье Южного Буга и Ингульца (Рычков, 2002), так и в Поднепровье (Тесленко, 1999).

Необычна конфигурация кургана «Любаша». Первичный курган состоял из двух расположенных рядом насыпей, вершины их

были размещены по оси северо-восток — юго-запад. Непосредственно под центрами первичных насыпей погребения отсутствуют; полы их смыкаются над единственным основным захоронением. Спустя некоторое время эти две насыпи были перекрыты еще одной, объединяющей. Тем не менее, курган с течением времени (и проседанием грунта) вновь приобрел две вершины. Дальнейшие, частью локальные, досыпки в итоге все же «выровняли» курган.

Курганы ямной культуры, где несколько первичных насыпей объединены впоследствии еще одной, известны в Северо-Западном Причерноморье: Медвежа, к. 5 (Савва, Дергачев, 1984, с. 105).

Погребальные сооружения исследованных захоронений, в целом, традиционны для ямной культуры междуречья Южного Буга и Днестра. Они выполнены в обычных прямоугольных ямах (в большинстве своем с закругленными углами) или в ямах с уступами, с соответствующим оформлением (подстилка, охра, мел, глина). В двух случаях встречена обкладка стен стеблями растений («Любаша» 2/8, Рёвова 3/15). В кургане 1 у с. Катаржино зафиксированы погребальные камеры воронковидной формы, в которых входная яма постепенно сужалась книзу, плавно переходя в погребальную камеру. Перекрытие погребальных сооружений как деревянное (в том числе и из коры), так и каменное. Над захоронением Рёвова 3/16 в перекрытии находились две антропоморфные стелы. Среди элементов оформления погребального ложа следует назвать ямки («Любаша» 2/19), реже канавки («Солдатская слава» 1/3) на дне погребальной камеры, глиняную «подушку» в изголовье умершего (Рёвова 3/15). В погребении 8 кургана «Любаша» зафиксирована выразительная раскраска черепа погребенного.

Впрочем, некоторые черты обряда являются довольно редкими. В погребении «Любаша» 2/7 на поверхности уступа прослежена небольшая конструкция из прутьев, обмазанных глиной. Как особенность погребального ритуала зафиксированы носилки (Катаржино 1/11). В погребении Катаржино 1/7 был сооружен «полуящик», две стенки которого были составлены из каменных плит, а две другие оставались земляными.

Преобладает расположение умершего скорченно на спине. Лишь в одном случае за-

фиксирована поза на спине с разворотом вправо (Дубиново 1/5) и в трех — с разворотом влево (Ревава 3/4, 3/7, Великозименово 1/2), один раз — на левом боку (Дубиново 1/7). Редкой особенностью является погребение ребенка в ногах взрослых (Катаржино 1/21). Аналогичный случай отмечен на правом берегу Днестра — Оланешты 1/26 (Яровой, 1990, с. 151, рис.65, 6)

Керамический комплекс захоронений вполне традиционен для ямной культуры всего Северо-Западного Причерноморья (см.: Яровой, 1985)

1. Горшок с коротким, чуть отогнутым округленным венчиком, выпуклыми боками и суженным к плоскому дну туловом (Дубиново 1/13)¹⁴. Горшки разных пропорций являются наиболее распространенным типом сосудов в ямной культуре Северо-Западного Причерноморья, составляя около трети керамических находок (Яровой, 1985, с. 83).

2. Банковидные сосуды усеченно-конической формы, под венчиком — две противоположно размещенные ручки-налепа с вертикально проколотыми отверстиями (Великозименово 1/4; Ревава 3/7). Оба сосуда выполнены без поддона, первый из них орнаментирован. Отметим находки подобных сосудов и в других курганах междуречья Днестра и Буга, например, в Новоградовке 1/4, 2/11, 3/10 (Субботин, 2000, с. 361, рис.4,7). Этот тип сосудов широко распространен в Северо-Западном Причерноморье, составляя одну из характерных черт его керамического комплекса.

3. Амфорки небольших размеров со слегка отогнутым венчиком, покатыми плечиками и плоским дном. На плечиках находятся две ручки-налепа со сквозными отверстиями, расположенными вертикально (Ревава 3/7, «Любаша» 2/2). Второй из них отличается более приземистыми пропорциями. Такого типа амфоры также типичны для Северо-Западного Причерноморья. Их находки зафиксированы и в других пунктах Буго-Днестровского междуречья. Непосредственно на правобережье Южного Буга можно отметить находку из погребения Бугский 1/9 (Шапошникова, Фоменко, Довженко, 1986, с. 71, рис.19.9). Известны они на правом берегу Днестра: Оланешты 1/27 (Яровой, 1990, с. 151, рис.65,7), в Буджакской степи: Вишневое 52/40 (Субботин, Дзиговский, Островерхов, 1998,

с. 22, рис.8,8), Лиман 3А (Захаркина могила)/17 (Субботин, Тошев, 2002, с.36, рис.8,3).

4. Деревянное блюдо овальных очертаний (поднос?) имеет аналог на правом берегу Днестровского лимана, в погребении 3 кургана 33 (Гостра могила) могильника Алкалия (Субботин, 1995, с. 195, рис.2,2).

Орудия труда, найденные в погребениях, изготовлены из кремня и камня. Это — пест-растиральник из Велико-Зиминово 1/6, кремневый отбойник из Ревава 1/4, кремневый же скребок из Ревава 3/7. В двух захоронениях находились кремневые пластины без ретуши (Катаржино 1/16, Дубиново 1/6). Металлическое орудие лишь одно — это шило из бронзы или меди (в деревянном футляре) из погребения Катаржино 1/11. В двух погребениях находились по паре серебряных спиралевидных подвесок («Солдатская слава» 1/10, Катаржино 1/11). Трубочатые пронизи из меди/бронзы найдены среди остатков тризны в кургане «Любаша».

На фоне немногочисленных находок особо выделяется топор из захоронения 10 кургана «Солдатская слава». Топор имеет необычное для нашего региона оформление отверстия каннелюрами. Сходный топор, но более коротких пропорций, хранится в коллекции Одесского археологического музея¹⁵. Ближайшие аналогии в оформлении можно найти во фрагменте топора, соотносимого с новотиторовской культурой (Гей, 2000, с.156, рис.47,7). Отличаясь более вытянутыми пропорциями, новотиторовский топор также имеет каннелюры. Но и для Кубани это — уникальная находка. А.Н. Гей сопоставляет его с топорами из Трои II, клад L, датируемые 2500-2400 гг. до н.э (Трейстер, 1996). Автор предполагает, что в этот период и на Кавказе, и в Анатолии, а может быть, и во всей Циркумпонтийской зоне, бытуют идентичные или близкие формы каменных (и металлических) топоров (Гей, 2000, с.155). Впрочем, топоры Трои выполнены из нефрита, имеют бульшие размеры, и каннелюры на них выполнены в виде растительного орнамента, что отличает их от находок в Северном Причерноморье. Заметим что в ямных захоронениях Северо-Западного Причерноморья каменные шлифованные топоры встречены, по большей части, при погребенных, скорченных на левом

¹⁴ Сосуд сходного облика найден в погребении № 9 кеми-обинского типа кургана «Солдатская слава», публикуемом в данной монографии.

¹⁵ Инвентарный № 10108, место находки его и дата поступления в Одесский археологический музей точно не известны; впервые он упоминается в музейной документации в т.н. «Каталоге Штерна» 1915 г.

боку (Иванова, Цимиданов, 1998). В погребении из кургана «Солдатская слава» умерший расположен скорченно на спине.

Таковы основные черты публикуемых в монографии памятников ямной культуры.

Радиоуглеродное датирование

В Киевской радиоуглеродной лаборатории был произведен анализ костных остатков из пяти погребальных комплексов ямной культуры, публикуемых в данной монографии. При выборе объектов исследования предпочтение отдавалось захоронениям с инвентарем (Ревава 3/7 с сосудами и кремневым орудием), либо с особенностями в ритуале (Ревава 3/16 — с антропоморфными стелами; Ревава 3/15 — с ямками на дне; «Любаша», п. 8 — с раскраской черепа, подушкой под верхней частью туловища); «Любаша», п. 19 (расчлененное).

Для основного погребения 19 кургана «Любаша» анализ костных остатков производился дважды, т.к. первоначальная дата оказалась омоложенной (Ki-11204). Полученные для памятников региона даты имеют аналоги среди уже опубликованных дат погребений ямной культуры Северо-Западного Причерноморья (См. Своды дат: Szmyt, 1999; Субботин, 2000; Черных, Авилова, Орловская, 2000).

Дата для погребения 8 кургана «Любаша», по данным планиграфии, может быть соотнесена с еще двумя захоронениями этого кургана — № 7 и № 10. Все они расположены по дуге, размещенной в юго-восточном секторе кургана; идентичен и погребальный обряд. Для кургана 3 у с. Ревава получены три даты. Наиболее ранним являлось захоронение 16, сопровождавшееся антропоморфными стелами. Более позднее погребение №7, с левосторонне расположенным погребенным, оказалось относительно близким по дате захоронению 8 «Любаша», где скелет скорчен на спине. Позднейшим из ямных захоронений кургана было погребение 15, попавшее в профиль кургана, что позволило проследить его стратиграфию. Такая его позиция подтверждена и имеющейся датой. В кургане 3 у с. Ревава перед нами та стратиграфическая ситуация, согласно которой впускное в центр насыпи захоронение завершает строительство кургана, выступая его своеобразной «запечаткой».

В заключение отметим, что публикуемые и уже опубликованные даты ямной культуры Северо-Западного Причерноморья вполне сопоставимы с датами других терри-

торий, что дает возможность предположить одновременное формирование идентичных обрядовых традиций на всей территории, которая обычно соотносится исследователями с ямной культурно-исторической областью¹⁶. В то же время сравнение некоторых радиоуглеродных дат с курганной стратиграфией демонстрирует их некорректность. Так, даты погребений, происходящих из одного кургана (Новоселица, курганы 19, 20), демонстрирует слишком большой хронологический разрыв между захоронениями, что, скорее всего, не соответствует действительности (Субботин, Островерхов, Дзиговский, 1995)¹⁷. Напротив, в кургане 1 могильника Саратены даты (Яровой, 2000) противоречат прослеженной стратиграфии (Levitki, Manzura, Demcenko, 1996). Это еще раз подтверждает необходимость как осторожного использования радиоуглеродного датирования, так и верификации полученных дат археологически данными.

Обращает на себя внимание также синхронность дат раннеямных погребений Северо-Западного Причерноморья и датировок усатовской культуры (Петренко, 1989; Mantu, 1998; Videiko, 1999). Нет единой точки зрения о соотношении двух культурных массивов. С одной стороны, исследователями предполагается их сосуществование и взаимосвязь, которые нашли отражение в материальной и духовной культуре (Збеневич, 1974, с. 102, 139; Яровой, 1985, с. 113; 2000, с. 42). С другой стороны, фиксируется хронологический приоритет усатовской культуры (Шмаглий, Черняков, 1970, с. 93; Петренко, 1989). В пользу последней концепции, казалось бы, свидетельствует тот факт, что данные перекрестной стратиграфии рассматриваемых культур отсутствуют¹⁸. На наш взгляд, этого все же недостаточно для того, чтобы признавать некорректность раннеямных дат Северо-Западного Причерноморья. К тому же усатовские памятники синхронны тем культурам и культурным группам карпато-дунайского региона (Петренко, 1991а, с.74-75), с которыми синхронизируют и ямную культуру Северо-Западного Причерноморья (Nikolova L., 2001, p. 236-239).

¹⁶ К такому же выводу приходят независимо друг от друга и другие авторы (Пустовалов, Телегин, Ковалюх, 2003; Черных, Орловская, 2004).

¹⁷ При этом правильно отражена последовательность захоронений.

¹⁸ Е.В. Яровой пытается объяснить это определенными культурными ограничениями и запретами использовать инокультурные курганы (Яровой, 1985, с. 113).

Следует согласиться с мнением исследователей о существовании ряда проблем при использовании и интерпретации таких дат (Николова, 2001). К ним относятся омоложение дат при анализах костного материала и удревнение — при анализе дерева, разные даты, имеющиеся, порой, для одного и того же ком-

плекса, полученные в разных (а порой — в одной и той же) лабораториях, иногда — несоответствие датировок данным стратиграфии и т.п. Тем не менее, массовость материала позволяет в какой-то степени пренебречь некоторыми неточностями для уяснения общих тенденций.

№	Памятник	Индекс	BP	BC/AD (1 сигма)
1	Ревава 3/16	Ki-11059	4135 ± 60	2863-2599
2	«Любаша», п. 8	Ki-11177	3990 ± 70	2581-2455
3	Ревава 3/7	Ki-11058	3910 ± 60	2467-2305
4	Ревава 3/15	Ki-11060	3780 ± 70	2327-2041
5	«Любаша», п.19	Ki-11249	4030 ± 60	2657-2467
5а	«Любаша», п. 19	Ki-11204	3090 ± 60	1425-1263

Культурно-хронологическая характеристика памятников междуречья Южного Буга и Днестра

Междуречье Южного Буга и Днестра является восточной частью Северо-Западного Причерноморья. Эта территория оказалась, в силу разных причин, гораздо менее исследованной, чем его западная оконечность — Днестро-Дунайское междуречье. В Северо-Западном Причерноморье ямная культура представлена более чем двумя тысячами погребальных комплексов; с рассматриваемым же регионом, с его степной частью, связывается около 400 захоронений. Большинство раскопанных между Днестром и Южным Бугом курганов концентрировалось в Нижнем Поднестровье. К востоку от Днестра группа памятников раскопана вблизи р. Барабой (около 80 комплексов). В междуречье Барабой и Южного Буга (без учета публикуемых) зафиксировано всего около 40 захоронений ямной культуры¹⁹.

Публикация новых захоронений, частично сопровождающихся радиоуглеродными датами, позволяет несколько заполнить лауну, рассмотреть памятники Днестро-Бугского междуречья в контексте Северо-Западного Причерноморья, а также сопоставить их с другими ареалами ямной культуры. Анализ комплексов может уточнить отдельные вопросы истории ямного населения всего региона, его происхождения и культурных связей, стратиграфического соотношения различных групп

памятников. Малочисленность исследованных в регионе памятников (по сравнению с западным ареалом Северо-Западного Причерноморья) имеет свои положительные стороны. Массовость материала, конечно, дает возможность выявить определенные закономерности и тенденции. Но при этом вне поля зрения остаются отдельные наблюдения и детали, может быть, не менее важные и значительные.

Захоронения ямной культуры являются наиболее многочисленными из всех памятников, соотносимых с эпохой бронзы. При этом большинством исследователей отмечается их своеобразие (Мерперт, 1968, 1974; Шмаглий, Черняков, 1970; Клейн, 1975; Тошев, 1982; Черняков, Тошев, 1985; Алексеева, 1992; Яровой, 1985; Дергачев, 1986; Рычков, 1990; Николова, 1992 и др.). В то же время полагают, что Северо-Западное Причерноморье было связующим звеном между восточноевропейскими степями и Балкано-Дунайским регионом, которые в совокупности на определенном этапе составляли единую систему Восток-Запад (Manzura, 1993). Связи населения Северо-Западного Причерноморья с носителями синхронных культур и наблюдающееся культурно-историческое своеобразие определили особенности развития материальной культуры ямных племен, что нашло отражение в погребальном обряде.

В отношении происхождения ямных памятников региона можно выделить два подхода. Сторонники первого из них полагают, что на территорию Северо-Западного Причерноморья носители ямной культуры проникли с востока. Однако связи с усатовским

¹⁹ Мы не учитываем правобережные памятники низовьев Южного Буга, традиционно включаемые в южно-бугский вариант ямной культуры (Шапошникова, Фоменко, Довженко, 1986).

населением региона и различными культурами Карпато-Подунавья определили своеобразие местных памятников (Шмаглий, Черняков, 1970; Субботин, Черняков, Ядвичук, 1976; Яровой, 1985; Дергачев, 1986, Алексеева, 1992; Субботин, 2000 и др.). Напротив, В.А. Сафронов отстаивает теорию западного происхождения ямной культуры. По его мнению, древняя культура сложилась на основе культуры воронковидных кубков в степных и лесостепных районах, близких к Прикарпатыю (Среднее Поднестровье). В ней же зародился древнейший курганный обряд и основные типы керамики, известные в ямной культуре (Сафронов, 1989). Автор предполагает, что развитие ямного в своей основе населения шло при определенных контактах и некотором влиянии со стороны местных племен степного энеолита, усатовской культуры.

Среди сторонников «восточной теории» нет единства по ряду вопросов. Предполагается как непрерывное развитие ямной культуры региона (И.Л. Алексеева) так и дискретное (В.Н. Даниленко, Н.Я. Мерперт). Отличны взгляды и на характер освоения скотоводами западных территорий. Часть археологов предполагает несколько волн разрушительных вторжений с востока, вплоть до Балкан, уничтоживших местные земледельческие энеолитические культуры (Gimbutas, 1956; Даниленко, 1974; Тодорова, 1986; Levitki, Manzura, Demcenko, 1996; Дергачев, 2000). Другие склонны видеть постепенное и довольно длительное проникновение с востока, характеризующееся относительно мирными отношениями между скотоводами и земледельцами (Мерперт, 1974; Алексеева, 1992). А.В. Николова реконструирует пути продвижения носителей ямной культуры с востока на запад (Николова, 1992).

Исследования последних нескольких лет заставляют нас сместить акценты относительно роли ямных племен в исторических процессах раннебронзового века, и, соответственно, места Северо-Западного Причерноморья в общекультурной проблематике. Так, долгое время у археологов не вызывал сомнения тезис о продвижении ямных племен через территорию Северо-Западного Причерноморья на Балканы, которое изменило историю европейской цивилизации. Впрочем, высказывалось мнение и о преувеличении роли миграций в эпоху бронзы (Титов, 1982).

Собранные болгарской исследовательницей Л. Николовой сведения о памятниках ямной культуры на Балканах, динамике структуры погребального обряда и соотношении с другими территориями в эпоху бронзы позволили несколько изменить эти представления. Археологические материалы свидетельствуют о том, что, в целом, ямная культура не смогла проникнуть на Центральные Балканы. Это является одной из очень важных характеристик культурно-исторического процесса в Центральной Европе. Территории, которые оказались интегрированными в собственно ямную культурно-историческую область — это Северная Добруджа, северо-восточная, центральная и северная Болгария. На всех других территориях ямная культура или распространилась в ограниченном масштабе, либо вообще не существовала (Николова, 2000). Поэтому Северо-Западное Причерноморье в раннем бронзовом веке следует воспринимать скорее как определенный (территориальный, культурный, социальный) центр, нежели как плацдарм для покорения Европы.

Рассматривая общую характеристику памятников ямной культуры междуречья Южного Буга и Днестра, отметим, что способ погребения и основные черты обряда памятников этой территории, в целом, традиционны для Северо-Западного Причерноморья (рис.62, 1-3).

Носители ямной культуры соорудили курганы непосредственно, но известно использование и более ранних насыпей. Насыпи в большинстве своем сооружались из чернозема (иногда суглинка). В редких случаях использовались вальки ила: Маяки 1982, курган 1 (Черняков, Добролюбский, Дзиговский, Островерхов, 1982); курган «Любаша». Среди элементов курганной архитектуры, помимо досыпок, можно отметить рвы, обкладки камнями насыпи кургана. Прослежена довольно редкая особенность — утрамбованная и покрытая илом площадка на вершине одной из насыпей кургана: Катаржино, курган 1; Маяки, 1982, курган 1. Во многих случаях для впускных погребений прослеживается расположение их по дугам и окружностям, связанное, по мнению исследователей, с кругом представлений о движении небесных светил (Дворянинов, Петренко, Рычков, 1981). В однослойных курганах погребения, размещенные по окружности, как правило, следуют после центрального погребения. В сложных стратифи-

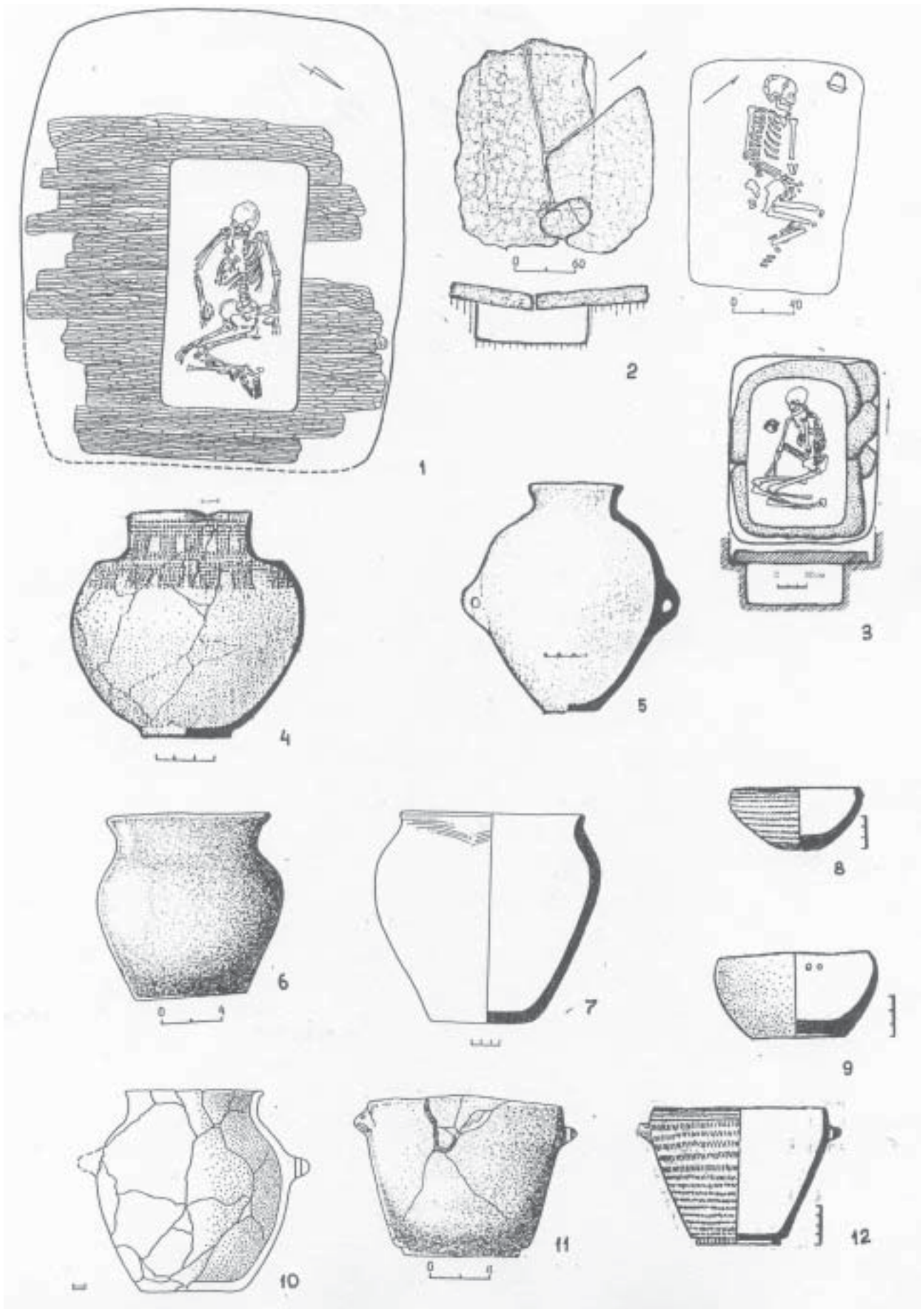

Рисунок 62. Погребения и основные типы керамики ямной культуры: 1 – «Любаша», п. 8; 2 – Щербанка 1/10; 3 – Маяки-83, 5/1; 4 – Каменка 3/14; 5 – Каменка 3/13; 6 – Щербанка 1/7; 7 – Дубиново 1/13; 8 – Маяки-83, 1/8; 9 – Новоградовка 5/3; 10 – Рёвова 3/7; 11 – Щербанка 1/10; 12 – Маяки-83, 2/7.

цированных курганах последовательность захоронения может быть различна. Расположенное в центре насыпи погребение может не только начинать, но и завершать, «запечатывать» строительство кургана (как в кургане «Любаша», к. 3 у с. Рёвова), либо быть впускным и на одном из промежуточных этапов формирования кургана (Катаржино, к. 1).

Зачастую погребальные камеры имеют деревянное или каменное перекрытие, которое опиралось на борта камеры или на уступ. Деревянное перекрытие, из бревен или плах, веток, могло быть продольным или поперечным. Каменное перекрытие неоднородно: из мелких и крупных камней, из двух и более плит; среди плит перекрытия могли находиться антропоморфные стелы, являющиеся своеобразной категорией погребальных памятников (Рёвова 3/16). Отметим и наличие каменных ящиков, погребения в них рассмотрены в отдельной главе. Как элемент погребального ритуала и в то же время как символ власти выступают повозки. Из известных 17 захоронений с повозками в ареале Северо-Западного Причерноморья, три находки соотносятся с рассматриваемым регионом. Частями повозок, вероятно, являются и деревянные конструкции, опубликованные как носилки: Бычок 1/6,7,15 (Агульников, 1985).

Погребальные камеры в большинстве случаев представляют собой ямы прямоугольных очертаний, порой с уступом (около трети комплексов). Уступы, как правило, также четырехугольной формы, иные конфигурации единичны. Трехъярусный уступ прослежен в Григорьевке 1/9 (Субботин, 1982). Необычны воронковидной формы ямы в кургане 1 могильника Катаржино. Дно в погребальных камерах, как правило, ровное, горизонтальное. Изредка встречается канавка по периметру или вдоль длинных сторон погребальной камеры. Зафиксированы в регионе захоронения с столбовыми ямками на дне погребальной камеры, на уступе. Всего в Северо-Западном Причерноморье известно около 150 таких погребений, из них 41 в рассматриваемом регионе. Иногда сохраняются остатки вертикальных столбиков: Каролино-Бугаз 1/14, 3/2 (Загинайло, Черняков, Петренко, 1987). Почти всегда на дне погребальной камеры фиксируют тлен от подстилки, реже — другие детали оформления: обмазку глиной, посыпку песком, побелку, обжиг, утолщение тлена под черепом, чашевидные углубления. Уникальной

является находка расписного покрывала на костях погребенного в Маяках, 1982, 1/16 (Черняков, Добролюбский, Дзиговский, Острроверхов, 1982).

Керамика, найденная в погребениях Днестро-Бугского региона, аналогична той, что характерна для всего Северо-Западного Причерноморья²⁰.

Можно выделить следующие типы сосудов:

1. Горшки различных типов, чаще всего неорнаментированные. Некоторые украшены насечками по плечикам или по венчику (рис.62, 6,7).

2. Банки (усеченно-конической формы) на поддонах и без поддонов, с парными ручками-налепами, имеющими вертикальные отверстия. Часть сосудов имеет орнамент, нанесенный отпечатком шнура (рис.62, 11,12).

3. Кубки различных очертаний, с высоким, цилиндрическим или отогнутым наружу венчиком. Часть кубков украшена шнуровым орнаментом и имеет аналоги в кругу культур шнуровой керамики.

4. Амфорки — относительно небольшого размера сосуды с двумя-четырьмя ручками-налепами, оформленными вертикальными сквозными отверстиями, с орнаментом или без него (рис.62, 10).

5. Амфоры представлены тремя типами. Первый из них включает в овоидные амфоры крупных размеров, с цилиндрическим горлом, выпуклым туловом и плоским дном (рис.62, 5), в одном случае с округлым дном: Ясски 5/26 (Алексеева, 1976). Петлевидные ручки расположены в наиболее широкой части тулова. Порой ручки оформлены канелюрами. Двуручные амфоры являются общими для всего балканского культурного ареала, как в энеолите (Чернавода I, Хотница), так и в бронзовом веке (культурный блок Чернавода III-Болераз) (Манзура, 2002). Зафиксированы они и в Усатовской культуре (Патокова, 1979; Петренко, 1989). В то же время амфоры известны и в керамическом комплексе верхнеднепровской группы подкарпатской культуры шнуровой керамики, раннего и развитого этапов (Свешников, 1974; 1985). Вторым типом представлен амфорами несколько иных пропорций с четырьмя ручками на плечиках.

²⁰ Керамика и иные категории погребального инвентаря Северо-Западного Причерноморья в целом достаточно полно освещены в литературе (Тошев, 1982; Черняков, Тошев, 1985; Яровой, 1985; Дергачев, 1986; 1989; Алексеева, 1992; Субботин, 1993, 2000, 2003).

Аналогичные формы связаны также с верхнеднестровской группой, причем с поздним ее этапом (Свешников, 1974; 1985). И, наконец, третий тип — это орнаментированные амфоры с выпуклым туловом, являющиеся импортом из ареала культуры шаровидных амфор (рис.62, 4).

6. Чаши — приземистые, усеченно-конические сосуды со слегка вогнутым венчиком, иногда с двумя сквозными проколами под венчиком (рис.62, 9).

7. Миски характеризуются более приземистой по сравнению с чашами формой и большим диаметром венчика (рис.62, 8).

8. Кувшины и кружки с петлевидными ручками.

Единичными экземплярами представлены другие виды (к примеру, чаши с необычными формами ручек, глиняные воронки).

Некоторые типы сосудов являются универсальными и встречаются в различных культурах бронзового века (горшки, миски, амфоры). Другие же (баночные сосуды, амфорки) составляют особый керамический комплекс Северо-Западного Причерноморья.

Основные орнаментальные мотивы представлены горизонтальными рядами линий, треугольниками, опущенными вершинами вниз, углами, зигзагами, косыми линиями. Как правило, они выполнены оттисками шнура. Орнаментирована вся поверхность сосуда, либо только верхняя часть. Реже известны насечки по краю венчика или плечикам, вдавления трубчатой костью (или полый трубкой), резной орнамент.

В составе производственного инвентаря, найденного в захоронениях региона, можно выделить орудия из кремня, камня, кости, металла (Субботин, 2003). Из кремневых артефактов отметим скребки (рис.63, 14), скобели, резцы, проколки (рис.63, 15), ножи (рис.63, 16), нуклеусы. В группе каменных орудий труда наиболее массовой категорией являются растиральники (рис.63, 6), песты и песты-растиральники, используемые как для растительных продуктов, так и для медной руды, охры. Следует отметить также ложила, отбойники (рис.63, 10). Среди костяных орудий труда зафиксированы проколки, шилья, ложила, мотыга. Одно из двух известных металлических тесел найдено на левом берегу Днестра (Бычок 1/6). Известны находки металлических ножей (рис.63, 1), шильев. В Северо-Западном Причерноморье ножи из меди/бронзы найдены в 11 захоронениях,

шилья — в 9, сочетание ножа и шила зафиксировано еще в 4 случаях. Из них к востоку от Днестра трижды найдены ножи, трижды — шилья, в одном случае нож и шило находились в одном комплексе. По направлению к востоку количество находок металла уменьшается.

К оружию в ямных захоронениях региона мы полагаем возможным отнести кремневые топоры (рис.63, 8,9). Характерно, что в междуречье Южного Буга и Днестра найдено почти столько же кремневых топоров, сколько и на территории, лежащей к западу от Днестра, хотя по количеству раскопанных курганов и захоронений эти регионы несопоставимы. При этом вне ареала Северо-Западного Причерноморья кремневых топоров в ямных погребениях практически нет. Нам известны единичные комплексы вне рассматриваемой территории: захоронение ямной культуры в кургане, раскопанном на Майданецком поселении (Шмаглий, Видейко, 1988, с. 134); а также погребение в Каменке, 444/3 (Szmyt, 1999, p. 156, fig.54, 2). Следует учесть, что, по крайней мере, часть топоров изготовлена из серого волинского кремня, а потому не исключен их импортный характер из зоны культур шнуровой керамики, либо шаровидных амфор (для первой из них характерно линзовидное сечение топоров, для второй — прямоугольное).

Оружием являются кремневые (рис.63, 12, 13) и костяные (рис.63, 2) наконечники стрел, кремневые наконечники копий (дротиков), а также, вероятно, и металлические ножи. Последние, скорее всего, были полифункциональными; их могли использовать как для военных, так и для хозяйственных нужд. Характерно, что лишь в единичных случаях наконечники стрел достоверно фиксируются как погребальный инвентарь: Ефимовка 9/2 (Шмаглий, Черняков, 1985), Глиное 1/1 (Яровой, 1984а), по большей части они являлись причиной смерти или ранения, находясь среди костей погребенных.

Отметим находки в захоронениях региона и каменных шлифованных топоров, которые мы относим к инсигниям власти (рис.63, 7,11). Они концентрируются, в основном, в Днестро-Дунайском междуречье. Всего в Северо-Западном Причерноморье обнаружено 25 погребений с каменными проушными топорами. Целые формы найдены в 10 из них, в 4 обнаружены заготовки топоров, в 11 — фрагменты. Но между Южным

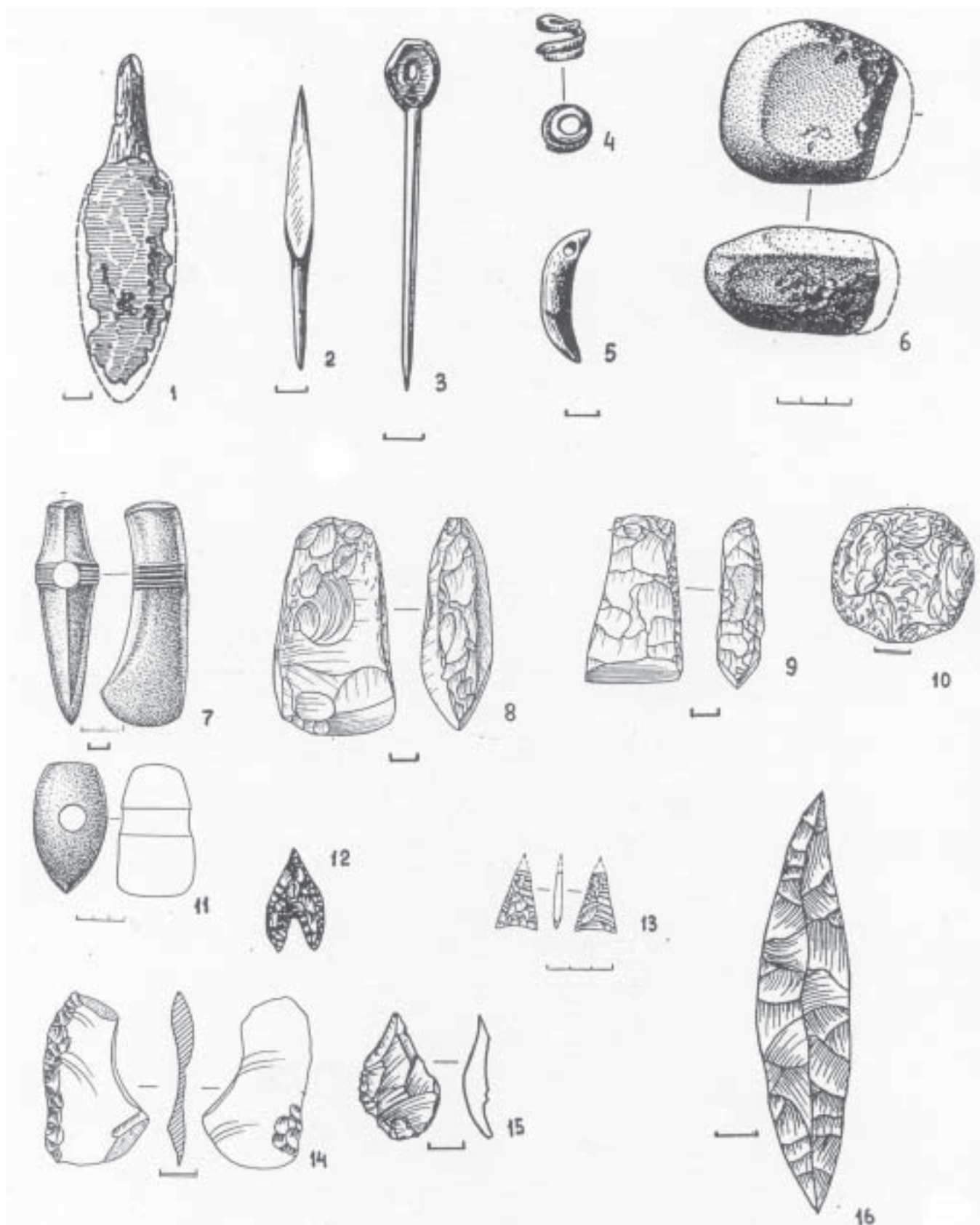

Рисунок 63. Инвентарь погребений ямной культуры: 1 – Яски 2/2, нож из меди/бронзы; 2 – Глиное 1/1, костяной наконечник стрелы; 3 – Тирасполь 193/4, костяная булава; 4 – Яски 1/18, серебряная подвеска; 5 – Агеевка 1/5, подвеска из зуба животного; 6 – Беляевка 1/37, каменный растиральник-отбойник; 7 – «Солдатская слава», п.10, каменный топор; 8 – Григорьевка 1/10, кремневый топор; 9 – Маяки 9/1, кремневый топор; 10 – Рёвова 3/4, кремневый отбойник; 11 – Слободзея 1/19, каменный топор; 12 – Яски 1/30, кремневый наконечник стрелы; 13 – Петродолинское 1/7, кремневый наконечник стрелы; 14 – Рёвова 3/7, кремневый скребок; 15 – Григорьевка 1/9, кремневая проколка; 16 – Никольское 7/28, жатвенный нож из кремня.

Бугом и Днестром найдено лишь два целых топора: «Солдатская слава» 1/10, Слободзея 1/19 (Агульников, Левинский, 1988) и два фрагмента: Великодолинское 1/8 (Субботин, Черняков, Ядвичук, 1976), Бутор 1/9 (Мелюкова, 1974)²¹. Оба целых топора удлиненно-ладьевидных очертаний; заметим, что эта форма преобладает во всей серии топоров региона²². Такой тип топоров чаще всего связывают с кругом шнуровых культур. В то же время сходные формы (каменные и медные) известны в памятниках энеолита и раннего бронзового века Балкан²³.

Возможно, именно балканским, а не катакомбным влиянием следует объяснять концентрацию топоров в Северо-Западном Причерноморье. Так, в ямных погребениях Поднепровья находки топоров единичны (Ковалева, 1984), несмотря на близость региона к ареалу среднеднепровской культуры шнуровой керамики. В бытовых памятниках доямного времени широкое использование проушных топоров можно констатировать лишь для самой западной периферии степной зоны. В более восточных районах население применяло исключительно кремневые и каменные плоские топоры. Происхождение троянских топоров В.И. Клочко, как и А.Н. Гей, связывает с балканскими раннебронзовыми памятниками (Эзеро, Варна). Вариант этого типа («Аккермень», по С.Н. Братченко), по его мнению, сложился именно в ямной среде и был заимствован в дальнейшем катакомбными племенами (Клочко, 2002).

К ритуальному инвентарю (украшениям), возможно, следует отнести костяную булавку с плоской головкой (рис.63, 3). Примечательно, что все три, известные в Северо-Западном Причерноморье костяные булавки, найдены в междуречье Южного Буга и Днестра²⁴. Видимо, к ритуальным артефактам следует также относить и некоторые другие виды украшений: подвески из зубов жи-

вотных (рис.63, 5), подвески из раковин, закладки (или проколки) с выемками, также изготовленные из кости. Ни разу в погребениях региона не встречены астрагалы, широко распространенные в степных памятниках бронзового века. Их находки концентрируются в междуречье Днестра и Дуная. По всей вероятности, с определенными ритуалами связано использование фрагментов топоров.

Металлические украшения изготовлены, в основном, из меди/бронзы и серебра. Среди первых: составные браслеты из пронизей, обоймочек, пронизи-бусины, часть спиралевидных подвесок. К западу от Днестра их находки более часты. Из серебра изготовлены, в основном, спиралевидные подвески и серьги с несомкнутыми концами (рис.63, 4). В качестве неординарных изделий отметим находку медного перстня: Щербанка 1/7 (Бейлекчи, 1993) и свинцового кольца: Доброалександровка 1/5 (Алексеева, 1973). Характерно, что в публикуемых курганах зафиксированы самые восточные в регионе находки серебряных (Катаржино 1/11) и медных/бронзовых («Любаша» 2/2) украшений. Во всем ареале ямной культурно-исторической области концентрация серебра приходится именно на территорию Северо-Западного Причерноморья. Здесь известно более 50 захоронений с серебряными височными кольцами и серьгами (в каждом из захоронений найдено от 1 до 5 предметов). При этом между Днестром и Бугом серебряные украшения найдены лишь в 9 комплексах²⁵.

Некоторые отличия между восточным и западным ареалами Северо-Западного Причерноморья проявляются в тех формах, которые отражают инокультурные связи. Находки из погребений прибрежной зоны Днестра и Днестровского лимана еще демонстрируют связи с Балкано-Карпатским регионом. На это указывают находки кубков: Мирное 1/12 (Алексеева, 1979), Ефимовка 9/17 (Шмаглий, Черняков, 1985), овоидные амфоры: Ефимовка 10/7 (Шмаглий, Черняков, 1985), кружки, кувшины: Новоградовка 2/9 (Субботин, Фокеев, Сапожников, 1986). Известны и сосуды, отражающие связи с культурой шаровидных

²¹ Заметим, что на 931 погребение ямной культуры южнобугского варианта приходится всего один комплекс с каменным шлифованным топором (Шапошникова, Фоменко, Довженко, 1986, с. 47).

²² Ромбовидная и треугольная форма топоров в Северо-Западном Причерноморье представлена единичными случаями.

²³ Медные топоры-клевцы удлиненных очертаний известны в ямной культуре Южного Приуралья (Богданов, 2000, с.21, рис. 4). При этом отмечается значение балканского импульса в становлении южноуральского центра металлургии (Рындина, 1993).

²⁴ Две из них, молоточковидные, обнаружены в каменных ящиках Кеми-обинского типа.

²⁵ Для сравнения: на соседней территории (междуречье Южного Буга и Ингула) известно только 1 погребение с серебряными артефактами (при наличии более 2000 захоронений ямной культуры), в междуречье Орели и Самары – 4, в долине р. Молочной-12, в Крыму – 2. Лишь в погребениях, относимых к новотиторской культуре (Кубань) зафиксировано около 80 комплексов с серебряными височными кольцами.

амфор; они обнаружены, преимущественно, в лесостепи Молдовы: Каменка, 3/14 (Манзура, Клочко, Савва, 1992). Впрочем, М. Шмит прослеживает черты КША и к востоку от Днестра: в сосуде из Ефимовки 2/14. в обряде погребения Санжейка 1/8 (Szmyt, 1999, p. 156, 164). Остальная часть междуречья Южного Буга и Днестра от такого влияния практически свободна²⁶.

При этом характерно, что керамика региона отлична от материалов соседнего Побужья, соотносясь именно с территорией Северо-Западного Причерноморья в целом. Напротив, изредка встречающиеся в погребениях междуречья Южного Буга и Ингула сходные керамические формы (баночные сосуды с ручками-упорами) объясняют «западным направлением связей племен Буго-Ингулецкого междуречья» (Шапошникова, Фоменко, Довженко, 1986, с. 59). Одной из характерных черт обряда южнобугского варианта является частое применение камня. В Буго-Днепровском регионе на каждые 9 погребений эпохи энеолита-ранней бронзы приходится одно захоронение с каменным изваянием (т.е. 10%). В междуречье Южного Буга и Днестра их в 2,5 раза меньше: нами учтено 17 комплексов, сопровождающихся антропоморфными стелами (4%). Эти цифры вполне сопоставимы с междуречьем Днестра и Дуная (3%). При этом стелы с изображением, известные в двух смежных регионах, пока отсутствуют в междуречье Южного Буга и Днестра.

В целом, погребения междуречья Южного Буга и Днестра представлены парными, коллективными и индивидуальными захоронениями, с преобладанием последних. Как и в Северо-Западном Причерноморье, здесь выделяется пять основных вариантов положения умершего: 1) скорчен на спине, руки вытянуты вдоль туловища, ноги, первоначально поставленные коленями вверх, упали в ту или другую сторону, распались (или уложены?) ромбом; 2) с наклоном вправо, левая рука согнута в локте, кисть — в области таза, живота или груди; правая рука вытянута вдоль; 3) симметрично предыдущему, т.е. ноги согнуты влево, а у таза лежит правая рука; 4) на правом боку, с различным расположением рук; 5) так же, но на левом боку. Внутри данных пяти вариантов прослеживают и более

дробную градацию (Яровой Е.В., 1985); либо объединяют их в три типа (Рычков, 1990, Николова, 1992). Особые группы составляют расчлененные захоронения и кенотафы. Среди основных и впускных в центральную часть насыпи захоронений преобладает ориентировка умерших в западном полукруге. При расположении погребений по дугам и окружностям их ориентировка определялась положением в кургане. Умершие, за редким исключением (Катаржино 1/7) были уложены по длинной оси могилы. В парных и коллективных захоронениях наблюдается сочетание всех вариантов расположения умерших.

Большинство исследователей, вслед за О.А. Кривцовой-Граковой, (Кривцова-Гракова, 1962), трактуют позу погребенного как хронологический признак. Именно она чаще всего выступает основополагающим признаком имеющихся классификаций (Шмаглий, Черняков, 1970; Яровой, 1985, 2000; Дергачев, 1986; Рычков, 1990; Алексеева, 1992; Николова, 1992 и др.). Предполагается переход в погребальном ритуале от скорченного положения на спине (на раннем) к скорченному на боку (на позднем этапе ямной культуры).

Основным аргументом сторонников соотнесения позы погребенного с хронологическим фактором является тот факт, что погребения 2-5-й групп чаще всего являются впускными. Тем не менее, известны и случаи обратной стратиграфии (Дергачев, 1986, с.65; Яровой, 2003). Здесь необходимо обратить внимание на количество труда, вложенное человеческим коллективом в процесс погребального обряда. Сооружение основных захоронений, каждая новая насыпь или локальная досыпка связаны с увеличением трудовых затрат на совершение захоронения, и, следовательно, может иметь социальную окраску. Необходимо учитывать и такой фактор как технический потенциал коллектива, возможность (или невозможность) его вкладывать трудовые усилия в монументальное курганное строительство. Носители 1-й обрядовой традиции составляют большинство в ямном социуме Северо-Западного Причерноморья (Яровой, 1985), обладая, таким образом, и большим потенциалом. Заметим, что совершенно противоположная ситуация складывается в Южном Приуралье, где «правобочные» погребения составляют абсолютное большинство: с ними соотносятся и наиболее технически сложные сооружения — ямы с дополнительными конструкциями,

²⁶ Впрочем, можно отметить асковидный сосуд в погребении 2 кургана 3, Ковалевка I, на правом берегу Южного Буга (Шапошникова, Фоменко, Довженко, 1986, с. 59), видимо, являющийся балканским импортом.

курганы большого диаметра (Моргунова, Кравцов, 1994).

Между тем, уже высказывались предположения, что различное положение скелета следует объяснять исходя не только из хронологических признаков (Телегин, 1977). Разные позы умерших в коллективных погребениях бронзового века в Причерноморье и Предкавказье А.Н. Гей объясняет захоронением в них лиц, связанных с различными по своему этническому составу (или генезису) группами населения (Гей, 2003, с. 83). В традиционных же обществах этнические различия зачастую приравнивались к социальным (Куббель, 1988).

Следует отметить, что с каждой из обрядовых групп в ямной культуре Северо-Западного Причерноморья более или менее четко соотносятся некоторые категории погребального инвентаря. Керамика традиционно считается ярким этническим признаком (Етнічна історія України, 2000, с. 17). Полагают, что наиболее полно в форме и декоре сосудов проявляются этнокультурные связи и собственная специфика культуры. Отметим, что некоторые типы сосудов преобладают в керамическом комплексе определенной обрядовой группы, хотя встречаются и в иных (Яровой, 1985, 2000; Дергачев, 1986).). Приводимые данные подтверждают предположение Н. А. Рычкова об этнической окраске такого признака как поза погребенного (1990, 1998). Для различных этнических групп характерны свои обрядовые традиции, керамические комплексы, наборы украшений и отдельных артефактов. В целом же, общие черты, объединяющие обрядовые группы в рамках ямной культуры региона, свидетельствуют, скорее, о различных этнических корнях, нежели о существующей этнической обособленности.

В последние десятилетия сформировалось понимание кургана или могильника ямной культуры как единого пространства. Стратиграфические различия даже разнотипных захоронений в степных курганных памятниках далеко не всегда связаны с хронологическими моментами, а допускают и иные объяснения, например, существование определенных правил формирования подкурганых кладбищ у конкретных коллективов при безусловной вариативности одновременно практикуемых форм обряда (Турецкий, 1992; Гей, 1999). Различия в локализации (которые имеют вид тенденции, а не непреложного за-

кона), разница стратиграфических позиций могут отражать какие-то нюансы развития единой культуры и одного массива населения. Стратиграфическое разграничение некоторых обрядовых групп отражает не только хронологическую последовательность, но и принципы организации курганной структуры (Гей, 2000, с.20-21). Курганы сооружались по определенным правилам и ограничениям, что подтверждает и зафиксированная в различных регионах ямной КИО диспропорция полов, с преобладанием мужских захоронений (2:1), относительно небольшой процент погребений детей (около 20%).

Абсолютизация хронологического фактора на деле приводит к затушевыванию этнических и социальных различий внутри ямного социума. Формирование курганного комплекса определенно может быть связано с социальным, а не только лишь с хронологическим аспектом. На наш взгляд, нет оснований говорить о существовании жесткой прямой связи между курганной стратиграфией и хронологическими этапами ямной культуры. Прежде всего, стратиграфия отражает последовательность сооружения *конкретного* кургана. По всей видимости, и поза погребенного не всегда отражает хронологическое членение определенного массива памятников.

Рассмотрение захоронений ямной культуры междуречья Южного Буга и Днестра (с привлечением данных стратифицированных курганов всего Северо-Западного Причерноморья в целом) позволило нам прийти к выводу о том, что все пять вариантов расположения погребенного в захоронениях, в целом, синхронны (Иванова. 2001; 2003).

Авторы раскопок курганов Северо-западного Причерноморья также фиксируют захоронения с различным расположением погребенного на уровне одного хронологического горизонта (Манзура, 1984; Субботин, 1985; Дергачев, Борзияк, Манзура, 1989; Манзура, Клочко, Савва, 1992; Субботин, Островерхов, Дзиговский, 1995 и др.). На смежной с изучаемым ареалом территории междуречья Южного Буга и Ингула отмечается сосуществование захоронений со скорченными на спине, с наклоном вправо и на правом боку. Это проявилось в зафиксированной их переменной стратиграфии (Шапошникова, Фоменко, Довженко, 1986, с. 50-54). Одновременность захоронений со скорченными на спине и на боку умершими отмечается исследова-

дователями и других регионов. Такая стратиграфическая ситуация прослежена в курганах правобережья Запорожской области (Попандупуло, 1995, с.142), Северного Приазовья (Плешивенко, 1995, с. 143), Крыма (Тошев, 2003)²⁷.

Радиоуглеродные даты, несмотря на сложности в их использовании, все же в какой-то степени могут подтвердить одновременность существования в регионе всех пяти выделяемых обрядовых групп (см. своды дат: Szmyt, 1999; Назаров, Ковалюх, 1999; Kovalyukh, Nazarov, 1999; Черных, Авилова, Орловская, 2000; Субботин, 2000; Яровой, 2000)²⁸. В каждой из обрядовых групп есть и ранние и поздние захоронения, поэтому соотносить с «позднеямными» лишь комплексы со скорченными на боку погребенными не вполне правомерно. Об этом же свидетельствует и «раннеямная» поза (скорченно на спине) в катакомбных захоронениях.

Возможно, следует говорить о разном количественном соотношении различных обрядовых групп на определенных хронологических этапах. Можно предположить, что в ранний период численно преобладает население 1-й обрядовой группы при относительно небольшом количестве остальных групп. Дальнейшее развитие ямной общности Северо-Западного Причерноморья, в позднеямный период, видимо, определялось уже увеличением населения, представленного в погребальном обряде 2-5 обрядовыми группами.

На наш взгляд, не вполне корректно строить хронологию лишь на одном, пусть ярком, признаке, вырванном из контекста погребения в целом (поза погребенного). Наиболее рациональным является сочетание различных методов хронологических определений: стратиграфического, сравнительно-типологического и т.п. (Отрощенко, 2001). При этом зачастую хронологическая позиция именно артефактов может быть определяющей при отнесении памятника (будь то поселение, клад, погребение) к тому или иному этапу культуры. Стратифицированные курганы ямной культуры с четким соотношением захоронений с определенными строительными горизонтами относительно редки. Существенным является тот факт, что мы не знаем величину «шага стратиграфии» и не можем

определить хронологический разрыв между последующими насыпями и досыпками одного и того же кургана (месяц? год? столетие?). Неизвестно, одновременно или последовательно сооружались курганы, составляющие могильник. Эти факты заставляют искать дополнительные хронологические реперы. Их также не следует абсолютизировать; необходимо все же признать, что вопросы хронологического членения памятников ямной культуры пока не могут быть решены однозначно, основываясь лишь на отличиях в позе умерших.

Исследователями бронзового века сарматского Поволжья разработаны свои принципы хронологического членения памятников ямной культуры исходя из типологии инвентаря. Погребальный обряд ямной культуры характеризуется поразительным консерватизмом на протяжении длительного времени (Мерперт, 1974). Именно погребальный инвентарь позволяет соотнести погребение с определенным хронологическим этапом. Так, по мнению авторов, к раннему этапу ямной культуры следует относить захоронения, демонстрирующие черты наследственности от предшествующего, энеолитического периода. К собственно ямной культуре относят те памятники, которые характеризуются устоявшимися, присущими только ей типами вещей. В них могут быть прослежены импорты из синхронных культур, эволюционное развитие собственно ямных форм под влиянием последних. Поздний хронологический горизонт несет следы влияния последующих культур. При этом неизбежно, что значительная часть безынвентарных захоронений может быть соотнесена с определенным хронологическим этапом априорно (Васильев, Кузнецов, Турецкий, 2000, с. 20-21). Эта схема вполне логична. Ее апробация в ареале междуречья Южного Буга и Днестра могло быть особенно продуктивно благодаря возможности соотнести некоторые категории инвентаря с памятниками различных культур Балкано-Карпатского региона²⁹. Хронологический анализ памятников региона выходит за рамки данной работы. Поэтому мы лишь пунктиром наметим некоторые принципы.

Ранний этап. Выделение ранних памятников довольно проблематично. Е.В. Яровой предлагает относить к начальному этапу ям-

²⁷ Информацию любезно предоставил Г.Н. Тошев.

²⁸ Большинство датированных захоронений соотносится с умершими, расположенными скорченно на спине. Судя по датам, эта позиция сохраняется весь период существования ямной культуры в регионе.

²⁹ Такие попытки (для Северо-Западного Причерноморья в целом) уже предпринимались исследователями (Тошев, Черняков, 1985; Алексеева, 1992), но за прошедшее время источниковедческая база увеличилась.

ной культуры суммарно все основные комплексы, где погребенные скорчены на спине и ориентированы в восточный сектор (Яровой, 2000)³⁰. Подобный подход уже рассматривался критически одним из авторов монографии (Петренко, Островерхов, Сапожников, 2002, с. 60). При такой классификации памятников в одну группу попадают и энеолитические комплексы, и собственно ямные. Часть захоронений, возможно, следует включить в группу ранних, исходя из имеющихся радиоуглеродных датировок. Так, имеется десять захоронений, возраст которых определяется в диапазоне 3600-3000 ВС³¹. Все они безынвентарны, впущены либо в ямные курганы (Новоселица 19/7, 20/9, Курчи 20/16 и др.), либо в более ранние насыпи (Семеновка 14/2). Ранние даты ряда погребений ямной культуры Северо-Западного Причерноморья, в какой-то степени, находят подтверждение и в некоторых особенностях курганных комплексов региона. Так, энеолитический курган 3 у с. Новая Долина (междуречье Днестра и Южного Буга) синхронизируется авторами раскопок с энеолитическими комплексами из курганов Красное, к. 9, Саратены, к.1 (Петренко, Островерхов, Сапожников, 2002, с. 59-60). В то же время авторы предполагают и ранний возраст самого древнего из ямных погребений этого кургана. На наш взгляд, именно сохранность конструктивных особенностей энеолитической насыпи позволяет допустить относительно небольшой хронологический разрыв между энеолитическим и ямным горизонтами кургана.

В кургане 1 у с. Мокра (Республика Молдова) были открыты остатки «столбового святилища», которое, в отличие от ранее найденных в Северо-Западном Причерноморье, энеолитических, авторы раскопок связывают с одним из двух ямных захоронений. При этом в них прослежены следы от столбиков или колеб по периметру погребальной камеры (не известные в степном энеолите региона). Эта

³⁰ Показательно, что ранее он относил эту серию захоронений к доямному энеолиту (Яровой, 1994, с.32).

³¹ Примерно в таком же хронологическом диапазоне находятся даты для «репинских» бытовых и погребальных памятников Северо-Восточного Приазовья — 35-27 кал. вв до н.э. (Манько, Телиженко, 2003, с. 61). В целом же «репинскую культуру» чаще всего соотносят с этапом Триполье СП (Рассемакин, 1997; Спицына, 2000). Но исследователи приходят к выводу о том, что нет оснований обособлять памятники «репинского» типа от раннего этапа ямной культуры (Николова, 2002, с.56). Таким образом, ямные памятники запада и востока степной Украины практически синхронны.

конструктивная особенность, видимо, подтверждает ямную датировку погребений и культового сооружения (Кашуба, Курчатов, Щербакова, 2002). В таком случае, эти комплексы, судя по всему, также могут быть одними из ранних ямных погребений Северо-Западного Причерноморья.

Исследователями отмечается существование единого информационного поля, единого «сакрального пространства», использование единых ритуальных ориентиров энеолитических и ямных племен (Потемкина, 2004). Это подтверждает наличие в Северо-Западном Причерноморье раннеямных памятников, смыкающихся с энеолитическими комплексами.

Чаще всего с раннеямным этапом связывают захоронения с округлодонными сосудами. Их находки единичны и в междуречье Южного Буга и Днестра (4 комплекса?), и за Днестром (3 комплекса?). При этом, некоторые из них не вполне корректно относить к ранним: в рассматриваемом ареале в отдельных случаях этот тип керамики может просто отражать связи с Побужьем, где такая форма является традиционной (Шапошникова, Фоменко, Довженко, 1986). Скорее всего, следует искать ранние памятники среди тех захоронений, инвентарь которых имеет аналоги и хронологические привязки не на востоке, а на западе, в Балкано-Дунайском регионе. Некоторые формы керамики, составляющие специфику Северо-Западного Причерноморья (амфоры, кубки, миски) являются общими для всего балканского культурного ареала, что неоднократно отмечалось исследователями ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. Здесь же имеется традиция рельефного оформления сосудов коническими или продолговатыми выступами. Часть сосудов представлена единичными экземплярами, не составляя устойчивых серий. Некоторые из них имеют лишь отдельные элементы оформления, которые могли быть заимствованы из керамических комплексов культур раннего бронзового века Балкан.

Для междуречья Южного Буга и Днестра до настоящего времени была известна всего одна дата: Маяки 1/9 — 3500-3120 ВС (Субботин, 2000). Эта дата определяет *terminus ante quem* для сосуда из погребения 8 того же кургана, впущенного в третью насыпь. Сосуд представляет собой чашу или мисочку полушарической формы. Наружная поверхность ее украшена 12 кольцевыми оттисками шну-

ра, затертыми мелом (?) и красной охрой. С торца прямой венчик украшен косыми отпечатками шнура (рис.62, 8, по: Субботин, 2000, с. 361, рис.4,15).

Шнуровой орнамент является одной из характерных черт керамического комплекса Северо-Западного Причерноморья. Чаще всего его появление объясняли контактами с кругом шнуровых или катакомбных культур (Черняков, Тошев, 1985; Яровой, 1985; Дергачев, 1986; Чмихов, Черняков, 1988, с. 93; Алексеева, 1992, с. 83 и др.). Между тем, в верховьях Днестра период обитания представителей подкарпатской культуры шнуровой керамики (все основные фазы) укладывается в диапазон 2890-2430 ВС (Шмит, 2001-2002). Следовательно, судя по дате сосуда из Маяк 1/8 (возможно, и некоторым другим сосудам), нужно искать иные, более ранние, источники этого вида декора у носителей ямной культуры региона.

К тому же начальный этап проникновения племен ямной культуры на Балканы (с территории Северо-Западного Причерноморья) относится к концу периода РБВ I, к последней четверти IV тыс. до н. э. по калиброванным датам (Николова Л., 1994; Nikolova L., 2000, р. 4). Эти данные также подтверждают раннюю дату начального периода ямной культуры в Северо-Западном Причерноморье³². В таком случае, вполне вероятным представляется, что традиции шнуровой орнаментации могли быть заимствованы из балканского культурного ареала в довольно ранний период. И.В. Манзура отмечает преобладание шнурового орнамента на керамике культуры Чернавода I (в отличие от раннебронзового культурного блока Чернавода III-Болераз, где доминируют иные виды декора) (Манзура, 2001-2002). Исследователи соотносят ее с переходным периодом (Тодорова, 1986, с. 24), либо с поздним энеолитом (Nikolova L., 2000, р.1-3, Манзура, 2001-2002, с. 486). На позднем этапе в керамическом комплексе носителей Чернавода I появились и амфоры. Имеются они и в культуре Хотница-Водопад, которые одни авторы соотносят с энеолитом (Манзура, 2001-2002, с. 485), а другие — с ранним бронзовым веком (РБВ IA) (Nikolova, 2001, р. 238-239). Степная зона Северо-Западного Причерноморья входила в сферу влияния Чернавода I (Петренко, 1989; Ман-

зура, 2001-2002, с. 474, 485). В то же время шнуровой орнамент занимает ведущее положение в материалах Михайловского поселения (Лагодовська, Шапошникова, Макаревич, 1962).

Как правило, стабильному состоянию культуры, которая уже преодолела фазу формирования и достигла определенного уровня устойчивости, соответствует выработка особого набора керамики, других артефактов. В таком случае, с ранним этапом ямной культуры региона, может быть, следует связывать и некоторые редкие, изолированные формы сосудов. В целом же можно предположить, что ранний этап ямной культуры региона определяется, прежде всего, балканскими связями. Движение отдельных групп ямного населения с востока сочеталось с более ранними импульсами западных культур финала энеолита и раннего бронзового века. Эти разнохарактерные элементы (включая местное энеолитическое население) послужили тем субстратом, на котором сформировалась собственно ямная культура Северо-Западного Причерноморья.

Развитый этап характеризуется сложением, в общих чертах, керамического культурного комплекса региона. Он представлен традиционными для Северо-Западного Причерноморья типами: банками, амфорками, «овоидными» амфорами, кубками, мисочками, чашками, кувшинами. Исследователи отмечают, что эти формы, а также отдельные элементы их оформления появились под влиянием круга Балканских культур Чернавода, Фолтешть, Коцофени, отчасти — шнуровой керамики (Черняков, Тошев, 1985; Яровой, 1985, с. 91; Алексеева 1992, с. 72-75; Agulnikov, 1995). Правда, отмечается наличие кубков и в инвентаре погребений животиловской группы (Петренко. 1991). Исследователи, занимающиеся проблемами энеолита и бронзового века Балкан, синхронизируют ранний этап ямной культуры в междуречье Днестра и Дуная с культурами Чернавода II, Фолтешть II (Rassamakin, 2003, р. 54), Коцофени, Эзеро 13-11 (Nikolova, 2001, р.238, tabl. 1). Этот горизонт они датируют временем около 3200/3100-3000/2900 ВС. Но к этому времени «керамический стандарт» и основные обрядовые характеристики ямной культуры региона вполне определились. Скорее всего, с данным горизонтом соотносится начало уже развитого этапа. Что касается заключительной фазы, то отметим, что несколько наиболее поздних дат для Северо-Западного При-

³² Отметим, что начальный период раннего бронзового века Балкан (РБВ I) датируется в диапазоне 3600-3000 ВС (Nikolova L., 2000, р.3).

черноморья лежат в диапазоне 2200-2000 кал. гг до н.э. Видимо, на данном этапе исследований, эти даты могут маркировать финал ямной культуры. При этом поздние погребения не выделяются ни особым инвентарем, ни ритуалом; отсутствуют и следы влияния последующих культур.

Рассмотрение инвентаря тех захоронений, где имеются радиоуглеродные даты, позволяет наметить время бытования некоторых артефактов и обрядовых черт в рамках ямной культуры Северо-Западного Причерноморья³³. Основные сведения о захоронениях с отдельными артефактами или особенностями в обряде представлены в **таблице 1**.

Кроме того, для отдельных типов керамики датировка может быть основана на аналогиях. Согласно последним данным, племена культуры шаровидных амфор проникают на территории Воыни, Подолья и Молдавской возвышенности в период 3000/2900-2400/2350 BC (Szmyt, 1999; Шмит, 2001-2002). То есть контакты между КША и ямной культурой могут фиксироваться в этом интервале. Существование культур шнуровой керамики Карпатского бассейна определяются в диапазоне 2890-2430 BC (Шмит, 2001-2002). В приморской зоне Северо-Западного Причерноморья «шнуровые» амфоры в погребениях найдены в разных стратиграфических ситуациях. Есть основные (Яски 5/26), впущенные в энеолитическую насыпь (Саратены 2/10), в усатовскую (Ефимовка 10/7), в ямную (Островное 2/12). Сказать что-либо более определенное об их датировке нельзя.

Полагают, что часть кубков может быть связана с кругом шнуровых культур или КВК. Однако, место обитания наиболее поздних поселений культуры воронковидных кубков — лесостепь, они предшествуют и частично синхронны памятникам КША. Кубки в ямных погребениях сосредоточены, преимущественно, в Приморской зоне, что наводит на мысль также и о балканском источнике поступления какой-то их части.

В некоторых случаях хронологическим репером могут стать и другие артефакты (наконечники стрел, топоры). Не вполне правомерно связывать все находки кремневых наконечников стрел только с катакомбными племенами. Типологически «ямные» и «ката-

комбные» стрелы отличны друг от друга (См.: Субботин, 2003, табл. 8-10). Каменные шлифованные топоры, в основном, находят аналогии в культурах шнуровой керамики и не имеют узкой хронологической привязки (Клочко, 2002). Лишь топор из кургана «Солдатская слава», п.10, как уже отмечалось, соотносится с топором новотиторовской культуры и может поэтому по аналогии с ним датироваться 2500-2400 гг до н.э, с достаточной степенью условности. Кремневые топоры (КША и шнуровые) связаны с широким хронологическим диапазоном — временем обитания этих культур на юго-востоке Европы. То же можно сказать о металлических артефактах, распространенных во всем ареале Циркумпонтийской металлургической провинции.

Эти предварительные наблюдения, на наш взгляд, могут в дальнейшем привлекаться для разработки схем хронологического членения всего массива памятников Днестро-Бугского междуречья (с учетом иных хронологических компонентов).

При рассмотрении соотношения различных обрядовых групп, имеющих, по мнению исследователей, различные этнические корни (Рычков, 1990), вполне уместно привлечение антропологических данных. Антропологический состав населения ямной культуры был неоднородным, что отмечалось практически всеми исследователями этой проблематики. В разных районах огромного степного пространства процессы формирования физического типа ямного населения имели специфику и во многом зависели от конкретной культурной обстановки. Исследователями отмечается, что племена ямной культуры Северо-Западного Причерноморья не являются гомогенным образованием (Зиневич, 1970; Кондукторова, 1972; Круц, 1985). В них фиксируется наличие как протоевропейского, так и одного из Таблица 1. Радиоуглеродное датирование погребального инвентаря и отдельных черт ритуала вариантов восточносредиземноморского типа, распространенного среди некоторых племен ямной культуры и кеми-обинской культуры в степном Крыму (Потехина, 1990, с.66). Этот же тип (с долихокранной формой черепной крышки, относительно узким и длинным лицом) распространен на юге Херсонщины (Приморье), в бассейне р. Молочной, степном левобережье Поднепровья (Запорожская группа) (Круц, 1997). Однако определение антрополо-

³³ К западу от Днестра сосредоточена большая часть имеющихся радиоуглеродных дат. Поэтому они привлекаются к анализу артефактов междуречья Южного Буга и Днестра.

Таблица 1. Радиоуглеродное датирование погребального инвентаря и отдельных черт ритуала

№	ПАМЯТНИК	АРТЕФАКТ, ЧЕРТЫ РИТУАЛА	ДАТА BC	terminus post quem	terminus ante quem
1.	Ревава 3/7	Банка без поддона	2467-2305 BC		
2.	Ревава 3/7	Амфорка	2467-2305 BC		
3.	«Любаша», насыпь	Амфорка		2657-2467 BC	
4.	Новоселица 19/19	Сосуд с ручками в виде вертикальных свернутых трубочек	2880-2660 BC. 2770-2510 BC		
5.	Вишневого 17/36	Сосуд с ручками в виде вертикальных свернутых трубочек	2200-1970 BC		
6.	Нагорное 15/10	Кубковидный сосуд (?)	2290-1970 BC		
7.	Ефимовка 2/14	Шаровидная амфора типа VBII (по: Szmyt, 1999)	2750-2550 BC		
8.	Каменка 3/14	Шаровидная амфора типа VBII (по: Szmyt, 1999)	2750-2550 BC		
9.	Каменка 3/13	«Овоидная» амфора	2750-2550 BC		
10.	Новоселица 19/12	Костяные бусины		2400-2130 BC	2890-2680 BC
11.	Курчи 20/16.	Серебряные височные подвески	2880-2700 BC; 2860-2490 BC, 3020-2780 BC; 3020-2880 BC		
12.	«Солдатская слава»10	Серебряные височные подвески	2500-2400 гг до н.э. (?)		
13.	Новоселица 19/11	Серебряные височные подвески	2400-2130 BC		
14.	Ревава 3/7	Скребок	2467-2305 BC		
15.	Семеновка 14/2	Антропоморфные стелы	3520-3310 BC		
16.	Ревава 3/16	Антропоморфные стелы	2863-2599 BC		
17.	Новоселица 19/7	Антропоморфные стелы	2770-2510 BC		
18.	Новоселица 20/1	Антропоморфные стелы			2580-2460 BC
19.	Саратены1/4	Повозка	3020-2910 BC		
20.	Новоселица 19/16	Повозка	2890-2680 BC		

21.	Курчи 20/16	Повозка	2880-2700 BC; 2860-2490 BC, 3020-2780 BC; 3020-2880 BC		
22.	Новоселица 20/8	Растительная подушка, желобки по углам	2580-2460 BC		
23.	Новоселица 20/1	Циновка с росписью, ямки и чашевидной углубление			2580-2460 BC
24.	«Любаша» п.8	Раскраска черепа и растительная подушка	2581-2455 BC		
25.	«Любаша» п.19	Ямки на дне, скелет расчленен	2657-2467 BC		
26.	Рева 3/15	Ямки на дне и растительная подушка	2327-2041 BC		
27.	Вишневое 17/19	Ямки на дне		2890-2500 BC	
28.	Вишневое 17/38	Ямки на дне	2890-2630 BC 2860-2500 BC		
29.	Вишневое 17/4	Ямки на дне	2580-2300 BC		
30.	Каменка 6/14	Ямки на дне, сопровождалось сосудом КША	2750-2550 BC		

гического состава населения еще не говорит о его происхождении, распространении, взаимоотношении с соседними культурными группами, об участии в формировании более поздних культур. Безусловно, необходимо сопоставление антропологических данных с археологическими исследованиями. Учет степени связи между различными регионами (по совокупностям признаков погребального ритуала) послужил А.В.Николовой основой для реконструкции путей продвижения носителей ямной культуры с востока на запад. Один из них, по мнению исследовательницы, пролегал с Орельско-Самарского междуречья, через район Запорожья, Приморскую зону Херсонщины и Николаевщины в Северо-Западное Причерноморье. Между тем, установление степени связи между отдельными территориями не указывает ни направление векторов связи, ни сам факт передвижения населения³⁴. К тому же сопоставление антропологических типов по регионам показало их несовпадение с предполагаемыми «путями» освоения Причерноморских степей³⁵. Напротив, можно проследить средиземноморский импульс с западных областей (Северо-Западное Причерноморье), который постепенно угасает по направлению к восточному ареалу. Территория распространения данного антропологического типа и территория близких (по ряду признаков) погребальных комплексов частично совпадают. Памятники Северо-Западного Причерноморья отличны от граничащего с ним южнобугского варианта ямной культуры, но проявляют высокую степень связи с памятниками Поднепровья и Приморской зоны.

Это позволяет нам предположить распространение близких черт обрядности вместе с распространением средиземноморского антропологического типа из западного ареала Причерноморской степи на восток и северо-восток. Таким образом, на наш взгляд, вектор движения части ямного населения

³⁴ С.И. Круц считает, что, в целом, говорить о массовых миграциях носителей ямной культуры ни с востока на запад, ни с запада на восток не приходится (Круц, 1997, с. 129-130). Почти все антропологические типы энеолита и бронзового века Украины имеют местные, но разные корни. Динамика развития их во времени не дает возможности утверждать какое-то массовое переселение народов на этом историческом этапе, за исключением местных перемещений.

³⁵ Учитывая гетерогенность антропологического состава носителей ямной культуры, именно данные антропологии дают более надежную информацию о передвижках населения.

(носителей средиземноморского антропологического типа) следует изменить на противоположный тому, что был предложен А.В.Николовой. Характерно, что исследование керамики ямной культуры Украины (методом кластерного анализа) выявляет весьма слабые связи Северо-Западного Причерноморья с другими территориальными группами. Несколько сильнее выражены они лишь при сопоставлении с Приморьем (Николова, Мамчич, 1997). Эти наблюдения вполне укладываются в предложенную нами версию. По направлению к востоку «восточносредиземноморский импульс», судя по всему, постепенно угасает. Отметим все же средиземноморский тип на левом берегу Днепра (бассейн р. Молочной), в сочетании с довольно значительным (по сравнению с другими регионами) количеством серебряных украшений³⁶. Импульс из Северо-Западного Причерноморья достигает Кубани. В посуде новотиторовской культуры выделяется комплекс, имеющий аналоги в Северо-Западном Причерноморье. Это — кружки (кувшины) с петельчатыми ручками (Гей, 2000, с. 140-141, рис.42, 7-10), банка с ручками-упорами, амфорка (Гей, 2000, с. 143, рис.43, 1,2). Также фиксируется принцип кругового расположения погребений в курганах, который А.Н. Гей сопоставляет с Северо-Западным Причерноморьем. Сравнительно недавно средиземноморский (близкий известному в Северо-Западном Причерноморье) тип прослежен даже в ямной культуре Южного Приуралья (Хохлов, 2003, с. 195). В одной из последних обобщающих антропологических работ была выдвинута гипотеза о влиянии средиземноморского типа на сложение физического облика нижеволжского населения ямной культуры (Шевченко, 1986)³⁷.

Сложен вопрос с его истоками в Северо-Западном Причерноморье. Так, И.Д. Потехина приходит к выводу о том, что у трипольцев лесостепи и усатовцев такие варианты средиземноморского типа, как у носителей ямной культуры, не встречаются. Они появляются в Северо-Западном Причерноморье с появлением племен т.н. «буджакской культуры» (со скорченными на боку костяками), принесших на эту территорию несколько дру-

³⁶ Концентрацию серебра именно в ареале Северо-Западного Причерноморья мы уже отмечали выше.

³⁷ Выводить его непосредственно из Северо-Западного Причерноморья было бы чересчур прямолинейно, поскольку средиземноморский тип представлен и на Кавказе.

гой антропологический тип (Потехина, 1990; Телегин, Нечитайло, Потехина, Панченко, 2001, с. 111). Такой же тип распространен в неолите и энеолите Северо-Запада Болгарии, в Румынии (Криш-Старчево, Хамаджия, Боян), а также в энеолите Северного и Южного Кавказа, в Южном Прикаспии (Тодорова, 1986; Шевченко, 1986; Дяченко и др., 1988; Потехина, 1990). Здесь уместно вспомнить о фиксируемых в материальной культуре связей населения Северо-Западного Причерноморья и балкано-карпатского ареала, как в энеолите, так и в раннем бронзовом веке.

С другой стороны, в ямной культуре Северо-Западного Причерноморья присутствует и протоевропеоидный антропологический тип. При этом исследователи ямной культуры Болгарии фиксируют сходство ямных захоронений Балкан с Поднестровьем и Северным Причерноморьем (Панайотов, 1989), а также принадлежность носителей ямной культуры Болгарии к протоевропеоидному антропологическому типу (Панайотов, 1991). Намечен путь проникновения носителей ямной культуры на Балканы с территории Северо-Западного Причерноморья (Nikolova L., 1999; 2000).

Таким образом, сопоставление археологических и антропологических данных позволяет предположить движение какой-то части ямного населения (носителей средиземноморского типа) из Северо-Западного Причерноморья на восток. Путь лежал вдоль моря, в обход собственно территории, связанной с племенами южнобугского варианта ямной культуры.

В то же время население, являвшееся носителем протоевропеоидного типа, продвинулось с востока (?) не только на территорию Северо-Западного Причерноморья, но и далеко за Дунай. К сожалению, более узко этот тип не определен, что не позволяет искать его истоки³⁸. Видимо, это не были представители южнобугского варианта ямной культуры ввиду очень слабых связей двух ареалов. Выделенный А.В. Николовой еще один «путь» продвижения ямных племен с востока на запад охватывал нижнеднепровские памятники на правом и левом берегу, а также междуречье

³⁸ Причем говорить о нашествии ямных племен с территории «ядра культуры» — с Поволжья — не приходится. Для более восточных территорий распространения ямной культуры (Нижнего Поволжья, Северо-Западного Прикаспия) характерен, в основном, брахикранный, с широким и низким лицом — антропологический тип, на Украине компактно не представленный. (Круц, 1997, с.381).

Ингула и Южного Буга, исключая приморскую полосу Херсонщины (Николова, 1992). Исследования С.И. Круц показывают, что как раз междуречье Буга и Ингула, левый и правый берег Нижнего Днепра занимало население, представленное «смягченным» протоевропейским антропологическим типом (Круц, 1997). Оказалось, что этот «путь» (вероятно — просто ареал, где наблюдается высокая степень связи между археологическими признаками?), совпал с единым антропологическим типом. Однако он отличается своими особенностями и не может быть сопоставлен с Северо-Западным Причерноморьем.

Вполне возможно, что истоки протоевропеоидного типа, фиксируемого в Северо-Западном Причерноморье, следует искать в местной подоснове, энеолите степной зоны Причерноморья. По крайней мере, опосредованным влиянием степных племен объясняют появление этого типа в усатовской среде (Потехина, 1990, с.80-81). Необходимо в какой-то степени учитывать и Орель-Самарское междуречье, где распространен один из вариантов протоевропеоидного типа; ведь степень связи между этими территориями по ряду признаков относительно высока (Николова, 1992). Пока вопрос остается открытым.

Итак, данные антропологии указывают на неоднозначность и сложность проходивших в Причерноморских степях этно-исторических процессов. Северо-Западное Причерноморье являлось зоной обитания двух антропологических типов — протоевропеоидного и восточносредиземноморского. Хотя, скорее всего, антропологическая ситуация была сложнее, присутствовали различные смешанные группы. Через территорию региона шло продвижение первого из них далее на запад, за Дунай. В то же время наблюдается продвижение какой-то части носителей второго типа вдоль моря на восток и северо-восток.

В какой же степени антропологический фактор мог быть связан с обрядовыми группами? Ранее обращалось внимание на то, что в Северо-Западном Причерноморье (да и на Украине в целом) скорченные на боку и скорченные на спине умершие в захоронениях ямной культуры *в той или иной степени* соотносятся с разными антропологическими типами: первые — со средиземноморским, вторые — с протоевропеоидным (Зиневич, 1970, Круц, 1972, 1985). К настоящему времени источниковедческая база значительно увеличилась, но сопоставления позы погребенного с

конкретным антропологическим типом на массовом материале пока не проводилось.

Конечно, деление всего культурного массива по принципу «поза-антропологический тип» было бы весьма упрощенным, но тенденция, видимо, в какой-то степени сохраняется. Отметим лишь несколько фактов. Л. Николова, указывает, что в ямной культуре Балкан умершие захоронены скорченно на спине. Трансформация обряда, вытянутые или скорченные на боку погребения зафиксированы в контактных зонах, где они появляются под влиянием соседних культур (Николова Л., 2000). Между тем, как уже отмечалось выше, в ямной культуре Болгарии, где, в основном, и сосредоточены эти памятники, доминирует протоевропейский антропологический тип. Таким образом, наблюдается определенная корреляция между позой погребенного (соотносимой с 1-й обрядовой группой) и антропологическим типом (протоевропейским). Население, привнесшее в Северо-Западное Причерноморье несколько иной (чем в Усатово) вариант средиземноморского типа, И.Д. Потехина увязывает со скорченными на боку костяками (Потехина, 1990; Телегин, Нечитайло, Потехина, Панченко, 2001, с. 111). Характерно, что и в Южном Приуралье наблюдается такое же соотношение между антропологическим типом и позой умершего (средиземноморский тип определен в погребениях со скорченными на боку погребенными). Это позволило исследователям предположить параллелизм и тесную связь исторических процессов на отдаленных географических территориях (Хохлов, 2003). Отметим также преобладание в Приморской зоне средиземноморского антропологического типа (Круц, 1997) и населения, хоронившего своих умерших скорченно на боку (Николова, 1992).

Рассмотрение памятников междуречья Южного Буга и Днестра позволило осветить некоторые вопросы исторического развития региона, остановиться на вопросах формирования в нем ямной культуры. Восточный ареал Северо-Западного Причерноморья, несомненно, тесно связан с его западной частью. При этом Днестро-Дунайский регион был открыт для культурного диалога, векторы его связей направлены на запад³⁹. Видимо, здесь сказываются традиции энеолитической эпохи. В то же время характерно, что рассматриваемая нами территория (между Южным Бугом и Днестром) оказалась наименее

³⁹ Заметим, что в дальнейшем, в катакомбное время, направление вектора связей меняется.

подверженной влияниям соседних культурных групп. Западные влияния практически не прослеживаются далее Левобережья Днестра. Несмотря на это, в регионе отсутствуют и восточные связи. Не стоит искать объяснение этому в географических факторах. Южный Буг не был более сложной водной преградой, нежели Днестр. По-видимому, население Северо-Западного Причерноморья являлось относительно замкнутым, самодостаточным социумом, с самобытной материальной культурой, ориентированной в большей степени на западный мир. Стабильность общества подтверждается и отсутствием инноваций на финальном этапе, в период широкой экспансии катакомбной культуры в Причерноморских степях. В междуречье Днепра и Южного Буга в ямных памятниках проявляются катакомбные черты, фиксируется катакомбная керамика или иные артефакты (Шапошникова, 1987; Фоменко, 1990; Кияшко 1998; Пустовалов, 2003 и др.). Но к западу от Южного Буга катакомбное влияние практически не ощущается. Социум Северо-Западного Причерноморья оказался более консервативным, или же более мощным, чем его восточные соседи.

В целом, инвентарь ямных погребений правобережья Южного Буга не демонстрирует катакомбных влияний и импортов⁴⁰. Шнуровой орнамент, появление которого отчасти связывали с катакомбной культурой, оказывается древнее. Топоры и кремневые стрелы имеют аналоги, прежде всего, в шнуровых (и иных) культурах, а не в катакомбной среде. Напротив, отмечается заимствование отдельных элементов материальной культуры катакомбными племенами у ямных. Это относится к отдельным находкам сосудов, каменным топорам удлинённых пропорций, кремневым топорам. В целом же, керамические комплексы двух культур отличны, как по форме, так и по характеру орнаментации (Ср.: Субботин, 2000, с. 361, рис.4; с. 372, рис.11). Сходные типы украшений или некоторых других предметов (Субботин, 1993) имели широкое распространение в культурах энеолита и бронзового века. Поэтому маловероятно, что они могут свидетельствовать о заимствованиях и длительном взаимовлиянии ямной и катакомбной культур. Традиции носителей ямной культуры вплоть до ее финала оставались неизменными.

⁴⁰ Можно назвать лишь находки трех глиняных воронок в могильнике у с. Новоградовка.

Подводя итоги, отметим, что памятники междуречья Южного Буга и Днестра по своим характеристикам неотделимы от ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. Традиционно исследователями больше внимания уделялось курганам и могильникам, расположенным к западу от Днестра. Именно они служили основой для различного рода выводов и наблюдений о населении Северо-Западного Причерноморья в раннем бронзовом веке. Между тем, восточный его ареал также предоставляет не менее интересную информацию. На фоне относительной немногочисленности раскопанных объектов, более определенно выявляются специфика или характерные черты, чем при статистической обработке больших серий. Особенно продуктивен такой подход при рассмотрении пограничных регионов. Предоставляется возможность определить зоны влияния, контактов, перемещений населения некоторых территориальных групп. С другой стороны, полученная информация дополняет уже имеющиеся сведения о населении региона. Именно памятники Днест-

ро-Бугского ареала позволяют прийти к выводу об относительной замкнутости и стабильности ямного социума Северо-Западного Причерноморья.

Концентрация престижных артефактов и символов власти на территории между Южным Бугом и Дунаем определенно указывает на то, что Северо-Западное Причерноморье являлось ярким социальным центром ямной культуры, на что уже обращали внимание исследователи (С.Ж. Пустовалов, Н.А. Рычков). В то же время достаточно четко фиксируются многочисленные параллели с различными территориями ямной КИО в тех элементах погребального обряда, которые связаны с мировоззренческим аспектом. К ним относятся: принципы курганного строительства, ритуальные площадки на вершинах курганов, применение антропоморфных стел в перекрытиях могильных ям, оформление погребального ложа и погребальной камеры и т.п. Именно традиции мировоззренческого уровня оказались объединяющими для населения огромной территории, соотносимой с ямной культурно-исторической областью.

ПАМЯТНИКИ КЕМИ-ОБИНСКОГО ТИПА

Среди вошедших в нашу публикацию погребальных комплексов особое место занимают мегалитические гробницы раннего периода эпохи бронзы. Две из них, с настенными росписями, представляют собой «классические» памятники кеми-обинского типа, одна — небольшой, наполовину разрушенный простой каменный ящик. Такого рода объекты вызывают неизменный интерес, тем более в Северо-Западном Причерноморье, где они встречаются относительно редко и пока недостаточно изучены.

Накопление систематических данных о каменных ящичных гробницах Одесского региона началось в 60-е годы прошлого века с раскопок Беяевского кургана (Алексеева, 1971; Алексеева, 1974). В те же годы гробницы предгорного Крыма, как правило, орнаментированные, А. А. Щепинский (1966) выделил в качестве основной разновидности памятников особой кеми-обинской культуры (от названия кургана Кеми-Оба в Крыму). Вскоре выяснилось, что территория распространения аналогичных ящичных захоронений выходит далеко за пределы Крымского полуострова в Приднепровские степи, на Ингул и Южный Буг. Находка гравированных плит под курга-

ном у села Великодолинское отодвинула западную границу так называемой кеми-обинской культуры от Буга к низовьям Днестра (Субботин, Черняков, Ядвичук, 1976). Намечалась даже перспектива выделения «ингуло-днестровского варианта кеми-обинской культуры» (Щепинский, 1985, с.333). Казалось бы, уже открытие первой расписной гробницы в Одесской области (Петренко, 1991) должно было утвердить существование такого варианта. Однако к тому времени кеми-обинская проблематика свелась к проверке правомерности выделения соответствующей культуры как таковой. С этой целью в основном обобщались данные курганов Северного Причерноморья (Генинг, 1987). В итоге оказалось, что по стратиграфическим позициям и большинству типологических параметров (керамика, погребальный обряд и пр.) кеми-обинские погребения следует включать в ямную культуру, или ямную культурно-историческую область. Тем самым фактически подтвердился вывод, давно сделанный на аналогичном материале Крыма (Häusler, 1964, S.70—75)⁴¹. В со-

⁴¹ А. Хойслер указывал в этой связи еще и на катакомбную культуру. Его выводы тогда остались для «кеми-обинской» культуры без последствий.

гласии именно с такой постановкой вопроса (Генинг, 1987) рассматривались и вновь открытые западные комплексы кеми-обинского типа (Петренко, Тошев, 1990; Петренко, 1991). Позже разновидностью местных ямных памятников признал их Л. В. Субботин, экспедиция которого обнаружила первую расписную гробницу за Днестром, в буджакском кургане «Гостра могила» (Субботин, 1995, с.196), а затем и другие археологи (Иванова, 2001, с.109).

Одновременно аналогичную позицию в отношении «кеми-обинской культуры» заняли исследователи, много сделавшие для изучения такого рода памятников в Поднепровье (Ковалева, 1988; Андросов, Мельник, 1991; Ковалева, Марина, Ромашко и др., 2003). И в новейшей историографии интерпретация северо-причерноморских гробниц ранней бронзы как памятников ямной культурно-исторической области (или, проще, ямной культуры) определяется в качестве единственно перспективного направления (Тесленко, 2001). Но ради объективности стоит отметить, что примеры отсутствия культурного своеобразия этих памятников далеко не всегда убедительны. Так, прежде всего, относительно немногочисленные первичные захоронения, над которыми насыпаны курганы (например, Великозименово), и захоронения на насыпи (Тесленко, Гребенников, 2002). И первые, и последние («гробницы на подиумах», как мы их называем), дополненные еще и мощнейшими кромлехами из вертикально поставленных плит, отличает наземный характер погребального сооружения (это и есть гробницы в точном смысле термина). Нужно ли доказывать, что выставление погребения наружу, на дневную поверхность, по типологии обряда диаметрально противоположно ингумации в яме, независимо от совпадения или различия прочих обрядовых деталей? Непраздным кажется вопрос и о том, насколько надежны наши формально безупречные определения культурной принадлежности гробниц по находимой в них «ямной» керамике. В кочевой или подвижно-скотоводческой среде, с погребальными памятниками которой мы, видимо, имеем дело, потребителями продукции одних и тех же производителей посуды могли быть разные этнокультурные группы⁴². При условии контактности таких групп могли устано-

виться сходные принципы оформления захоронений. Не в этом ли, в конечном счете, причина сходства «кеми-обинских» и «ямных» могил на уровне поз и ориентировок скелетов, окрасок охрой и т.п.? Наконец, далеко не все археологи отказываются от идеи существования кеми-обинской культуры, хотя открытой дискуссии по этому поводу еще не было (Давня історія України, 1997; Рассемакин, Евдокимов, 2001). Все это побуждает нас продолжать пользоваться термином «памятник кеми-обинского типа», нейтральным и в определенной степени более точным с точки зрения оценки специфики объектов. Актуальность «кеми-обинского вопроса» возрастает в связи с наметившейся тенденцией к пересмотру статуса ямной культурно-исторической области в целом (Иванова, 2004). Вместе с тем развернутые публикации материалов А. А. Щепинского и новые обобщения по «кеми-обинской культуре» Крыма (Щепинский, Тошев, 2001; Тошев, 2004) показывают, что курган Кеми-Оба может лишь по традиции оставаться эпонимом памятников кеми-обинского типа, поскольку представляет их наименее характерный и сугубо местный вариант или, скорее, самостоятельную группу (деревянные «ящики»).

В интересующем нас регионе (рис. 64) наряду с орнаментированными гробницами известны простые каменные ящики, составляющие вместе типологически единую группу (рис.64). Кроме безупречно документированных ящиков Одесского кургана⁴³ (отчет Шкадышек, 1912; Добровольский, 1915; Тошев, 1984), насчитывается 6 таких объектов из сравнительно недавних раскопок, в том чис-

ки и разнообразие ее типов (и это у номадов или, по крайней мере, подвижных скотоводов!) предполагает функционирование целой сети территориальных производственных центров, отличающихся культурными и технологическими традициями, мощностью, связями и т.д. Отсюда локальные «керамические варианты» ямной общности, далеко не повсеместно четкие и, естественно, не совпадающие с распространением идентичных вариантов погребального обряда. Насколько сложна ее керамическая «развертка», превосходно продемонстрировали работы А. В. Николовой (Николова, 1992; Николова, Мамчич, 1997; Николова, 2002).

⁴³ Как минимум один энеолитический ящик в Одесском кургане был сооружен в насыпи с ее первичного уровня или после первой досыпки. Вершина кургана после этой досыпки была увенчана гробницей и выгорожена кольцом из плит. Эта верхняя гробница, или «гробница на подиуме», была со временем перекрыта второй, окончательной (?) досыпкой (Шкадышек, 1912). Возможно, аналогичным образом был оформлен и курган Дубиново 1, о чем уже говорилось выше (см. раздел «Памятники энеолитической эпохи»).

⁴² Организация керамического производства первой великой степной общности эпохи бронзы (ямной) является неразработанной темой. Высокое качество керами-

Рисунок 64. Распространение погребальных каменных ящиков раннего бронзового века на юго-западе Украины: 1 – Старые Беляры, 2 – Одесский курган, 3 – курган «Солдатская слава», 4 – Катаржино, 5 – Великозименово, 6 – Санжейка, 7 – Великодолинское, 8 – Беляевка, 9 – Красное, 10 – Аккембетский курган («Попова могила»), 11 – «Гостра могила» (могильник Алкалия), 12 – Татарбунары, 13 – Кубей.

ле кургана «Солдатская слава». Некоторые из этих ящиков приурочены к левобережью нижнего Днестра: Беляевка 1/9 (Алексеева, 1971, с.36), Санжейка 1/1 (Алексеева, 1992, с.62, с.35, рис.4, 6), Красное 1/4 (Серова, Яровой, 1987, с.11–12, рис.3). Два комплекса обнаружены в центральной части Буджакской степи, в отрыве от большинства ящичных захоронений — Кубей 21/14, Татарбунары 1/2 (отчет: Субботин и др., 1987; Субботин, 1988). Далее, к кеми-обинскому типу (культуре) относятся также несколько погребений, открытых в 1995 г. И. Т. Черняковым на уровне верхних стратиграфических горизонтов ранней бронзы так называемого Аккембетского кургана в районе поселка Затока (курган «Попова могила»). По этому неординарному памятнику, традиционно отождествлявшемуся с упомянутой у Геродота могилой киммерийских царей (Геродот, IV,11), опубликованы предварительные данные, в том числе радиоуглеродные даты (Szmyt, Chernyakov, 1999).

В этой выборке только одно захоронение основное (Великозименово) при впускных погребениях ямной культуры, тогда как остальные опущены в готовые насыпи и, как показывают четко отслеженные стратиграфические ситуации (Катаржино, «Солдатская слава», Старые Беляры), завершают циклы захоронений времен ранней бронзы. На примере Великозименово можно видеть курганный объект усложненной структуры: ограничительный ровик с каменно-земляным наполнением вокруг гробницы; менгир; послойная отсыпка кургана, возможно, в сопровождении человеческого жертвоприношения; кольцевой ров, вырытый в готовой насыпи и вновь засыпанный. Соответствия основным элементам и масштабам этой примитивной, но трудоемкой земляной архитектуры дает, например, близлежащий курган ямной культуры у Катаржино, но в целом это не типовое решение (особенно примечательны рвы в насыпи). Тот же курган Катаржино 1 наглядно показал, насколько объемисты были досыпки в связи с некоторыми впускными гробницами (не менее 100 тонн грунта в перекрывающем слое). Вероятно, в окончательном виде насыпь Катаржино⁴⁴ была еще увенчана и каменной «шапкой», что, как полагают, характерно для «кеми-обинской культуры» (Шапошникова,

⁴⁴ По-видимому, в Катаржино 1 в одном стратиграфическом горизонте с кеми-обинским комплексом лежит захоронение 9 с расписным сосудом. У авторов этой книги не сложилось единого мнения о возможности синхронизации этих погребений.

1987, с.15). Но для прочих гробниц каких-то особых усилий, потраченных на увеличение насыпей, определенно не наблюдалось.

Что касается самих гробниц, то все они прямоугольные и, как правило, составлены из четырех более или менее аккуратно отесанных и плотно подогнанных плит. В типичных вариантах длинные, боковые, плиты ставились между короткими «фасадными» стенками, имевшими по краям пазы для более плотного соединения (Старые Беляры, Катаржино). В некоторых сооружениях было 5 или 6 плит (Красное), 8 монолитов (Великозименово) или даже 10 — по две плиты в коротких и по три в длинных стенках ящика (Татарбунары). Впрочем, в последнем случае представлена, скорее, не цельная ящичная конструкция, а лишь ее имитация за счет облицовки обыкновенной ямы камнем. От остальных ящиков этот отличается использованием разнокалиберного плитняка произвольной формы и большим объемом глиняных обмазок. В ящиках щели между плитами закладывались мелкими камнями и герметично замазывались зеленой глиной. Дно ящиков обычно земляное, и только некоторые гробницы имели плиточный каменный пол (Старые Беляры, возможно, верхняя гробница Одесского кургана). Покровные плиты, в отличие от стен гробниц, не обязательно прямоугольные. Так, один погребальный ящик перекрывала цельная антропоморфная плита — косоугольная, но с параллельными боковинами и асимметричным полукруглым выступом, обозначавшим голову (Старые Беляры).⁴⁵ В «надгробии» эта стела лежала «головой» в обратную сторону по отношению к направлению погребенных в гробнице людей. В перекрытиях некоторых гробниц использовались обломки антропоморфных стел (Великозименово). Самая маленькая гробница (детская) была приблизительно метровой длины («Солдатская слава»), самая большая — 2,4 при ширине 1,2 м (Великозименово).

Среди этих гробниц четыре имели настенные росписи в один, но достаточно яркий и сочный цвет природных красных пигментов (охры). За счет рисунка внутренний вид

⁴⁵ В Буджаке известна конструкция «ящичного» типа из плит и антропоморфных стел, не содержащая никаких признаков захоронения — Холмское 5/7. Судя по стелам, это объект или эпохи энеолита, или, скорее всего, времени ямной культуры (условно кеми-обинского типа?). Авторы раскопок сочли его культурно-хронологическую принадлежность не установленной (Черняков, Станко, Гудкова, 1987, с.86).

погребального сооружения смотрится чрезвычайно эффектно, особенно в сравнении с нерасписными ящиками (их большинство). Но есть и просто непрезентабельные объекты, небольших размеров или составленные из обломков. В дополнение характеристик можно подсчитать объемно-весовые данные, например, Старобелярской гробницы (сохранность объекта 100%, размеры средние). Всего на нее пошло пять плит длиной от 120 до 145 см, 90–107 см ширины, толщиной от 9 до 17 см, и покровная стела 190 × 130 × 20 см. Это приблизительно 1,35 м³ известняка, около 2,5 тонн породы, по оценкам на месте.⁴⁶ В перекрытии среднестатистического ямного погребения бывает 2–3 плиты близких размеров, или деревянный настил, или в менее частых случаях и то и другое вместе. Заготовить материал на деревянное покрытие погребальной камеры (толстомерный кругляк, ровный и одного диаметра, плахи до 10–15 шт., иногда более) было едва ли намного легче, чем доставить к месту захоронения плитняк из близлежащей каменной осыпи и придать обломкам более или менее правильную форму. Обращаем на все это внимание в связи с представлением о какой-то всеобщей «парадности» и особенной трудоемкости кеми-обинских захоронений по сравнению с ямными могилами (Генинг, 1987).

Так или иначе, но ближайшая область распространения такого рода каменных гробниц (некрашенных и с росписями) приурочена к Южному Бугу. Именно там, а также на Ингуле и Днепре известны, например, соответствия знакам, нарисованным охрой на стенах Великозименовской гробницы, и конструктивно сходные с ней сооружения (Ковпаненко, Бунятян, Гаврилюк, 1978, рис.13; Шапошникова, 1980, рис.4; Ковпаненко, Фоменко, 1985, рис.2,14). В целом фриз на плитах Великозименово дошел до нас в превосходном состоянии, а его основные детали (древовидные изображения), несомненно, принадлежат к наиболее часто встречающимся знакам в символике кеми-обинских плит (Шилов, 1982, с.32, рис.2; Андросов, Мельник, 1991, с.40, рис.4,1). Примечательно также совпадение росписи Великозименово (знаки в виде литеры «Ж», или перечеркнутого по вертикали косоугольного креста) с расписной плитой эпонимной Кеми-Обы (Щепинский, Тоцев, 2001, рис.7, 3).

⁴⁶ Или 3645 кг породы при учете ее нормативной удельной плотности 2,7 г/см³.

Фрагментарно, но все-таки не так плохо, как в «Гострой могиле», сохранилась роспись в гробнице Катаржино. В этом случае наблюдается покрытие плит композициями из разнородных элементов, что тоже характерно для памятников кеми-обинского типа. Плоскость восточной стены Катаржино была расписана в линейном стиле. Фон равномерно заполняли прямые полосы охры, идущие группами в разных направлениях. Предположительно таким же был рисунок на одной из плит «Гострой могилы». Этот мотив можно определить как «лучистый» или «паркетный», но не исключено, что на каких-то участках линии перекрещивались, образуя рисунок в виде сетки, известный в Крыму (Лобода, Тоцев, 2003, рис.2,2). На северной стене гробницы Катаржино наиболее броскими деталями являлись красные треугольники, нарисованные вдоль верхнего края плиты (мотив «свисающих треугольников»). Аналогичные силуэтные элементы представлены в Софиевке (Шилов, 1982, с.32, рис.2,2), а такие же, но контурные — на фризе Рахмановской гробницы (Крилова, 1971, с.24, мал.1). Что же касается гробницы Старые Беляры, то на ее примере можно видеть самостоятельный вариант компоновки характерных элементов кеми-обинских росписей (вертикали, точки).

Своеобразны великодолинские плиты, найденные в перекрытии ямного захоронения (рис.65). Необходимо остановиться на них подробнее, поскольку они опубликованы с существенными неточностями (Субботин, Черняков, Ядвичук, 1976, с.189, рис.3). От типовых кеми-обинских конструкций эти четыре мегалита отличаются, в первую очередь, тем, что характерные знаки (косые кресты) нанесены в технике резьбы, а не росписи. Не менее примечательны особенности профилирования и разнокалиберность монолитов. Одна пара плит характеризуется наличием выступа в цокольной части и нанесенным по верхнему торцу желобом (рис.65, 5–6). Эти две плиты, по-видимому, были неодинаковой высоты. На каждой из них имеется изображение «андреевского» креста. На большей плите его нижние концы соединены линией, что явно напоминает одну разновидность знаков расписной Рахмановской гробницы (Крилова, 1971, мал.1). Две другие гравированные плиты Великодолинского захоронения имеют равномерное сечение (рис.65, 3–4). На торце более крупной из них оформлен скос. На одной ее стороне вырезан неполный крест,

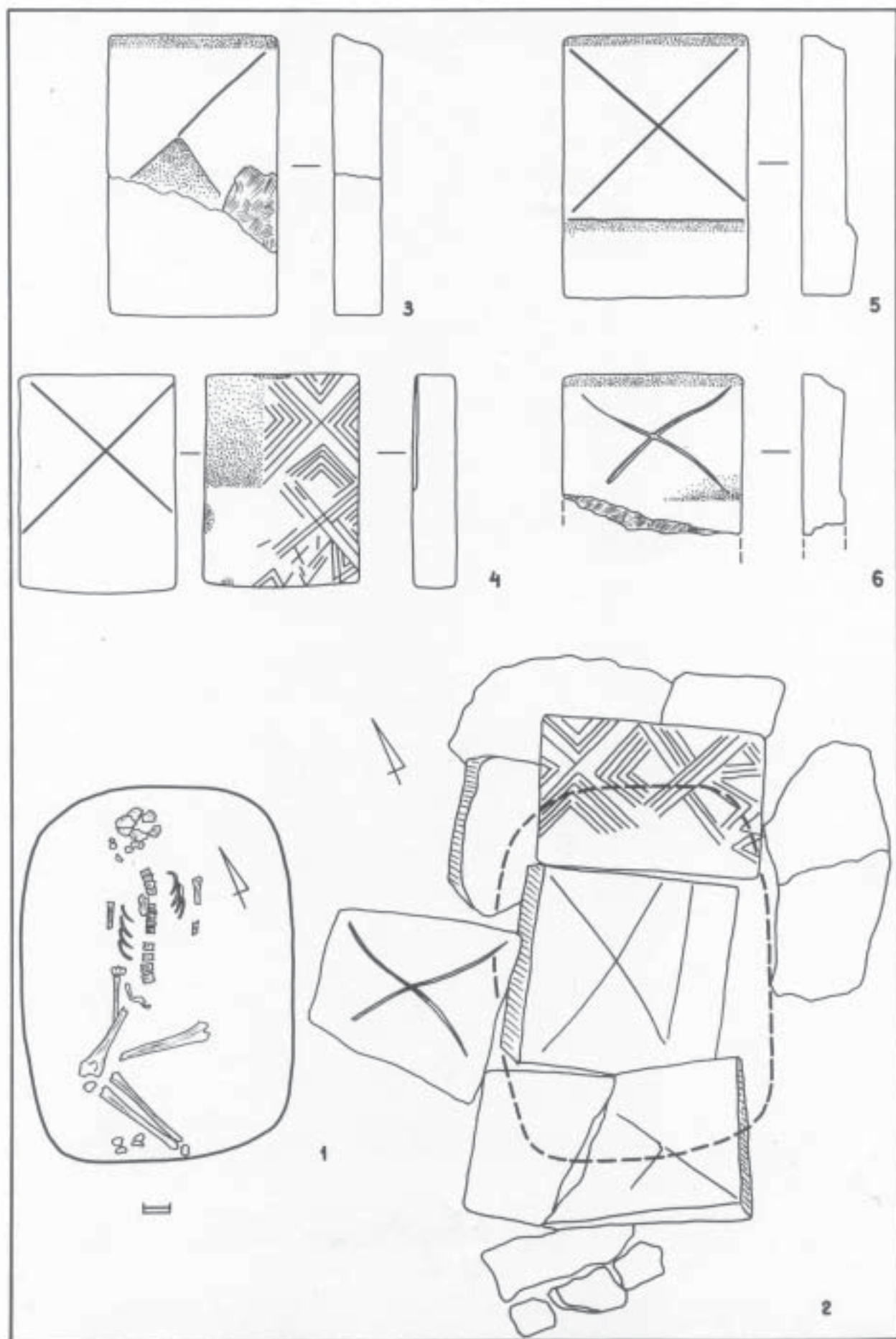

Рисунок 65. Великодолинское. Захоронение ямной культуры под перекрытием из гробничных плит: планы объекта и прорисовка мегалитов.

между нижними концами которого объем камня равномерно стесан (ср. знак «У» на плите 7 гробницы Великозименово). Малая плита покрыта резным рисунком с двух сторон. Основным элементом в нем также является «андреевский» крест. На одной плоскости знак креста составлен, как и в предыдущих вариантах, из двух пересекающихся линий. На другой стороне имеется три косых креста, в том числе крест из двойных линий, с последовательной обводкой по контуру. Здесь же в крестовую композицию включен иной знак — зигзаг или, скорее, цепочка углов (графический вариант характерного для охровых кембиобинских композиций мотива «свисающих треугольников»?). Со стороны этого рисунка в левой части плиты имеется притертая прямоугольная выемка. Очевидно, в первоначальной кладке только эта, неорнаментированная, часть монолита была каким-то образом закинута встречной плитой. Плиты с особой орнаментальной и семантической нагрузкой, умышленно выдвинутые из кладок, отмечены и в других мегалитических сооружениях (Дворянинов, 1980, с.45).

Однако никакой цельной ящичной конструкции из этих четырех монолитов составить невозможно, хотя прежде на основе непроверенных данных считалось иначе (Дворянинов, 1980, с.47). Не решает вопрос и новая реконструкция, оперирующая теми же искаженными прорисовками (Субботин, 1995, с.194, рис.1). Единственным указанием на то, что эти мегалиты первоначально стояли в стенах чьей-то гробницы, является наличие скоса и пазов, вероятно, для плотного присоединения покровной плиты. Таких камней должно было быть вдвое или втрое больше, чтобы составить из них ящик, подобный известным. Почему в захоронение Великодолинское 1/1 попали только эти четыре мегалита, неизвестно. Но вряд ли это была просто вторичная утилизация чужого «строительного материала», а не результат целенаправленного использования (сокрытия?) в обряде деталей сакрального сооружения. Примечательно, что сходный комплекс с четырьмя гравированными плитами, уложенными «крестом», как и в Великодолинском кургане, четко засвидетельствован в ямной культуре Побужья (Шапошникова, Фоменко, Довженко, 1986, с.124, рис.46, 5–11). Это совпадение в оформлении захоронений одной культуры, находящихся на значительном удалении одно от другого, не кажется нам случайностью.

Все гробницы, кроме Великозименовской, выстроенной на древней дневной поверхности и затем перекрытой курганом, и одной гробницы, венчавшей насыпь Одесского кургана, были поставлены в котлованы, специально вырытые на склонах уже существовавших курганов, и затем засыпаны землей. Примечательно, что ямы этих впускных захоронений, как и впускные погребения ямной культуры, имели по периметру уступы. Гробницы наполовину выступали из нижней части котлована, которая в ямных захоронениях использовалась в качестве погребальной камеры (Старые Беляры, Катаржино).

В большинстве гробниц находилось по одному скелету, в одном ящике было двойное захоронение (Старые Беляры). На краю кургана «Солдатская слава» в ящике был погребен ребенок, в остальных гробницах — взрослые. Все погребения скорченные, за исключением одного в паре из Старых Беляр. В последнем случае некомплектность скелета и неестественный порядок костей наводят на предположения о расчлененном захоронении, умышленном изъятии части костных останков и т.п. В стандартных ситуациях одни погребенные лежали на спине (с характерным положением рук, вытянутых вдоль туловища), другие — на спине с наклоном на левый бок или же на боку (чаще на левом). У скелетов, лежащих на левом боку или на спине с наклоном на левый бок, левая рука направлена к коленям, а правая уложена поперек живота или на таз. У погребенного, уложенного на правый бок, выпрямленная правая рука протянута к коленям, а левая согнута и касается локтевого сгиба правой руки (Санжейка).

Что касается ориентировки скелетов, то в основном захоронении Великозименово она была предположительно западная, как и у ряда впускных ящичных захоронений, например, в Красном. Однако все впускные гробницы повернуты боком к центру насыпи и, следовательно, ориентировка в некоторой степени зависела от выбора места захоронения. Предпочтение отдавалось западным и южным склонам готовых курганов, поэтому особого векторного разнообразия не наблюдается. Ориентировка захоронений, устроенных в западном секторе насыпей, северная (например, Беляевка, Катаржино), в одном случае — южная (Татарбунары). Соответственно захоронения в южном секторе характеризуются западной ориентировкой (хотя если бы ориентировка не имела значения, рав-

новероятно мог быть выбран и восточный вектор). Так или иначе, преобладает западное направление, в некоторых случаях с небольшими отклонениями к югу и северу. Примечательным исключением является комплекс Великодолинское 1/1. Эта могила, перекрытая гробничными плитами, расположена по отношению к основному захоронению не боком, а радиально и притом дублирует его обряд (скорченный скелет на спине, северо-восточная ориентировка).

Применение охры в «кеми-обинском» обряде отмечено в виде пятен этой краски на костях. В одном случае её следы являются остатками ритуальной «косметики» или же, скорее всего, раскраски черепа (Старые Беляры). Характерны также комки, пятна и отсыпки на дне гробниц. В некоторых гробницах под скелетом прослеживался тлен то растительных, то кожаных подстилок. Особенно выразительны были остатки кожаной подстилки около 1 см толщины в гробнице Катаржино. Коричневый органический тлен на костях в гробнице под курганом «Солдатская слава» может быть остатками одежд или покрова. Наконец, в одном случае под скелетом прослежена черноземно-зольная отсыпка толщиной 10 см («Гостра могыла»).

В каждой второй гробнице найден погребальный инвентарь. Это керамика, от одного до трех сосудов (в Татарбунарах, Кубее, Старых Белярах и «Солдатской славе»), комплект раскрашенных деревянных палочек, каменный «болас», пронизи из свернутых в трубку обрезков медного или бронзового листа, роговая молоточковидная булава. Впрочем, булава и пронизи могли быть личными украшениями, фетишами, а не специальными погребальными дарами. Сосуды ставились как внутрь гробниц, так и снаружи (Старые Беляры и, возможно, Кубей).

Все погребения превзошла по инвентарю «Гостра могыла». В ее гробнице найдены остатки лука и колчана, кремневые наконечники стрел, диоритовый (?) набалдашник булавы, сломанный (?) бронзовый нож, плоское кремневое тесло, кожаный браслет с тремя бронзовыми обоями и овальное деревянное блюдо (Субботин, 1995, с.195–196). В наличной серии «Гостра могыла», а с ней и Великозименово выделяются на основе инвентаря как «функционально отмеченные» комплексы. В первом случае это атрибуты воинства и, вероятно, власти (булава), тогда как во втором, похоже, акцентирован сак-

ральный статус (набор раскрашенных палочек⁴⁷).

Комплект вооружения из «Гострой могылы» исключительно интересен как сам по себе, так и в качестве культурно-хронологического индикатора. Лук имел S-образно изогнутую деревянную основу и, возможно, был составным. Во всяком случае, его длина (около 120 см) явно превышала половину роста владельца этого оружия. От колчана, который имел длину более 40 см, сохранился деревянный щиток, полукруглый в поперечном сечении, с маленьким сквозным отверстием в верхней части и боковым выступом с двумя поперечными отверстиями. Вероятно, основа колчана и его крышка были кожаные. Отверстие в щитке могло предназначаться для крепления крышки или, скорее, ее застежек. Этой же цели мог служить и боковой выступ. Отверстия в нем, кажется, слишком малы (диаметр менее 5 мм) для надежного крепления через них колчана к ремню для ношения. Наконечники стрел (всего их 11) представлены завершенными изделиями треугольной и листовидной формы с широкой выемкой в основании, а также запасом заготовок. Аналогичный по типам набор, тоже включающий кремневые полуфабрикаты, сопровождал погребение Пуркары 1/38 ямной или, по Е. В. Яровому, катакомбной культуры (Яровой, 1990, с.82 и сл.). Расстояние между этими комплексами составляет около 70 км. В местном ареале и опять-таки в ямной культуре находит аналогии и другое кремневое изделие из «Гострой могылы» — плоское тесло с пришлифованным лезвием. Однако же грушевидный набалдашник булавы из этого комплекса типичен для катакомбной культуры. Разбирая комплекс «Гострой могылы», нельзя не признать, что он предметно дублирует атрибуты целой серии лучших «портретных» статуй степной Украины и Крыма ямного или, скорее, уже катакомбного времени, некогда причисленных к культуре типа Кеми-Обы — из Керносовки, Фёдоровки, Верхоречья и др. (Щепинский, 1985, с.335).

Гробницы не содержат типов посуды и прочих вещей, которые бы отсутствовали в ямных захоронениях. Так комплекс Старые

⁴⁷ Интересную параллель Великозименово дает кеми-обинский комплекс «Долгой могилы» в Поднепровье. В этом захоронении найдено большое количество очищенных от коры прутьев, остатки которых находились на скелете в области грудной клетки и, как предполагается, служили каркасом мумифицированного тела (Ковалева, 1988, с.30).

Беляры объединяет типично «буджакский» баночный сосуд («ситулу»), горшок и типичную для южнобугской ямной культуры молотковидную булавку четвертого типа в группе «А», по классификации (Шапошникова, Фоменко, Довженко, 1986, с.47–48). С керамическими типами ямной культуры Побужья по основным признакам форм, декора и технологии увязывается миниатюрная амфора с округлым донцем и мисочка из детской гробницы кургана «Солдатская слава» (Шапошникова, Фоменко, Довженко, 1986, с.42, рис.15). Впрочем, орнаменту амфоры есть и более отдаленные, днепровские соответствия в ямной культуре (Ковалева, Шалобудов, 1992, с.37, рис.13,4). Похожие друг на друга «баночные» горшки обнаружены в том же комплексе «Солдатская слава» и ямном захоронении Дубиново 1/13. Вариант этой же формы горшка, но более приземистых пропорций, дает сосуд из Кубея 21/14, сближающийся также с керамикой катакомбной культуры (Яровой, 2000, с.23). Самостоятельный керамический тип представлен амфорой из Татарбунарской гробницы. Автор раскопок включает эту находку, а с ней и весь гробничный комплекс Татарбунары 1/2 в культуру шаровидных амфор (Субботин, 1988), тогда как М. Шмит во всем этом видит лишь синкретизм и отдельные черты КША (Szmyt, 1999, p.162). В то же время Е. В. Яровой, первым выделивший настоящую керамику КША в ямных захоронениях Северо-Западного Причерноморья, связывает сосуды такого типа с культурой шнуровой керамики (Яровой, 1984, с.50, рис.5,5, с.71). Но противоречия эти мнимые. Речь идет о типе, присущем обоим культурам (и КША, и шнуровой керамики), только в КША он, видимо, принципиально поздний⁴⁸. В любом случае, тип неорнаментированного сосуда с зауженной горловиной, отогнутым наружу краем, с раздутым кверху корпусом, имеющим четыре крестообразно расположенных ушка — это не единичная находка для «буджакской» группы ямной общности. Но наиболее важным является то, что в Татарбунарах этот керамический тип представлен в комплексе с так называемым боласом (каменным столпообразным алтариком?) — характерным атрибутом катакомбных захоронений.

Что касается стратиграфии, то гробница Великозименово в качестве основного по-

гребения предшествовала ямной культуре. В Одесском кургане гробница была поставлена на насыпь с группой энеолитических захоронений, основным и впускными (в том числе погребениями в каменных ящиках). Гробница Старые Беляры 1/14 была врыта в энеолитическую насыпь неясной культурной принадлежности. Эта и другие впускные гробницы по сопровождающей керамике и/или стратиграфическим данным соотносятся с ямными или определенно позднеямными горизонтами курганов («Солдатская слава», Старые Беляры, Катаржино и др.). В основании некоторых из этих насыпей найдены ямные захоронения на спине, ориентированные на запад или юго-запад (например, Красное и Беляевка). Для данного типа могил неоднократно четко засвидетельствовано впускное положение по отношению к усатовским комплексам, в том числе определенно поздним, младшей ступени усатовской культуры, как, например, в Пуркарах (Яровой, 1990, с.85–86).

Вопросом остается, есть ли основания датировать захоронение Великодолинское 1/1 с повторно использованными «кеми-обинскими» плитами ранним этапом ямной культуры или, как предполагалось прежде, даже энеолитическим временем (Субботин, Черняков, Ядвичук, 1976, с.200). Конечно, примечателен архаичный облик самого погребения, выраженный в форме ямы и северо-восточной ориентировке скелета. Наличие еще двух захоронений на спине с такой же ориентировкой, планировка ямных комплексов (всего их 5) не по окружности резко отличает Великодолинский курган от основного массива памятников ямной культуры Одесского региона. Кажется, здесь только один памятник более или менее соответствует этому объекту по деталям обряда и планировке — курган у села Мирное, до сих пор полностью неизданный (Тошев, 1978). Тем не менее, ямные захоронения с такими характеристиками (скелет на спине, ориентировка — восток, северо-восток) бывают впускными в курганы позднеусатовского времени, а также в насыпи ямной культуры с более ранними захоронениями на спине, с ориентацией к западу (например, в том же кургане 1 Катаржино). Данный момент увеличивает неопределенность в датировке комплекса Великодолинское 1/1. Но, учитывая вторичность использования плит, можно предположить, что они все-таки происходят из относительно раннего захоронения кеми-

⁴⁸ Кроме керамики, кстати говоря, это касается и еще одной категории находок, представленной в гробницах, а именно плоских кремневых тесел.

обинского типа. В этой связи обращают на себя внимание аналогичные случаи повторного использования мегалитов с гравировками в захоронениях ямной культуры соседнего региона, на Южном Буге — Ингуле (Шапошникова, Фоменко, Довженко, 1986, с.118, рис.40,5—6, с.124, рис.46, 5—11).

В заключение обзора памятников хотелось бы добавить несколько примечаний к вероятной календарной символике кеми-обинских гробниц. Как известно, плиты из Великодолинского попали в число опорных объектов, позволивших открыть на юге Восточной Европы особый и, возможно, самый архаичный вариант лунно-солнечного календаря (Дворянинов, 1980). Учитывая значимость памятников, было сделано все для снятия максимально точных копий древних рисунков в гробницах Старых Беляр, Великозименово и Катаржино. В этих случаях за достоверность прорисовок мы ручаемся.

Система С. А. Дворянинова подтверждается памятниками разных культур эпохи энеолита — бронзы, в том числе расписными ящиками (Шилов, 1982, с.34). Однако с сожалением приходится констатировать, что автор напрасно отнесся с доверием к опубликованным прорисовкам великодолинских плит и не сверился с натурой (плиты хранятся в Одесском археологическом музее НАН Украины). На основном монолите из Великодолинского иное число элементов (линий): их 19 или 21 в зигзаге вместе с малым крестом и 52 или 56 в зависимости от варианта счета в больших крестах, т.е. в сумме не 84, а 71 или 77 (рис.31, 5). Как нам кажется, нет явно выраженной числовой календарной структуры и на Старо-белярской гробнице. Есть лишь отдельные элементы: четырехсторонняя композиция (четыре времени года?), разбитая вертикалями (их 12 на стенах + 1 в углу = 13 лунных месяцев?) на 13 полей (в том числе 3 цельных угловых), помеченных точками, которых 65 (21 + 13 + 15 + 16). На верхних гранях этих монолитов выведено 14 точек и 6 линий. Правда, надо заметить, что некоторые точки, в отличие от остальных блеклые и как бы выбивающиеся из вертикальных рядов, быть может, были умышленно стерты и не подлежали счету.

Однозначна числовая совокупность, выраженная «крестами» и «деревьями» Великозименово. Так, на восточной плите, особое значение которой как бы подчеркнуто естественными лунками (ровно 7 каверн), насчи-

тывается 13 «ветвей», на семи других плитах — 84 «ветви» (соответственно 5 + 11 + 18 + 7 + 8 + 24 + 11). Несомненно, орнаментированные кеми-обинские гробницы являются памятниками с семантикой, нуждающейся в специальном исследовании.

Подведем некоторые итоги. На западе степного Причерноморья большинство каменных ящиков сосредоточено к востоку от Днестра и лишь как исключение они встречаются в курганах юга Бессарабии, особенно расписные гробницы. Несомненно, именно Нижнее Поднестровье и междуречье Днестр — Тилигул следует включить в основной ареал памятников кеми-обинского типа в качестве его западной периферии⁴⁹. Это уточнение территории распространения кеми-обинских гробниц можно, пожалуй, считать одним из главных результатов их открытия на юго-западе Украины.

Основное, что отличает на интересующей нас территории кеми-обинские захоронения от погребений ямной культуры — это каменные ящики. Все остальное — детали погребального обряда, основной инвентарь, наконец, стратиграфия — не позволяет выделить эти гробницы из ямной культурно-исторической общности. В своей решающей мере это памятники ее позднего периода.

В гробницах найдена типичная для этой общности керамика в ее юго-западном, или так называемом буджакском, и южнобугском вариантах («Солдатская слава»). Не местное, скорее всего, южнобугское происхождение имеет молоточковидная булавка (Беляры). Несомненно, представлен инвентарь, который носит в ямной и катакомбной культуре «эстафетный», иначе говоря, преемственный характер или является результатом ограниченного контакта их носителей. Однако такого рода «комбинированные» комплексы отмечены пока не в междуречье Днестра и Буга, а за Днестром в Буджакской степи («Гостра могыла», Татарбунары).

Еще раз подчеркнем, что в рассматриваемом регионе налицо та же ситуация, что и на остальной территории распространения гробниц кеми-обинского типа (включая, видимо, и Крым). Эти памятники выделяются как своеобразная вариация ямной общности, не совпадая, однако, с каким-либо одним конкретным ее локальным проявлением, опре-

⁴⁹ Самый западный курган с погребальными каменными ящиками представлен в ямной культуре на Балканах, в Восточной Сербии (Николова, 2000, с.441).

деляемым по керамике. Вместе с тем, несомненно, что за пределами Крымского полуострова массив памятников кеми-обинского типа в своей центральной части приурочен к южнобугскому варианту ямной культурно-исторической области, выходя за его (варианта) пределы на Днепр (южнее широты Днепропетровска) и в степи по оба берега Днестра.

Природа этой своеобразной «субкультуры» должна быть целенаправленно изучена, невзирая на то, что вывод об особом социальном статусе персон, погребенных в каменных гробницах с соблюдением всех основных норм ритуала ямной общности, «выглядит достаточно напрашивающимся» (Тесленко, Гребенников, 2002, с.90). Тезис о том, что «главное отличие кеми-обинских погребений состоит в больших затратах труда на их создание, в большей их монументальности, «парадности», по сравнению с обычными ямными могилами (Генинг, 1987, с.38), вызывает определенные сомнения.

Общеизвестно, насколько разнообразна керамика ямной общности, объединяющая множество разнородных традиций, и насколько при этом устойчив и однообразен ямный погребальный обряд (о чем уже говорилось выше). Захоронения этой общности безошибочно опознаются по одним и тем же стойким признакам на колоссальном пространстве от Южного Урала до Адриатики и венгерских степей. Ее целостность выражена погребальным обрядом. Поэтому аномалии в этой сфе-

ре не могут расцениваться иначе как проявление фактора культурного своеобразия, если они систематичны, однотипны и строго локальны (это как раз именно то, что присуще памятникам кеми-обинского типа).

Соответственно на первый план выдвигается вопрос о происхождении этих памятников, а не их социологическая интерпретация, как бы интересна и важна она ни была. Быть может, это позволит лучше понять, кто удостоился погребения в гробницах, социальная верхушка «ямного» социума, жречество или особая каста, как это предполагает С. Ж. Пустовалов (2001, с.46), и почему распространение таких погребений в ямной общности имеет определенные территориальные ограничения.

Что касается датировки рассматриваемых комплексов, то с точки зрения их относительной хронологии и постулируемой культурной принадлежности, — это, в сущности, вопрос хронологии ямной культуры, преимущественно ее заключительного этапа. Тем не менее, «кеми-обинские» радиоуглеродные даты, впервые полученные для памятников этого типа именно на материале Северо-Западного Причерноморья, имеют вполне самостоятельное значение. Имеется серия из шести изотопных определений. Пять из них дал пока не опубликованный Аккембетский курган (Szmyt, Chernyakov, 1999, p.197, tabl.1). Еще одна дата получена в 2004 г. в Киевской Радиоуглеродной лаборатории по образцу из кеми-обинской гробницы в Старых Белярах:

Объект	Образец	Лаб. индекс	BP	BC (1σ)	BC (2σ)
Старые Беляры, Курган 1, Погребение 14, Скелет 2.	Кость	Ki-11209	4030 ± 80	2855–2849	2873–2803
				2841–2815	2785–2395
				2671–2463	2385–2343
					2317–2313

Здесь уместно напомнить, что путем привязки этого памятника к радиоуглеродной хронологии поздних фаз ямной культуры он датировался концом III — первой четвертью II тысячелетия до н.э. (Петренко, Тошев, 1990, с.83–84). Таким образом, эта косвенная датировка на «некалиброванном» уровне подтвердилась, что бывает не так уж часто. В реальных, «календарных» значениях этой изотопной даты обращают на себя внимание фактически совпадающие нижние диапазоны при 1σ (т.е. с вероятностью, равной 68%) 2855–2463 BC и 2σ (вероятность 95%) 2873–2313 BC. По-видимому, калиброванной датой комп-

лекса в пределах 1s допустимо считать интервал 2671–2463 или 2567 ± 104 BC.

Что касается дат Аккембетского кургана, то судить о том, насколько они корректны, можно будет после публикации материала. Изотопная дата комплекса Старые Беляры 1/14 по сравнению с ними более ранняя. Но это не нарушает определенной хронометрической компактности наличной «кеми-обинской» серии в целом (таблица 2). Немаловажно, что все даты принадлежат одной лаборатории и рассчитаны по единообразному веществу (костная ткань человека). Величины «аккембетских» дат заметно совпадают уже в рамках

одного стандартного отклонения. При его удвоении самая молодая из них 2367 ± 92 сходится с другим крайним значением — 2567 ± 104 . Даже без применения других методов сравне-

ния радиоуглеродных дат ясно, что в данном случае изотопному датированию подверглись если не синхронные, то в значительной степени близкие по времени образцы.

Таблица 2. Изотопные даты комплексов кеми-обинского типа

Памятник	Объект	Образец	Индекс	BP	Cal.BC (1σ)
Старые Беляры	Погр.1/14	Кость	Ki-11209	4030 ± 80	2567 ± 104
Аккембетский курган	Погр.1	Кость	Ki-6811	3900 ± 65	2367 ± 92
Аккембетский курган	Погр.1	Кость	Ki-6812	3950 ± 60	2402 ± 97
Аккембетский курган	Погр.2	Кость	Ki-6813	3930 ± 50	2392 ± 72
Аккембетский курган	Погр.3	Кость	Ki-6814	3890 ± 50	2368 ± 80
Аккембетский курган	Погр.12	Кость	Ki-6815	3925 ± 55	2388 ± 78

На основе «аккембетских» проб памятники кеми-обинского типа, или так называемая кеми-обинская культура, датированы (Szmyt, Chernyakov, 1999, p.199) в пределах 2450–2280 BC (при 1σ). За счет Старых Беляр нижний предел этого интервала должен быть опущен как минимум на полтора столетия. Оценивая насколько надежен верхний предел, не стоит упускать из виду несомненную хронологическую близость между некоторыми кеми-обинскими гробницами и катакомбной культурой в интересующем нас регионе. Оказывается, что местные «катакомбные» даты по ^{14}C (о них подробно далее) вполне сопоставимы как с поздними ямными, так и кеми-обинскими датами. Соответственно верхний хронологический рубеж памятников кеми-обинского типа не требует столь радикальной коррекции, как нижний. Вероятно, распространение гробниц кеми-обинского типа в низовьях Днестра и в междуречье Днестр — Тилигул уместно датировать 2700–2200 гг. до н.э., не исключая того, что некоторые памятники (Великодолинское, Великозименово) могут относиться к более раннему времени, но тоже в пределах III тысячелетия, согласно надежным датам местной ямной культуры.

Каково же происхождение памятников кеми-обинского типа? Способен ли рассмотренный материал внести что-нибудь новое в решение этой актуальной проблемы? Учитывая характер этих памятников, исследователи совершенно логично пытались в той или иной мере решить данную проблему за счет ближайших «мегалитических» регионов, прежде всего, Кавказа. До сих пор кавказские импульсы считаются «наиреальнейшими при формировании основных черт культуры кеми-обинского населения» (Давня історія, 1997,

с.301). Не осталась незамеченной и другая область мегалитической традиции, представленная культурой шаровидных амфор.

Осторожно высказанное предположение о появлении гробниц ямной общности (кеми-обинский тип в целом) под влиянием культуры шаровидных амфор (Петренко, Тошев, 1990, с.83) сменилось прямой оценкой локального вклада этой культуры (Субботин, 1995, с.196). Так, Л. В. Субботин считает, что в ямной среде юго-запада Украины гробницы — это результат влияний как КША, так и культуры типа Кеми-Обы, но орнаментированные образцы гробниц обязаны своим появлением исключительно Кеми-Обе. С такой постановкой вопроса явно согласна и М. Шмит (Szmyt, 1999, p.152–165). Можно подумать, что где-то существует некий рафинированный кеми-обинский тип, компактно представленный исключительно раскрашенными ящиками. И те, и другие гробницы распространены по территории ямной общности вместе. Наглядный тому пример дает исследованный нами микрорайон: «Солдатская слава» — Катаржино — Великозименово. Но что действительно интересно и важно в связи с КША, так это то, как распределились в пространстве признаки ее присутствия (керамика) относительно ареала гробниц. Оказывается, первые фактически несовместимы со вторыми. Свидетельства связей ямной общности и культуры шаровидных амфор, очевидные и не очень, определенно выделяются в западном, северо-западном и восточном обрамлении кеми-обинского региона (Черняков, Тошев, 1985, с.15; Яровой, 1984, с.70–71; Szmyt, 1999, p.88, fig.27,16). В наличной ситуации черты КША вполне могли сказаться не только в керамике, но и в оформлении некоторых ямных захоронений (в этом отношении как раз интересен такой

«пограничный» объект, как Татарбунары 1/2)⁵⁰. Но в целом, видимо, культура шаровидных амфор непосредственно не причастна к появлению гробниц в ареале ямной общности.

Что касается гипотетического кавказского импульса как основного фактора возникновения памятников кеми-обинского типа, то самая последняя теория прокладывает ему путь через Керченский пролив, а Крым считает первичным очагом их формирования (Давня історія, 1997, с.300–301). На деле Крым представляется до некоторой степени изолированным районом распространения гробниц. Он слабо связан промежуточными памятниками с остальным ареалом (Лобода, Тощев, 2003). Росписи некоторых ящиков носят самобытный характер (полихромия).⁵¹ Учитывая приметные черты не только ямной, но и катакомбной культуры в инвентаре крымских гробниц, о чем говорил еще А. Хойслер, традиция такого рода захоронений могла появиться на полуострове отнюдь не раньше, чем в других местах Украины, а лишь дольше сохраняться в изолирующих условиях географии Крыма. Примечательно, что даже А. А. Щепинский не считал Крым «прародиной» кеми-обинской культуры (Щепинский, 1985, с.336).

Видимо, идея целенаправленного «мегалитического» воздействия, откуда бы оно ни выводилось (Кавказ, Центральная или Восточная Европа), себя исчерпала и происхождение кеми-обинских памятников не проясняет. Необходимо изменить подход и обратить внимание, прежде всего, на местные мегалитические объекты. Это те самые погребальные ящики «нижнемихайловской культуры», которые выделялись в ее заключительный этап и рассматривались как вариант (Телегин, 1971) или, что ближе к истине, включались в исходный «нижнемихайловский» компонент кеми-обинской культуры (Шапошникова, 1985а). Неплохо представлены небольшие ящики с индивидуальными захоронениями на боку, четырехугольные, массивные, сложенные из непропорционально толстых плит в Старогорожено (Шапошникова, Фоменко, Балускин, 1977). Есть и более «легкие» конструкции,

⁵⁰ Для погребальных ящиков кеми-обинской группы не характерен примененный здесь сорт камня, но он присущ гробницам КША (сравнительно тонкий плитняк). Так или иначе, но в Татарбунарах просматриваются лишь «отблески» КША, не более (Szmut, 1999, p.154, 162).

⁵¹ Благодаря А. А. Щепинскому автор этих строк получил возможность ознакомиться с кеми-обинскими памятниками в музейных хранилищах Симферополя и Бахчисарая в 1987–1988 гг.

тоже сравнительно небольших размеров, например в Одесском кургане (погребение 7), и одна плитовая гробница площадью 2,65 × 1 м с коллективным захоронением в Баратовке на Ингульце (Rassamakin, 1996, p.122–128).

Пока таких энеолитических памятников известно немного. Но принципиально важно, что это объекты финального энеолита, как показывают стратиграфические данные и наличие в некоторых из них статуэток серезлиевского типа, что они сосредоточены в Правобережной Украине в «кеми-обинском» ареале. На редкость наглядна стратиграфия Баратовки, курган 1: небольшие ящики и, вероятно, одновременная с ними коллективная гробница занимают промежуточный горизонт между основным энеолитическим погребением (катаржинского типа?) и кеми-обинской гробницей (Rassamakin, 1996, p.120–128). Впрочем, это еще не означает, что можно сомкнуть верхний и нижний хронологические рубежи, соответственно позднего энеолита и памятников кеми-обинского типа.

Вместе с тем, учитывая их достаточно жесткую стратиграфическую связь с ямными захоронениями (как правило, гробницы по очередности первые или, чаще, последние), можно предположить, что именно ареал первичных кеми-обинских погребений соответствует месту наиболее раннего появления памятников кеми-обинского типа. Видимо, в пределах Правобережной Украины степи Южного Буга и Южное Приднестровье имеют в данном отношении некоторый приоритет, поскольку здесь, кроме основных (первых по стратиграфии) гробниц, отмечено еще и повторное использование гробничных плит в ямной культуре (и соответственно представлен их, вероятно, наиболее архаичный вариант — гравированный).

Что касается Крыма, то последняя систематика (Тощев, 2004), как кажется, представила местную «кеми-обинскую культуру» в неоправданно расширенном составе, близком построениям А. А. Щепинского. На наш взгляд, такие объекты как Донское 1/9, Пионерское-95 2/1, Симферопольское водохранилище 6/6 и некоторые другие в предгорной области следует выделить в отдельную группу и поставить в связь с майкопско-новосвободненской общностью (библиографию по памятникам см. в указанной работе Г. Н. Тощева). Именно к этой группе определенно тяготеет эпонимный курган Кеми-Оба и его аналоги (деревянные «ящики»), а также неко-

торые «кеми-обинские» стоянки Крыма (например, энеолитический слой Четвертой стоянки у Симферопольского водохранилища, см.: Столяр, Щепинский, 1980, с.87 и сл.)⁵². Особо следует подчеркнуть наличие захоронений, аналогичных гробницам Старогорожено (Вилино-80, погр.3; Артезиан, погр.5). Для характеристики же крымских гробниц собственно кеми-обинского типа принципиальное значение имеет серийное присутствие керамики, свойственной таким финальным структурам ранней бронзы, как новотитаровская и предкатакомбная группы Кубани в комплексах Угловое, Вилино-80, погр.4 (ср.: Трифонов, 1991, рис.12,4, рис.15,2). Связующим хронологическим звеном между Майкопом и кеми-обинским типом является инвентарь расписной гробницы кургана Курбан-Байрам (Щепинский, 1985, с.334, рис.91; Тошев, 2004, рис.6, 1–5). Но это северный, а не предгорный Крым, где сосредоточен основной массив местных кеми-обинских гробниц.

Определенный вклад в решение вопроса о происхождении кеми-обинских памятников способен внести антропологический материал этой группы захоронений. Черепа из гробниц принадлежали представителям средиземноморского типа древней европейской расы, который в ямной общности компактно представлен только в Крыму и к юго-западу от «кеми-обинского» ареала, в «бужакской» группе ямной культуры (Давня історія, 1997, с.379–381). Такое территориальное распределение может указывать как на исходные области, так и на независимый от них, «третий» источник данного морфологического типа.

Энеолит Степной Украины накануне сложения ямной общности характеризуется ярко выраженной пестротой в типах культуры, о чем уже говорилось на предыдущих страницах. Появление первых серийных захоронений в каменных ящиках (Старогорожено, Баратовка) приходится на период позднейшей культуры Триполья. Трипольский импульс, ранее выразившийся в усатовской культуре, на этом этапе проявился в памятниках животловского типа, своеобразно объединяющих черты Триполья, Майкопа, культур воронковидных кубков и шаровидных амфор (Ковалева, 1991; Rassamakin, 1996). Треть из этих культур, как известно, присущи мегалитические

погребальные сооружения. Выстраивается, образно говоря, «мегалитическая диагональ», на которой гробницы Черноморско-Азовских степей занимают промежуточное место. Коллективная гробница Баратовки, например, рассматривается как комплекс с чертами культуры шаровидных амфор (Szmyt, 1999, р.148–149), но с таким же основанием может ставиться в связь с аналогичными сооружениями новосвободненской группы Майкопа (Резепкин, 1989). На ту же «мегалитическую диагональ» попадает впоследствии и ямная общность с ее памятниками кеми-обинского типа. Культура шаровидных амфор располагается к северу и к западу от их ареала, а к юго-востоку (от Крыма) — дольменная культура. Но именно две первые, КША и ямная общность, совместно разделили территорию, принадлежавшую до них Триполью.

Здесь впору обратить внимание на то, что мы не замечали раньше. Это совершенно определенные параллели между росписями ящичков и керамики культуры Триполье-Кукутень: антропоморфные фигуры, составленные из пар соединенных вершинами треугольников, цепочки силуэтных и контурных треугольников, направленных вершинами вниз, древовидные знаки, кресты и пр. (рис.66). Сопоставлению поддается фактически весь репертуар гробничных фриз.

Казалось бы, что может быть общего между утонченной эстетикой земледельческих традиций (расписная керамика) и грубыми камнями погребальных и культовых сооружений степных скотоводов? Тем не менее, столь же странные, именно «мегалитические» формы принимал «вынос» трипольских сюжетов в Степь и ранее, при «живом» Триполье. Мы достоверно знаем это по монументальным памятникам Усатово (Петренко, 1986; Петренко, 2003, с.143), по изображениям на плитах кромлеха Великоалександровского кургана (Шилов, 1988).

Таким образом, памятники кеми-обинского типа выделяются как сегмент ямной общности, сохранивший в чужеродных для Триполья среде и формах какую-то часть наследия сошедшей с исторической арены трипольской культуры. Исходно это, по-видимому, трипольский компонент. Значение памятников кеми-обинского типа именно и состоит в том, что они дают едва ли не единственную в своем роде (но определенно первую) возможность увидеть культурное наследие Триполья в ямной культурно-исторической общности.

⁵² Заметим, что критики кеми-обинской культуры Щепинского сосредоточились на погребальных комплексах и систематически уклоняются от обсуждения вопроса о «кеми-обинских поселениях».

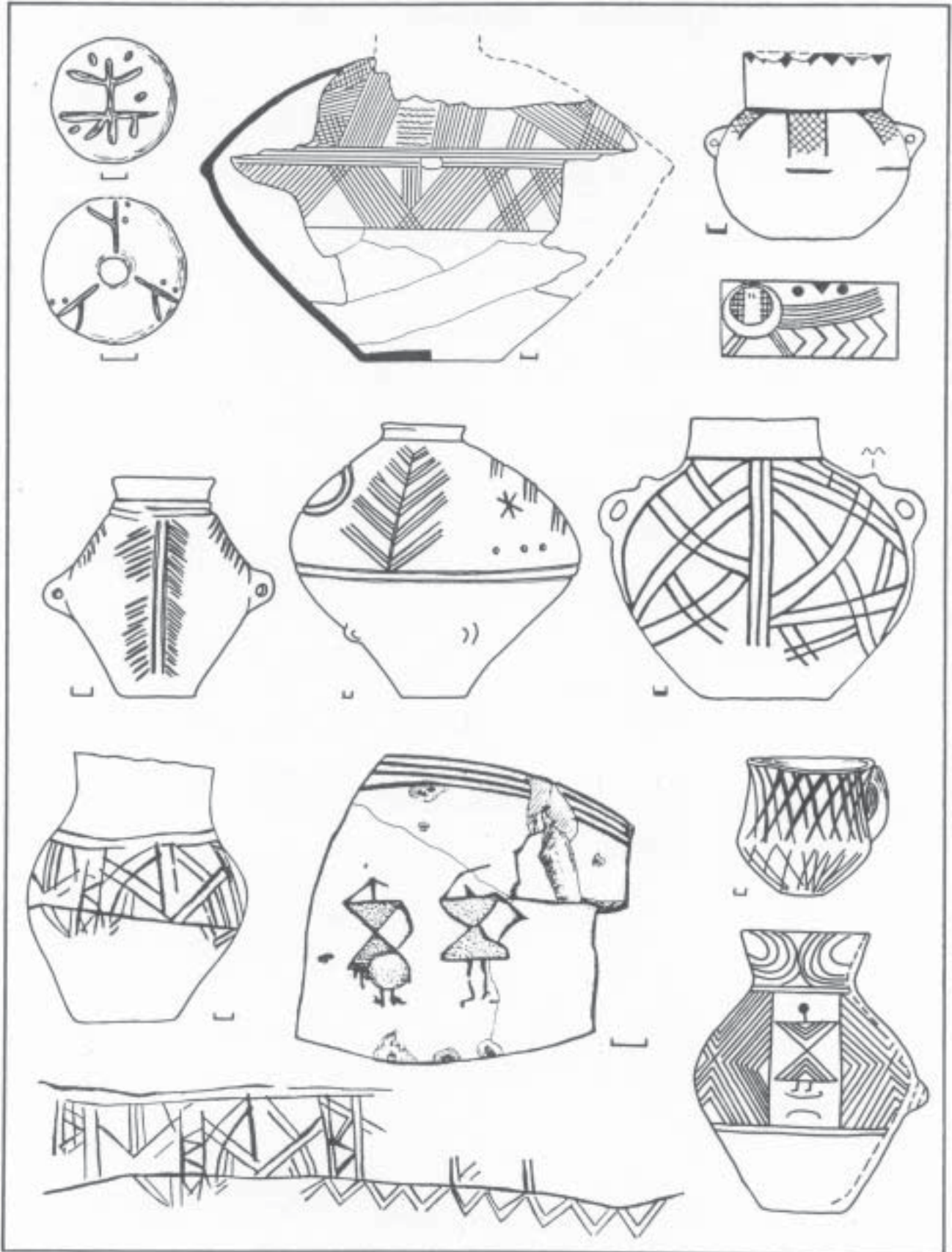

Рисунок 66. Трипольские параллели репертуару кеми-обинских фриз (по материалам С. М. Агульникова, Т. Г. Мовши, Ю. Я. Рассамакина, Т. М. Ткачука, Е. К. Черныш).

КАТАКОМБНАЯ КУЛЬТУРА

Итоги исследования

В монографии публикуются данные о 18 захоронениях катакомбной культуры, раскопанных в междуречье Южного Буга и Днестра. Традиционным для катакомбных комплексов региона является преобладание вытянутого обряда погребения, концентрация захоронений, преимущественно, на периферии курганной насыпи, в южном секторе кургана, расположение их по дуге или по окружности. Эти элементы обрядности проявились и в публикуемых комплексах.

Привлекает внимание сочетание радиальной и круговой ориентации погребенных в кургане 1 у с. Дубиново. В качестве аналога этому редкому варианту планиграфии можно привести курган у с. Новая Долина, также расположенный в междуречье Южного Буга и Днестра (Петренко, Островерхов, Сапожников, 2002). Как правило, погребенных в катакомбах размещали так, что голова умерших находилась слева от входа. В этом плане интерес представляют некоторые из публикуемых захоронений (Дубиново 1/12, Ровово 3/13), с противоположным расположением погребенного, что не часто, но встречается в памятниках Северо-Западного Причерноморья (Субботин, 2000, с.370-371). В курганах выявлены как катакомбы, так и простые могильные ямы овальных или удлинненно-овальных очертаний, ямы с подбоями⁵³.

Основная часть публикуемых в монографии захоронений содержит вытянутые на спине скелеты, обычно соотносимые с ингильской культурой. Лишь в одном случае (Катаржино 1/3) отмечено скорченное, «правобочное», положение скелета, и в одном (Дубиново 1/12) погребенный уложен с наклоном влево. В двух погребениях («Любаша», п. 1, «Солдатская слава», 1/1) умершие расположены в слабоскорченном положении на боку. Эта поза достаточно редка, но все же известна в ареале катакомбной общности (Субботин, 2000, с. 370; Санжаров, 2001, с.77).

Необычным выглядит погребение из Дубиново 1/11. Тем не менее, форма ямы находит прямые аналогии в катакомбных погребениях Поднестровья, с вытянутым положением погребенного. Здесь зафиксированы погребальные камеры прямоугольной формы

с сильно округленными углами (Пуркары 1/37), ромбовидной (Пуркары 1/36), в форме трапеции (Пуркары 1/35) (Яровой, 1990, с. 83, рис.36). В любом случае, можно говорить о сочетании ямных и катакомбных традиций в рамках одного погребального комплекса. Захоронения с подобной позой погребенного (скорченно на спине) составляют 3% от катакомбных комплексов региона (Яровой, 2000), свидетельства, вероятно, о сохранении ямных традиций в катакомбной среде.

Необычен обряд захоронения в погребении 3 кургана 1 у с. Катаржино (мумификация). Грудная клетка умершего была заполнена остатками растительности, а, по-видимому, отчлененная голова была присоединена к туловищу с помощью деревянного стержня. Часть его заходила в полость черепной коробки. Характерно, что умерший был уложен в скорченном положении с наклоном вправо. Здесь уместно остановиться на одном техническом моменте: при фиксации на фотопленку в полевых условиях процесса расчистки захоронения, средняя часть пленки, на которой должны были находиться кадры с погребальной камерой и скелетом, оказалась засвеченной. Для начального процесса расчистки входного колодца, а также для других захоронений кургана подобных аномалий не отмечено. При проведении радиоуглеродного датирования костных остатков в спектре выявился повышенный уровень радиации⁵⁴.

Инвентарь погребений включает в себя сосуды, булаву, кремневые отщепы, астрагалы.

Керамика представлена пятью сосудами.

1. Округлодонная чаша с прочерченным орнаментом из погребения Ровово 3/13, вписываясь в местный керамический комплекс, имеет прямые аналогии в керамике Побужья и Поингуля (Братченко, Шапошникова, 1985). Подобные чаши оформлены чаще всего одним выступом со сквозным горизонтальным отверстием: Новая Долина 3/8 (Петренко, Островерхов, Сапожников, 2002, с. 50, рис.6.2), Пуркары 1/3 (Яровой, 1990, с.46), либо двумя выступами, но с вертикальными отверстиями в них: Траповка 10/1 (Субботин, Островерхов, Дзиговский, 1995, с.56-57, рис.18.3). В погребении у с. Монаши чаша с уплощенным дном имеет два выступа с горизонтальными отверстиями; выступы при этом

⁵³ Не исключена возможность, что часть из них являлась все же катакомбами, с непрослеженными входными колодцами.

⁵⁴ Информация любезно предоставлена Скрипкиным В.В.

имеют иную, грибовидную, форму (Кремер, 1971).

2. Горшок из погребения 8 кургана 1 у с. Дубиново, украшенный косыми насечками в виде «горизонтальной елочка», по своей форме также имеет аналоги в керамике катакомбной культуры Северо-Западного Причерноморья. Однако по характеру орнаментации его можно сопоставить с посудой более восточных регионов, например с сосудом из Северо-Восточного Приазовья: Жданов 1/4 (Санжаров, 2001, с. 84, рис.26,1).

3. Найденный в погребении 11 кургана 1 у с. Дубиново сосуд представляет собой типичную амфору ингульской культуры. Эти амфоры обычно украшены прочерченным орнаментом, составляющим сложные композиции (горизонтальные ряды, треугольники, овалы, полуовалы, круги). На плечиках расположены ручки со сквозными отверстиями. Как правило, амфоры сопровождают погребенных, вытянутых на спине, захороненных в катакомбах с округлым или овальным колодцем. Ареал распространения амфор – Побужье и Поингулье; гораздо реже они встречаются в Среднем Поднепровье, Приазовье, бассейне Северского Донца (Шапошникова, Бочкарев, Шарафутдинова, 1977, с. 31-32). В Северо-Западном Причерноморье до сих пор была известна лишь одна находка подобной амфоры – Баштановка 4/20, при этом погребение совершено не в катакомбе, а в овальной яме (Шмаглий, Черняков, 1970). Совершенно идентичны амфоре из Дубиново сосуды из Ковалевки VI (к.1 п.9; к.2, п.30; к.2. п.31), что неудивительно, учитывая относительно близкое расположение комплексов на правом берегу Южного Буга (Ковпаненко, Гаврилюк, 2002. Рис.4, 14, 15). Захоронения из Ковалевки выполнены в катакомбах, скелеты в них вытянуты на спине. Характерно, что дно сосуда из погребения 31 кургана 2 из Ковалевки, также как и на амфоре из Дубиново, орнаментировано двумя перекрещивающимися врезными линиями⁵⁵. Дно амфоры из погребения 9 кургана 1 из Ковалевки украшено двумя окружностями. Этот яркий и выразительный тип керамики может выступать маркером движения носителей катакомбной культуры как в ареале Побужья, так и на других территориях. Сходного типа сосуд, но без ушек, найден в погребении Соколовка 2/6 на Ингу-

⁵⁵ Характерно, что сходные знаки на майкопской керамике трактуются как метки гончаров (Корневский, 2004, с. 37-38).

ле (Шарафутдинова, 1972), на правом берегу Днепра (Августиновка 7/6), в парном захоронении, при вытянутых на спине скелетах (Ляшко, 2002, с. 86, рис.12,4). Можно отметить и амфору из Северо-Восточного Приазовья, также из захоронения с вытянутым скелетом Бурлацкое 3/4 (Санжаров, 2001, с. 83-84, рис.26,4). Вписываясь в круг аналогичных погребальных комплексов, погребение из Дубиново отлично от них скорченным на спине положением умершего.

4. Сосуд из погребения Великозименово 1/3 имеет приземистую, банковидную форму. Край венчика плоский и слегка загнутый внутрь, стенки заглажены и отчасти вылощены. Узор на корпусе состоит из прочерченного зигзага и. клиновидных углублений, на венчике расположены насечки.

5. Сосуд из Великозименово 1/4, горшковидной формы с короткой шейкой и отогнутым наружу венчиком. Поверхность заглажена и орнаментирована отпечатками гребчатого штампа с квадратными в сечении зубьями. Узор состоит из 8 горизонтальных рядов “елочного” рисунка с белой инкрустацией. На западе степного Причерноморья такие сосуды не встречались, но известны в южнобугских погребениях ямной культуры (Шапошникова, Фоменко, Довженко, 1986, рис.37,1, 59,13) Сходные композиции зафиксированы на керамике из ранних катакомб Поднепровья и Подонья (Ковалева, 1982, рис.4,1; Братченко, 1976, с. 33; Братченко, 2003, с. 166, рис.3; Болтрик, Левченко, Фиалко, 1991, с.80, рис.13, 7; Прокофьев, 2002, с.119, рис.10, 5).

Из других артефактов следует отметить каменную булаву и четыре отщепы (лишь на одном из них имелась ретушь).

Найденная в погребении 12 кургана 1 у с. Дубиново булава, относится к числу редких артефактов в ареале Северо-Западного Причерноморья. Кроме этого захоронения, к западу от Южного Буга известно всего два случая находок булав: Корпач 3/7 и Холбока, п. 9 (Тощев, 2002, с.100). Погребение из Дубиново отличалось от них как формой булав, так и обрядом. Скелет в нем лежал с наклоном на левый бок (в противоположность первым двум, с вытянутым обрядом погребения). В то же время булава в нем имела не округлую, а боковидную форму. Эта категория находок лучше известна на востоке, в комплексах ингульской, днепро-азовской, донецкой культур (Братченко, Шапошникова, 1985, с. 413-415; Кравец. 2001, с. 43).

Уникальным является погребение жеребенка возрастом до 1 года во входном колодце катакомбного захоронения. Полных аналогий подобному комплексу нет. В Северо-Западном Причерноморье известен лишь один случай захоронения коня (погребение 43 кургана у с. Глиное в Нижнем Поднестровье). В отличие от кургана «Любаша», в Глином конь был захоронен в погребальной камере (Яровой, Четвериков, 1996, с.46-49).

Радиоуглеродное датирование

До настоящего времени в регионе (да и во всем Северо-Западном Причерноморье) имелась всего одна дата для катакомбной культуры, сделанная на основании анализа захоронения 12 кургана 1 у с. Маяки, раскопки 1982 г (Ле-2331): 3590 ± 50 ВР (1640 ± 50 вс), или 2033-1779 ВС (Субботин, 2000, с. 376)⁵⁶.

В Киевской радиоуглеродной лаборатории был произведен анализ костных остатков из семи погребальных комплексов катакомбной культуры, публикуемых в данной монографии, и одного (Старые Беляры 1/33) из раскопок предыдущих лет одного из соавторов (Петренко, 1991). Для захоронения Катаржино 1/3 анализ производился дважды, т.к. ввиду повышенного радиационного фона первоначальная дата оказалась омоложенной (Ki-11206). Для исследования отбирались комплексы, сопровождающиеся инвентарем, имеющие особенности в ритуале, включающие в себя разные позы умершего (вытянутые на спине, скорченные на спине, скорченные на боку). Получена дата и для захоронения жеребенка.

Катакомбные захоронения междуречья Южного Буга и Днестра, характеризующиеся различными обрядовыми признаками, занимают довольно близкие хронологические позиции. Согласно хронологии В.А. Трифонова, по данным радиоуглеродного датирования, на период 2500-2200 до Р.Х. приходится распространение в Причерноморских степях различных катакомбных культур (Трифонов, 2001, с. 80), что вполне соответствует полученным датам. Конечно, имеющаяся в нашем распоряжении серия дат для памятников региона недостаточна для широких выводов общего характера. Кроме того, перед археологами всегда стоит задача установления степени досто-

⁵⁶ Погребальное сооружение представляло собой катакомбу с округлым входным колодецем, умерший был уложен скорченно с разворотом вправо, сопровождался деревянным сосудом и кремневым отщепом (Черняков, Добролюбовский, Дзиговский, Островерхов, 1982).

верности дат, возможности их верификации (Николова, 2001). Тем не менее, предварительная интерпретация полученных данных вполне уместна.

Результаты анализов подтвердили выявленную Е.В. Яровым (Яровой, 2000) одновременность захоронений с вытянутыми и скорченными скелетами в рамках региона. Особенно показательны в этом плане погребения 8 (вытянут на спине) и 12 (скорчен с наклоном влево) из кургана 1 у с. Дубиново, расположенные рядом и, согласно имеющимся датам, относительно одновременные. Захоронение 11 того же кургана отличается редкой позой умершего (скорчен на спине), расположением в другом секторе кургана. Оно оказалось и моложе остальных катакомбных погребений кургана. Обращает на себя внимание тот факт, что погребение ингульской культуры с чашей (Ревова 3/13) и захоронение, сопровождающееся горшком с насечками (Дубиново 1/8) синхронны. При этом они древнее комплекса Дубиново 1/11, в котором была найдена амфора.

Катакомба со ступенчатым пандусом и сосудом, имеющим аналоги на левобережье Днестра и Подонье (Великозименово 1/4), по всем параметрам сопоставимая с раннедонецкими комплексами (Братченко, 2001), оказалась синхронной другим катакомбным памятникам региона. Это подтвердило предположение С.Н. Братченко о том, что ранние формы катакомб появляются на западе несколько позже, чем на востоке, в среднекатакомбный период (Братченко, 2001, с. 38).

Практически синхронно комплексу из Великозименово погребение 33 кургана 1 у с. Старые Беляры. Скелет в нем расположен вытянуто на спине, в погребальном инвентаре находились два сосуда. Один из них представлял собой небольшую чашечку, а второй, с биконическим корпусом, был пышно ornamentирован резным орнаментом.

При дальнейшем накоплении банка данных C14, такого рода комплексы вполне могли бы стать хронологическими реперами и послужить основой для разработки хронологических этапов ингульской культуры региона.

Захоронение 17 из кургана «Любаша», содержащее скелет жеребенка во входном колодце, не имеет аналогов, но тем не менее получение для него радиоуглеродной даты имеет определенное значение.

№	Памятник	Индекс	BP	BC/AD (1 сигма)
1	Ревово 3/13	Ki-11172	3940 ± 60	2495-2341
2	Дубиново 1/8	Ki-11200	3940 ± 70	2575-2349
3	Дубиново 1/12	Ki-11203	3900 ± 80	2471-2207
4	«Любаша», п. 17	Ki-11217	3890 ± 60	2495-2341
5	Катаржино 1/3	Ki-11250	3890 ± 60	2463-2297
5a	Катаржино 1/3	Ki-11206	3300 ± 100	1685-1455
6	Старые Беляры 1/33	Ki-11208	3810 ± 80	2427-2071
7	Великозименово 1/4	Ki-11210	3780 ± 70	2327-2041
8	Дубиново 1/11	Ki-11202	3720 ± 70	2267-1981

Представительная серия анализов захоронений ямной и катакомбной культур, проведенных также по костям погребенных, имеется в Поднепровье (Nikolova, 1999; Kaiser, 1999; Szmyt, 1999). К тому же и они сделаны в Киевской лаборатории. Эти факты делает вполне корректным сопоставление дат двух регионов. В Поднепровье катакомбные погребения укладываются в диапазон от 3835 ± 40 до 3620 ± 55 BP; или в калиброванных интервалах от 2390-2220 до 2080-1910 BC. Памятники двух регионов практически синхронны. При этом даты, полученные для разных обрядовых групп в Поднепровье (со скорченными и вытянутыми погребенными), как и в междуречье Южного Буга и Днестра, совпадают между собой (Николова, 2001, с.105).

В заключение отметим, что наиболее поздние даты катакомбной культуры региона смыкаются с датами сменившей ее культуры многоваликовой керамики.

Культурно-хронологическая характеристика памятников катакомбной культуры междуречья Южного Буга и Днестра

Катакомбная культура в междуречье Южного Буга и Днестра представлена, в основном, захоронениями⁵⁷. Исследователи отмечают единичные случаи нахождения катакомбной керамики на многослойных поселениях (Тошев, 1991). В любом случае эти данные несопоставимы с находками более сотни поселений и летовок на левом берегу Южного Буга (Никитин, 1990). Отсутствие поселений в нашем регионе чаще всего объясняется непродолжительным обитанием здесь носителей катакомбной культуры. Однако следует иметь в виду, что трансгрессия Чер-

⁵⁷ В подавляющем большинстве катакомбные племена использовали курганы предшествующего населения, с катакомбной культурой связано строительство лишь одного кургана (Тирасполь, курган 5). Еще несколько курганов известно к западу от Днестра.

ного моря и изменение геоморфологической ситуации привели к исчезновению многих памятников эпохи бронзы. Есть археологические свидетельства более низкого уровня моря, чем теперь, в эпоху катакомбной общности (Бруяко, Карпов, Петренко, 1991, с. 10). На это указывает открытие затопленного катакомбного поселения вблизи острова Орлов на Ягорлыцком лимане (Охотников, Островерхов, 1991, с. 21). Тем не менее, основным источником наших сведений о катакомбной культуре на сегодняшний день остаются курганы⁵⁸. Впрочем, не так давно летовка катакомбной культуры была обнаружена в Нижнем Поднепровье, вблизи с. Маяки (Петренко, 2002).

В рассматриваемом регионе памятники катакомбной культуры представлены разными обрядовыми традициями (рис.67). Как и во всем Северо-Западном Причерноморье, здесь преобладают захоронения с вытянутыми на спине костяками⁵⁹. С ними же, видимо, сопоставимы вытянутые или слабоскорченные погребения с наклоном набок. Менее представительны иные варианты, с погребенными, скорченными на правом, левом боку или скорченно на спине.

Основные типы погребальных сооружений представлены катакомбами, простыми ямами и ямами с подбоем; преобладают захоронения в катакомбах. Среди катакомб наиболее распространены камеры овальных очертаний, с округлым или овальным входным колодцем, который сопрягается с погребальной камерой непосредственно или с помощью дромоса. При этом вход в катакомбу может быть отгорожен каменной плитой, оформлен ступенькой. В камерах погребенные располо-

⁵⁸ Существующая точка зрения о наличии грунтовых могил (Тошев, 1991; Яровой, 2000; Субботин, 2000) оспаривается другими исследователями (Отрошенко, 2001).

⁵⁹ С различными подвариантами, основанными на положении рук или ног.

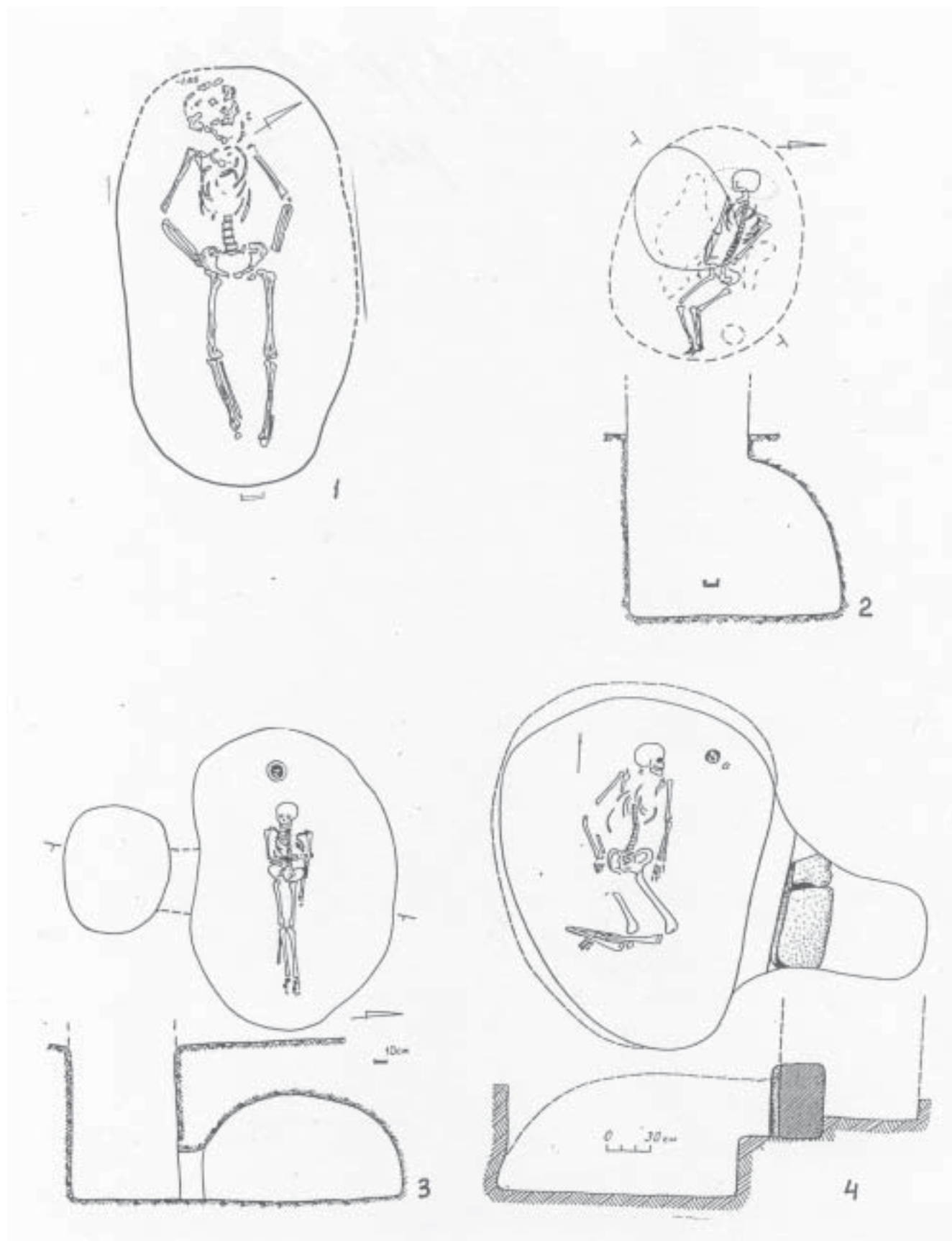

Рисунок 67. Погребения катакомбной культуры: 1 – Редова 3/5; 2 – Старые Беляры 1/3; 3 – Старые Беляры 1/20; 4 – Дубиново 1/12.

жены, преимущественно, вытянуто на спине с различными вариациями. Иная форма колодца (прямоугольный, трапециевидный) или погребальной камеры (прямоугольная, иных очертаний) чаще всего связаны с умершими, уложенными на боку или с наклоном набок. Как правило, «вытянутые» и «скорченные» захоронения исследователи соотносят с различными катакомбными культурами, в основной своей массе — с ингульским и донецким массивами (Яровой, 2000). Все же лишь часть погребений со скорченными скелетами можно достоверно отнести к донецкой катакомбной культуре. На их культурную принадлежность в этих случаях указывает керамика донецкого облика (например, могильники Тецканы и Безеда на севере Республики Молдова). Известны погребения и носителей иных культурных традиций. Так, на правом берегу Днестровского лимана расположены захоронения манычской катакомбной культуры (Семеновка 9/1); на левобережье Днестра (Каменка 3/5) найден нож манычского типа. Часть погребений со скорченными (на боку и спине) скелетами, на наш взгляд, оставлено ямным населением, воспринявшим катакомбные культурные традиции. Безусловно, их следует относить к катакомбной культуре, но корни их местные, не имеющие отношения к ареалу донецкой культуры. Об этом свидетельствуют, в частности, данные антропологии (Сегада, 2000а).

Вопрос о синхронности вытянутых и скорченных катакомбных погребений не решен окончательно, несмотря на оживленные научные дискуссии. С одной стороны, существует точка зрения об одновременности этих двух групп захоронений как в Северо-Западном Причерноморье (Яровой, 2000), так и во всем ареале катакомбных культур (Пустовалов, 1995, 2000). С.Н. Братченко приходит к выводу о синхронности и взаимосвязанности процесса формирования культур катакомбного времени в рамках единого очага культурогенеза, который он помещает в Приазовье (Братченко, 2001, с. 63, 73). С другой стороны, рядом исследователей отмечается поздний характер погребений с вытянутыми костяками (Тошев, 1991; Николова, Черных, 1997). Дискутируется и вопрос о хронологическом соотношении ямных и катакомбных памятников, возможности культурных контактов. Предполагается как одновременное сосуществование носителей позднейших и катакомбных традиций (Сафронов, 1979; Пу-

ствалов, 1998, Кияшко А.В., 1998; Гей, 1999 и др), так и кратковременные контакты позднейшего и раннекатакомбного населения на некоторых территориях (Братченко, 2001, с. 62; Николова, Черных, 1997, с. 108; Отрощенко, 2001, с.19). Причем все эти вопросы оказываются взаимосвязанными.

Погребения с вытянутыми на спине костяками (к западу от Днепра) традиционно соотносят с ингульской культурой, выделенной О.Г. Шапошниковой (Шапошникова и др., 1977). Для погребального обряда характерны округлой формы колодцы, овальные камеры, вытянутое положение костяков, специфическая керамика, своеобразная ее орнаментация⁶⁰. К концу 70-х годов прошлого века проявилась тенденция объединить все памятники с вытянутыми на спине костяками в единый позднекатакомбный горизонт (Сафронов, 1979; Тошев, 1981, Дергачев, 1983). Для обозначения позднекатакомбного горизонта несколько позже было предложено название «северо-причерноморская культура» (Гей, 1986). И.Ф. Ковалева считает, что правильнее говорить не о единой культуре, а о совокупности локальных культур, общим признаком которых является форма камеры и входного колодца, положение умерших вытянуто на спине, определенные черты обряда и инвентаря. (Ковалева, 1990, с. 23.).

Последовательность подкурганых захоронений, в целом, отражает последовательность смены ямной культуры катакомбной (Субботин, Черняков, Ядвичук, 1976). Отмечаемые ранее единичные случаи «переменной стратиграфии» получили иную, вполне убедительную трактовку (Отрощенко, 2001, с. 33; Субботин, 2000, с. 375). Тем не менее, имеется сходство в материальной культуре и элементах погребального ритуала некоторых разнотипных комплексов. При явно неоднозначной ситуации ведутся поиски однозначного решения проблемы.

Так, Г.Н. Тошев полагает возможность «чересполосного» сосуществования племен ямной и катакомбной культуры в Северо-Западном Причерноморье (Тошев, 1979; 1982; 1991; 1998). Автор считает, что имеющиеся материалы указывают не на смену одной культуры другой, а об их территориальном сосуществовании на определенном отрезке време-

⁶⁰ Впрочем, не все исследователи согласны с данной таксономией и выделяют не культуру, а ингульский тип памятников (Братченко, 2001, с. 73; Санжаров, 2001, с. 71), что также послужило объектом дискуссии (Пустовалов, 1999).

ни⁶¹. В могилах двух культур встречены сопоставимые формы сосудов и некоторых других артефактов, сходные черты ритуала (Тосцев, 1998). Длительные, почти двухсотлетние контакты ямных и катакомбных племен, проявившиеся в сходстве материальной культуры, предполагает Л.В. Субботин (Субботин, 1993, с. 16; 2000, с.376). Е.В. Яровой приходит к выводу, что постепенно ямные племена были ассимилированы и подверглись культурной трансформации со стороны племен катакомбной культуры (Яровой, 1985). В то же время, предполагая совместное сосуществование ямной и катакомбной культур, В.А. Дергачев, напротив, указывает на вероятность ассимиляции катакомбного населения ямными племенами (Дергачев, 1986, с.110). И.Т. Черняков указывает, что распространение катакомбной культуры на запад сопровождалось ассимиляцией ямной культурно-исторической общности, созданием новых катакомбных культур типа ингульской. В Северо-Западном Причерноморье, на его взгляд, памятники буджакской культуры сохраняются, но в их массив вклиниваются катакомбные. (Черняков, 1996, с. 59).

Рассматривая вопросы хронологического членения памятников катакомбной культуры Северо-Западного Причерноморья, Г.Н. Тощев отмечает, что погребения со скорченными на боку костяками следует рассматривать как более ранние по отношению к катакомбам с вытянутыми скелетами (Тощев, 1982, с.11). Однако Е.В. Яровой полагает, что данные планиграфии и стратиграфии свидетельствуют об одновременности в Северо-Западном Причерноморье погребений со скорченным и вытянутым обрядом захоронения (Яровой, 2000). При этом лишь Г.Н. Тощев считает памятники региона столь своеобразными, что их следует выделять в отдельную «одесскую» группу (Тощев, 1991, с.109). Более традиционна точка зрения, что они не выделяются из собственно западного ареала катакомбной культуры, хотя и отмечается их своеобразие (Дергачев, 1986, с. 107; Субботин, 2000, с.376).

Сосуды из захоронений катакомбной культуры довольно разнообразны (рис.68, 1-7). Керамический комплекс погребений с вытянутыми костяками представлен реповидными

сосудами, горшками различных типов. Реже встречаются биконические сосуды, характерные орнаментированные чаши, миски. Некоторые формы представлены незначительным количеством или даже единичными экземплярами (кувшины, амфоры т.н. ингульского типа).

Наиболее многочисленную группу составляют различные варианты горшков. Отдельные экземпляры украшены в верхней части насечками. Узкогорлые горшки с шаровидным туловом имеют прямой или чуть отогнутый край венчика. К этому варианту относятся и округлотелые сосуды без выделенной шейки. Менее представлены приземистые широкогорлые горшки с плавным изгибом тулова. Некоторые сосуды имеют банковидные и кубковидные формы.

Найденные в захоронениях чаши и миски различны по форме и орнаментальным мотивам, края венчика прямые или слегка загнуты вовнутрь. Среди них имеются экземпляры с плоским и сферическим дном, некоторые с одиночными или двойными ручками-ушками с отверстиями. Небольшие чаши, приземистые, различные по величине, отдельные экземпляры имеют налепы с вертикальными проколами, орнамент отсутствует. Края венчиков прямые или чуть загнуты вовнутрь.

Орнаментированы сосуды как в прочерченной технике, так и оттисками шнура, насечками, наколами, вдавлениями. Орнаментальные схемы имеют аналоги в памятниках междуречья Днестра и Южного Буга, степного Буджака.

В захоронениях со скорченными костяками керамика представлена горшками различных форм, чашами, амфорками. В керамическом комплексе погребений со скорченными на спине умершими — горшки, чаша, амфора. Единичны находки остатков деревянных сосудов (Маяки-1982, 1/12,), при «правобочном» погребенном (Черняков, Добролюбский, Дзиговский, Островерхов, 1982).

В погребениях катакомбной культуры, кроме посуды, найдены оружие, орудия труда, украшения.

Среди оружия особенно выразительна группа каменных шлифованных топоров, которых в Северо-Западном Причерноморье известно около 30. Основная их часть сосредоточена в низовьях Днестра и приморской части междуречья Днестра и Дуная (наиболее изученных зонах); некоторые из них орнамен-

⁶¹ В.В. Отрошенко полагает, что чересполосное сосуществование памятников ямной и катакомбной культуры в Северо-Западном Причерноморье еще не означает их синхронности (Отрошенко, 2001, с. 19).

тированы (рис.68, 9,10). Большинство топоров было найдено в захоронениях с вытянутыми на спине костяками. В погребениях, где умершие скорчены на боку, эта категория изделий встречается реже. Близкие аналогии орнаментированным топорам можно найти в ингильских захоронениях к востоку от Южного Буга. Из камня изготавливались и булавы (рис.68, 8). Исследователями высказаны две точки зрения о назначении булав у степных скотоводов: по одной из них булавы были знаками власти (Даниленко, 1974, с. 97), другая не исключает того, что булавы использовались как оружие (Кравец, 1993, с. 37-38). Кремневые наконечники стрел с выемкой в основании считаются традиционными для носителей катакомбной культуры. Впрочем, этот тип наконечников известен и в других культурах бронзового века Причерноморских степей. К тому же типично катакомбные наконечники, с арочной выемкой в основании, в рассматриваемом регионе практически отсутствуют.

Погребения с оружием в инвентаре концентрируются в низовьях Днестра и правобережной части Буджака. В междуречье Южного Буга и Днестра можно отметить наличие лишь 7 комплексов, из 35, известных в Северо-Западном Причерноморье (Тощев, 2000). Погребение Дубиново 1/12 дополняет этот список. Характерно, что именно с «левобочными» погребениями связано большинство находок оружия в группе скорченных захоронений. Отметим, что оба из известных бронзовых ножей в ареале Северо-Западного Причерноморья, найдены именно на левом берегу Днестра (Каменка 3/5, Тирасполь - 83, п.1, рис.68, 11). В эпоху бронзы, при относительной редкости и ценности металла, ножи могли быть полифункциональны, выступая и в качестве оружия, и как орудие труда.

Остальные находки немногочисленны и встречается в погребениях разных типов. В группе орудий труда известны каменные растиральники, зернотерки, песты, «наковаленки», кремневые вкладыши, ножи, скребки. Встречаются костяные иглы, проколки, острия, скобели, лощила. Украшения изготавливались из кости и бронзы: подвески из зубов животных, бронзовые трубчатые пронизи. Изредка находят в захоронениях кости животных. Лишь в одном захоронении (Новая долина 1/12) найдена серебряная спиралевидная подвеска.

В целом, погребальный инвентарь катакомбных захоронений региона вполне вписы-

вается в круг катакомбных древностей, известных как к востоку, так и к западу от междуречья Южного Буга и Днестра. Некоторые (неординарные) черты ритуала тяготеют к востоку. Так, погребения с т.н. «охристо-глиняными масками», найденные в Ясском могильнике, известны в Приазовье, Поднепровье, реже — в Побужье и Поингулье (Алексеева, 1994, с. 103-105). Уникальный кубок из погребений 12 кургана 1 у с. Новая Долина находит близкие аналогии на поселениях типа Перун (Петренко, Островерхов, Сапожников, 2002, с. 61-62). Единичные находки керамики типа Перун известны и в Побужье (Фоменко, 1990). Аналогии сосуду из Великозименово 1/4, украшенного елочным орнаментом, имеются в памятниках катакомбной культуры Поднепровья и Подонья (Братченко, 1976, с. 33; Братченко, 2003, с. 166, рис.3; Болтрик, Левченко, Фиалко, 1991, с.80, рис.13, 7; Прокофьев, 2002, с.119, рис.10, 5). Черенковый нож с раскованным окончанием клинка из коллективного погребения Каменка 3/5 (Манзура, Клочко, Савва, 1992) сходен с артефактами развитого этапа маньчской катакомбной культуры (Клочко, 1990, с. 30)

Проникновение катакомбных племен в междуречье Южного Буга и Днестра фиксируется, по-видимому, уже на ранних этапах культуры. Наиболее ранние катакомбные импульсы связали Северо-Западное Причерноморье не с близлежащим Побужьем, а с довольно отдаленным Подоньем, а также с Поднепровьем. Об этом свидетельствуют, к примеру, находки глиняных воронок в ямных захоронениях у с. Новоградовка (Ветчинникова, 1988). Они известны как в катакомбных погребениях Подонья (Братченко, 1976), так и в ямных захоронениях Калмыкии (могильник Цаца). Найдены они и в раннекатакомбных погребениях Правобережья Днепра, близ г. Орджоникидзе⁶².

Собственно, раннекатакомбные памятники, по мнению С.Н. Братченко, на территории Северо-Западного Причерноморья единичны (Братченко, 2001, с. 61). Немногочисленная группа захоронений, вероятно, соотносимых с донецкой культурой, раскопана в кургане у с. Старые Беяры, на берегу Григорьевского лимана. В них прослежен прямоугольный входной колодец, наклонный, в виде пандуса, дромос, скорченное на боку положение скелета. Эти черты вполне соответствуют ранним этапам донецкой катаком-

⁶² Информация любезно предоставлена А.В. Николовой.

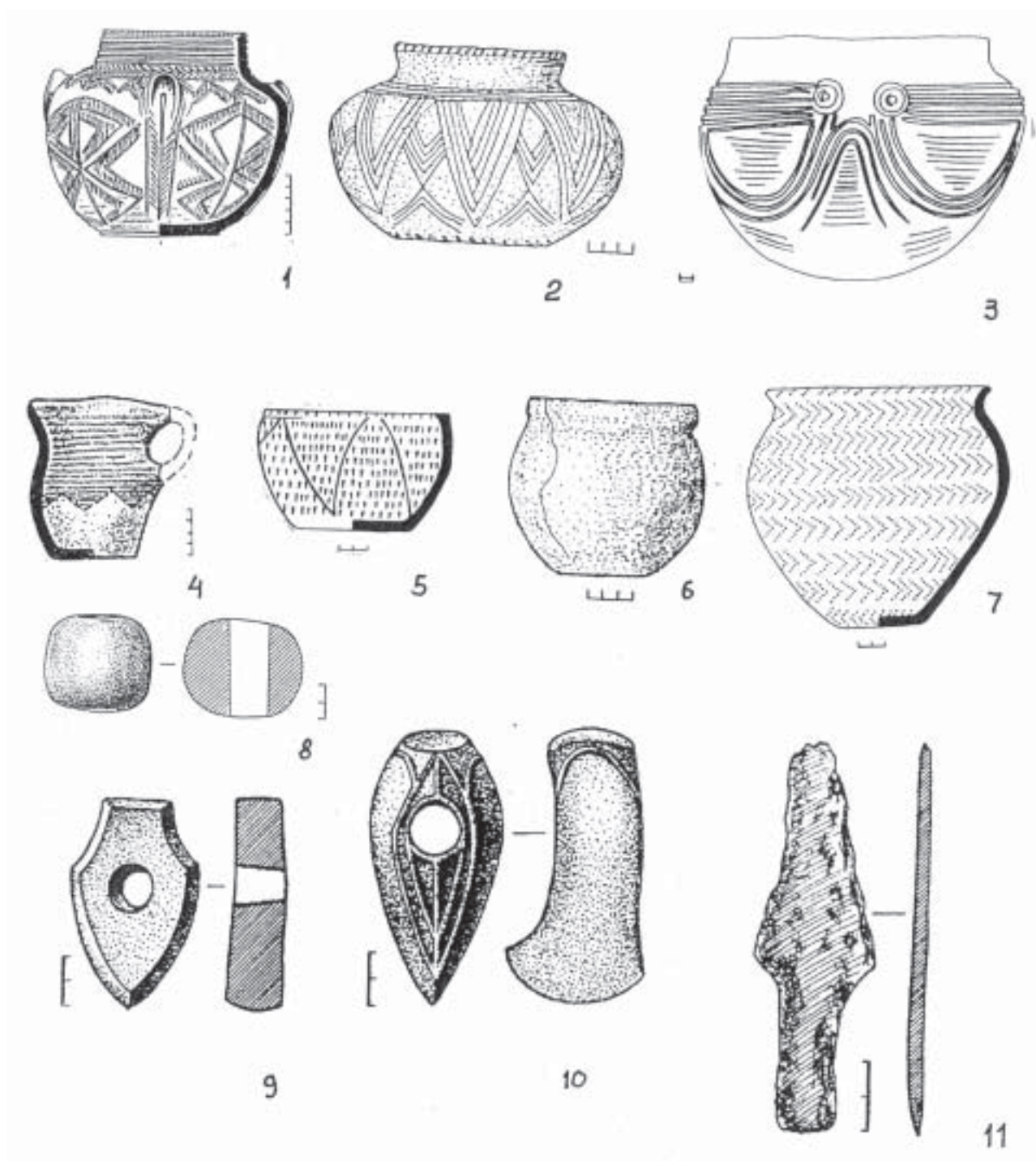

Рисунок 68. Инвентарь погребений катакомбной культуры: 1 – Дубиново 1/11; 2 – Глиное 1/43; 3 – Рєвова 3/13; 4 – Великодолинское 2/5; 5 – Великозимоново 1/3; 6 – Глиное 1/43; 7 – Великозимоново 1/4; 8 – Дубиново 1/12. каменная булава; 9 – Надлиманское 9/20, каменный топор; 10 – Тирасполь-83, п.1, каменный топор; 11 – Тирасполь-83, п.3, бронзовый нож.

бной культуры (Братченко, 2001). Серия ранних захоронений (в катакомбах с прямоугольными входными колодцами), где погребенные уложены, преимущественно, с наклоном влево или вправо, сопровождавшиеся керамикой донецкого облика, найдены в лесостепной зоне Республики Молдова, на левобережье Среднего Прута (Яровой, 1990а, 1990б). Судя по географическому положению ранних захоронений, можно выделить два пути, отражающие катакомбные перемещения в западном направлении. Один из них связан с лесостепным «коридором», по которому донецкие племена достигли р. Прут в ее среднем течении. Предположительно в этом регионе, на втором этапе раннего бронзового века (период ЕВА II), носители катакомбной культуры переправлялись на правый берег, оставив крайне немногочисленные следы своего пребывания на территории Румынии (Burtvnescu, 1996). Другой путь связан с прибрежной зоной (курган у с. Старые Беляры).

В погребениях катакомбной культуры известны находки ямных сосудов. Это — банка на кольцевом поддоне в захоронении 31 кургана 17 у с. Вишневое (Дворянинов, Дзиговский, Субботин, 1985, с. 156, рис.9,7), амфорка с двумя ручками в захоронении 4 кургана 2 у с. Лиман (Субботин, Тощев, 2002, с. 87, рис.20, 2), округлодонный сосуд в погребении 12 кургана 5 у с. Яски (Алексеева, 1976), кувшин ямного облика (рис.68, 4) в захоронении 5 кургана 2 у с. Великодолинское (Субботин, Черняков, Ядвичук, 1976) и др. В первом случае можно отметить скорченное на правом боку (спиной ко входу) положение погребенного, во втором — расчленение, не характерное для носителей катакомбной культуры. Катакомбные каноны в этих случаях не соблюдены. По всей вероятности, это указывает на ранний характер данных комплексов. Отличны от стандартов те погребальные комплексы, где в овальной катакомбе с округлым входным колодцем захоронены умершие по традициям ямного погребального ритуала (скорченно на спине, с наклоном вправо, влево). Часть из них совершена не в катакомбах, а в простых ямах или ямах с подбоями. На наш взгляд, эти данные, скорее всего, свидетельствуют не только о присутствии в регионе носителей донецкой катакомбной культуры, но и о восприятии ямными племенами катакомбного обряда захоронения (при сохранении ямных традиций в расположении погребенного). Индивидуальные и коллективные погребения,

где умершие захоронены в катакомбах в различных вариантах (скорченно на спине, на правом и левом боку) отражают переход какой-то части ямного населения к новой мировоззренческой схеме, к новой идее погребального сооружения — катакомбе. Этот же процесс отражен и в тех немногих индивидуальных погребениях, выполненных в катакомбах, но сопровождающихся ямным инвентарем⁶³. Этот вывод подтверждается и антропологическими данными, которые указывают на наличие ямного компонента в катакомбной среде Северо-Западного Причерноморья (Круц, 1997; Сегада, 2000а, с.103-107; Сегада, 2000, с. 258-259). При этом отмечается, что все «раннекатакомбные» (со скорченными костяками) группы и позднеямная («буджакская») очень сходны между собой. «Ингульцы» же приносят с собой вытянутый обряд погребения и иной антропологический тип, продвижение которого фиксируется довольно четко. С.И. Круц (Круц, 1997) проследживает движение населения из Калмыкии через Дон, в район Самарско-Орельского междуречья, к Игреньской переправе, затем в междуречье Ингула и Буга.

Переход населения к новым погребальным канонам происходит повсеместно (Отрошенко, 2001, с. 19). При этом различные районы имели свои особенности и свои хронологические рамки этого процесса. Повидимому, в Северо-Западном Причерноморье ямное население первоначально не воспринимает идею катакомбы в целом; появляются единичные могильные сооружения, механически сочетающие в себе черты типично ямного захоронения и катакомбы. Естественно, что на мировоззренческом уровне эти идеи оказались несовместимы. Катакомбный импульс в таких ситуациях приводит к созданию необычных синкретических комплексов. К таковым, к примеру, можно отнести погребение 3 кургана 1 у с. Щербанка, на левом берегу р. Кучурган. Характерно, что погребение занимало четкую стратиграфическую позицию между двумя группами захоронений ямной культуры; с ним связана локальная досыпка кургана. Захоронение представляло собой могильную яму традиционных для ямной культуры очертаний (прямоугольная с закругленными углами), пере-

⁶³ Смешанные комплексы ямно-катакомбного типа, известные в других регионах, в Северо-Западном Причерноморье, практически отсутствуют. Ямный социум региона вплоть до своего финала оказался замкнутым и устойчивым к инокультурным влияниям.

крытую трапециевидной плитой ракушечника со следами обтесывания. Погребенный лежал в скорченном положении на спине, сильно окрашен охрой. К северному углу погребальной камеры примыкал входной колодец грушевидных очертаний; ровное его дно двумя ступенями уходило в могилу (Бейлекчи, 1993, с. 62-63). Можно было бы думать о случайности подобной конструкции, неодновременности двух ям и т.п. Однако однотипный памятник известен и в междуречье Днепра и Южного Буга. Это неопубликованный комплекс Виноградный сад 1/8 (Шапошникова и др., 1986). В трапециевидной погребальной камере умерший был расположен скорченно на спине с наклоном вправо. Могила была перекрыта тремя известняковыми плитами, щели между ними были замазаны глиной. К северному углу погребальной камеры примыкал входной колодец, соединявшийся с камерой ступенькой; отверстие в камере закрыто вертикально стоящей каменной плитой. В отличие от катакомбных захоронений, в этих комплексах колодец не имел никакого функционального значения.

Еще более необычно погребение 18 кургана 1 могильника Тараклия, определенное авторами раскопок как ямно-катакомбного времени (Агульников, Савва, 1986, с. 41, рис.4,1). Погребальный комплекс имел сложную конструкцию. Уступ представлял собой яму антропоморфных очертаний, напоминавшую стелу с головным выступом. В центральной его части была расположена погребальная камера прямоугольной формы, к длинной стороне которой примыкал входной колодец. Скелет лежал скорченно на спине, головой на юг, с вытянутыми вдоль туловища руками и ногами, упавшими влево.

С другой стороны, намечается попытка включить идею склепа, заложенную в катакомбе, в ямный погребальный обряд. Так, по мнению автора раскопок, захоронение из Семеновки, 2/3 (правый берег Днестровского лимана) является, скорее всего, семейным склепом, захоронения в котором, судя по неоднородности перекрытия, производились дважды или трижды. При этом в захоронении наблюдается сочетание различных вариантов захоронения умершего (Субботин, 1985).

По-видимому, в рассмотренных захоронениях реализуется попытка переосмысления носителями ямной культуры отдельных аспектов катакомбного ритуала, совмещения его с традиционно ямным способом захоро-

нения. Идея катакомбы пока не была осознана и воспринята целиком. Однако такая тенденция дискретного включения в ритуал отдельных катакомбных обрядовых традиций (некоторых элементов или свойств катакомбы) не получила развития. В дальнейшем фиксируется наличие стандартной катакомбы при ямной позе и/или инвентаре.

Одновременность погребений с вытянутыми и скорченными скелетами отмечалась исследователями. Планиграфия некоторых курганов указывает на существование одновременных стратиграфических горизонтов, в которых фиксировались различные позы погребального обряда (Яровой, 2000, с. 27-28). Известны впускные погребения, где умершие скорчены на спине, в то время как в основных захоронениях скелеты вытянуты: курган 1 у с. Гура-Быкулуй (Дергачев, 1984, с. 3-7). Об относительной одновременности различных обрядовых групп свидетельствует и тот факт, что на территории Румынии (крайнем западе распространения катакомбной культуры), где известно всего несколько десятков захоронений, сочетание двух обрядовых традиций наблюдается в одном кургане у с. Стойкань (Зирра, 1960). В этой связи вызывает интерес планиграфия кургана 1 у с. Дубиново. Катакомбные погребения в нем расположены компактно, по дуге, и, судя по имеющимся датам, практически одновременны. В расположенных рядом катакомбах умершие погребены в разных позах: вытянуто на спине и скорченно на боку.

Но, по всей вероятности, бывшее «ямное» население, восприняв новые идеологические представления, воплощенные в катакомбе, все же оставалось в какой-то степени этнически обособленным от остального массива катакомбных захоронений Северо-Западного Причерноморья. На это указывает ряд наблюдений.

При рассмотрении парных и коллективных захоронений оказывается, что в одной могильной яме с вытянутым на спине умершим могут находиться только погребенные в такой же позе (Яски 5/12). Порой, в одной могильной яме захоронены умершие, вытянутые на спине и вытянутые с наклоном на бок (Новые Раскаецы 1/8), либо уложенные на спину со слегка согнутыми ногами (Чобручи 4/35). В то же время среди парных захоронений со скорченными костяками наблюдаются разные варианты сочетания положения скелетов (на спине, на том или ином боку). В

коллективных погребениях, порой, фиксируются все три варианта скорченного положения покойника (Фрикацей 9/8; Лиман 3А/31).

Но вытянутые и скорченные позы умершего в одном погребении практически не сочетаются. Более того, такая обособленность разных обрядовых групп может подчеркиваться и вариантами размещения захоронений под курганной насыпью. В кургане 3 у с. Новая Долины катакомбы с вытянутыми на спине костяками (№№ 6 и 8) расположены радиально по отношению к центру кургана. Погребения, где умершие лежали скорченно на спине (№ 9) и на боку (№ 12), размещены по касательной (Петренко, Островерхов, Сапожников, 2002, с. 42, рис.2). В публикуемом кургане 1 у с. Дубиново из двух находившихся рядом захоронений радиально расположено то, где скелет скорчен на боку (№ 12), а по касательной — с вытянутым на спине погребенным (№ 8). Характерно, что даже помещение в погребальный комплекс ингульской амфоры (Дубиново 1/11) не повлияло на способ захоронения. Умерший здесь расположен с сохранением «ямных» традиций, скорченно на спине.

Соотношение ямной и катакомбной культур в различных регионах Каспийско-Черноморских степей сложилось по-разному. В одних регионах исследователями выделяется ямно-катакомбный горизонт (или тип) памятников. В Северо-Западном Причерноморье, на наш взгляд, говорить о взаимовлиянии двух культурных массивов в течение длительного периода, скорее всего, нет оснований. Это не подтверждается ни стратиграфическими наблюдениями, ни «общностью» материальной культуры, которая предполагается некоторыми исследователями (Тощев, 1991; Субботин, 1993). Приводимые в качестве доказательства этому тезису серии близких по форме и назначению артефактов (Субботин, 1993, с. 13, рис.2), на самом деле, имеют широкий пространственно-хронологический диапазон. Прежде всего, это касается медных пронизей и украшений из зубов животных, известных еще в энеолите. Общая форма одного из типов топоров, найденного в ямных и катакомбных погребениях (усеченно-ромбической формы), известна в интервале от культуры Гумельница (Бейлекчи В.С., 1978, рис.54, 7; 55, 4) и вплоть до срубных времен (Мыськов, 1991, рис.3, 23). Таким образом, существование таких топоров во времени весьма растянуто. Наконечники стрел,

встречаемые в ямных захоронениях, дают исследователям пищу для размышлений о вооруженных столкновениях между катакомбным и ямным населением (Субботин, 1993, с.21). Однако типично катакомбные наконечники, с арочной выемкой в основании, в Северо-Западном Причерноморье практически не встречаются. Аналогии найденным наконечникам (в форме равнобедренного треугольника с неглубокой выемкой) известны и в других культурах, в частности, шнуровой керамики. Их специфичная форма объясняется исследователями тем фактом, что они использовались не как охотничье, а как боевое оружие⁶⁴. В данном случае форма предмета была определена его назначением, что привело к распространению сходных изделий на весьма отдаленных территориях, по-видимому, конвергентно. В контактных ареалах, впрочем, могло иметь место и заимствование. Преобладание их в захоронениях ямной культуры указывает на характер взаимоотношений именно в ямной среде.

Помимо единичных попыток совместить идею простой ямы (или ямы с уступом) и катакомбы, иных катакомбных черт в ямном социуме региона практически не наблюдается. В Побужье смешанные комплексы ямно-катакомбного облика, напротив, представлены в значительном количестве (Шапошникова, 1987; Фоменко, 1990, с. 99-101; Пустовалов, 2003). Это позволяет нам предположить разную степень освоенности двух больших ареалов, расположенных по обоим берегам Южного Буга. Если к востоку от него, только в Буго-Ингулецком регионе, известно более 1000 погребений ингульской культуры (Шапошникова, Фоменко, 2002), то в Северо-Западном Причерноморье их в пять раз меньше (Яровой, 2000). По берегам Южного Буга располагаются поселения и многочисленные летовки. Здесь же проходит фактическая граница распространения «ямно-катакомбных» комплексов. По-видимому, полностью обжить и освоить территорию между Южным Бугом и Дунаем катакомбные племена уже не имели возможности. Территория крайнего запада Причерноморских степей оказалась включенной в катакомбный мир лишь отчасти. Обращает на себя внимание относительно небольшое количество катакомбных захоронений в рамках одного кургана или курганного мо-

⁶⁴ Они были рассчитаны на эффект отваливания прикрепляемого смолой древка и значительные трудности в вытаскивании наконечника (Кравец, 2001, с. 43).

гильника в Северо-Западном Причерноморье. Можно выделить лишь несколько курганов с достаточно высокой концентрацией погребений: Пуркары, к. 1 (10), Лиман, к. 3А (10), Приморское, к. 1 (11), Вишневое, к. 17 (24). Более чем в 50 курганных насыпях выявлено по 1 погребению. Вполне возможно, что редкие погребальные памятники, с незначительным количеством захоронений в них, отражают лишь отдельные проникновения катакомбных племен с территории Побужья и Поднепровья в ареал Северо-Западного Причерноморья. Эти продвижения можно расценивать скорее как импульсы, с незначительными кратковременными контактами между носителями разных культурных традиций.

Возможно, конечной целью «катакомбников» был поиск путей к балканским источникам меди, поскольку основные месторождения Донбасса контролировались племенами донецкой катакомбной культуры (Кравец, 2001). Однако выполнить эту задачу «ингульцам» оказалось не под силу: далее к западу эти импульсы постепенно угасают. В целом, в Северо-Западном Причерноморье катакомбными племенами относительно плотно были освоены лишь низовья Южного Буга, Нижнее Поднестровье и, частично, приморская часть Буджака. Несомненно, на территории Северо-Западного Причерноморья катакомбные племена были довольно немногочисленны. Они не сумели освоить все то пространство, что занимали до них, в период расцвета, носители ямной культуры. Видимо, именно этим, а не «чересполосным существованием» могут объясняться «белые пятна», свободные от катакомбных памятников районы.

Все же историческая ситуация была такова, что в конечном итоге носители ямной культуры воспринимают новые мировоззренческие традиции. Этот процесс не был одномоментным и, видимо, был обусловлен непосредственными контактами в определенных ареалах. В этой связи отметим наблюдения исследователей, что в каждом конкретном регионе после появления раннекатакомбных памятников, ямные памятники исчезают (Ніколова, Черних, 1997, с. 108). А в Поднепровье, при относительной синхронности ямных и катакомбных дат, в отдельно взятом кургане они чаще всего не совпадают (Nikolova, 1999). Таким образом, видимо, непосредственные катакомбные импульсы и передвижения приводят к изменению мировоззренческих представлений ямных племен, к переходу их к

иным погребальным канонам. Ямная культура как таковая угасает, однако, население, ее составлявшее, остается, хороня своих умерших по новым погребальным канонам.

Хотя при этом нет оснований полагать, что ямный социум был подчинен и включен как неполноправный компонент в катакомбную среду, что постулируется в некоторых исследованиях (Пустовалов, 1995). Во-первых, смена мировоззренческих концепций отразила тот факт, что ямная общность прекратила свое существование как целостное историческое образование. Сохранившие в какой-то степени свою этническую специфику группы населения стали полноправными членами катакомбного общества. Об этом свидетельствует, прежде всего, наличие престижных артефактов в их погребальных комплексах, в тех катакомбных сооружениях, где умершие погребены по «ямному» обряду (скорченно на спине и на боку). Так, в инвентаре захоронений со скорченными на спине погребенными можно отметить оружие (кремневый наконечник стрелы), керамику, в том числе раритетную амфору из Дубиново 1/11. При умерших, скорченных на спине с наклоном вправо, найдены каменные топоры, украшения, керамика. Особенно разнообразен инвентарь погребенных скорченно на спине с наклоном влево. Здесь обнаружены каменные топоры, булава, наконечник копья, нож-кинжал, заготовка стрелы, орудия труда, украшения, керамика (Яровой. 2000, с. 28-30). Эти данные не позволяют согласиться с трактовкой ямного компонента как неполноправной группы населения в рамках катакомбного социума.

На наш взгляд, ямный этнос не был и ассимилирован катакомбными племенами, о чем свидетельствует сохранение ямных обрядовых традиций в позах погребенных. Данный тезис подтверждается и тем фактом, что ямный антропологический тип сохраняется в катакомбной среде на некоторых территориях вплоть до финала катакомбной культуры, а затем вновь проявляется в культуре многоваликовой керамики (Круц, 1997; Сегеда, 2000). В этом контексте отметим наблюдения исследователей относительно катакомбных памятников других регионов. Так, отмечается возрождение некоторых ямных традиций на позднейшем этапе катакомбной культуры (форма погребальной камеры), сохранении «ямной» позы погребенного (скорченно на спине) до финальной стадии культуры (Фещенко, 1993; Санжаров, 2002). В таком слу-

чае наличие именно «ямного» компонента, ямных черт и ямного антропологического типа в культуре многоваликовой керамики становится вполне объяснимым. «Ингульский» антропологический тип напротив, исчезает бесследно (Круц, 1997). А в Северо-Западном Причерноморье на финальном этапе катакомбной культуры вытянутое положение погребенного сменяется скорченным на боку (Тошев, 1991, с.109).

Доминирование в жизни ингульского социума идеологического и мировоззренческого факторов приводит к тому, что основные трудовые усилия общества были направлены, преимущественно, на ритуальные аспекты жизнедеятельности. Металлические изделия в ингульских захоронениях немногочисленны; в количественном отношении они намного уступают находкам из погребений носителей донецкой катакомбной культуры. Напротив, погребальный инвентарь «ингульцев», с его ярко выраженной иррациональностью отражает повышенную семиотичность культуры. Основная жизнь ингульского общества была сосредоточена вокруг социально-мировоззренческих центров, поэтому освоение периферийных территорий лежит уже вне сферы его интересов. Исследователь ингульской катакомбной культуры С.Ж. Пустовалов отмечает, что ее специфические черты «образуют систему, характеризующую, прежде всего, идеологическую и этническую сферы жизнедеятельности» (Пустовалов, 1999, с. 74). Керамика ингульской культуры отличается богатством орнаментации и особенно композицией. На сосудах имеются изображения, связанные с космической символикой, стилизованные антропоморфные изображения, зооморфные знаки⁶⁵. Как собственно ингульскую черту рассматривают наличие большого количества то-

поров-молотов; некоторые из них орнаментированы в характерном для ингульской керамики стиле (Шапошникова, Фоменко, 2002). Одной из характерных черт этой группы населения является обряд посмертной моделировки лица погребенного; основная оценка этого феномена сводится к культу предков (Отрошенко, Пустовалов, 1991). И, наконец, следует упомянуть грандиозное Молочанское святилище, не знающее аналогов в ареале Причерноморских степей. Архитектурные традиции его, как и некоторые религиозные верования «ингульцев», по мнению исследователей, уходят корнями на Древний Восток (Пустовалов, Рассамакин, 1990, с. 81; Пустовалов, 1999, с.117). Огромные трудовые затраты общества, таким образом, направлены прежде всего на поиск защиты у богов и предков, что может свидетельствовать об определенном неблагополучии в обществе. Выраженные иррациональные черты, присущие ингульской культуре, позволяют предположить жизнь социума в сложной кризисной ситуации или на грани кризиса. Грандиозные усилия общества оказались тщетны; наступает коллапс. Ингульская культура исчезает бесследно: присущий только ей антропологический тип не оставил следов в физическом облике последующих культурных образований на территории Украины (Круц, 1997, с.537).

Реконструируемая нами картина может отличаться от культурной ситуации в других регионах, как в плане взаимных контактов носителей ямных и катакомбных традиций, так и в вопросах хронологического соотношения различных катакомбных культур. Но рассмотрение комплекса тех широкомасштабных исторических явлений, что происходили во всем ареале ямной и катакомбной культурно-исторических областей не входило в наши задачи.

КУЛЬТУРА МНОГОВАЛИКОВОЙ КЕРАМИКИ

Итоги исследования

В монографии в научный оборот вводится сравнительно небольшая (12 захоронений), но выразительная серия комплексов культуры многоваликовой керамики.

В кургане 1 могильника Катаржино найдены три (?) погребения, относящиеся к этой

⁶⁵ Существует мнение, что орнаментация керамики является проявлением иррационального в археологической культуре. Это связано даже не с сюжетными линиями декора, а с количеством вложенного труда: процесс изготовления сосуда (Черных Е.Н., 1982, с.9).

культуре. В погребении № 20 обнаружена костяная пряжка с двумя отверстиями, относящаяся к III (позднейшему) типу по классификации Е.Н. Саввы (Савва, 1992, с. 119-136). Погребение № 17 не сопровождалось инвентарем, но особенности погребального ритуала, поза погребенного позволили нам включить это захоронение в круг древностей КМК. Погребение № 9 внешне имеет сходство с комплексами ямной культуры⁶⁶. Тем не менее, по

⁶⁶ На такую особенность ряда захоронений КМК уже обращали внимание исследователи. Отмечается, что

ряду признаков мы сочли возможным соотносить его с культурой многоваликовой керамики. Овальный уступ с поперечным деревянным перекрытием более характерен для КМК. Сопласуется с канонами КМК форма погребальной камеры, с выгнутыми сторонами, небольшим расширением ее у самого дна (по типу подбоев). Остатки вертикальных жердей, углубленных в дно, сохранившиеся *in situ*, имеют аналогии в Попрутье, в погребении Токиле-Рэдукань 1/3 (Савва, 1992. с. 78-79, рис.28, 6). Захоронение было впущено в одну из последних насыпей кургана, расположено оно в стороне от ямных захоронений, на периферии кургана, в южной его поле. Найденный при умершем сосуд не имеет аналогий в керамическом комплексе ямной культуры Северо-Западного Причерноморья; аналогий ему в комплексах раннего (как и среднего) бронзового века найти не удалось. «Ямные» черты в обряде и западная ориентировка указывают на возможность отнести это захоронение к раннему этапу культуры многоваликовой керамики. Погребение 14 кургана 3 у с. Редова по обряду также сопоставимо с ямными захоронениями региона (прямоугольная погребальная камера, деревянное перекрытие, слабоскорченное положение скелета, западная ориентировка), что может свидетельствовать и о его ранней датировке. В последнем случае она подтверждена и радиоуглеродной датой.

Одно погребение (№5) найдено в кургане 2 могильника Катаржино. Несмотря на некоторое сходство с погребениями энеолитической эпохи рассматриваемого региона, оно имеет прямой аналог в кургане 3 у с. Новая Долина (Петренко, Островерхов, Сапожников, 2002). Это позволяет нам с некоторой долей осторожности отнести его к кругу захоронений КМК⁶⁷.

Одно погребение, без сопровождающего инвентаря, было раскопано в кургане 1 у с. Дубиново. Умерший в нем был скорчен на правом боку, ориентирован на юг. Также можно отнести к КМК одно захоронение из кургана «Солдатская слава».

В кургане «Любаша» обнаружен небольшой могильник из пяти захоронений. Погребение безинвентарных погребений, рассматриваемых как ямные, относится в действительности к культуре многоваликовой керамики (Тошев, Сапожников, 1990, с. 29; Субботин, 2000, с.378).

⁶⁷ Погребение было прослежено с уровня обнаружения стелы; определить форму погребальной камеры и установить, с какой насыпи оно было впущено, не удалось.

бения концентрируются в южном секторе кургана, что является традиционным для КМК; четыре из них расположены на самом краю курганной насыпи, по дуге: №№ 9, 11, 12, 15. Возможно, захоронения №№ 9 и 12 были выполнены в окологурганном пространстве; их могильные ямы прорезали плотное илистое заполнение выемки грунта, окружающей курган. Погребение № 3 расположено ближе к центральному сектору кургана. В нем (как и в погребении № 12) могильная яма прослежена не была; в трех захоронениях они были овальными. Скелеты расположены на левом боку, в одном случае (погребение № 11) – с разворотом на живот. В погребении № 15 скелет находился не в анатомическом порядке, что является редкостью в ареале КМК; такой обряд в Северо-Западном Причерноморье зафиксирован не был⁶⁸.

Наибольший интерес из всех публикуемых в монографии захоронений КМК, пожалуй, представляет погребение № 3 в кургане «Любаша». В нем сочетаются сразу несколько редких элементов погребальной обрядности: применение огня, обмазка дна зеленой глиной, и, наконец, деревянный настил. Погребальное ложе имело наклон к центру кургана, повторяя наклон досыпки (перепад высот около 10 см). Хорошая сохранность плотно прилегающих друг к другу продольных плах, составляющих настил, исключает возможность их интерпретации как остатков рухнувшего перекрытия могильной ямы. Тем не менее, на костях скелета прослежен древесный тлен. По всей вероятности, настил был уложен непосредственно на погребенного (или на невысокие подпорки?). Отметим, что несколько совершенно идентичных захоронений обнаружено на правом и левом берегу Днестра (Никольское 13/4; Оланешты 1/17; Холмское 2/23).

Погребение №3 было расположено на склоне досыпки, перекрывавшей погребение № 4 катакомбной культуры. Последнее представляло собой яму с подбоем (?), закрытым со стороны входа бревном. Погребенный был уложен вытянуто на спине, с небольшим наклоном вправо⁶⁹. Захоронения в ямах с под-

⁶⁸ Предполагается перезахоронение неполного скелета, кости которого обожжены, в погребении Градешка 1, 3/1 (Субботин, Добролюбовский, Тошев, 1995, с. 102).

⁶⁹ Сходная стратиграфическая ситуация, когда погребение КМК перерезает катакомбу с вытянутым на спине скелетом, зафиксирована в кургане 1 у с. Старые Беляры, также расположенном в междуречье Южного Буга и Днестра (Петренко, 1991).

боями известны в катакомбной культуре Северо-Западного Причерноморья (Субботин, 2000, с. 369). Прослеженная стратиграфия вполне согласуется с предположениями исследователей о существовании тенденции перехода от ингульской культуры к культуре многоваликовой керамики и о генетической связи автохтонных групп населения КМК Днепро-Прутского ареала с населением ингульской культуры (Пустовалов, 1979; Отрошенко, 2001, с. 95, 101). В.В. Отрошенко отмечает также, что ингульский компонент предстает как базовый в наиболее выразительных стратиграфических колонках погребений КМК (Отрошенко, 2001, с. 101). Но здесь построения археологов вступают в противоречие с антропологическими данными. Как отмечает С.И. Круц, на смену широколицым брахикефальным антропологическим типам (соотносимым ею с вытянутым обрядом погребения и поздним этапом катакомбной культуры), приходит население культуры многоваликовой керамики с иными характеристиками (длинноголовые, узколицы). Носители КМК подобны южным группам ямной культуры (Запорожье, Приморье, Буджак), «кеми-обинцам», некоторым раннекатакомбным группам. В то же время они очень отличаются от позднекатакомбного населения Степного Причерноморья с которым исследовательница соотносит, прежде всего, захоронения с вытянутыми костяками (Круц, 1990; 1997, с. 530-539). Эти данные более согласуются с концепцией Г.Н. Тощева, Е.В. Саввы о формировании КМК в едином центре и появлении ее в Северо-Западном Причерноморье в уже завершённом виде (Тощев, 1982; Савва, 1992, с. 177). Видимо, пока вопрос не может быть решен однозначно. Хотя вполне вероятно, что на западной периферии, имели место обе тенденции формирования культуры. Исследователями отмечается наличие некоторых катакомбных элементов погребальном обряде культуры многоваликовой керамики. В то же время большинство сосудов, а также пряжки, имеют аналоги во всем ареале КМК (Савва, 1992, с. 101).

По классификации Е.В. Саввы, погребения Рёвова 3/14, «Любаша», п. 9, Катаржино 1/9 можно отнести к ранней хронологической группе КМК, остальные соотносятся с поздним ее этапом, а погребение 3 кургана «Любаша» — с финалом эпохи средней бронзы (Савва, 1992, с. 144-146; Агульников, Бублич, 1998).

Радиоуглеродное датирование.

Следует отметить, что банк дат ^{14}C по культуре многоваликовой керамики на сегодняшний день довольно ограничен. Для Северо-Западного Причерноморья известны четыре даты из «Аккембетского кургана» на правом берегу Днестровского лимана (Szmyt, Chernyakov, 1999, p. 198)⁷⁰. Еще две даты имеются для погребений из могильника у с. Мироновка (юг Киевской области), на правом берегу Днепра (Klochko, 1999, p. 195) (Табл. 1).

Четыре захоронения (из двух курганов) междуречья Днестра и Южного Буга были датированы по костным остаткам в Киевской радиоуглеродной лаборатории (Табл. 2).

Даты определенно увязываются с относительной хронологией памятников, разработанной на основе типологических признаков и курганной стратиграфии (Савва, 1992). Наиболее ранним оказалось захоронение № 15 кургана «Любаша», содержащее скелет, находящийся не в анатомическом порядке («пакетом»). Погребения с расчлененными костяками не характерны для рассматриваемой культуры Северо-Западного Причерноморья в целом. Отнесение комплекса к культуре многоваликовой керамики определялось его положением в кургане: захоронение вписывалось в дугу остальных погребений КМК и находилось с ними на одной глубине. Дата оказывается сопоставимой с датами из «Аккембетского кургана». На востоке (Северском Донце, Среднем и Нижнем Дону) это время считается периодом формирования культуры многоваликовой керамики (Трифонов, 2001, с. 80). С другой стороны, нельзя не отметить, что датировка пересекается с полученными датами для погребений ямной и катакомбной культур региона, что не может соответствовать реальной археологической ситуации.

Два погребения (Рёвова 3/14 и «Любаша», п. 9) можно отнести к раннему хронологическому горизонту по обрядовым признакам (слабая скорченность скелетов, устойчивое положение рук — одна вытянута вдоль туловища, другая согнута). Даты соответствуют времени широкого распространения памятников КМК (Трифонов, 2001, с. 80). С ними вполне соотносится и ранняя дата захоронения из Мироновки. Погребение 3 кургана «Любаша» типологически вписывается в поздний хронологический горизонт КМК. Последняя дата все же выглядит достаточно молодой.

⁷⁰ Опубликованы лишь радиоуглеродные даты, полная информация о раскопках кургана отсутствует.

Таблица 1

№	Памятник	Индекс	BP	BC/AD (1 сигма)
1	Аккембетский 1/11	Ki- 6823	3795 \pm 60	2215 \pm 106
2	Аккембетский 1/15	Ki-6824	3745 \pm 50	2118 \pm 79
3	Аккембетский 1/16	Ki-6825	3780 \pm 60	2166 \pm 107
4	Аккембетский 1/20	Ki-6826	3685 \pm 45	2046 \pm 75
5	Мироновка 7/1	Ki-5827	3610 \pm 30	1941 \pm 49
6	Мироновка 8/5	Ki-5829	3325 \pm 50	1577 \pm 64

Таблица 2

№	Памятник	Индекс	BP	BC/AD (1 сигма)
1	«Любаша», п.15	Ki-11201	3740 \pm 70	2495-2341
2	Ревава 3/14	Ki-11175	3590 \pm 70	2033-1799
3	«Любаша», п. 9	Ki-11173	3520 \pm 80	1943-1741
4	«Любаша», п. 3	Ki-11176	3080 \pm 70	1415-1261

С одной стороны, она в какой-то степени близка поздней дате из Мироновки (1577 \pm 64 BC). С другой стороны, по данным радиоуглеродного датирования, это уже время сабастиновской культуры (Трифонов, 2001, с. 76. табл. 2). В таком случае, это захоронение, скорее всего, соотносится с переходным этапом от КМК к сабастиновской культуре. Предполагают, что безынвентарные погребения Северо-Западного Причерноморья с положением скелета в сильно скорченной позе (при ориентации в восточном направлении) в абсолютном большинстве следует определять как относящиеся к культуре Сабастиновка (Sava, Agulnikov, 2003, p. 113, 133).

В связи с подобными ситуациями проблема размежевания и культурной атрибуции близких по ритуалу погребальных комплексов является достаточно актуальной. Об этом свидетельствует то внимание, которое ей уделяется в работах последних лет (Отрошенко, 2001).

Культурно-хронологическая характеристика памятников КМК междуречья Южного Буга и Днестра

Культура многоваликовой керамики в междуречье Южного Буга и Днестра представлена не только захоронениями, но и поселениями (Осиновка, Сухая Журовка, Викторовка III) (Субботин, 2000, с. 377). На левом берегу Тилигульского лимана были найдены клады: у с. Коблево (Черняков, 1967, с. 29-31) и с. Рыбаковка (Кривцова-Гракова, 1955, с. 146-147).

Поселения расположены в верховьях рек Большой Куяльник и Журовка (приток р. Тилигул). Характерно, что публикуемые в монографии захоронения находятся в непосредственной близости от поселений. Так, курган у с. Ревава находится на расстоянии около 12 км к югу от с. Осиновки, курган «Любаша» — примерно на таком же расстоянии от с. Викторовки. Несколько в стороне находятся микрорегион Катаржино, а также раскопанный в 90-х гг прошлого века могильник КМК в кургане у с. Щербанка (Бейлекчи, 1993). Эти два пункта являются промежуточными между поселенческими комплексами и курганами низовьев Днестра и приморской зоны Днестро-Бугского междуречья.

Среди исследователей нет единства в вопросе относительно местного или пришлого характера культуры многоваликовой керамики в Северо-Западном Причерноморье, характере взаимодействия ее с другими культурами. Эти же проблемы актуальны и при рассмотрении памятников междуречья Южного Буга и Днестра. И.Т. Черняков дал первую характеристику памятников КМК в Северо-Западном Причерноморье. Он поставил вопрос о местном ее сложении на основе позднейшей культуры и культур Нижнего Подунавья и Прикарпатья (Черняков, 1975). В дальнейшем автор несколько изменяет свою концепцию. Он предполагает движение катакомбных племен на запад, которое сопровождалось не только ассимиляцией местных культур, но и вытеснением части ямных племен в Балкано-Подунавье и Прикарпатья. Доволь-

но быстрое исчезновение катакомбной культуры в начале II тыс. было связано, на его взгляд, с обратным воздействием сжатой демографической пружины степного населения из Балкано-Дунайского региона, которое приняло участие в создании новой культурно-исторической общности, известной как культура многоваликовой керамики (Черняков, 1996, с. 59-61).

Г.Н. Тошев предполагает продвижение носителей КМК в Северо-Западное Причерноморье с востока. По его мнению, новое население восприняло некоторые черты позднейших и катакомбных памятников, а также синхронных культур Подунавья. При этом он считает памятники региона настолько своеобразными, что выделяет их в особый юго-западный вариант (Тошев, 1982, с. 16, Toscev, 1998, Черняков, Тошев, 1985, с. 26, 28). В какой-то степени созвучна его мнению концепция Е.Н. Саввы. Автор считает, что культурная однородность памятников КМК в пределах всего ареала, особенно степной зоны, указывает на единый центр формирования культуры (предположительно, лесостепная зона Днепро-Донского междуречья) и распространение ее в уже сложившемся виде. При этом он отрицает своеобразие памятников Северо-Западного Причерноморья. Близость КМК с ямной, катакомбной, среднеднепровской культурами, культурой Монтеору отражает не генетическую основу, а культурное взаимодействие между ними. Отмечается лишь частичная синхронизация памятников КМК с ранними фазами культуры Монтеору. (Савва, 1992, с.150-158, 176-178). К этой точке зрения присоединяется и Л.В. Субботин (Субботин, 2000, с. 385).

Напротив, в коллективной монографии «Культуры эпохи бронзы на территории Украины» высказывается точка зрения о том, что все культуры многоваликовой керамики сложились на местной основе, состоящей из разных археологических культур. При этом в юго-западном варианте, куда относятся и памятники Северо-Западного Причерноморья, в сложении КМК главную роль играла ямная культура при определенной роли катакомбной (Березанская и др., 1986, с.12, 41). Частично эту концепцию продолжает отстаивать В.В. Отрощенко, отмечая перерастание ингульской культуры в КМК (Отрощенко, 2001, с. 101).

По мнению В.А. Дергачева, буджакские памятники бытуют в Северо-Западном При-

черноморье вплоть до распространения культуры многоваликовой керамики, а относимые к последней памятники одновременны позднейшим, а не следуют им во времени (Дергачев, 1986, с.85). Генезис КМК исследователь связывает с проникновением в Днестро-Дунайское междуречье новой волны восточного населения (Дергачев, 1986, с. 143).

Основную информацию о характере и особенностях культуры рассматриваемого региона предоставляют нам погребения под курганными насыпями. Часть захоронений соотносят с бескурганым обрядом (Тошев, 1982, 1994). Но в то же время допускается возможное разрушение в этих случаях курганной насыпи к современной эпохе (Савва, 1992, с. 64). Поселения известны, в основном, по результатам археологических разведок.

Несмотря на известные сложности выделения захоронений культуры многоваликовой керамики: отсутствие определенной унификации обрядности, сходство раннего пласта с ямной культурой, а позднего — с сабашиновской, на что уже обращалось внимание исследователей (Тошев, Сапожников, 1990, с.29; Савва, 1992, с. 144-146), памятники КМК занимают традиционное место в исследованиях, посвященных бронзовому веку Северо-Западного Причерноморья. Присутствие их в междуречье Южного Буга и Днестра (Савва, 1992, с. 179-189) делает рассмотрение этих комплексов в рамках данной монографии достаточно актуальным.

Курганная насыпь, связанная с погребением КМК, возведена над основным захоронением кургана 7 у с. Никольское (Республика Молдова). В остальных случаях все захоронения были впускными. Большинство их связано с южной частью насыпи (Щербанка, к. 1). Погребальные камеры разнообразны и представлены следующими основными типами: 1. прямоугольные ямы; 2. овальные ямы; 3. ямы с уступами; 4. ямы с подбоями; 5. каменные ящики.

В качестве определенных черт погребального ритуала можно отметить деревянные конструкции в виде рам, помостов («Любаша» 2/3), колод (Никольское 7/35). Ямы могли иметь деревянное или каменное перекрытие, забутовку камнями (рис.69, 1).

Преобладает поза умершего скорченно на левом боку, иногда — разворотом на грудь (рис.69, 2). Встречается и размещение на правом боку, скорченно на спине. В ориентировке доминирует восточное направление. Поло-

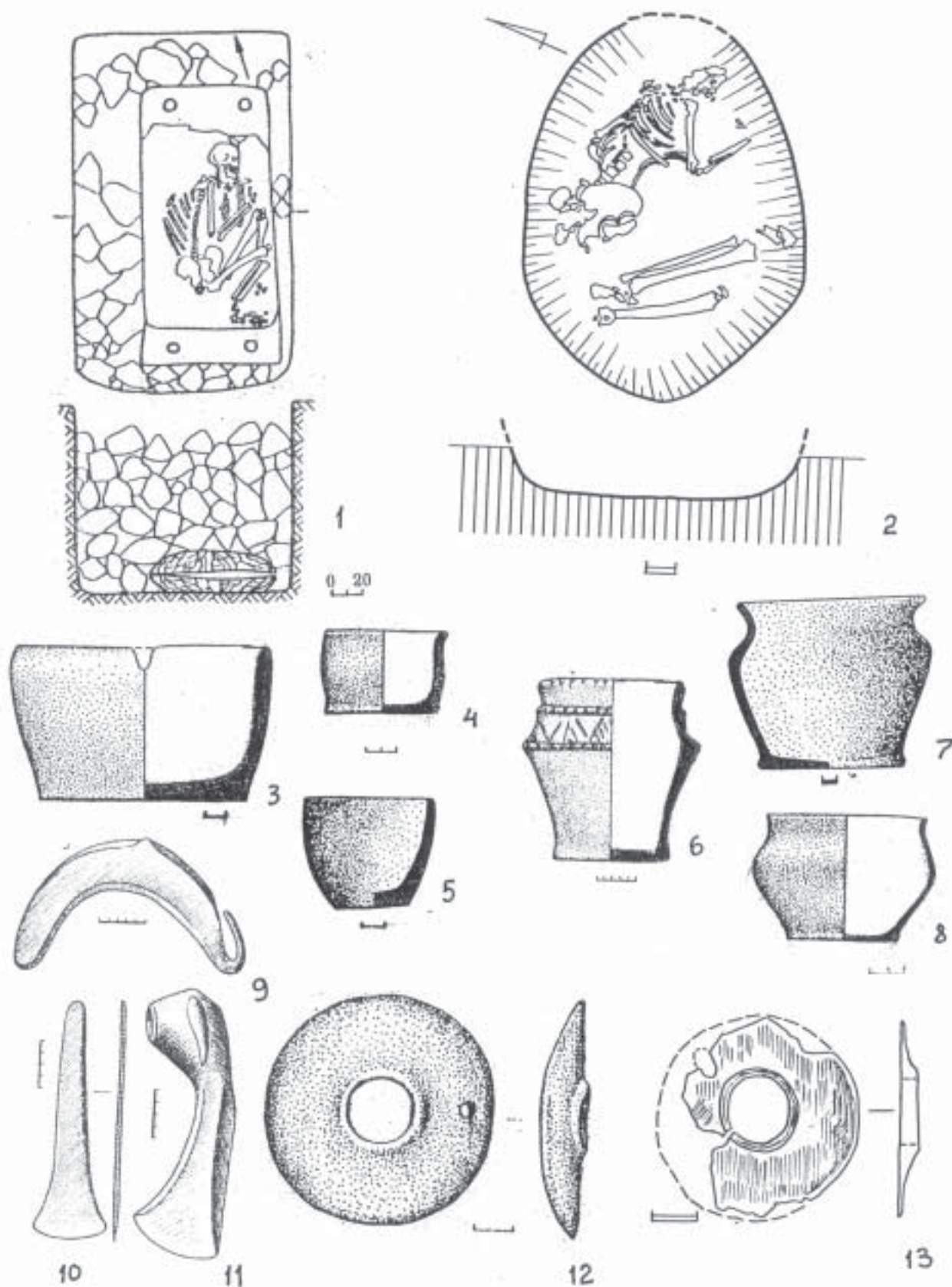

Рисунок 69. Погребения и инвентарь культуры многоваликовой керамики: 1 – Никольское 7/35; 2 – «Любаша», п. 11; 3 – Никольское 1/4; 4 – Ново-Котовск 1/4; 5 – Старые Беяры, 1/23; 6 – Великодолинское 2/3; 7 – Старые Беяры 1/7; 8 – Никольское 7/35; 9 – Коблево, бронзовый серп; 10 – Рыбаковка, бронзовое тесло; 11 – Рыбаковка, бронзовый топор; 12 – Никольское 8/9, костяная пряжка; 13 – Катаржино 1/20, костяная пряжка.

жение рук нестабильно, обычно одна рука вытянута к коленям, а вторая согнута в локте, размещена поперек туловища. Часто руки кистями поднесены к лицу; могут быть скрещены на груди; известна и поза «скачущего всадника». Скелеты изредка могут быть слабо окрашены охрой. В погребении, как правило, находился один умерший. Можно отметить лишь одно парное захоронение двух подростков: Щербанка 1/21 (Бейлекчи В.В., 1993, с.70). Еще несколько известны в курганах правого берега Днестра и одно в грунтовом могильнике Калфа (Чеботаренко, 1965).

В погребальном инвентаре ведущее место принадлежит керамике и пряжкам, изготовленным из кости и рога. Керамика по типам довольно разнообразна и найдена примерно в половине захоронений. Как правило, в могиле находился один сосуд, очень редко — два (Глиное 3/1). Сосудам традиционно свойственны остросереберность и биконичность. Дно плоское, порой с закраинами. Наиболее распространенной формой являются горшки, высокие или приземистые (рис.69, 7,8), изредка украшенные налепным валиком (рис.69, 6). Известны и широкие горшки низких пропорций (рис.69, 3,4), приземистые банковидные чаши, сосуды подцилиндрической формы, небольшие чашечки (рис.69, 5). Редко встречаются «классические» сосуды КМК, украшенные сложной валиковой орнаментацией: Великодолинское 2/3 (Субботин, Черняков, Ядвичук, 1976). Известны сосуды, выполненные из дерева: Слободка-Романовка 1/23 (Тошев, 1984). В керамике фиксируются и инокультурные формы. Так, в Каменке 7/13 был найден сосуд катакомбного облика (Манзура, Ключко, Савва, 1992, с. 132, рис.30,3). Влияние культуры Монтеору и Комарово прослеживается, в основном, в памятниках Днестро-Дунайского междуречья (Тошев, 1986; Дергачев, 1986, с.143; Савва, 1992, с.150-169).

Рассматривая керамику КМК, нельзя не остановиться, хотя бы вскользь, на проблеме происхождения валиковой орнаментации. Предположения о западных корнях этого орнаментального стиля (Березанская, 1982; Черняков, 1985) не нашли поддержки у других исследователей (Дергачев, 1986; Савва, 1992). Поиски технологического обоснования появления валикового орнамента на керамике бронзового века, предпринятые одним из соавторов монографии (Иванова, 1995), вызвали критику. При этом исследо-

ватели высказали новую трактовку налепного валика на сосудах как оберега (Горбов др., 1999, с. 73-75). В то же время С.С. Березанская, выделившая в свое время памятники этого круга, высказывает мнение, что за культуру ею была принята мода на многоваликовое оформление посуды, охватившая разные территории и культуры (Березанская, 1998, с. 60-65).

Характерной, определяющей, чертой культуры многоваликовой керамики являются костяные пряжки, найденные в четверти захоронений⁷¹. Е.Н. Савва выделяет их три типа (Савва, 1992, с.41-43). К первому из них он относит роговые пряжки с одним центральным отверстием. Второй тип представлен пряжками, изготовленными из кости, округлых или овальных очертаний, с одним отверстием, часть изделий имеет бортик. Наконец, третий тип объединяет экземпляры с дополнительным отверстием небольшого диаметра у края пряжки, форма и профиль их различны (рис.69, 12,13). Известны находки в Северо-Западном Причерноморье и шести каменных пряжек. Предпринятый автором классификации корреляционный анализ позволил ему выделить среди захоронений с пряжками две хронологические группы. Погребения с пряжками первого типа и часть пряжек второго типа являются наиболее ранними, остальные — более поздние. (Савва, 1992, с.124-136). Существуют разные точки зрения о назначении пряжек: предполагается как их функциональное, так и декоративное назначение. Трасологическое их изучение позволило внести ясность в этот вопрос. На массовом материале фиксируются следы крепления пряжек к ремню, причем различные способы и варианты. В то же время имело место, намеренное изготовление некоторой части изделий в форме пряжек в качестве украшений-подвесок (Усачук, 1998).

Другой инвентарь, помимо керамики и пряжек, найден в захоронениях в единичных случаях и представлен невыразительными изделиями из кремня (отщепы, скребки). Отметим наконечник стрелы из погребения 23 Одесского кургана (Тошев, 1984). Необычный культовый или игровой набор костяных предметов (орудия и 21 астрагал с подшлифованными гранями) найден в детском погребении

⁷¹ Трижды в погребениях Северо-Западного Причерноморья найдено по две пряжки, из них один случай зафиксирован на левом берегу Днестра: Каменка 2/2 (Манзура, Ключко, Савва, 1992)

Каменка 7/13 (Манзура, Клочко, Савва, 1992, с. 78). Впрочем, исследователями констатируется наличие семантической связи между понятиями игра и ритуал, игрушки и ритуальные предметы (Цивьян, 1988, с. 57–58). Анализируя срубные погребения с альчиками, И. Ф. Ковалева полагает, что астрагалы применялись для гадания, игры в кости; игра в кости была сакральной, а лица, погребенные с астрагалами, были профессиональными гадалками, сопричастными культу и жрецам (Ковалева, 1991, с. 66–69). Характерно, что в погребении Лиман ЗА/7, к западу от Днестра, найдены также 21 астрагал (часть с просверленными сквозными отверстиями) и сосуд (Субботин. Тошев, 2002, с. 28). При ребенке в захоронении Старые Беляры 1/5 было найдено 23 астрагала (Петренко, 1991, с. 82). В остальных случаях в одном захоронении найдено от 1 до 6 предметов.

Металлические изделия немногочисленны и концентрируются, преимущественно, в погребальных комплексах Буджака (иголка, булавка, шило, подвески, браслет). В междуречье Днестра и Южного Буга изделия из металла известны, в основном, покладам (происходящим с левого берега Тилигульского лимана). В состав Рыбаковского клада входили бронзовые тесла, топор, долото (Савва, 1992, с. 170–172), а в состав Коблевского — топоры и серпы, часть в обломках (Черняков, 1967, с. 29–31). Отметим, что бронзовое тесло, близкое по форме теслам из Рыбаковского клада, найдено в погребении Коржово 4/4, на правом берегу Днестра (Борзьяк, Манзура, Левицкий, 1983, с. 6, рис. 3, 8)⁷².

В целом, памятники КМК Северо-Западного Причерноморья разделяются исследователями на два хронологических этапа (Савва, 1992). К раннему относятся основные погребения, ямы с уступами и продольным перекрытием, различные деревянные конструкции, каменные ящики, подбойные могилы и могилы с овальным уступом. Погребенные на раннем этапе характеризуются слабой и средней скорченностью, преобладанием северной, северо-западной и юго-восточной ориентировки. В погребальном инвентаре доминируют биконические сосуды, пряжки первого типа. Ранняя группа немногочисленна и имеет

аналогии среди памятников восточного ареала раннего периода. Для позднего хронологического этапа характерны овальные ямы, сильная (частично средняя) скорченность погребенного, ориентировка его на восток и северо-восток. Инвентарь представлен баночными и коническими сосудами, пряжками, преимущественно, третьего типа (Савва, 1992, с. 144–149). В совместной работе Е.Н. Савва и С.М. Агульников отмечают, что по многим элементам очень близки погребения позднего этапа культуры многоваликовой керамики и культуры Сабатиновка. Авторы приходят к выводу, что среди безынвентарных погребений с положением скелета в сильно скорченной позе при ориентации в восточном направлении абсолютное большинство следует определять как относящиеся к культуре Сабатиновка (Sava, Agulnikov, 2003, p. 113, 133).

Отметим, что в контексте Северо-Западного Причерноморья памятники междуречья Днестра и Южного Буга имеют свои особенности. Здесь гораздо меньший процент захоронений с пряжками. Так, из 163 погребений региона, пряжками сопровождалось всего 21 (это составляет около 12,8 %). При этом большинство находок пряжек здесь связано с территорией Приднестровья. Имеются могильники, где пряжки не зафиксированы вовсе (Старые Беляры, курган 1 — 9 захоронений; Щербанка, курган 1 — 10 захоронений; курган «Любаша» — 5 захоронений; Киселово, курган 1 — 12 захоронений). Заметим, что такой могильник без пряжек есть и на правом берегу Днестра (Новые Раскаецы); в нем находилось 15 погребений КМК (Яровой, 1990).

Погребальные комплексы междуречья Южного Буга и Днестра, вписываясь в систему древностей среднего бронзового века Северо-Западного Причерноморья, имеют и некоторые особенности. Эти отличия проявляются и в чертах погребального ритуала, и в характере инвентаря. Анализ их позволит выйти на новый уровень интерпретации памятников культуры многоваликовой керамики запада Причерноморских степей, осветить некоторые вопросы развития носителей КМК. Появляется возможность более определенно подойти к оценке того неоднозначного явления, которое известно в археологической науке как культура многоваликовой керамики, или бабинская культура (Отрошенко, 2001, с. 82).

⁷² Захоронение было отнесено авторами раскопок к ямной культуре, однако, как уже отмечалось, сходство черт погребального ритуала захоронений КМК и ямной культуры свойственно раннему этапу первой из них.

ПОГРЕБЕНИЯ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ И ДРУГИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ЭПОХ

Сабатиновская культура

Выделение сабатиновских погребений, с одной стороны затруднено из-за относительной неустойчивости присущего сабатиновской культуре погребального обряда, близости его к предшествующей культуре многоваликовой керамики. Тем не менее, исследователями все же определяются критерии выделения сабатиновских захоронений (Савва, 1992; Ванчугов, 2000;). Основными характеристиками сабатиновского погребального обряда являются: впускное, реже основное положение в кургане, сильно скорченное положение скелета, его восточная ориентировка, не всегда прослеженная форма погребальной камеры, отсутствие инвентаря, иногда представленного сосудами горшковидной формы (Ванчугов, 2000). Выделяют также общие признаки для сабатиновской культуры и культуры многоваликовой керамики: прямоугольная яма с уступом, с поперечным деревянным перекрытием на уровне уступа, поза погребенного в скорченном положении на левом боку, с согнутыми руками кистями перед грудью, с северо-восточной ориентацией, наличие охры подстилки и др. (Дергачев, 1986, с. 122-123; Савва, 1992, с. 130-131). Исследователи полагают, что основным культурно-дифференцирующим признаком для этих комплексов является инвентарь. При этом в раннесабатиновских погребениях зачастую присутствуют многоваликовые черты (Агульников, Бубулич, 1998). На переходном этапе от сабатиновской к белозерской культуре наблюдается взаимовлияние и можно выделить комплексы, имеющие черты обеих культур (Агульников, 2002).

Мы полагаем, что среди публикуемых захоронений к сабатиновской культуре, по видимому, можно отнести три: Новогригорьевка 2/5, Рёвова 3/1, 3/2. Все они характеризуются сильной скорченностью скелета, положением его на левом боку, восточной ориентировкой, отсутствием могильной ямы, безынвентарностью, размещением в верхних слоях курганной насыпи.

Погребения белозерской культуры

Два белозерских захоронения найдены в курганах могильника Зальц (1/3 и 4/3), оба являются основными; разрушены. Тем не менее, инвентарь, найденный в одном из них

(Зальц 4/3) отражает взаимовлияние и генетическую связь сабатиновской и белозерской культур в Северо-Западном Причерноморье.

Исследователи полагают, что на рубеже XII — XI вв до н. э. на территории от восточного Приазовья до Нижнего Подунавья происходит смена сабатиновской культуры белозерской. На переходном этапе можно выделить комплексы, имеющие черты обеих культур. Одним из немногих таких комплексов является рассматриваемое захоронение. Подтверждением тому служит находка в нем бронзового кинжала с параллельными лезвиями и кольцевым упором, т.н. «киммерийского» типа. По классификации Е.Н. Черных, он относится к типу Н-40 (Черных, 1966, с. 120-121). Такие кинжалы, по аналогии с изделиями из Соколенского клада, Березок и Афанасьевки датируются XII - XI вв до н.э., что соответствует позднесабатиновскому — раннебелозерскому времени (Агульников, 2002, с. 180). Уникальны бусы из красного янтаря; хотя янтарные бусы и встречаются в белозерских памятниках Северо-Западного Причерноморья (Ванчугов, 1990, с. 102), такой тип зафиксирован впервые. В целом, красные янтари являются довольно редкими: на Украине они известны только в Клесовском месторождении на Волини (Сребродольский, 1984, с.56).

Погребения эпохи бронзы

Безынвентарность этой группы захоронений не позволяет достоверно отнести их к определенной культуре эпохи бронзы. Затрудняет их культурную идентификацию и отсутствие могильных ям. Так, скорченное положение погребенного на боку характерно как для культуры многоваликовой керамики, так и для сабатиновской культуры; скорченное на спине — для ямной культуры и для КМК. В некоторых случаях не восстанавливается положение рук (Катаржино 1/4) или ног (Катаржино 1/18) умершего. Тем не менее, определенные черты обряда (положение костяка, в ряде случаев — следы охры и тлена от подстилки, остатки дерева) позволяют условно отнести эти погребения к эпохе бронзы. Необходимо дополнительная информация для культурной атрибуции этих памятников в рамках более узких периодов бронзового века, которой мы, к сожалению, не располагаем. В

силу этих причин данную группу захоронений мы условно относим к широкому диапазону эпохи бронзы.

Предскифский период. Черногоровская культура.

К черногоровским древностям относится одно захоронение, происходящее из погребения 1 кургана 1 могильника Зальц. Его культурная атрибуция подтверждается как деталями обряда, инвентарем (Дубовская, 1993, с. 157, рис. 77), так и стратиграфическим положением в кургане (впускное при основном захоронении белозерской культуры).

Бронзовые пластины-накладки, оформляющие деревянные сосуды, известны и в других захоронениях раннежелезного века: Высокая могила (Тереножкин, 1976, с. 32); Великая Александровка (Кубышев, Полин, Черняков, 1985, с. 154). Отдельные черты погребального ритуала также находят аналогии в захоронениях предскифского периода региона. Так, прутья вдоль стен погребальной камеры зафиксированы в погребении Каушаны 1/2 (Чеботаренко, Яровой, Тельнов, 1989, с. 72).

В Северо-Западном Причерноморье к черногоровским комплексам относится 2 основных и 26 впускных погребений (Яровой, Кашуба, Махортых, 2002, с. 287). Поэтому каждое новое погребение представляет несомненный интерес.

Скифские погребения

Скифский период в раскопанных курганах и могильниках представлен единичными памятниками. Из трех комплексов, относимых к скифской культуре, два являются захоронениями (Катаржино 3/1. Регова 4/1). Один курган содержал культовую (?) яму и остатки тризны в насыпи (Катаржино, к. 5). Погребенные лежали в вытянутом положении на спине, ориентированы в западном полушарии. Погребения безынвентарные, в тризне – фрагменты амфор (Катаржино 3/1), амфор и лепных сосудов (Регова 4/1). Более ранним временем, судя по протофасосской амфоре, датируется комплекс из кургана 5 у с. Катаржино – V-IV вв. до н.э. К III-II вв до н.э. относится погребение 1 кургана 4 у с. Регова. Возможно, со скифским периодом можно соотнести разрушенное погребение 2 из кургана 4 у с. Лиманское, с фрагментом красноглиняной амфоры в заполнении.

Сарматские захоронения

Публикуемые погребения сарматской культуры вполне вписываются в круг сарматских древностей региона. Погребение 1 кургана 2 могильника Зальц, несмотря на то, что оно было ограблено в древности, дало довольно интересный и разнообразный материал. Сходный набор находок известен в могильнике Нейзаг в Крыму (Храпунов, 2004, с. 106, рис. 2). По аналогии погребение из могильника Зальц можно датировать III в н.э. Необычным является захоронение 14 из кургана 2 у с. Новогригорьевка. Оно не имеет прямых аналогий; между тем, найденная в заполнении ножка амфоры определенно указывает на его датировку сарматским временем. Отклонения от обряда могут быть вызваны неординарным статусом погребенного. При этом несомненный интерес представляет исследование В.Ф. Петрунем белого минерального пигмента, с помощью которого были оформлены стены могильной ямы⁷³. Это – землистый, политоморфный структуры агрегат (с реликтивными копролитами мелких грунтофагов), в смеси с водой дающий “тесто”. Зафиксирован как эпигенетическое образование среди бурожелезняковых руд только Криворожского бассейна.

Результаты анализа указывают если не на происхождения населения, оставившего рассматриваемое захоронение, то на вектор его взаимосвязей.

Погребения средневековых кочевников

Немногочисленность этих захоронений, тем не менее, сочетается с их выразительностью. В двух из них (Лиманское 4/1, Регова 3/18) обнаружены наборы из кресала и огнива. Кресала встречаются в кочевнических захоронениях вплоть до XIV в н.э., однако признаки погребального ритуала (западная ориентировка погребенного, сопровождаемого расчлененным захоронением лошади) определяются исследователями как печенежские (Плетнева, 1973). Кресала сердцевидной формы (к этому типу относится находка из Лиманского) являются более ранними и датируются X-XI вв н.э. На смену им в XII-XIII вв н.э. приходят овальные; такого типа кресало обнаружено в кургане у с. Регова. Восьмеркообразная железная пряжка (найденная в захоронении 18 кургана 3 с. Регова) относится к типу Д-4, по классификации Г.А. Федо-

⁷³ См. статью В.Ф. Петруня в Приложении к настоящей монографии.

рова-Давыдова; по его мнению, эти изделия бытуют в довольно широком хронологическом диапазоне (Федоров-Давыдов, 1966, с.43, рис.7.3) С.А. Плетнева уточняет их датировку и относит пряжки такого типа к XIII веку н.э. (Археология СССР, 1981, с. 259, рис.87). Видимо, этим временем можно датировать и рассматриваемое погребение.

Уникальным является погребение 2 из кургана 2 могильника Катаржино. Находки золотых изделий не характерны для памятников этого круга; в качестве аналогии можно привести лишь захоронение 2 кургана 3 у с. Лиман (Субботин, Дзиговский, Островерхов, 1998, с. 67). Золотые украшения в большей степени – атрибут половецких погребений, у нас практически не встречающихся. К тому же для половцев обычным является ориентировка погребенного в восточном полукруге, с за-

хоронением целой туши коня, а не его частей. Скорее всего, это погребение можно отнести к печенежско-торчесским (позднего этапа), смешанного характера, с наличием половецких черт.

Таким образом, найденные захоронения охватывают период X – XIV вв н.э.

Нестандартную (южную) ориентировку имеет погребенный в кургане «Солдатская слава», однако в юго-восточном направлении ориентировано захоронение 6 кургана 6 Каменских курганов (Манзура, Клочко, Савва, 1992, с. 94), некоторые погребения курганов у с. Вишневое (Субботин, Дзиговский, Островерхов, 1998).

Позднейшим из всех средневековых памятников оказались ногайские погребение 12 и 21 у кургана 3 у с.Рева, относящиеся, видимо, к XVI в. н.э.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основной задачей настоящей работы было издание новейших (2003 г.) и относительно новых материалов, добытых раскопками курганов в малоизученных районах степного междуречья Днестра и Южного Буга, систематизация этих материалов по культурно-хронологическому принципу. Немало внимания мы постарались уделить характеристике культур и культурных групп энеолита и эпохи бронзы этого региона, в той мере, в какой это позволяют наши возможности и основной фонд источников.

В результате проведенных раскопок получен типологически и хронологически разнообразный материал, который во многом заполняет пробелы в современных представлениях об эпохе палеометалла в срединной части Буго-Днестровского междуречья. Небольшая группа энеолитических погребальных комплексов характеризуется пестротой и определенным своеобразием. Неожиданно архаичным оказался возраст древнейших курганов, оригинальны, если не вообще уникальны, представленные ими типы монументальной культовой архитектуры. Основная по численности серия памятников, как обычно в курганах степной Украины и Молдовы, относится к ямной культуре, к ее позднему этапу. Здесь, в междуречье Днестра и Южного Буга, осуществлялся контакт двух ее локальных формирований — юго-западного, или так называемого буджакского, и южнобугского. Это придало местным ямным памятникам определенный колорит, заметно усиленный присутствием в регионе обрядовой (или культурной?) традиции погребений кеми-обинского типа. Несомненный интерес представляет выразительная группа захоронений катакомбной культуры и более поздних культур бронзового века (культуры многоваликовой керамики и сабашиновской культуры). Обеспечение выстроенной нами культурно-стратиграфической колонки радиоуглеродными датами, наличие неординарных комплексов делает ее актуальной, а усилия, затраченные на подготовку данной публикации, безусловно, оправданными.

Наиболее проблемными для нас оказались вопросы хронологии. Несмотря на по-

полнение банка изотопных дат (^{14}C), некоторые спорные вопросы оказались далеки от своего решения. Полученные даты ямных и катакомбных погребений указывают на возможность сосуществования носителей этих культур на определенном этапе. Как мы уже отмечали, данный тезис вызывает споры среди исследователей. Характерно, что и для более ранней эпохи также наблюдается несоответствие абсолютной и относительной хронологии (Рассамакин, 2004, с.17, 26). Между тем, решение этой проблемы может лежать в иной (концептуальной) сфере.

В этом плане несомненный интерес представляют исследования М. Б. Шукина (Шукин, 2004). Традиционно любая система относительной хронологии представляет собою некую сетку, вертикальные ячейки которой образованы последовательными сменами облика материальной культуры для различных регионов. Они устанавливаются по наблюдениям над стратиграфией комплексов, с помощью типологических и корреляционных сопоставлений. Горизонтальные ячейки позволяют соотносить и синхронизировать определенные хронологические горизонты. Но эта система относительной хронологии лишь в некоторых точках имеет «репера», которые позволяют связать ее с хронологией абсолютной, выраженной в календарных датах. Для эпохи бронзы таких реперов относительно немного. С одной стороны, они связаны с имеющимися радиоуглеродными датами для погребений и поселений отдельных культур. С другой стороны, можно привлечь хронологические схемы синхронных культур иных географических ареалов, где вопросы хронологии и периодизации достаточно четко разработаны. Здесь следует иметь в виду такой момент. Различие исторических дат и археологических в том и состоит, что первые являются некой точкой во времени, а вторые всегда являют собой некий интервал времени. Внутри него с большей или меньшей вероятностью размещается происшедшее событие (или цепь событий). Каждое захоронение происходит практически в один день (иногда, с учетом сопутствующих ему ритуалов, в более длительные сроки). Между тем,

исходя из радиоуглеродных дат, мы вынуждены давать ему датировку приблизительно в одно-два столетия, полагая, что где-то в этом интервале, с разной долей вероятности, размещается искомый день.

Исследователь отмечает, что как только мы пытаемся совместить систему относительной хронологии с данными абсолютной, мы наталкиваемся на целый ряд противоречий. Это объясняется тем фактом, что археологи имеют дело с «текучими» процессами изменения материальной культуры. Каждое выявленное археологическое явление, будь то типологический ряд, кластеры корреляции или археологические культуры, коренятся еще в предшествующих периодах, проявляясь пока не очень активно. Стройная система сетки относительной хронологии растягивается, ячейки из квадратных становятся ромбическими, перекрывающимися в той или иной мере. М. Б. Шукин полагает, что в связи с этим нам

придется изменить саму парадигму нашего хронологического мышления — от «квадратного» перейти к «ромбическому». Применение «ромбоидальной» парадигмы хронологического мышления, где ступени и фазы относительной хронологии в абсолютном счете времени оказываются частично перекрывающимися друг друга, позволяет снять целый ряд противоречий, неизбежно возникающих при переводе относительных дат в абсолютные.

Данная концепция, разработанная для эпохи Латена, вполне может быть применена к материалам эпох энеолита и бронзы, в которых проявляются те же противоречия и несоответствия между относительной и абсолютной хронологией для отдельных культур.

К тому же за археологическими культурами стоят определенные человеческие коллективы, историческое развитие которых весьма проблематично детерминировать жесткими схемами.

ЛИТЕРАТУРА

- Агульников С.М.* Охранные раскопки кургана у с. Бычок // АИМ в 1981 году. — Кишинев, 1985 — С. 41–52.
- Агульников С.М.* Погребальные комплексы культуры многоваликовой керамики между речья Прут-Кагул // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности и культурно-исторической общности многоваликовой керамики. — Запорожье, 1998. — С. 65-70.
- Агульников С.М.* Новые памятники катакомбной культуры из Нижнего Поднестровья // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. — Запоріжжя, 1999. — С.118-132.
- Агульников С.М.* Погребальные комплексы позднесабатиновского-раннебелозерского времени в Пруто-Днестровском междуречье // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. — V в. н.э). — Тирасполь, 2002. — С.176-181.
- Агульников С.М.* Погребения «аристократии» ямной культуры из кургана 10 у пос. Тараклия // Северное Причерноморье: от энеолита к античности. — Тирасполь, 2002. — С. 88-99.
- Агульников С.М.* Погребальный обряд Казаклийского могильника белозерской культуры // Interferente cultural-cronologice in spatiul nord-pontic. — Chisinau, 2003. — p. 139-163.
- Агульников С.М., Бейлекчи В.С.* Археологические исследования в Верхнепугачевском массиве // Молдавское Поднестровье в первобытную эпоху. — Кишинев, 1987. — С. 64-86.
- Агульников С.М., Бубулич В.Г.* Погребения финального этапа средней бронзы степной зоны Республики Молдова // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности и культурно-исторической общности многоваликовой керамики. — Запорожье, 1998. — С. 135-141.
- Агульников С.М., Бубулич В.Г., Курчатова С.И.* Курганы эпохи энеолита-бронзы у с. Крихана-Веке на Нижнем Пруте // Древности Степного Причерноморья и Крыма. — Запорожье, 1997. — Вып. VI. — С. 71-83.
- Агульников С.М., Савва Е.Н.* Курганы эпохи энеолита-бронзы у пгт Тараклия // АИМ в 1982 г. — Кишинев, 1986. — С. 34-54.
- Агульников С.М., Савва Е.Н.* Курганы эпохи энеолита — бронзы у с. Ново-Котовск // Древности Степного Причерноморья и Крыма. — Запорожье, 1992. — С.33–39.
- Алексеева И.Л.* Раскопки Беляевского кургана в 1966 году // МАСП. — Одесса, 1971. — Вып. 7. — С. 32-41.
- Алексеева И.Л.* Элементы культур шнуровой керамики в памятниках ранней поры бронзового века Северо-Западного Причерноморья // Северное Причерноморье. — К., 1984. — С. 23-34.
- Алексеева И.Л.* Курганы эпохи палеометалла в Северо-Западном Причерноморье. — К., 1992. — 131 с.
- Алексеева И.Л.* Группа катакомбных погребений с глиняными накладными масками в курганах Нижнего Поднестровья // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. — V в. н.э). — Тирасполь, 1994. — С.103-105.
- Андросов А.В., Марина З.П., Завгородний Д.И.* Энеолитический курган у села Богуслав в Присамарье // Проблемы археологии Поднепровья, 1991. — С.4–19.
- Андросов А.В., Мельник А.А.* Курганы раннего бронзового века Криворожья с зооморфными конструкциями // Проблемы археологии Поднепровья. — Днепропетровск, 1991. — С.35–50.
- Андросов А.В., Яременко И.И., Мартюшенко Д.В.* Курганы эпохи энеолита — бронзового века Каменского поля // Исследования по археологии Поднепровья. — Днепропетровск, 1990. — С.4–22.
- Антонов А.Л.* Топор бородинского типа из погребения КМК у с. Балабино // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности и культурно-исторической общности многоваликовой керамики. — Запорожье, 1998. — С. 105-108.
- Бейлекчи В.В.* Курганы у с. Щербанка // Древности Степного Причерноморья и Крыма. — Запорожье, 1993. — Вып. IV. — С. 62-78
- Бейлекчи В.С.* Ранний энеолит низовьев Прута и Дуная (Гумельницкие поселения Вулканешти II и Лопацика в южной части МССР). — Кишинев, 1978. — 153 с.
- Березанская С.С.* Северная Украина в эпоху бронзы. — К., 1982.
- Березанская С.С.* КМК — культура или керамический стиль // Проблемы изучения катаком-

бной культурно-исторической общности и культурно-исторической общности многоваликовой керамики. — Запорожье, 1998. — С. 60-65.

Березанская С.С., Отрощенко В.В., Чередниченко Н.Н., Шарафутдинова И.Н. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. — К., 1986.

Бикбаев В.М. Предгординештские памятники типа Кирилень в Северной Молдове // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. — V в.н.э.). — Тирасполь, 1994. — С.64—69.

Богданов С.В. Древнеямный некрополь в окрестностях с. Грачевка // Археологические памятники Оренбуржья. — Вып.4. — Оренбург, 2000. — С.11-26.

Болтрик В.В., Левченко В.Н., Фиалко Е.Е. О позднем чертах в катакомбном погребальном обряде низовья реки Молочной // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. — К., 1991. — С. 57-84.

Борзьяк И.А., Манзура И.В., Левицкий О.Г. Коржевские курганы // АИМ в 1979-1980 г.г. — Кишинев, 1983. — С.3-27.

Братченко С.Н. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. — К., 1976. — 251 с.

Братченко С.Н. Донецька катакомбна культура раннього етапу. — Луганськ, 2001. — 196 с.

Братченко С.Н. Могили бронзової доби в басейні р. Дерскул // Матеріали і дослідження по археології Восточної України. — вып. 1. — Луганск, 2003. — С.162-226.

Братченко С.Н., Шапошникова О.Г. Катакомбная культурно-историческая общность // Археология Украинской ССР. — т. 1. — К., 1985. — С. 403-420.

Братченко С. Н., Константиnescу Л. Ф. Александровский энеолитический могильник // Древнейшие скотоводы степей юга Украины. — К., 1987. — С.17—31.

Бруяко И.В., Карпов В.А., Петренко В.Г. Изменение уровня Черного моря от эпохи камня до средних веков (по результатам исследования северо-западного шельфа) // Изучение памятников истории и культуры в гидросфере. — вып.2. — М., 1991. — С. 8-18.

Ванчугов В.П. Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье. — К., 1990.

Ванчугов В.П. Проблема погребального обряда сабастиновской культуры Северо-Западного Причерноморья // Археология та етнологія східної Європи (матеріали і дослідження). — Одесса, 2000.

Ванчугов В.П., Субботин Л.В., Дзиговский А.Н. Курганы приморской части Днестро-Дунайского междуречья. — К., 1992. — 89 с.

Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Турецкий М.А. Ямная и полтавкинская культуры // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. — Самара, 2000. — С.6-65.

Ветчинникова Н.Е. Об особенностях гончарного ремесла племен позднемной культуры Северо-Западного Причерноморья // Древнее производство, ремесло и торговля по археологическим данным. — М., 1988. — С. 34-35.

Ветчинникова Н.Е. Об одном погребении из степей Северо-Западного Причерноморья // Археология и древняя архитектура левобережной Украины и смежных территорий. — Донецк, 2000. — С.74-76.

Видейко М.Ю. Розкопки поселення трипільської культури біля с. Вільховець // Археологічні дослідження в Україні 1993 року. — К., 1997. — С.30—32.

Гей А.Н. Погребение литейщика новотиторской культуры из Нижнего прикубанья // Археологические открытия на новостройках. — М., 1986.

Гей А.Н. О некоторых проблемах изучения бронзового века на юге Европейской России // Российская археология — 1999. — №1.

Гей А.Н. Новотиторская культура. — М., 2000. — 223 с.

Гей А.Н. О коллективных погребениях бронзового века в Причерноморье и Предкавказье // Чтения, посвященные 100-летию В.А. Городцова. ТДК. — М., 2003. — С.82-84.

Генинг В.В. К вопросу о “кеми-обинских” погребениях Степного Поднепровья // Актуальные проблемы историко-археологических исследований. — К., 1987. — С.37—38.

Геологическая карта Украинской ССР и Молдавской ССР (масштаба 1:100000). Объяснительная записка. — К., 1979. — 269 с.

Горбов В.Н., Кабанова В.Н., Усачук А.Н., Чубатенко И.А. Валик на керамике позднего бронзового века: поиск назначения // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. — Запорожье, 1999. — С. 71-78.

Гудкова А.В. Энеолитический курган с кромлехом в устье Тилигула // Северо-Западное Причерноморье в эпоху первобытно-общинного строя. — К., 1980. — С.87—95.

Гудкова А.В., Тоцев Г.Н., Чеботаренко Г.Ф. Курганы у сел Кислица и Озерное Одесской области // Древности Степного Причерноморья и Крыма. — Запорожье, 1985. — Вып V. — С. 91-109.

Давня історія України. — К., 1997. — Т. 1. — 559 с.

Даниленко В.Н. Энеолит Украины. — К., 1974. — 176 с.

Даниленко В.М., Шмаглій М.М. Про один поворотний момент в історії енеолітичного населення Південної Європи // *Археологія*. — 1972. — Вип. 6. — С. 3-19.

Дворянинов С.А. Энеолитические календари на юге Европейской части СССР // Северо-Западное Причерноморье в эпоху первобытнообщинного строя. — К., 1980. — С.29–38.

Дворянинов С.А., Дзиговский А.Н., Субботин Л.В. Раскопки курганной группы у с. Вишневое // Новые материалы по археологии Северо-Западного Причерноморья. — К., 1985. — С. 132-174.

Дворянинов С.А., Петренко В.Г., Рычков Н.А. К изучению ориентировки ямных погребений // Древности Северо-Западного Причерноморья. — К., 1981. — С. 22-38.

Дергачев В.А. Катакомбная культура в Днестровско-Прутском междуречье // Первобытные древности Молдавии. — Кишинев, 1983. — С. 128-151.

Дергачев В.А. Курганы у с. Гура-Быкулуй // Курганы в зонах новостроек Молдавии. — Кишинев, 1984. — С. 3-36.

Дергачев В.А. Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы. — Кишинев, 1986. — 222 с.

Дергачев В.А. Молдавия и соседние территории в эпоху энеолита-бронзы: Автореф. дис. д-ра ист. наук —Л., 1989. — 44 с.

Дергачев В.А. Два этюда в защиту миграционной концепции // *Stratum plus*. — 2000. — № 2. — С. 526-562.

Дергачев В.А., Манзура И.В. Погребальные комплексы позднего Триполья.— Кишинев, 1991. — 334 с.

Дергачев В.А., Савва Е.Н. Исследования курганов в окрестностях сел Мерень и Кирка // *Stratum plus*. — 2001-2002. — №2. — С. 468-485.

Дзиговський О.М., Субботин Л.В. Сергіївський могильник та його місце серед курганних пам'яток Приморської зони Буджака // *Археологія і етнологія Восточної Європи*. — Одеса, 1997. — С. 168-191.

Добровольский А.В. Раскопки кургана в предместье Одессы Слободка-Романовка // *ЗООИД*. — Т.XXXII. — Одесса, 1915. — С.123–234.

Дубовская О.Р. Вопросы сложения инвентарного комплекса черногоровской культуры // *Археологический альманах*. — Вып. 2. — Донецк, 1993. — С. 137-160.

Дяченко В.Д., Шилов Ю.А., Довженко Н.Д. Основные этнические группировки древне Юго-Восточной Европы // *Античная Балканистика 6*. — М., 1988. — С.10-12.

Евдокимов Г.Л., Рассмакин Ю.Я. Два поздэнеолитических могильника на юге Херсонщины // Новые памятники ямной культуры степной зоны Украины. — К., 1988. — С.79–92.

Етнічна історія давньої України. — К., 2002. — 277 с.

Загинайло А.Г., Черняков И.Т., Петренко В.Г. Каролино-Бугазский могильник // Новые исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья. — К., 1987. — С. 99-108.

Збенович В.Г. Позднетрипольские племена Северо-Западного Причерноморья. — К., 1974. — 175 с.

Зиневич Г.П. Краниологические материалы эпохи энеолита-ранней бронзы в Северо-Западном Причерноморье // *МАСП*. — Одесса, 1970. — № 6. — С. 156-167.

Зирра В. Культура погребений с охрой в Закарпатских областях РНР // *Материалы и исследования юго-запада СССР и РНР*. — Кишинев, 1960. — С. 97-128.

Золотун В.П. Некоторые свойства палеопочв и вопросы датировки курганов на юге Украины // *МАСП*. — Вып. 6.— Одесса, 1970.

Етнічна історія давньої України. — К., 2000. — 280 с.

Иванова С.В. Технологія та орнамент гончарства бронзової доби Північно-Західного Причорномор'я // *Археологія*. — №3. — 1995. — С.69-73.

Иванова С.В. Социальная структура населения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. — Одеса, 2001.— 244 с.

Иванова С.В. Бинарные оппозиции в погребальном обряде ямной культуры // *Stratum plus*. — 2001-2002. — №2. — С. 308-316.

Иванова С.В. Ямная культура Северо-Западного Причорномор'я: стратиграфія і хронологія // *Чтения, посвященные 100-летию деятельности В.А.Городкова в Государственном историческом музее*. — ТДК. — М., 2003 — С. 87-90.

Иванова С.В., Ветчинникова Н.Е. Археологические исследования в Ивановском районе Одесской области // *Археологический вестник*. — №3. — Запорожье, 1992. — С.8–9.

Иванова С.В., Ветчинникова Н.Е. Раскопки у с. Лиманское Раздельнянского района Одесской области // *Древности степного Причер-*

номорья и Крыма. — вып. IV. — Запорожье, 1993. — С.176-182.

Иванова С.В., Цимиданов В.В. Погребения с топорами в ямной культуре Северо-Западного Причерноморья // Наукові праці історичного факультету Запорізького державного Університету. — Запоріжжя, 1998. — Вип. IV. — С. 141-162.

Иванова С.В., Цимиданов В.В. Воинство в ямном обществе Северо-Западного Причерноморья // Проблемы истории и археологии Украины. — Харьков, 1999. — С. 6-7.

Кашуба М.Т., Курчатова С.И., Щербакова-Т.А. Кочевники на западной границе великой Степи (по материалам курганов у с. Мокра) // Stratum plus. — 2001-2002. — № 4. — С. 180-252.

Кислый А.Е. Реконструкция демографической структуры населения степей Северного Причерноморья III—II тыс. до н. э. // Автореф. дис. канд. ист. наук — М., 1989. — 19 с.

Кияшко А.В. О культурном единстве позднейших и раннекатакомбных памятников эпохи средней бронзы // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы. — ТДК. — Ростов-на-Дону, 1998. — С. 42-43.

Кияшко А.В. О восточных элементах катакомбной культуры на Нижнем Дону // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2001 году. — вып. 18. — 2002. — С. 242-259.

Клейн Л.С. Рец. на: Курганы степной части междуречья Дуная и Днестра. — МАСП. — Одесса, 1970. — Вып. 6 // СА. — 1975. — № 1. — С. 297-304.

Клейн Л.С. Археологические источники. — Л.: ЛГУ, 1978.

Клочко Е.О. Редкий погребальный комплекс катакомбной культуры на Среднем Днестре // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности. — ТДК. — Запорожье, 1990. — С.28-30.

Клочко В.І. Озброєння та військова справа давнього населення України (5000 — 900 рр. до Р.Х.). К., 2002.

Ковалева И.Ф. Катакомбные погребения Орельско-Самарского междуречья // Древности Степного Поднепровья (III—II тыс. до н.э.). — Днепропетровск, 1982.

Ковалева И.Ф. Север степного Поднепровья в энеолите-бронзовом веке. — Днепропетровск, 1984. — 80 с.

Ковалева И.Ф. Культурные комплексы так называемых длинных курганов эпохи бронзы // Археологические памятники Поднепровья

в системе древностей Восточной Европы. — Днепропетровск, 1988. — С.20—33.

Ковалева И.Ф. Социальная и духовная культура племен бронзового века (по материалам Левобережной Украины). — Днепропетровск, 1989. — 89 с.

Ковалева И.Ф. Предстепье левобережной Украины в катакомбное время // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности. — ТДК. — Запорожье, 1990. — С. 22-24.

Ковалева И.Ф. Погребения с майкопским инвентарем в левобережье Днестра (к выделению животиловского культурного типа) // Проблемы археологии Поднепровья. — Днепропетровск, 1991. — С. 69—88.

Ковалева И.Ф. Срубные погребения с наборами альчиков // Исследования по археологии Поднепровья. — Днепропетровск, 1991. — С. 59-91.

Ковалева И.Ф. Зеленогайский комплекс антропоморфной пластики: культурная принадлежность и семантика // Ковалева И. Ф., Марина З. П., Ромашко В. А. и др. Курганы энеолита — бронзы в Криворожском течении Ингульца. — Днепропетровск, 2003. — С. 102—127.

Ковалева И.Ф., Волкобой С.С., Марина З.П., Лихачев В.А., Попцов В.А. Исследование курганных могильников у с. Верхняя Маевка в степном междуречье рек Орели и Самары // Курганы древности Степного Поднепровья. — Днепропетровск, 1977. — С.8—113.

Ковалева И.Ф., Марина З.П., Ромашко В.А., Тесленко Д.Л., Шалобудов В.Н. Векленко В.А. Курганы энеолита — бронзы в Криворожском течении Ингульца. — Днепропетровск, 2003. — 130 с.

Ковалева И.Ф., Шалобудов В.Н. Раскопки курганов эпохи бронзы в Правобережном Предстепье // Проблемы археологии Поднепровья. — Днепропетровск, 1992. — С. 4—46.

Ковпаненко Г.Т., Бунятян Е.П., Гаврилюк Н.А. Раскопки курганов у с. Ковалевка // Курганы на Южном Буге. — Киев, 1978. — С.7—132.

Ковпаненко Г.Т., Гаврилюк Н.А. Курганы у с. Ковалевка (группа VI) // Археологічні відкриття в Україні в 2000-2001 рр. — С. 259-276.

Ковпаненко Г.Т., Фоменко В.М. Поховання доби енеоліту — ранньої бронзи на правобережжі Південного Бугу // Археологія. — 1986. — №55. — С.10—25.

Кондукторова Т.С. Антропология древнего населения Украины (I тыс. до н.э. — середина I тыс. н.э.). — М., 1972.

Корневский С.Н. О металлических ножах ямной, полтавкинской и катакомбной культуры // СА. — № 2. — 1978. — С.33-48.

- Корневский С.Н.* Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. — М., 2004. — 243 с.
- Котова Н. С.* Энеолитические материалы поселения и могильника у хутора Александрия на реке Оскол // Маатериалы и исследования по археологии Восточной Украины. — Вып.1. — Луганск, 2003. — С.78–97.
- Кравец Д.П.* О булавах бородинского клада // Тезисы докладов конференции “Древнее Причерноморье”. — Одесса, 1993. — С. 37-38.
- Кравец Д.П.* О хозяйстве племен Донецкой катакомбной культуры // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. — вип. IX — Запоріжжя: ЗДУ, 2001. — С. 38-50.
- Кремер А.М.* Катакомбное погребение у с. Монаши Одесской области // МАСП, вип.7. — Одесса, 1971.
- Кривцова-Гракова О.А.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы // МИА — №46 — 1955 — С. 1-168.
- Кривцова-Гракова О.А.* Погребения бронзового века и предскифского времени на Никопольском курганном поле // МИА. — № 115 — 1962. — С. 5- 55.
- Кривола Л.П.* Археологічні розкопки стародавніх курганів на Криворіжжі в 1964—1966 рр. // Наш край. — Дніпропетровськ, 1971. — С. 18—31.
- Круц С.И.* Население территории Украины эпохи меди-бронзы. — К., 1972.
- Круц С.И.* Антропологические исследования Степного Приднепровья. — К., 1984. — С. 75—81.
- Круц С.И.* Антропологический состав населения на территории Украины в эпоху камня, меди и бронзы // Археология Украинской ССР. — К., 1985. — Т. 1. — С. 527—536.
- Круц С.И.* К вопросу об антропологическом составе населения катакомбной культуры в Северном Причерноморье // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности. — ТДК. — Запорожье, 1990. — С. 41-43.
- Круц С.И.* Антропологічний склад населення // Давня історія України. — Т.1. — К., 1997. — С. 374-383.
- Кубышев А.И., Полин С.В., Черняков И.Т.* Погребение раннежелезного века на Ингульце // СА — 1985. — №4.
- Кузьминова Н.Н., Петренко В.Г.* Культурные растения на западе Степного Причерноморья в середине III—II тыс. до н. э. // Тези доповідей конференції “Проблеми історії та археології давнього населення Української РСР”. — Київ-Одеса, 1989. — С. 119-120.
- Лагодовська О.Ф., Шапошникова О.Г., Макаревич М.І.* Михайлівське поселення. — К., 1962. — 246 с.
- Литвиненко Р.А.* К оценке культуры многоваликовой керамики Восточного Надазовья // Тезисы докладов конференции “Северо-Восточное Приазовье в системе Евразийских древностей”. — Донецк, 1996. — С. 65-72.
- Левицкий О.Г.* Курганы эпохи бронзы у с. Томай // АИМ в 1983 году. — Кишинев, 1983. — С. 35-44.
- Лобода И.И., Тощев Г.Н.* Новый кемиобинский комплекс из Бахчисарайского района // Культурологічний вісник. — Вип.10. — Запоріжжя, 2003. — С.7–9.
- Ляшко С.Н.* К вопросу о семантике орнамента на сосудах из погребений ямной культуры // Древнейшие скотоводы степей юга Украины. — К., 1987. — С. 54- 58.
- Ляшко С.Н.* Раскопки курганов у с. Августинівка // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. — вип. X. — Запоріжжя, 2002. — С.64-86.
- Малюкевич А.Е., Петренко В.Г.* Усатовский комплекс с фигурными пронизьями в низовьях Днестра // Древнее Причерноморье. — Одесса, 1993. — С.25–30.
- Манзура И.В.* Исследования курганов у пос. Светлый // Курганы в зонах новостроек Молдавии. — Кишинев, 1984. — С. 109–143.
- Манзура И.В.* Проблема формирования культур раннего бронзового века на Северо-Восточных Балканах // Stratum plus. — 2001-2002. — №2. — С. 468-485.
- Манзура И.В., Клочко Е.О., Савва Е.Н.* Каменские курганы. — Кишинев, 1992. — 133 с.
- Манько В.А., Телиженко С.А.* Проблемы абсолютной хронологии мезолита-энеолита Подонечья // Материалы и исследования по археологии Восточной Украины. — Луганск, 2003. — С.31-65.
- Мелюкова А.И.* Работы западно-скифской экспедиции // АИМ в 1973 году. — Кишинев, 1974. — С. 53-78.
- Мерперт Н.Я.* Древнейшая история населения степной полосы Восточной Европы. — Автореф дис. д-ра ист. наук. — М., 1968. — 84 с.
- Мерперт Н.Я.* Древнейшие скотоводы Волго-Уральского междуречья. — М., 1974. — 166 с.
- Мерперт Н.Я.* Циркумпонтийская зона в раннем бронзовом веке: вопросы культурных контактов // Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии. — Тбилиси, 1987.— С.89-97.
- Моргунова Н. Л., Кравцов А. Ю.* Памятники древнеямной культуры на Илеке. — Екатеринбург, 1994. — 153 с.
- Мэллори Д.* Курганы и социальная структура населения эпохи ранней бронзы // Тезисы

докладов международной конференции “Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н. э. — V в. н. э.” — Кишинев, 1994. — С. 86–89.

Меллорі Д., Телегін Д.Я. Поява колісного транспорту на Україні за радіокарбонними даними // Тезиси докладов конференції “Проблеми хронології культур енеоліта і бронзового віка Східної України і юга Східної Європи”. — Дніпропетровськ, 1994. — С. 30-32.

Мыськов Е.П. К проблеме периодизации памятников срубной культуры Нижнего Поволжья и Волго-Донского междуречья // СА — 1991. — № 4. — С. 145-163.

Назаров С.В., Ковалюх М.М. Київська радіовуглецева калібраційна програма // Археометрія та охорона історико-культурної спадщини. — 1999. — №3. — С. 70-81.

Нераденко Т.М. Кераміка Молюхова Бугра // Археологічні дослідження на Черкащині. — Черкаси, 1995. — С. 33–42.

Никитин В.И. Поселения и летовки ингульской катакомбной культуры в степном Днепровском Левобережье // Проблемы первобытной археологии Причерноморья (к 100-летию основания Херсонского музея древностей). ТДК. — Ч.1. — 1990. — С. 63-65.

Николова А.В. Хронологическая классификация памятников ямной культуры степной зоны Украины. — Автореф. дис. канд. ист. наук. — К., 1992. — 21 с.

Николова А.В. К вопросу об эволюции погребального обряда ямной культуры евразийских степей // Тезисы докладов международной конференции “Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н. э. — V в. н. э. “. — Тирасполь, 1994. — С. 91-94.

Николова А.В. Хронология ямной и катакомбной культуры степной Украины: некоторые вопросы датировки методом ¹⁴C // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология, периодизация. Самара: Изд-во СамГПУ, 2001. — С. 104-107.

Николова А.В. О месте «репинских» памятников в ямной культурно-исторической общности (некоторые вопросы историографии) // Проблемы археологии Поднiпря. — Дніпропетровськ, 2002. — С. 37-59.

Николова А.В., Рассамкин Ю.Я. О позднеэнеолитических памятниках правобережья Днепра // СА. — №3. — 1985. — С. 37–56.

Николова А.В., Черних Л.А. До однієї з концепцій соціального розвитку носіїв катаком-

бної культури // Археологія. — 1997. — № 1. — С. 107-117.

Николова А.В., Мамчиц Т.І. До методики класифікації посуду ямної культури // Археологія. — 1997. — №3. — С. 101-115.

Николова Л. Проникновение ямной культуры в бассейн Нижнего Дуная // Тезисы докладов международной конференции “Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н. э. — V в. н.э.”. — Тирасполь, 1994. — С. 96.

Николова Л. Ямная культура на Балканах (Динамика структуры погребального обряда и соотношение с другими культурами ранней бронзы) // Stratum plus. — 2000. — №2 — С. 423-458.

Отрощенко В.В. Феномен кістяних пряжек // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности и культурно-исторической общности многоваликовой керамики. — Запорожье, 1998. — С. 113-117

Отрощенко В.В. Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Європи. — К., 2001. — 288 с.

Отрощенко В.В., Пустовалов С.Ж. Обряд моделирования лица у племен катакомбной общности // Духовная культура древних обществ на территории Украины. — К., 1991. — С. 59-84.

Охотников С.Б., Островерхов А.С. Подводные археологические исследования в Северо-Западной части Черного моря // Изучение памятников истории и культуры в гидросфере. — Вып.2. — М., 1991. — С. 19-27.

Панайотов И. Ямната култура в българските земи // Разкопки и проучвания. — кн. XXI — София, 1989.

Панайотов И. Ямная культура и ранний бронзовый век Болгарии // Тезисы докладов международной конференции “Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н. э. — V в. н. э. “. — К., 1991 — С. 93.

Патокова Э.Ф. Усатовское поселение и могильники. — К., 1979. — 184 с.

Патокова Э.Ф., Петренко В.Г., Бурдо Н.Б., Полищук Л.Ю. Памятники трипольской культуры в Северо-Западном Причерноморье. — К., 1989.

Петренко В.Г. Архитектурные особенности некоторых курганов Усатово // Материалы по археологии Северного Причерноморья. К., 1983. — С. 22-32.

Петренко В.Г. Каменная плита с изображениями из Усатово // Северное Причерноморье. — К., 1984. — С. 14–22.

Петренко В.Г. Памятники энеолита и поворот эпохи к бронзовому веку в Северо-Западном Причерноморье // История и археология Нижнего Подунавья. — Рени, 1989. — С. 18–20.

Петренко В.Г. Курган бронзового века у с. Старые Беляры // Вороновка II. Поселение позднебронзового века в Северо-Западном Причерноморье. — К., 1991. — С. 77–91.

Петренко В.Г. Об относительной хронологии усатовской культуры // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. — V в. н.э.) — К., 1991а. — С. 74–75.

Петренко В.Г. Относительно места в степном энеолите ряда памятников Днестровско-Дунайского региона // Древнее Причерноморье. — Одесса, 1993. — С. 16–19.

Петренко В.Г. Относительно систематизации памятников позднего периода культуры Триполье-Кукутень // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. — V в. н.э.). — Тирасполь, 1994. — С. 61–64.

Петренко В.Г. О раннекурганых памятниках Северо-Западного Причерноморья // Проблемы истории и археологии Нижнего Поднестровья. — Белгород-Днестровский, 1995. — С. 41–42.

Петренко В.Г. Епонімне Усатове та проблема генези усатівської культури // Трипільська цивілізація у спадщині України. — Київ, 2003. — С. 137–144.

Петренко В.Г., Алексеева И.Л. Могильник усатовской культуры у с. Яски в Нижнем Поднестровье // Древнее Причерноморье. — Одесса, 1994. — С. 48–55.

Петренко В.Г., Ковалюх Н.Н. Новые данные по радиоуглеродной хронологии энеолита Северо-Западного Причерноморья // Трипільські поселення-гіганти в Україні. — Тальянки, 2003.

Петренко В.Г., Тоцев Г.Н. Велико-Зиминский курган бронзового века // Охранные историко-археологические исследования на Юго-Западе Украины. — Одесса — Запорожье, 1990. — С. 71–86.

Петренко В.Г., Шилов Ю.А. Новый усатовский памятник в междуречье Днестра и Южного Буга // Археологический вестник. — №3. — Запорожье, 1992. — С. 9–11.

Петренко В.Г., Островерхов А.С., Сапожников И.В. Новый курган энеолита-бронзы в Нижнем Поднестровье // Старожитності степового Причерноморья і Криму, т.10. — Запоріжжя, 2002. — С. 39–63.

Петрунь В.Ф. Жадеитовые орудия из собрания Одесского археологического музея // Древнее Причерноморье. Краткие записки Одесского археологического общества. — Одесса, 1994. — С. 256–263.

Піоро В. Нові знахідки антропоморфних стел та кромлехів в курганах ямної культури степової України // Vita Antiqua. — 1. — 1999. — С. 41–44.

Плетнева С.А. Древности Черных клобуков. — М., 1973. — САИ: Вып. Е1–19. — 96 с.

Плешивенко А.Г. Курганный могильник у с. Конские Раздоры // Древности Степного Причерноморья и Крыма. — Запорожье, 1995. — Вып. V. — С. 143–159.

Плешивенко А.Г., Рассмакин Ю.А. Про одну з груп енеолітичних поховань Дніпрвського Лівобережжя // Археологія. — № 4. — 1994. — С. 98–107.

Попандопуло З.Х. Курганный могильник у с. Беленькое // Древности Степного Причерноморья и Крыма. — Запорожье, 1995. — Вып. V. — С. 128–142.

Потемкина Т.М. Особенности структуры сакрального пространства энеолитических курганов со столбовыми конструкциями (по материалам Северного Причерноморья) // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. — М., 2004. — С. 214–251.

Потехина И.Д. Антропологический состав и вопросы генезиса энеолитического населения Нижнего Поднестровья // Проблемы истории и археологии Нижнего Поднестровья. — ТДК, Ч. 2. — Белгород-Днестровский, 1990. — С. 79–81.

Потехина И.Д. Новые материалы к антропологии раннего медного века Украины и Молдавии // Тезисы докладов конференции “Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. — V в. н. э.)”. — К., 1991. — С. 72–73.

Потехина И.Д. Населення усатівськоО культури за даними антропології // Археологія. — 1990. — №2. — С. 56–57.

Прокофьев Р.В. Раскопки двух курганов эпохи бронзы в Чертковском районе Ростовской области // Археологические записки Донского археологического общества. — Вып. 2. — 2002. — С. 109–133.

Пустовалов С.Ж. К сложению культуры многоваликовой керамики в Степном Поднепровье // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. — Донецк, 1979. — С. 102–103.

Пустовалов С.Ж. Этническая структура каткомбного населения Северного Причерноморья. — К., 1992. — 152 с.

Пустовалов С.Ж. О возможности реконструкции сословно-кастовой системы по археологическим материалам // Древности Степного Причерноморья и Крыма. — Запорожье, 1995. — Вып. V. — С. 21-32.

Пустовалов С.Ж. К вопросу о ямно-катакомбной эпохе // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы. — ТДК. — Ростов-на-Дону, 1998. — С. 61-63.

Пустовалов С.Ж. Ингульская катакомбная культура и критерии выделения археологических культур // Етнічна історія та культура населення степу та лісостепу Євразії (від кам'яного віку по раннє середньовіччя). — ТДК. — Дніпропетровськ, 1999. — С.73-75.

Пустовалов С.Ж. Ямная общность и катакомбная общность: последовательная смена во времени или сосуществование // Проблемы археології Подніпров'я. — Дніпропетровськ, 2000. — С.95-105.

Пустовалов С.Ж. Наследие В. А. Городцова и современные проблемы периодизации памятников степной бронзы // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология, периодизация. — Самара, 2001. — С.42-50.

Пустовалов С.Ж. Анализ радиоуглеродных дат из погребений ямной и катакомбной общностей, опубликованных в *Baltic-Pontic Studies*, №7 (1999) // *Vita Antiqua*. — 2003. — № 5-6. — С.45-60.

Пустовалов С.Ж., Рассемакин Ю.Я. О реконструкции религиозных представлений в эпоху средней бронзы в Северо-Западном Причерноморье // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности. — Запорожье, 1990. — С. 81-84.

Пустовалов С.Ж., Телегин Д.Я., Ковалюх М.М. Радиоуглеродная хронология ямных та катакомбных памятников // Магістеріум. — К.; 2003. — В. 14. — С.24-27.

Рассемакин Ю.Я. Относительная хронология позднеэнеолитических погребений бассейна р. Молочной // Новые памятники ямной культуры степной зоны Украины. — К., 1988. — С.14-27.

Рассемакин Ю.Я. Світ скотарів // Давня Істрія України.- К., 1997. — т.1. — С.273-34.

Рассемакин Ю.Я. Степи Причерноморья в контексті розвитку перших землеробських суспільств // Археологія. — 2004. — № 2. — С. 3-27.

Рассемакин Ю.Я., Евдокимов Г.Л. Новый энеолитический могильник на р. Ингулец и проблема выделения "постстоговских" погребений // Археологический альманах. — № 10. — Донецк, 2001. — С.71-86.

Резепкин А.Д. Северо-Западный Кавказ в эпоху ранней бронзы (по материалам погре-

бальных памятников новосвободненского типа). Автореф. дис. канд. ист. наук. — Ленинград, 1989. — 24 с.

Русанова И.П. Истоки славянского язычества. Культовые сооружения Центральной и Восточной Европы в I тыс. до н.э. — I тыс. н.э. — Черновцы, 2002. — 172 с.

Рыбалова В.Д. Некоторые новые данные к изучению поздне трипольской культуры на Южном Буге // АСГЭ. — Вып.6. — 1964. — С.79-85.

Рындина Н.В. Древнейшее металлообработкающее производство Юго-Восточной Европы. — Автореф. дис. д-ра ист. наук. — М., 1993.

Рычков Н.А. Этническая характеристика населения ямной культуры Северного Причерноморья. — Автореф. дис. канд. ист. наук. — К., 1990. — 16 с.

Рычков Н.А. Населення ямної культури степової України. — К., 1994.

Рычков Н.А. Ямная культура и этническая история // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы. — ТДК. — Ростов-на-Дону, 1998. — С. 67.

Рычков Н.А. Об условных центрах носителей ямной культуры // Северное Причерноморье: от энеолита до античности. — Тирасполь, 2002. — С. 42-66.

Савва Е.Н. Катакомбное погребение у г. Тирасполя // Молдавское Приднестровье в первобытную эпоху. — Кишинев, 1987. — С. 88-91.

Савва Е.Н. Культура многоваликовой керамики Днестровско-Прутского междуречья. — Кишинев, 1992. — 217 с.

Савва Е.Н., Дергачев В.А. Раскопки курганов у с. Медвежа // Курганы в зонах новоостроек Молдавии. — Кишинев, 1984. — С. 98-108.

Сагалаев А.М., Октябрьская И.В. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. — Новосибирск, 1990.

Санжаров С.Н. Катакомбные культуры Северо-Восточного Приазовья. — Луганськ, 2001. — 172 с.

Санжаров С.Н. О позднекатакомбных погребениях в ямах Северского Донца // Тезисы докладов конференции «Проблемы археологии и этнической истории Дона и Северного Кавказа». — Ростов-на-Дону, 2002. — С. 28-29.

Сафронов В.А. Хронологическая система энеолита и бронзового века Восточной Европы. — ТДК. — Донецк, 1979.

Сафронов В.А. Индоевропейские прародинны. — Горький, 1989. — 340 с.

Свешников И.К. Історія населення Предкарпаття. Поділля і Волині в кінці III — на початку II тисячоліття до н.е.. — К., 1974. — 206 с.

Свешников И. К. Культура шаровидных амфор // САИ. — Вып. В1–27. — М., 1983. — 86 с.

Свешников И.К. Подкарпатская культура // Археология Украинской ССР. — К., 1985. — С.375-380.

Сегеда С.П. Основы антропологии. — К., 1995. — 208 с.

Сегеда С.П. Антропологічний склад давнього населення України: етногенетичні аспекти // Етнічна історія давньої України. — К., 2000. — С.242-276.

Сегеда С.П. Население катакомбной культуры Северо-Западного Причерноморья по данным археологии // Чобручский археологический комплекс и древние культуры Поднестровья. — Тирасполь, 2000а. — С.103-108.

Серова Н.Л., Яровой Е.В. Григориопольские курганы. — Кишинев, 1987. — 152 с.

Сініцин М.С. Курган в с. Чорноморка під Одесою // МАСП. — Вип.3. — 1960.

Спицына Л.А. Северско-донецкий ареал репинской культуры // Древности Северского Донца. — Луганск, 2000. — Вып. 4 — С. 53-75.

Сребродольский Б.И. Геологическое строение и закономерности размещения месторождений янтаря СССР. — К., 1984.

Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. — М., 1981.

Столяр А. Д., Щепинский А. А. Археологические памятники Симферопольского водохранилища (часть 1) // Проблемы археологии Северной Осетии. — Орджоникидзе, 1980. — С.81–96.

Субботин Л.В. Два кургана эпохи бронзы в Буго-Днестровском междуречье // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. — К., 1982. — С. 100-110.

Субботин Л.В. Памятники культуры Гумельница юго-запада Украины. — К., 1983.

Субботин Л.В. Семеновский могильник эпохи энеолита-бронзы // Новые материалы по археологии Северо-Западного Причерноморья. — К., 1985. — С. 45-95.

Субботин Л.В. Мегалитическое погребение у с. Татарбунары // Новые памятники ямной культуры степной зоны Украины. — К., 1988. — С.124–130.

Субботин Л.В. Некоторые аспекты хозяйственно-производственной деятельности ямных и катакомбных племен степной зоны Северо-Западного Причерноморья // Древности Причерноморских степей. — К., 1993. — С. 9-22.

Субботин Л.В. Гробницы кеми-обинского типа Северо-Западного Причерноморья // РА. — 1995. — № 3. — С. 193-197.

Субботин Л.В. Северо-Западное Причерноморье в эпоху ранней и средней бронзы // Stratum plus. — 2000. — №2. — С.350-387.

Субботин Л.В. Орудия труда, оружие и украшения племен ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. — Одесса, 2003. — 236 с.

Субботин Л.В., Петренко В.Г. Об архитектуре усатовских курганных сооружений // Памятники древнего искусства Северо-Западного Причерноморья. — К., 1986. — С.26–43.

Субботин Л.В., Тощев Г.Н. Археологические древности Буджака. Курганная группа у с. Лиман. — Запорожье, 2002. — 105 с.

Субботин Л.В., Дзиговский А.Н., Острроверхов А.С. Археологические древности Буджака. Курганы у сел Вишневое и Белолесье. — Одесса, 1998. — 173 с.

Субботин Л.А., Добролюбовский А.О., Тощев Г.Н. Памятники эпохи бронзы курганного могильника Градешка // Древности Степного Причерноморья и Крыма. — Запорожье, 1995. — Вып. V. — С. 109-126.

Субботин Л.В., Загинайло А.Г., Шмаглей-Н.М. Курганы у с. Огородное // МАСП. — Одесса. — Вып. 6. — С. 130-155.

Субботин Л.В., Острроверхов А.С., Дзиговский А.Н. Археологические древности Буджака: курганы восточного побережья озера Сасык. — Одесса, 1995. — 134 с.

Субботин Л.В., Острроверхов А.С., Дзиговский А.Н. Археологические древности Буджака. Курганы у с. Траповка. — Одесса, 1995. — 134 с.

Субботин Л.В., Черняков И.Т., Ядвичук В.И. Некоторые проблемы древнейшей истории Северо-Западного Причерноморья (по материалам раскопок курганов у с. Великодолинское) // МАСП. — Одесса, 1976. — Вып. 8. — С. 186-201.

Телегин Д. Я. Енеолітичні стели і пам'ятки нижньомихайлівського типу // Археологія. — 1971. — Вип.4. — С.3–17.

Телегин Д.Я. Об абсолютном возрасте ямной культуры и некоторые вопросы хронологии энеолита юга Украины // СА. — 1977. — № 2. — С. 5-19.

Телегин Д.Я., Нечитайло А.Л., Потехина-И.Д., Панченко Ю. В. Среднестоговская и новоданиловская культуры энеолита Азово-Черноморского региона. — Луганск, 2001. — 152 с.

Тереножкин А.И. Киммерийцы. — К., 1976.

Тесленко Д.Л. Ямна культура Дніпровського Надпоріжжя та Правобережного Передstepу (аналіз поховального обряду). — Автореф. дис. . . канд. іст. наук. — К., 1999. — 20 с.

Тесленко Д.Л. К вопросу о культурной принадлежности погребений в каменных гробницах

цах степной Украины (историографический аспект) // *Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология, периодизация.* — Самара, 2001. — С. 25-32.

Тесленко Д. Л., Гребенников Ю. С. Погребения в каменных гробницах из кургана у с. Весняное на Николаевщине // *Проблемы археологии Подніпровья.* — Дніпропетровськ, 2002. — С. 82–90.

Титов В.С. К изучению миграций бронзового века // *Археология Старого и Нового Света.* — М., 1982. — С. 89-145.

Тодорова Х. Каменно-медная эпоха в Българии (V тысячелетие преди новата ера). — София, 1986. — 280 с.

Топчиев О.Г. (ред.) География Одещины: природа, населения, господарство. — Одеса, 1998. — 87 с.

Тощев Г.Н. Раскопки кургана у с. Мирное Одесской области // *Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья.* — К., 1978. — С. 157–159.

Тощев Г.Н. О памятниках катакомбной культуры на территории Северо-Западного Причерноморья // *Древности Северо-Западного Причерноморья.* — К., 1981. — С. 63–81.

Тощев Г.Н. Средний период бронзового века Северо-Западного Причерноморья. — Автореф. дисс. канд. ист. наук — К., 1982. — 17 с.

Тощев Г.Н. Еще раз о стратиграфии Одесского кургана // *Курганы в зоне новостроек Молдавии.* — Кишинев, 1984. — С. 175-183.

Тощев Г.Н. Западные связи культуры многоваликовой керамики в северо-Западном Причерноморье // *Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья.* — К., 1986. — С. 104-115.

Тощев Г.Н. Западный ареал катакомбной культуры // *Катакомбные культуры Северного Причерноморья.* — К., 1991. — С. 85-101.

Тощев Г.Н. О позднекатакомбном горизонте Причерноморских степей // *Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. — V в. н.э.).* — ТДК. — К., 1991а — С. 109.

Тощев Г.Н. Курганы эпохи бронзы междуречья Ялпуга и Кагула. — Запорожье, 1992. — 50 с.

Тощев Г.Н. О грунтовых могильниках катакомбной культуры // *Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. — V в. н. э.).* Тезисы докладов конференции. — Тирасполь, 1994. — С. 102-103.

Тощев Г.Н. Катакомбные комплексы Северо-Западного Причерноморья с оружием //

Чобручский археологический комплекс и древние культуры Поднестровья. — Тирасполь, 2002. — С. 99-103.

Тощев Г.Н., Сапожников И.В. Курганная группа у станции Фрикацей // *Древности Степного Причерноморья и Крыма.* — Вып. 1. — 1990. — С. 18-31.

Тощев Г. Н. К вопросу о кеми-обинской культуре // *Старожитності.* — Харків, 2004. — С. 96–111.

Трейстер М.Ю. Троянские клады (атрибуция, хронология, исторический контекст) // *Сокровища Трои из раскопок Генриха Шлимана.* Каталог выставки. М., 1996.

Трифонов В. А. Степное Прикубанье в эпоху энеолита — средней бронзы (периодизация) // *Древняя культура Прикубанья.* — Ленинград, 1991. — С. 92–166. *Трифонов В.А.* Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита-средней бронзы Кавказа, степной и лесостепной зон Восточной Европы // *Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология, периодизация.* — Самара, 2001. — С. 71-82.

Турецкий М.А. Ямная культура Волго-Уральского региона: Автореф. дисс. ...канд. ист. наук. — М., 1992.

Усачук А.Н. Результаты трасологического изучения костяных пряжек культуры многоваликовой керамики // *Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности и культурно-исторической общности многоваликовой керамики.* — Запорожье, 1998. — С. 117-125.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. — М., 1966.

Фещенко Є.Л. Поховальний обряд населення катакомбної культури Північностепоного Подніпровья та Передстепу (досвід вивчення з застосуванням формалізовано-статистичних методів). — Автореф... канд. іст. наук. — Дніпропетровськ, 1993. — 21 с.

Фоменко В.Н. Об одной группе погребений времени катакомбной культуры в Степном Побужье // *Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности.* — ТДК. — Запорожье, 1990. — С. 99-101.

Хохлов А.А. О специфике антропологического типа населения Южного Приуралья в эпоху ранней и средней бронзы // *Чтения, посвященные 100-летию В.А. Городцова в ГИМ.* — ТДК. — М. 2003. — С. 193-196.

Цивьян Т.В. О связи игра-ритуал (игрушки-ритуальные предметы) // *Тезисы докладов*

международного симпозиума “Античная балканистика”. — М., 1988. — С. 57-58.

Цимиданов В.В. Еще раз о колесницах степной Евразии эпохи поздней бронзы // Тезисы докладов конференции “Северо-Восточное Приазовье в системе Евразийских древностей”. — Донецк, 1996. — С. 126-128.

Чеботаренко Г.Ф. Могильник эпохи бронзы у с. Калфа на Днестре // КСИА АН СССР. — Вып. 105. — М., 1965. — С. 101-108.

Чеботаренко Г.Ф., Яровой Н.В., Тельнов Н.П. Курганы Буджакской степи. — Кишинев, 1989. — 210 с.

Черных Е.Н. История древнейшей металлургии Восточном Европы. // МИА — М., 1966. — № 132.

Черных Е.Н. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // СА. — 1978. — № 4.

Черных Е.Н. Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии. — София, 1978. — 387 с.

Черных Е.Н. Проявление рационального и иррационального в археологической культуре (к постановке проблемы) // СА. — 1982. — № 4.

Черных Е.Н., Авилова Л.И., Орловская Л.Б. Металлургические провинции и радиоуглеродная хронология. — М., 2000. — 95 с.

Черных Е.Н., Орловская Л.Б. Радиоуглеродная хронология древнеямной общности и истоки курганных культур. — РА, 2004, №1 — С.84-99.

Черняков И.Т. Из истории бронзолитейного производства в Северном Причерноморье // ЗОАО. — 1967. — Т. 1 (35). — С. 23-37.

Черняков И.Т. Племена Северо-Западного Причерноморья в позднем бронзовом веке. — Автореф. дис. . . канд. ист. наук. — К., 1975. — 25 с.

Черняков И.Т. Погребения бронзового века Киселовского кургана // Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. — К., 1978. — С. 144-151.

Черняков И.Т. Культурно-хронологическое своеобразие памятников эпохи бронзы Северо-Западного Причерноморья // Тезисы докладов конференции “Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы”. — Донецк, 1979. — С. 8-10.

Черняков И.Т. Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тыс. до н.э. — К., 1985. — 170 с.

Черняков И.Т. КМК — восточный ареал балкано-дунайского очага культурогенеза // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей. — ТДК. — Донецк, 1996. — С.59-61.

Черняков И.Т., Станко В.Н., Гудкова А.В. Холмские курганы // Исследования по архе-

ологии Северо-Западного Причерноморья. — К., 1986. — С. 53-96.

Черняков И.Т., Тощев Г.Н. Культурно-хронологические особенности курганных погребений эпохи бронзы Нижнего Дуная // Новые материалы по археологии Северо-Западного Причерноморья. — К., 1985. — С. 5-31.

Чмихов М.О., Черняков И.Т. Хронология археологических памятников эпохи міді-бронзы на территории Украины. — К., 1988. — 180 с.

Шаповалов Г.И. Корабли веры. Судостроительство в духовной жизни древней Украины. — Запорожье, 1997.

Шапошникова О. Г. Курган у с. Софиевка // Археологические памятники Поингуля. — К., 1980. — С.132-146.

Шапошникова О. Г. Памятники нижнемихайловского типа // Археология Украинской ССР. — Киев, 1985а. — С.324-331.

Шапошникова О.Г. Ямная культурно-историческая общность // Археология Украинской ССР. — К., 1985. — Т. I. — С. 336-352.

Шапошникова О.Г. Эпоха раннего металла в степной полосе Украины // Древнейшие скотоводы степей юга Украины. — К., 1987. — С.3-16.

Шапошникова О.Г. Степные общности и культуры эпохи раннего металла в Северном Причерноморье // Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии. — Тбилиси, 1987. — С. 134-145.

Шапошникова О.Г., Бочкарев В.С., Шарфутдинова И.Н. О памятниках эпохи меди-бронзы в бассейне р. Ингула // Древности Поингуля. — К., 1977. — С. 7-37.

Шапошникова О. Г., Фоменко В. Н., Балушкин А. М. Курганная группа близ с. Старогорожено // Древности Поингуля . — Киев, 1977. — С.99-145.

Шапошникова О.Г., Фоменко В.Н., Довженко Н.Д. Ямная культурно-историческая область (южнобугский вариант). — К., 1986. — 158 с.

Шапошникова О.Г., Фоменко В.Н. Ингульская катакомбная культура (ареал и вопросы периодизации) // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. — V в. н.э). — Тирасполь, 2002. — С.135-139.

Шарфутдінова І.М. Розкопки курганів поблизу Соколовки на Інгулі // АДУ в 1969 р. — Вип. 4. — К., 1972.

Шевченко А.В. Антропология населения Южнорусских степей // Антропология современного и древнего населения европейской части СССР. — М., 1986. — С. 12-215.

Шилов Ю.А. Календарная символика и хронология кеми-обинских погребений из кургана у с. Староселье // *Материалы по хронологии археологических памятников Украины.* — К., 1982. — С.29–38.

Шилов Ю.А. “Грот быка” по материалам древнейших курганов // *Новые памятники ямной культуры степной зоны Украины.* — К., 1988. — С.3–14.

Шишлина Н. И., Александровский А. Л., Чичагова О. А., ван дер Плихт Й. Хронологическая позиция ямной культуры Северо-Западного Прикаспия // *Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология, периодизация.* — Самара, 2001. — С. 117–123.

Шмаглий Н.М. Некоторые вопросы истории древнего населения степной части междуречья Дуная и Днестра // *Курганы степной части междуречья Дуная и Днестра.* — МАСП. — Одесса, 1970. — Вып. 6. — С. 90-116.

Шмаглий Н.М., Видейко М.Ю. Исследования кургана эпохи бронзы на крупном трипольском поселении у с. Майданецкое // *Новые памятники ямной культуры степной зоны Украины.* — К., 1988. — С. 131-135.

Шмаглий Н.М., Черняков И.Т. Исследования курганов в степной части междуречья Дуная и Днестра // *Курганы степной части междуречья Дуная и Днестра.* — МАСП. — Одесса, 1970. — Вып. 6. — С. 5-90.

Шмаглий Н.М., Черняков И.Т. Курганы на левобережье Нижнего Днестра // *Новые материалы по археологии Северо-Западного Причерноморья.* — К., 1985. — С. 95-132.

Шмит М. Из исследований контактов между культурами шаровидных амфор и позднего Триполья // *Stratum plus.* — 2001-2002. — №2. — С. 246-259.

Щепинский А.А. Культуры энеолита и бронзы в Крыму // *СА.* — 1966. — № 2. — С.15–20.

Щепинский А.А. Кеми-обинская культура // *Археология Украинской ССР.* — Т.1. — К., 1985. — С.331–336.

Щепинский А.А., Тоцев Г.Н. Курганы “Кеми-Оба” // *Старожитності степового Причорномор'я і Криму.* — IX. — Запорожье, 2001. — С.50–86.

Шукин М.Б. Река времени (некоторые замечания о методиках хронологических расчетов эпохи Латена и римского времени) // *Боспорский феномен.* — СПб., 2004. — С. 261-275.

Яровой Е.В. Погребальный обряд некоторых скотоводческих племен Среднего Прута

(по материалам раскопок курганов у с. Корпач) // *Курганы в зоне новостроек Молдавии.* — К., 1984. — С. 37-75.

Яровой Е.В. Работы Слободзейской экспедиции // *АО в 1982 году.* — М., 1984а. — С. 417-418.

Яровой Е.В. Древнейшие скотоводческие племена юго-запада СССР (классификация погребального обряда). — Кишинев, 1985. — 122 с.

Яровой Е.В. Курганы эпохи энеолита-бронзы Нижнего Поднестровья. — Кишинев, 1990. — 269 с.

Яровой Е.В. К вопросу о западной границе катакомбной культурно-исторической области // *Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности.* — ТДК. — Запорожье, 1990а. — С. 114-116.

Яровой Е.В. Катакомбные погребения лесостепной Молдавии // *Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности.* — ТДК. — Запорожье, 1990б. — С. 116-119.

Яровой Е.В. О культурной принадлежности основных курганных погребений с восточной ориентировкой // *Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. — V в. н.э.).* — Тирасполь, 1994. — С. 30-32.

Яровой Е.В. Скотоводческое население Северо-Западного Причерноморья эпохи раннего металла. Автореф. дисс. д.и.н. — М., 2000. — 46 с.

Яровой Е.В., Четвериков И.А. Уникальное захоронение катакомбной культуры в Нижнем Поднестровье // *Северо-Восточное Приазовье в системе Евразийских древностей.* — ТДК. — Донецк, 1996. — С. 46-49.

Яровой Е.В., Кашуба М.Т., Махортых С.В. Киммерийский курган у пгт Слободзея // *Северное Причерноморье: от энеолита до античности.* — Тирасполь, 2002.

Agulnikov S. Importuri de pe cursul interior al Dunării în complexul arheologic ale bronzului timpuriu din stepa Budjacului // *Cercetări arheologice în area Nord-Tracă.* — I. — 1995. — P. 81-85.

Burtănescu F. Few taxonomical and historical consideration on the Early Bronze Age tumular graves in the Carpathian-Prut area // *The Tracian world at the crossroad of civilisations* — Bucharest, 1996. — P. 243-245.

Burtănescu F. About a group of «outstanding» burials with Middle Bronze Age grave goods in south-eastern Romania // *Тезисы докладов международной конференции “Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н. э. — V в. н. э.”.* — Тирасполь, 2002. — С. 157-162.

Gimbutas M. The Prehistory of Eastern Europe. Buletin the American School of Prehistorica Research. Peabody Museum. Harvard University. — 1956.—20 p.

Häusler A. Innenverzierte Steinkammergräber der Krim // Jahresschrift für mitteldeutsche Vorgeschichte. — Bd.48. — Berlin, 1964. — S.59–82.

Kaiser E. Radiocarbon dates from catacomb graves // Baltic-Pontic Studies. — 1999. — Vol. 7. — P. 129-150.

Klochko V. Radiocarbon chronology of the Early and Middle Bronze Age in the Middle dnepre region. The Mironivka barrows // The foundation of radiocarbon chronology of cultures between the Vistula and Dnieper: 3150-1850. Baltic-Pontic Studies. — 1999. — Vol. 7. — P. 163-195.

Kovalyukh N., Nazarov S. Radiocarbon dating calibration in archeological studies // The foundation of radiocarbon chronology of cultures between the Vistula and Dnieper: 3150-1850. Baltic-Pontic Studies.—1999. — Vol. 7. — P. 12-27.

Levitki O., Manzura I., Demcenko T. Necropola tumulara de la Sarateny. — Bucuresti, 1996. — 156 p.

Lichardus J., Krastev I. Die Cernavodă III-Siedlung von Drama-Merd•umekja in Südostbulgarien und ihre bedeutung für Südosteuropa // Cernavodr III-Boleráz. Ein vorgeschichtliches phänomen zwischen dem oberrhein und der unteren Donau — Bucuresti, 2001. — P. 166-199.

Makkay J. Diffusionism, antidiffusionism and Chronology: some general remarks // Acta archeologica Hungarica. — 1985. — XXXVII/1–2. — P.3–12.

Makkay J. The Tiszaszölös Treasure. — Budapest, 1989. — 186 p.

Mantu M. Cultura Cucuteni. Piatra-Neamt, 1998. — 324 p.

Manzura I. The East-West Interaction in the Mirror of the Eneolithic and Early Bronze Cultures in the Northwest Pontic // Revista archeologica a Academia de Stiinte a Republicii Moldova. — 1993. — № 1. — P. 23-54.

Nicolova A. Radiocarbon dating of graves of the Yamnaya and Catacomb cultures on the Dnieper right bank // The foundation of radiocarbon chronology of cultures between the Vistula and Dnieper: 3150-1850. Baltic-Pontic Studies. — 1999.— vol. 7 — P. 103-129.

Nikolova A. Radiocarbon dating from the graves of Yamnaya culture at the Ingulets river (the Kirovograd region) // The foundation of radiocarbon chronology of cultures between the Vistula and Dnieper: 3150-1850. Baltic-Pontic Studies. — 1999a. — vol. 7. — P. 72-80.

Nikolova L. The Balkans in Later Prehistory. Periodization, Chronology and Cultural Development in the Final Copper and Early Bronze Age (Fourth and Third Millenia BC). BAR International Series 791. — BAR. Oxford. — 1999.

Nikolova L. Social transformations and evolution in the Balkans in the fourth and third millennia BC // Reports of Prehistoric Research Projects. — P. 1-8.

Nikolova L. Approach to the Genesis and Initial Development of the Early Bronze Age in the Lower Danube Basin and in the Southern Balkans // Cernavodă III-Boleráz. Ein vorgeschichtliches phänomen zwischen dem Oberrhein und der unteren Donau. — Bucuresti, 2001. — P. 236-261.

Rassamakin Y.Y. On early elements of the Globular Amphora Culture and other central european cultures in the late eneolithic of the northern Black Sea region // Eastern exodus of the Globular Amphora people: 2950-2350 BC. — Baltic-Pontic Studies. — V.4. — Poznan, 1996. — P.112–132.

Rassamakin Yu. Aspects of Pontic Steppe Development (4550-3000 BC) in Light of the New Cultural-chronological Model// Ancient interactions: east and west in Eurasia. Mc Donald Institute Archaeological Research — 2003. — P. 49-73.

Sava E., Agulnikov S. Contributii noi la definirea funerara in cultura Sabatinovka // Interferente culturale-cronologice in spatiul nord-pontic. — Chisinau, 2003. — P. 113-138.

Szmyt M. Between West and East. People of the Globular Amphora Culture in Eastern Europe: 2950-2350 BC // Baltic-Pontic Studies. — V.8. — 1999. — 349 p.

Szmyt M., Chernyakov I. Radiocarbon chronology of Akkiembetskiy kurgan. A preliminary report // The foundation of radiocarbon chronology of cultures between the Vistula and Dnieper: 3150-1850. Baltic-Pontic Studies. — 1999. — Vol. 7 — P. 196-202.

Toscev V. Cultura catacombelor "i contactelele ei în partea de vest a arealului // Thraco-Dacica", XIX, 1998. — P. 51-69.

Videiko M. Radiocarbon dating chronology of the late Tripolye culture // The foundation of radiocarbon chronology of cultures between the Vistula and Dnieper: 3150-1850. Baltic-Pontic Studies. — 1999.— Vol. 7 — P. 34-72.

Videiko M.Yu. Petrenko V.G. Radiocarbon chronology of the complexes of the Eneolithic-Early Bronze Age in the Northern Pontic Region, a preliminary report.// Baltic-Pontic Studies. 2003. Vol. 12. P.113-120.

Архивные материалы:

Альбом раскопок на Слободке-Романковке под Одессой в 1912–1913 гг. — Архив ОАМ НАН Украины. — № 59183.

Агульников С.М., Левинский А.Н. Отчет о полевых исследованиях Слободзеевской новостроечной экспедиции в 1988 году / ИА и ДИ РМ; Архив ИА и ДИ РМ. — Кишинев, 1988.

Алексеева И.Л. Отчет о работе Днестро-Дунайской археологической экспедиции ОАМ АН УССР в 1973 году / ОАМ НАН Украины; Архив ОАМ НАН Украины. — Инв. № 87480. — Одесса, 1973.

Алексеева И.Л. Отчет о работе Нижне-Днестровской новостроечной экспедиции ИА АН УССР в зоне строительства 1-й очереди Нижне-Днестровской оросительной системы в 1976 году / Архив ИА НАН Украины. — Инв. № 1976/87. — К., 1976.

Алексеева И.Л. Отчет о работе Буго-Днестровской новостроечной экспедиции ИА АН УССР в зоне строительства 2-й очереди Нижне-Днестровской оросительной системы в 1979 году / ИА НАН Украины; Архив ИА НАН Украины. — Инв. № 1979/1. — К., 1979.

Ветчинникова Н.Е., Иванова С.В. Отчет о работе Малиновского отряда Одесского охранного археологического центра в 1991 году / Архив ИА НАН Украины. — Инв. № 1991/145. — К., 1991.

Гудкова А.В., Добролюбский А.О., Тощев Г.Н., Фокеев М.М. Отчет о работе Измаильской новостроечной экспедиции ИА АН УССР в 1979 году / ИА НАН Украины; Архив ИА НАН Украины. — Инв. № 1979/5. — К., 1979.

Гудкова А.В., Добролюбский А.О., Тощев Г.Н., Фокеев М.М. Отчет о работе Измаильской новостроечной экспедиции ИА АН УССР в 1980 году / Архив ИА НАН Украины. — Инв. № 1980/7. — К., 1980.

Гудкова А.В., Добролюбский А.О., Тощев Г.Н., Фокеев М.М. Отчет о работе Измаильской новостроечной экспедиции ИА АН УССР в 1981 году / Архив ИА НАН Украины. — Инв. № 1981/1. — К., 1981.

Гудкова А.В., Тощев Г.Н., Фокеев М.М., Андрух С.И. Отчет о работе Измаильской новостроечной экспедиции ИА АН УССР в 1984 году / Архив ИА НАН Украины. — Инв. № 1984/3. — Киев, 1984.

Иванова С.В. Отчет о раскопках кургана в зоне реконструкции автодороги Киев-Одесса в 2003 г. (в Ширяевском районе Одесской

области) Архив ИА НАН Украины. — Инв. № 2003. — К., 2004.

Иванова С.В. Отчет о раскопках кургана в зоне реконструкции автодороги Киев-Одесса в 2003 г. (в Любашовском районе Одесской области) Архив ИА НАН Украины. — Инв. № 2003. — К., 2003.

Иванова С.В., Ветчинникова Н.Е. Отчет о работе Лиманского отряда Одесского охранного археологического центра в 1990 году / Архив ИА НАН Украины. — Инв. № 1990/24.

Иванова С.В., Ветчинникова Н.Е. Отчет о работе Ивановского отряда Одесского охранного археологического центра в 1991 году / Архив ИА НАН Украины. — Инв. № 1991/145. — К., 1991.

Иванова С.В., Дзиговский А.Н. Отчет о раскопках кургана в зоне реконструкции автодороги Киев-Одесса в 2003 г. (в Савранском районе Одесской области) Архив ИА НАН Украины. — Инв. № 2003/28 — К., 2003.

Петренко В.Г. Отчет об исследовании энеолитического могильника Кошары I в 2001 г. // Архив Института археологии НАН Украины.

Петренко В.Г. Отчет Усатовской экспедиции 2002 г. Исследования городища и могильника Маяки. Археологические разведки на Кучургане // Архив Института археологии НАН Украины.

Петренко В.Г., Тощев Г.Н. Отчет об охранных раскопках кургана у села Велико-Зимново Великомихайловского района Одесской области в 1986 г. — Архив Одесского отделения Украинского общества охраны памятников истории и культуры. — Инв. № 3/1986.

Субботин Л.В., Дзиговский А.Н., Фокеев М.М., Сапожников И.В. Отчет о работе Дунай-Днестровской новостроечной экспедиции в 1987 г. — Архив ОАМ НАН Украины.

Субботин Л.В., Дзиговский А.Н., Островерхов А.С., Фокеев М.М. Отчет о работе Дунай-Днестровской новостроечной экспедиции ИА АН УССР в 1988 году / ИА НАН Украины; Архив ИА НАН Украины. — Инв. № 1988/23. — К., 1988.

Субботин Л.В., Фокеев М.М., Сапожников И.В. Отчет о работе Дунай-Днестровской новостроечной экспедиции ИА АН УССР в 1986 году / Архив ИА НАН Украины. — Инв. № 1986/3. — К., 1986.

Черняков И.Т., Добролюбский А.О., Дзиговский А.Н., Островерхов А.С. Отчет о работе Буго-Днестровской экспедиции в 1982 г. / Архив ИА НАН Украины, № 1982/15.-К., 1982.

Шапошникова О.Г., Балушкин А.М., Гребенников Ю.С. Отчет о работе Николаевской новостроечной экспедиции в 1986 г. / Архив ИА НАН Украины, № 1986/18. — К., 1986.

Шкадышек М. Ф. Материалы об археологических раскопках курганов (Слободка-Романовка, Сукля). — Одесский областной го-

сударственный архив. — Фонд 93, опись 1, дело № 166.

Шмаглий Н.М., Черняков И.Т., Алексеева И.Л. Отчет о работе Днестро-Дунайской экспедиции ИА АН УССР и ОАМ за 1972 год / Архив ИА НАН Украины. — Инв. № 1972/14. — Киев, 1972.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДУ	Археологічні дослідження на Україні.
АИМ	Археологические исследования в Молдавии.
ГИМ	Государственный исторический музей.
ДАН СССР	Доклады Академии наук СССР.
ЗОАО	Записки Одесского археологического общества.
ЗООИД	Записки Одесского общества истории и древностей.
КГРИ	Криворожский горнорудный институт.
КСИА АН СССР	Краткие сообщения Института археологии АН СССР.
МАСП	Материалы по археологии Северного Причерноморья.
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР.
ОАМ НАНУ	Одесский археологический музей Национальной Академии наук Украины.
СА	Советская археология.
САИ	Свод археологических источников.
ТДК	Тезисы докладов конференции.
РА	Российская археология.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Т.М. Потемкина

(Институт археологии РАН, Москва)

Археoaстрономический аспект исследования ранних сооружений кургана 3 у села Рёвова

В степной зоне Северного Причерноморья исследован ряд курганов доянного и раннеянного времени, под насыпью которых выявлены вертикально врытые столбы и кромлехи, расположенные в определенной системе и связанные с основными погребениями наиболее ранних курганных насыпей (Тереножкін, 1960, с. 3-9; Вязьмітіна и др., 1960, с. 112-117, рис. 30, 86, 87; Серова, Яровой, 1987, с. 42-44, 66, 78-81; Субботин, 2001, с. 160-166; Рассмакін, 1990, с. 66-74). Интерпретируя столбовые конструкции в комплексе с другими археологическими свидетельствами авторы раскопок совершенно справедливо считают их ритуальными объектами, а сами курганы полностью или частично святилищами (Серова, Яровой, 1987, с. 78, 79, рис. 31; Яровой, 2001, с. 67-77; Субботин, 2001, с. 164, 166).

Привлечение данных археоастрономии при исследовании подобных курганов не только подтверждает это предположение, но и значительно расширяет понимание их места и роли в мировоззренческих представлениях древнего населения. Во всех отмеченных случаях столбы и кромлехи являлись своеобразными метами в системе ориентиров, указывающих на точки заходов и восходов солнца и луны на горизонте в наиболее значимые дни года, связанными с сезонными и суточными изменениями (Потемкина, 2004, с. 216-246).

Повсеместно наиболее значимые погребения и жертвенные комплексы были приурочены к ориентирам, фиксирующим восходы и заходы солнца и луны в дни равноденствий и солнцестояний, что есть суть направлений В, З, СВ, ЮВ, СЗ, ЮЗ и близких к ним. Большую роль в системе планировки курганов играли и направления Север-Юг, что также было связано с конкретными представлениями о космосе. Наблюдения за астрономическими явлениями были тесно связаны с хозяйственной деятельностью, бытом, календарной обрядностью древнего населения. Они же легли

в основу мировоззренческих представлений, связанных с пониманием Вселенной. Положения солнца и луны, фиксирующие суточные и сезонные изменения, явились основополагающими в создании моделей Мира и их составных частей (Потемкина, 2001, с. 166-220; 2004, с. 214-250).

Исследования показывают, что столбовые и каменные конструкции являлись основополагающими в системе курганного строительства и вместе с другими сооружениями курганных комплексов — погребениями, культовыми объектами, рвами, каменными стелами и выкладками, земляными валами, насыпями и др. — воплощали существующую в то время систему представлений о Мироздании, являя собой конкретную модель Мира. Потому они имели строго организованную в соответствии с горизонтальной, вертикальной и горизонтально-вертикальной проекциями Вселенной пространственную структуру. В мировоззренческой логике ей придавалось не просто астрономическое, а более сложное и сущностное мифолого-ритуальное и космологическое содержание. Вероятно, именно это обстоятельство было одной из основных причин того, что, несмотря на некоторую специфику в отдельных регионах, конструктивные детали курганов и погребального обряда поразительно сходны повсюду от Дуная до Иртыша. Появление курганов, как и нео-энеолитических круговых святилищ типа рондел и хенджей в Центральной и Северной Европе, связано с переходом к производящим формам хозяйства в их различных проявлениях, зависящих от природно-географических факторов.

Сходную с отмеченными выше систему устройства имеет и ранний строительный горизонт кургана 3 у села Рёвова, датируемый автором раскопок эпохой энеолита. В представленной публикации эти материалы, включая объекты двух последующих строительных горизонтов (II и III), относящихся к ямной культу-

ре, рассматриваются с учетом археоастрономических определений. Что касается самого материала раскопок кургана, его культурных, стратиграфических, хронологических и прочих характеристик, упоминаемых в изложенной ниже интерпретации, то они полностью основаны на материалах раскопок С.В. Ивановой, публикуемых в данной монографии.

Тем не менее, чтобы картина археоастрономической реконструкции ранних комплексов кургана была представлена по возможности более четко и аргументировано, есть необходимость в самой сжатой форме еще раз остановиться на особенностях отдельных сооружений кургана, имеющих непосредственное отношение к значимым астрономическим ориентирам. В этой связи считаю возможным отметить свое видение некоторых рассматриваемых объектов кургана, если оно в какой-то мере отличается от автора раскопок и связано с вопросами археоастрономии.

Курган 3 у с. *Ревава* высотой 1,1 м от современной поверхности, шириной около 45 м располагался на пологом склоне левого берега р. Большой Куяльник, в 1,5 км к востоку от реки (географическая широта — 47,3°, долгота — 30,3°). С этого участка хорошо обозревается местность в южном и юго-западном направлениях.

С *первым строительным горизонтом* кургана, согласно стратиграфическим данным, связаны следующие объекты: основное погребение 19 (энеолитическое), подготовленная под него площадка ров, первая насыпь, крепиды, две ритуальные (?) ямы, вторая насыпь (рис.36). Последовательность ранних сооружений по определениям автора раскопок следующая. Первоначально, перед совершением основного погребения, была подготовлена площадка, с которой снят чернозем и произведена подсыпка материкового суглинка на высоту около 0,3 м.

В центральной части площадки было совершено захоронение № 19. Захоронение — расчлененное, имитирующее сидячее положение погребенного. В заполнении ямы встречены отпечатки горелых плах.

Над погребением №19 была сооружена насыпь из смеси глины и суглинка диаметром около 10 м, высотой около 1,3 м. Насыпь была окружена рвом с внутренним диаметром 11–12 м и двумя перемычками в восточном и юго-западном направлениях.

Поверх насыпи, по диаметру кургана была выложена округлая крепиды (10,5 × 9,5 м)

из камней известняка разного размера (от 0,1 до 0,6 м). Восточная часть сооружения была составлена из более крупных камней, нежели западная. При этом западная часть обкладки оказалась выше восточной до 0,4 м. Везде камни лежали плашмя и только в западном секторе нижний край заканчивался кладкой длиной 1,6 м из плиток, вкопанных в насыпь ребром, к которой снаружи примыкала площадка (1,6 × 1,5 м), вымощенная камнем горизонтально. Центральная часть курганной насыпи была свободна от камней и представляла собой открытую глиняную площадку овальных очертаний, диаметром около 6–6,5 м (рис. 37).

Одновременно с сооружением крепиды (или вскоре после этого) ров был засыпан. В западной оконечности рва, вблизи перемычки, на уровне засыпки отмечены слабые следы горения (рис. 36, а).

К энеолитическому комплексу относятся две ямы западнее первичной насыпи, обозначенные как погребения №№ 9, 11. Обе ямы имеют округлую форму диаметром в верхней части 1,55 м и 1,8 м, глубиной 0,4–0,6 м, с темным гумусовым заполнением. Предполагается их ритуальное назначение. В центре одной из ям (№ 9) выявлено углубление диаметром около 40 см, глубиной 5 см (рис.41, 2). В углублении пирамидкой были сложены 5 плоских обломков песчаника без следов обработки.

С моей точки зрения — это следы столбовой ямки от вертикально вкопанного столба, а обломки камня — следы его забутовки. Столб, судя по сохранившемуся основанию столбовой ямки, был довольно мощным. Такие случаи известны в курганах со столбовыми ритуальными сооружениями, где сохранились остатки самих столбов (Вязьмитина и др., 1960, с. 117; Серова, Яровой, 1987, с. 78, рис. 31; Субботин, 2001, с. 164–167, рис. 4). В верхнем заполнении ямы следы от столба при условии отсутствия древесного тлена могли остаться незамеченными на фоне темного гумусового заполнения всей ямы. Тем более, в условиях полевых работ в ноябре с дождем и снегом (информация автора раскопок). Сказался, возможно, и существующий среди археологов стереотип восприятия заполнения больших ям, когда, не рассматривая их как основу для установки столбов с последующей забутовкой, не всегда обращается внимание на оттенки цвета грунта и их очертания. Исходя из высказанного предположения, а также взаимного расположения ям № 9 и № 11 реально

предположить, что яма 11 также была предварительно выкопана для установки столба с возможностью свободно располагать его в яме в зависимости от уточнения ориентировки с последующей забутовкой. Подобные ситуации имеют место на энеолитических святилищах со столбовыми конструкциями, когда, при условии постоянного уточнения астрономических ориентиров, передвижения и замены довольно высоких (по расчетам) столбов, ямы под их основания вырывались в два-три раза шире диаметром по отношению к толщине самих столбов с целью более прочного их закрепления. К тому же, большинство подобных ям являлись и местом разного рода жертвоприношений (Потемкина, 2001, с. 169-171, рис. 2).

Крепида вместе с ямами № 9 и № 11 была перекрыта суглиняковой насыпью овальной формы, вытянутой по линии запад — восток (рис.36).

Второй строительный горизонт включает впускные погребения №№ 3, 4, 7, 16 ямной культуры и третью насыпь.

Погребение 3 (ямной культуры?) было впущено в центральную часть кургана и почти полностью разрушено поздним перекопом. Определить однозначно, выполнено оно с уровня первой или второй насыпи не представляется возможным. Могильная яма была перекрыта тремя крупными каменными плитами и окружена по периметру мелкими камнями. Нетронутым сохранился лишь небольшой участок дна (0,5 × 0,5 м), обмазанного глиной и посыпанного охрой и мелом (рис. 38, 4).

Погребение 4 было помещено к востоку от центра. Погребенный ребенок был уложен скорченно на левый бок, головой на север. Череп отсутствовал; на его месте находился кремневый отбойник, в изголовье — подсыпка малиновой охры (рис.39, 1).

Погребение 7 — одно из наиболее престижных среди ямных захоронений (рис.40), о чем свидетельствуют форма погребальной камеры (яма с уступом и поперечным деревянным перекрытием) и ее оформление (белые следы от органического тлена на стенках; подстилка из коры (?); циновка из продольно уложенных стеблей растений поверх скелета и на дне), наличие двух сосудов и кремневого скребка.

Погребение 16 сверху было перекрыто, по определению автора раскопок, антропоморфными стелами. Могильная яма имела плотное суглиняковое заполнение. Череп был покрыт сиреневой охрой, кисти рук — алой. Справа от черепа лежал комок сиреневой

охры яйцевидной формы длиной около 3 см, слева — кусок мела. Дно обмазано светлой глиной, под черепом прослежена подсыпка крупными мела (рис.45, 1,2).

Все четыре (или три) погребения были перекрыты третьей, черноземной, насыпью. Она сохранилась лишь в центральной части кургана и разрушена вспашкой на его остальной площади (рис. 36, II—III).

К *третьему строительному горизонту* можно уверенно отнести лишь погребение 15 ямной культуры, впущенное в третью насыпь (рис.44, 3). С этим погребением связана последняя, четвертая, черноземная насыпь кургана, окруженная кольцевым рвом 3 с плотным илистым наполнением.

Возможно, к третьему (ямному) горизонту относятся также детское погребение 6 (?) и разрушенное погребение 20. Однако их культурная и стратиграфическая позиции объективно не определяются, что позволяет не рассматривать их в системе астрономических ориентиров.

При устройстве могильной ямы погребения 15, перекрытой массивными бревнами диаметром около 20 см часть, крепиды была разрушена. На дне погребальной камеры вдоль длинных стен прослежены две неглубокие (2 см) канавки. У южной и восточной стен выявлены столбовые ямки диаметром 7 см, глубиной 19-20 см, в одной из которых сохранились остатки дерева (рис.44, 3). Дно обмазано светлой глиной, посыпано охрой. Под верхней частью туловища и под нижними конечностями поверх этой обмазки — подсыпка из серой глины.

Согласно представленным в монографии радиоуглеродным датировкам по костным остаткам из погребений №№ 7, 15, 16, 19, первый строительный горизонт кургана 3 датируется в пределах второй половины V тыс. до н.э. (погребение 19); второй горизонт — второй четвертью-серединой III тыс. до н.э. (погребение 7, 16); третий — серединой-третьей четвертью III тыс. до н.э. (погребение 15).

Использование данных археоастрономии применительно к материалам раскопок рассматриваемого кургана основано на общих методических подходах в поисках важных астрономических ориентиров на археологических памятниках с учетом особенностей исследуемого объекта (Потемкина, Юревич, 1998, с. 5-25).

При выявлении астрономических направлений, соответствующих значимым солнечным и лунным азимутам для широты рас-

положения кургана, учитывались как магнитный, так и истинный север. Но на представленных планах первых трех строительных горизонтов кургана основные солнечные и лунные азимуты, вычислены относительно истинного севера, как более точные для времени сооружения и функционирования кургана. Угол отклонения магнитной стрелки от географического меридиана в точках координат кургана составляет в настоящее время $+4,4^\circ$. Используются азимуты восходов и заходов солнца и луны для широты расположения памятника, рассчитанные для 2000 года до н.э., как более приближенные к реальным на время функционирования рассматриваемого памятника (Потемкина, Юревич, 1998, с. 46-47, табл. 1; 4).

Тем не менее, даже с учетом отмеченных выше методов вычислений астрономических направлений, могут иметь место отклонения полученных азимутов по сравнению с реальными на $1-3^\circ$. Причин тому несколько. Основные из них: 1 — вычисление искомым ориентиров по археологическим планам, а не в полевых условиях, что не позволяет учитывать данные о высоте и дальности горизонта по отношению к точкам наблюдения (после раскопок они практически утрачиваются); 2 — отсутствие данных об изменениях магнитного склонения земной поверхности в месте расположения исследуемого объекта, произошедших за 6-5 тысяч лет со времени его сооружения, а также возможности учитывать изменения в наклоне земной оси за тот же период.

Возможные, в силу отмеченных обстоятельств, незначительные расхождения в вычислениях основных астрономических ориентиров принципиально не меняют реальной картины, получившей отражение в материалах раскопок рассматриваемого памятника. Полученные данные об ориентации исследованных объектов кургана согласуются с азимутами важных солнечных и лунных дат и увязываются с конкретными астрономическими явлениями на широте расположения памятника.

Важным методическим вопросом, во многом определяющим успех археоастрономических исследований, являются поиски относительного центра — места, откуда велись наблюдения в древности и из которого разворачивалось все организованное пространство кургана, а также выявление его центра в период функционирования, которому были подчинены все основные объекты кургана. Поскольку в кургане у с. Рёвова имеется не-

сколько строительных горизонтов, связанных с отдельными насыпями, из которых нас интересуют наиболее ранние, то реально предположить возможность существования нескольких таких центров — для каждого строительного горизонта. При этом, вполне возможно исходить из того, что изначальное место наблюдений могло не совпадать с реальным центром курганной насыпи. Оно могло находиться в любой точке очерченного курганного пространства и даже за его пределами. Относительный центр, как и реальный, планируемого сакрального пространства следует искать в том месте памятника, откуда лучше всего обзревается окружающая местность и линия горизонта.

Для начала за центр функционирования кургана 3 была принята центральная часть внутренней площадки крепиды, окружающей первую насыпь, как наиболее яркого и геометрически правильного, почти округлого по внутренней первоначальной выкладке, сооружения. Далее по внутренней границе кладки крепиды были определены ее продольная и поперечная осевые линии, которые практически точно совпали с направлениями С-Ю (поперечная ось) и З-В (продольная) по магнитной стрелке. Центр пересечения осевых линий, являющихся одновременно и основными географическими координатами, был принят нами за основной центр сакральной площадки кургана в период его функционирования на ранних этапах. Этот центр занял место у северо-западного угла могильной ямы основного погребения 19 под первой насыпью. Подобная строгая зависимость планировки первых сооружений (основных могил) подкурганной площадки и последующих сооружений (насыпи, крепид и т.п.) с центром кургана имеет место на других синхронных курганных комплексах (Потемкина, 2004, с. 221, 245, рис. 2, I; 9, I). Одновременно продольная ось крепиды по линии З-В оказалась связанной и с другими объектами кургана, не только первого, но и второго и третьего строительных горизонтов. Эта ситуация позволяет считать осевую линию в направлении З-В основной осью первых трех насыпей кургана, что убеждает также в объективности определения основного центра функционирования кургана.

Исходя из предположения, что точка пересечения осевых линий и основных географических координат внутренней площадки крепиды в качестве центральной могла служить местом визирования восходов и заходов

основных светил в значимые дни года, из нее были проведены основные солнечные и лунные азимуты, вычисленные для широты расположения памятника на 2000 г. до н.э. Данные ориентиры достаточно четко совпали с основными элементами архитектуры крепиды, которая, по мнению автора раскопок С.В. Ивановой, представляет собою изображение фигуры черепахи. Мнение об этой символике будет высказано отдельно.

В свете рассматриваемых в данной публикации археоастрономических определений важно другое: расположение основных объектов, определяющих форму и детали крепиды, а также других сооружений раннего кургана (основного погребения № 19, ритуальных ям, рва и кострища в нем) в соответствии со значимыми солнечными и лунными ориентирами. Это положение относится также и к двум последующим строительным горизонтам кургана, связанным с погребениями ямной культуры.

Совершенно очевидно, что четкая планировка и увязка с астрономическими ориентирами всех перечисленных выше сооружений раннего кургана были возможны только в результате предварительной разметки древними строителями площадки кургана на основании непосредственного наблюдения за положением светил на небосводе, или путем визирования на фиксированные точки на горизонте. Более рациональным представляется использование в древности одновременно обоих методов, наработанных длительным опытом.

Размышления в этом направлении и дальнейшие расчеты привели к выводу, что таким относительным центром, откуда берет начало планировка кургана и откуда развивалось все очерченное в дальнейшем курганное пространство всех трех строительных горизонтов, являлось место расположения ям 9 и 11 к западу от сооружений раннего кургана. Судя по стратиграфии, место для ям было выбрано ниже уровня предполагаемого центра кургана приблизительно на 0,4 м. Это предопределило в дальнейшем и характер каменной обкладки (крепиды), западный сектор которой был выше восточного на ту же высоту.

Выяснилось, что ведущую роль здесь играл столб, вертикально вкопанный в яму 9, который являлся постоянным ориентиром довольно длительное время. Оба центра (относительный, и основной в центре крепиды) являлись основополагающими в пространственной организации всего кургана, во всяком случае в предьямное и ямное время.

К сожалению, мы не располагаем данными о профиле и высоте горизонта по отношению к указанным центрам (точкам) наблюдения, что не позволяет провести более точные астрономические исследования. При раскопках кургана 3 такие наблюдения не велись. Но некоторые важные данные в этом отношении отмечены автором раскопок в полевой документации, отдельные сведения можно найти на топографических планах. Это дает возможность, хоть и не в полной мере, попытаться определить соотношение выявленных на кургане 3 солнечно-лунных ориентиров и его архитектурных особенностей с окружающим ландшафтом и топографической привязкой памятника. Эти сведения играют большую роль в последующей реконструкции как общих представлений создателей кургана о Мироздании, так и более конкретных понятий о погребальном ритуале, отраженных также в мифологических, фольклорных, этнологических и прочих свидетельствах.

Ниже, на основании материалов раскопок и исходя из предложенной выше методики попытаемся выяснить каким образом сооружения кургана, включая погребальные комплексы, согласуются с выявленными солнечно-лунными ориентирами и окружающим ландшафтом; какова была последовательность и принципы размещения основных объектов кургана, как они соотносятся между собой.

Обратимся в первую очередь к наиболее ранним сооружениям кургана, которые по стратиграфическим и планиграфическим данным и связи с важными астрономическими ориентирами, могли быть первыми построенными здесь объектами, к которым последовательно были привязаны другие.

К числу самых первых сооружений, связанных со строительством кургана 3, есть основания относить ямы № 9 и 11, которые расположены на одной оси по линии север-юг. Место их расположения было связано с определением относительного центра для планировки основных объектов кургана с учетом имеющегося опыта и знаний, а также в соответствии с существующими представлениями о Мироздании. Выбор места зависел от особенностей ландшафта, соответствующих этим представлениям: высоты площадки под строительство, степени обозреваемости горизонта и наличия заметных точек на нем, специфики местности — расположения на расстоянии 1,5 км к западу долины реки Большой Куяльник.

Исходя из материалов раскопок, можно предположить, что первоначально были определены основные координаты на плоскости и в пространстве, указывающие направления на основные четыре стороны света. Направление по линии север-юг могло быть установлено наиболее простым способом - по полуденной линии путем наблюдений. Практически это могло быть осуществлено следующим образом. Первоначально была вырыта яма № 11. В центре ее был установлен временный или постоянный столб, тень от которого при положении солнца в зените и определила направление полуденной линии, указывающей на Полюс мира. Ориентир на север мог быть в дальнейшем уточнен по Полярной звезде, которая находилась в Полюсе мира (в 5500-3500 г.г. до н.э. Полярной звездой являлась иота созвездия Дракона, в 3500-1500 г.г. — альфа Дракона, в настоящее время — альфа Малой Медведицы).

На полуденной линии к северу от столба в яме № 11 была сооружена яма № 9 с довольно мощным, прочно закрепленным столбом в центре. Таким образом, вероятнее всего, были найдены направления на север и юг, зафиксированные двумя столбами в центре ям № 9 и № 11, и, как следствие, определен относительный центр планируемого сакрального пространства.

Столб в яме 9, как показывает планировка раннего кургана, явился не только относительным центром при его сооружении, но играл особую организующую роль на всех этапах строительства и функционирования кургана, включая и более поздние строительные горизонты. Этот столб был отправной точкой при определении основного центра кургана и его ведущей осевой линии.

Исходной структурой для выявления центра, ее астрономической и геометрической основой, мог явиться прямоугольный треугольник, образованный с помощью веревки или ремней, с вершиной в искомой центральной точке кургана. Построение такого треугольника на плане раскопа подтверждает данное предположение. Аналоги подобных приемов разметки при строительстве древних объектов, в том числе и курганов, известны на многих нео-энеолитических памятниках Центральной и Северной Европы, а также Северного Причерноморья (Потемкина, 2004, с. 231-232, рис. 7; 9). За основные параметры прямоугольного треугольника условно были взяты: расстояние между внутренними края-

ми ям № 9 и № 11 по линии север-юг, как уже зафиксированное древними строителями и потому более точно измеряемое, принятое за малый катет треугольника (3,8 м); расстояние между внутренним краем ямы № 9 и вершиной треугольника — искомой центральной точкой — за большой катет (9,9 м); расстояние от внутреннего края ямы № 11 до искомого центра — за гипотенузу (10,6 м). Вычисление по полученным на плане измерениям показало, что сумма квадратов обозначенных катетов этого треугольника равна квадрату гипотенузы, что составляет соответственно 112,4 и 112,36 м. Вряд ли, этот результат оказался случайностью. Больше оснований считать, что наши предположения о возможных путях пространственной планировки и архитектуры курганов в древности близки к реальным. Как свидетельствуют материалы других курганов этого времени, эти строительные приемы, как и размеры основных курганных сооружений, были довольно стандартны.

Таким образом, центр сакральной площадки кургана и его предполагаемых сооружений был определен с помощью прямоугольного треугольника. Центральной точкой стала вершина этого треугольника. Полученный центр был каким-то образом отмечен — колом, столбиком, камнем и т.п. При этом, линия, образующая большой катет треугольника, практически совпадает с направлением запад-восток по магнитной стрелке. Это предполагает, что вслед за направлениями север и юг с помощью того же треугольника были определены также ориентиры на две другие стороны света — запад и восток. Данное направление стало основной осевой линией кургана.

Далее, вокруг него была очищена от чернозема и подсыпана материковым суглинком площадка, вероятно очерченная из центра с помощью той же веревки. В центре площадки было помещено расчлененное захоронение 19. Могильная яма была смещена относительно центральной точки к юго-востоку, но соприкасалась с ней северо-западным углом. По диагонали могильная яма была ориентирована (по отношению к центральной точке) в направлении восхода солнца в зимнем солнцестоянии (126°).

Расположение погребения в центре искусственно поднятой светлой площади со сдвигом к востоку и его особенности (расчленение погребенного с последующим соединением частей тела в вертикальном анатомичес-

ком порядке при совершении захоронения), наличие в заполнении могильной ямы в месте скопления костей прослоек ила и отпечатков горелых плах свидетельствуют о ритуальном, жертвенном характере основного погребения. Все эти признаки подчеркивают связь с восточным, светлым, солнечным (Верхним) миром и соотносятся с мифологическими схемами жертвоприношения разных народов, прежде всего индоевропейских. Мотив расчленения персонажа в ритуале человеческого жертвоприношения связан с представлениями о новой организации космоса и достижении блага (Мифы ..., 1987, с. 532). Цель ритуала — обеспечение благополучия, плодородия, потомства, богатства. Высшей ценностью и максимумом сакральности в космогонических мифах и представлениях обладает та точка в пространстве и времени, где совершается творение, т.е. «центр мира» (Середина мира) и в «начале», т.е. само время творения. Космические мифы и представления связаны именно с этими координатами, задающими схему развертывания всего, что есть в пространстве и времени, организующими весь пространственный и временной континуум. Обычно подобные ритуалы в древности были связаны с основной, годовой, календарной обрядностью, отмеченной переходом от старого года к новому, воспроизводящей своей структурой ту порубежную кризисную ситуацию, когда из хаоса возникает космос (Мифы ..., 1988, с. 6-9).

После совершения основного погребения №19 сакральная площадка была окружена кольцевым рвом с двумя проходами с востока и юго-запада. Могильная яма занимала центральное положение в этой круговой планировке. Интересно, что проходы во рву находились точно напротив основного погребения, что особенно заметно по восточному входу, ориентированному в направлении в дни равноденствий (90°). Так же, как и могильная яма, центр прохода был смещен к югу по отношению к основной оси. Несомненно, эта ситуация служила определенным символом, связанным с представлениями о структуре Мира, подчеркивая центральное положение жертвенного погребения в системе очерченного рвом пространства.

Над погребением из вынутого при рытье рва грунта была сооружена первая насыпь. В процессе этого строительства большую роль, наряду с центральной точкой, играла основная осевая линия по направлению за-

пад-восток, что есть суть ориентиров на восходы и заходы солнца в дни равноденствий. Основная ось была определена изначально по линии одной из сторон треугольника, вероятнее всего, впоследствии уточненной по тени столба в яме № 9 при заходе солнца в дни равноденствий или по фиксированной точке на горизонте.

Именно на основной оси была первоначально расположена центральная точка кургана, а в дальнейшем к ней были привязаны все сакральные объекты первого горизонта: основное погребение № 19; края северной половины рва, определяющие границы проходов; место разведения огня в западной оконечности рва вблизи перемычки; первая насыпь, ограниченная по окружности крепидой; сама крепиды и отдельные детали ее архитектуры; вторая овальная насыпь (рис.71).

Измерения показывают, что при строительстве крепиды исходной точкой разметки места расположения выкладки оставался основной центр. Остались неизменными и основные координаты, определяющие направления по четырем сторонам света. Следовательно, сохранила свое место в системе дальнейшей планировки и основная продольная ось по линии запад-восток. Это предполагает, что первоначальная центральная точка кургана либо оставалась каким-то образом отмеченной (столбом, например) на поверхности первой насыпи, либо была уточнена путем того же треугольника с основанием между столбами в ямах №№ 9 и 11.

Правильная округлая форма внутренней свободной площадки крепиды свидетельствует, что она была первой очерченной и вымощенной камнями по окружности частью всего сооружения. Особенно наглядно это демонстрирует восточная половина кольца, вымощенная из крупных хорошо подогнанных плит, что согласуется с космогоническими представлениями того времени, где восточная сторона в горизонтальной модели мира повсюду связывалась с солнечными божествами и Верхним миром.

Это подтверждается и местом последующей выкладки длиной около 7 м, шириной 0,8 м, примыкающей к восточному полукольцу с внешней стороны. Выкладка занимает место в восточном секторе крепиды, где расположены направления на точки восходов солнца, высокой и низкой луны в крайних позициях во все времена года. При этом с севера и юга выкладку ограничивают линии,

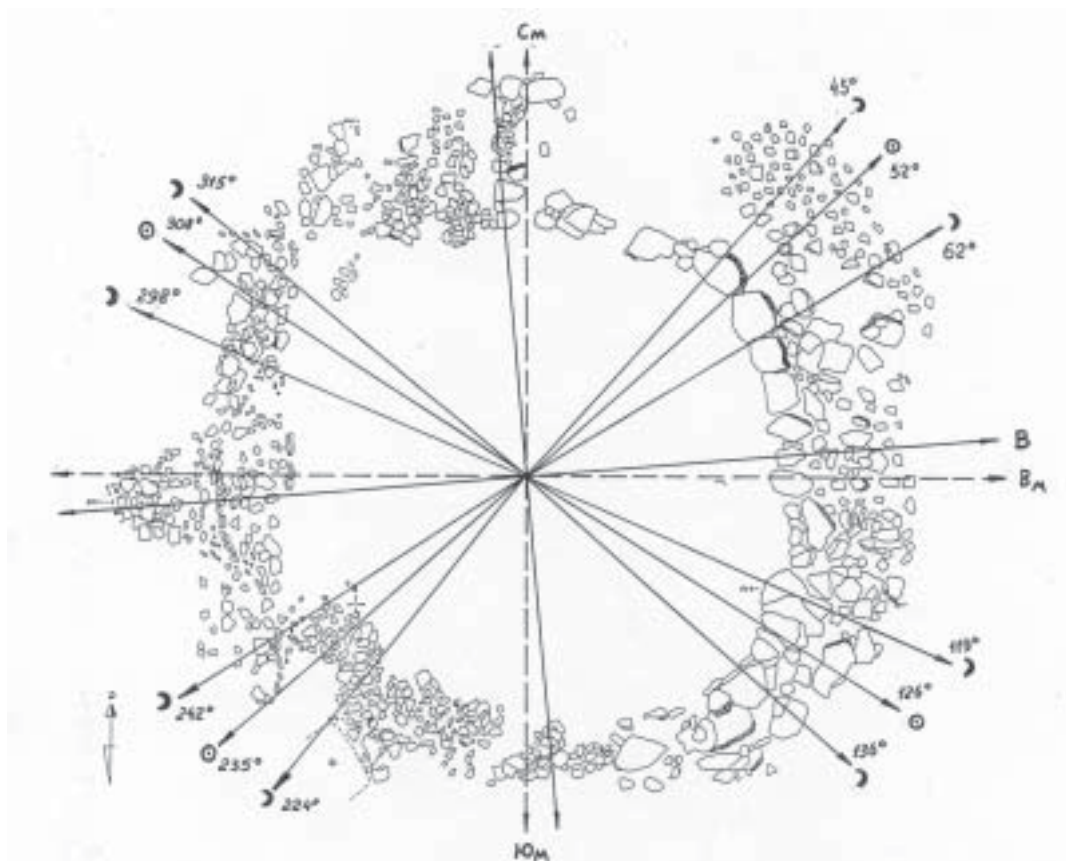

Рисунок 70. Рёвова, курган 3. План крепиды с основными солнечными и лунными азимутами: С — север истинный, C_m — север магнитный, ☉ — направления на восходы и заходы солнца с указанием градусов, ☾ — направления на восходы и заходы луны с указанием градусов.

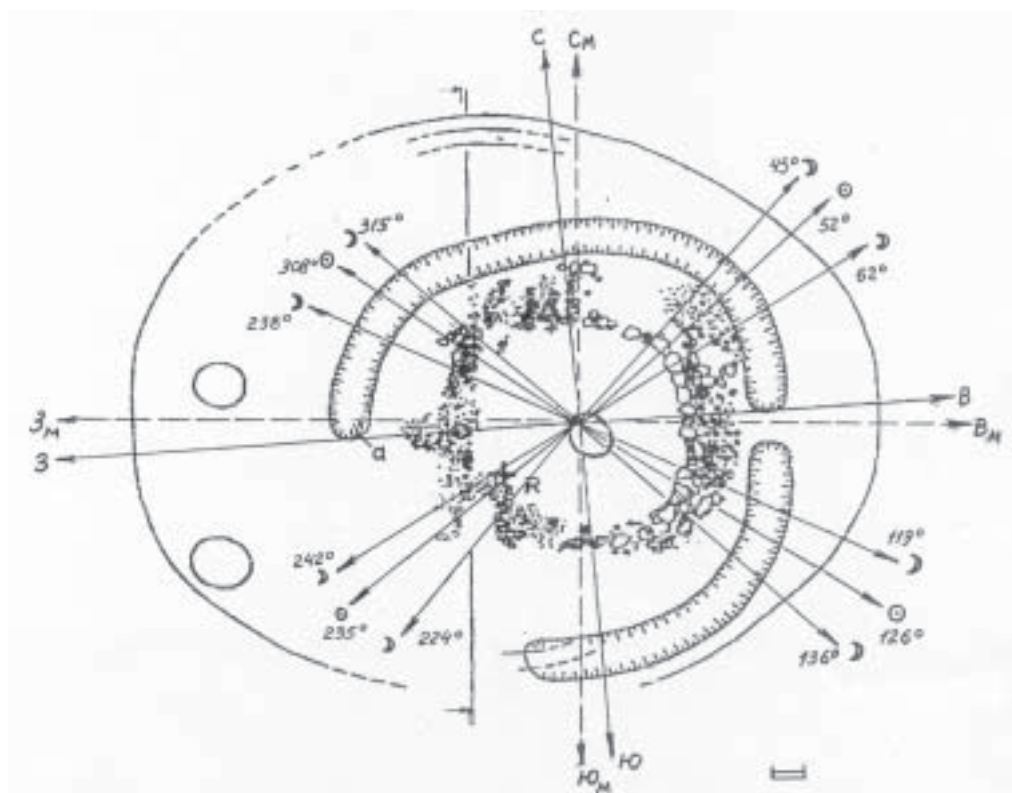

Рисунок 71. Рёвова, курган 3. План сооружения первого (энеолитического) строительного горизонта с основными солнечными и лунными азимутами: С — север истинный, C_m — север магнитный, ☉ — направления на восходы и заходы солнца с указанием градусов, ☾ — направления на восходы и заходы луны с указанием градусов.

указывающие на точки восходов высокой луны в крайних северной (45°) и южном (136°) положениях. Наиболее широкая часть выкладки (до 2 м) находится между азимутами восходов солнца в летнем (52°) и зимнем (126°) солнцестояниях. Между солнечными ориентирами в крайних позициях находятся направления на восходы низкой луны в крайних северном (62°) и южном (119°) положениях. Таким образом можно предположить, что данная вымостка является своеобразной «дорогой» восходов основных светил в их наиболее значимом положении, с отметкой точек их поворотных моментов, связанных с годовыми и сезонными изменениями. Представляется, что наибольшее значение здесь имело фиксация пути годового движения солнца (рис.70).

Западная половина кольца крепиды выложена из мелких камней, местами в 2-3 слоя. Но и здесь есть свои особенности, имеющие отношение к астрономическим ориентирам и космической символике. Прежде всего, это относится к небольшой части выкладки с внешней стороны кольца в западном направлении, где каменные плитки вкопаны ребром, а также примыкающей к ней полуовальной вымостке с двумя большими камнями (рис.70). Эта внешняя «пристройка» к ряду вертикально поставленных плит ориентирована точно на запад в направлении захода солнца в дни равноденствий (270°) и находится на центральной осевой линии, которая проходит точно по центру этих сооружений. Западнее, на расстоянии полуметра, находятся следы кострища во рву, также по линии основной оси.

Из других деталей крепиды, выложенных с внешней стороны кольцевой кладки и имеющих значимую астрономическую ориентацию, следует в первую очередь отметить ряд из камней длиной примерно полтора метра, вытянутый в северном направлении и заканчивающийся поперечной выкладкой из более крупных камней длиной 1,2 м по линии запад-восток. Еще 2-3 более коротких и менее четких рядов камней пристроены западнее этой выкладки (рис.70). В направлении захода солнца в летнем солнцестоянии (308°) находится выкладка из нескольких крупных плиток. На линии захода солнца в зимнем солнцестоянии (235°) с внешней стороны кладки имеется подпрямоугольная выемка, зафиксированная также в профиле кургана (рис.36). В южном направлении в кольцевой выкладке имеется проход шириной около 0,5 м.

Все отмеченные особенности архитектуры крепиды с внешней стороны не связаны с какими-либо конкретными археологическими находками. Их связь со значимыми астрономическими азимутами, вероятно имеющими фиксированные точки на горизонте, позволяет предполагать использование отмеченных выкладок в качестве конкретных мет ориентиров в погребальной и календарной обрядности населением, оставившем ранние сооружения кургана. Основной задачей мет было определение времени и места погребений в соответствии с существующими ритуалами. Об этом в определенной мере свидетельствуют и последующие погребения ямной культуры.

Исходя из планировки сооружений первого строительного горизонта и соотношения ее с астрономическими данными, имеющими отношение и космогоническим представлениям и моделям, есть основания считать, что погребение №3, четкая стратиграфическая позиция которого не определяется, может быть также связано с первым строительным горизонтом. Об этом свидетельствуют некоторые данные. Во-первых, расположение погребения в центральной части свободной площадки крепиды к юго-западу от центра, но с привязкой к основной оси. Центральная часть могильной ямы находится на линии, указывающей направление захода солнца в зимнем солнцестоянии (235°). Это соответствует основным принципам размещения ритуального погребения 19 на подкурганной площадке, но с выраженным двоичным противопоставлением: запад-восток, закат-восход, смерть-жизнь, нижний-верхний, низший-высший. Подобные бинарные оппозиции играли определяющую роль в ритуалах архаичных обществ. Во-вторых, надмогильное устройство захоронения 3 (перекрытие погребальной камеры плитами, овальная обкладка вокруг мелкими камнями) соответствует строительным приемам крепиды. В этом также прослеживается противопоставление основному погребению, но не на уровне космической символики, а скорее социального плана, как это имело место в кургане-святилище № 9 у с. Красное (Потемкина, 2004, с. 217-219). К сожалению, установить социальный статус погребенного в данном случае, учитывая разрушенность погребения №3, невозможно.

Строительство раннего комплекса сооружений кургана было завершено подсыпкой второй светлой насыпи (из суглинка) вы-

тянуто-овальной формы. Основной центр кургана вместе со рвом и крепидой заметно сместились к востоку, но основная продольная ось оставалась общей для всех этих сооружений. Вероятнее всего, вторая насыпь приобрела свою вытянутую форму в результате включения в нее относительного центра сакрального пространства всего I строительного горизонта — места расположения ям №№ 9 и 11 с врытыми в них столбами. Тем самым сакральное пространство раннего кургана с явно культовым назначением было очерчено полностью и получило свое логическое завершение на уровне модели Мира для своего времени и соответствующей культурой принадлежности.

Следующий этап функционирования кургана связан с ямными погребениями 4, 7, 16. При выявлении их астрономической привязки становится очевидным, что эти захоронения впущены во вторую насыпь в соответствии с пространственно-временными представлениями, получившими отражение в архитектуре более ранних сооружений и привязаны к тем же ориентирам.

Погребение 4 занимало положение к востоку от основного ритуального погребения №19 за пределами раннего рва, в непосредственной близости от основной оси, у самого края насыпи второй насыпи. Тот факт, что могильная яма этого погребения планиграфически четко соотносится с конфигурацией рва, занимая симметричное положение южному краю восточного прохода, никак не закрывая сам вход, (рис. 36), позволяет предполагать, что при совершении захоронения границы рва оставались заметными с поверхности, а вторая насыпь перекрыла погребение позже, когда осела. Возможно также, что место погребения было размечено по заранее спланированной схеме с небольшим разрывом во времени после сооружения насыпи. Погребенный (ребенок) уложен вдоль продольной оси камеры на левом боку, головой на север. Череп отсутствовал, но в области изголовья находилась подсыпка малиновой охры. Эта особенность захоронения, как и размещение в направлении восхода солнца в дни равноденствий, предполагает его жертвенный характер. Во всех древних мировоззренческих моделях восточная сторона связывалась с верхним (светлым, небесным) миром, солнечным божеством, которому и предназначалась жертва. Примеры связи жертвенных погребений с расположением в направлении

восхода солнца в значимые дни года известны в могильниках эпохи бронзы, оставленных индоиранским населением (Потемкина, 2002, с. 137-142).

Погребение 7 было размещено к западу от центра раннего кургана на его основной осевой линии между ритуальными ямами №9 и № 11 таким образом, что продольная ось могильной ямы и погребенный (взрослый) располагались на линии север-юг, соединяющей столбы в центре ямы (рис.36). Тем самым погребальная камера оказалась на пересечении координат, указывающих направления на четыре стороны света. Захоронение совершено скорченно на левом боку, головой на север, лицом на восток. У правого плеча — подсыпка охры рубинового цвета, дно против колен прокалено. Сосуды были поставлены в углы у восточной продольной стенки. В заполнении сосуда у изголовья найдены кремневый скребок и фрагмент человеческой ключицы.

Погребение 7 совершено по традиционному обряду. Его размещение по отношению к центру кургана в сторону захода солнца в дни равноденствий, по представлениям древних, маркировало собой направление умершего в мир темноты, ассоциируемый с загробным (нижним) миром. Привязка наиболее престижного, имеющего свои особенности (присутствие фрагмента человеческой кости в сосуде, наличие следов кострища на дне камеры) ямного захоронения к месту нахождения столба в яме № 9, являющегося относительным центром всего сакрального пространства кургана и определяющего его внутреннюю структуру и основные параметры, предполагают, что данный столб мог выступать в роли мирового дерева с трехчастным вертикальным членением. Вероятно, столб со времени установки оставался заметным на поверхности и продолжал выполнять свои функции. В этой связи обращает на себя внимание взаимное расположение синхронных погребений № 4 и № 7 у противоположных краев насыпи с разным смысловым содержанием погребальной обрядности по принципу бинарной оппозиции, как это было отмечено выше в случае с погребениями № 19 и № 3.

Погребение № 16 (рис.45, 1-2) находится к северу от центральной точки курганного комплекса на расстоянии полуметра от заметного ориентира в северном направлении — ряда камней, отходящего от кольцевой выкладки крепиды (рис.36). Могильная яма ориентирована по линии запад-восток,

что соответствует направлению ряда из крупных камней в конце упомянутого ориентира. Погребенный (подросток ?) ориентирован головой на запад (270°). К числу особенностей погребения, кроме перекрытия из плит с признаками антропоморфности, можно отнести присутствие охры разного цвета, мела, светлой глиняной обмазки дна, что могло быть связано с системой цветовых противопоставлений, характеризующих структуру пространства.

Погребение 15 (рис.44, 3), связанное с третьим строительным горизонтом, расположено в юго-западном секторе кургана по центру широкой переемычки первого рва, рядом с прямоугольной выемкой в выкладке кирпичей. Могильная яма занимает положение на линии, указывающей на точку захода высокой луны в крайнем южном положении (224°). Умерший (взрослый) ориентирован также в этом направлении. Интересная деталь: две столбовые ямки, обнаруженные у южной и восточной стенок на дне погребальной камеры, тоже находятся на линии, азимут которой соответствует указанной точке захода высокой луны (224°), с противоположным значением 44° , что соответствует ориентиру на восход высокой луны в крайней северной позиции.

Таким образом, анализ археологического материала первых трех строительных горизонтов кургана 3 с привлечением данных археоастрономии свидетельствует, что ямные погребения, впущенные во вторую и третью насыпи, достаточно четко привязаны к ориентирам и основным объектам, размеченным на первом этапе строительства кургана и определяющих структуру его сакрального пространства. Такая ситуация предполагает ряд вариантов.

1. Все объекты раннего этапа (ритуальное погребение, ров, первая насыпь и кирпичи) сооружены в ямное время как культовый комплекс с последующим совершением там захоронений. Это положение согласуется с отсутствием достоверных данных о принадлежности основного погребения 19 и связанных с ним сооружений к эпохе энеолита, но не соответствует полученным для этого погребения радиоуглеродным датам.

2. Разрыв во времени между сооружениями первого горизонта и двумя последующими был незначительным, чему не противоречит предполагаемая преемственность в традиции пространственной и временной организации сакрального пространства, осно-

ванной на ориентации на значимые положения солнца и луны, и сходство Моделей мира у энеолитического и ямного населения. Но в этом случае также имеет место неувязка с имеющимися радиоуглеродными датировками.

3. Разница во времени совершения основного погребения и ямных захоронений соответствует радиоуглеродным датам, а привязка погребений ямного времени к энеолитическим объектам либо кажущаяся, либо является простой случайностью.

Наиболее убедительным представляется второй вариант, хотя не исключается и первый. Сходная ситуация наблюдается в соотношении энеолитических и ямных погребений в кургане 1 могильника Кубей, где также больше оснований склоняться к небольшому разрыву во времени между энеолитическими (?) и ямными комплексами (Потемкина, 2004, с. 233-234, рис. 7).

Таким образом, в свете археологических и археоастрономических данных можно предполагать, что ранние сооружения кургана являлись культовым комплексом предямного (?) и ямного времени. Все объекты, составляющие архитектуру комплекса, имеют ярко выраженную космогоническую символику: расчленение основного (жертвенного) погребения, впущенного в центр специально подготовленной площадки их светлого грунта; сооружение сверху такой же светлой насыпи; округлая форма внутренней выкладки кирпичей; привязка к важным астрономическим ориентирам ряда объектов — выложенных из камня пристроек к внешней стороне кольцевой выкладки, проходов во рву, ранних (№№ 19, 3) и последующих (№№ 4, 7, 16, 15) погребений. Ориентация всех перечисленных объектов связана с азимутами восходов и заходов солнца в дни солнцестояний и равноденствий, крайними позициями восходов высокой луны, направлениями север и юг. Всего при разметке, размещении и строительстве сооружений первых трех горизонтов были использованы 12 важных астрономических направлений: шесть основных солнечных, четыре лунных, связанных с крайним положением высокой луны; северное и южное (рис.70; 71).

Основу пространственно-временной организации культового комплекса кургана 3 на всех этапах его функционирования составляла четко выраженная четырехчленная структура горизонтального пространства по странам света. Данная горизонтальная струк-

тура моделировала не только стороны света, но и времена года (весна, осень, лето, зима); части суток (утро, день, вечер, ночь); цвета (белый, желтый, красный, сиреневый, серый, черный), получивших отражение в разных подсыпках, связанных с захоронениями, их ориентацией и местоположением; освоенное и неосвоенное пространство; мир космический и мир земной.

Подобная четырехчастная схема лежит в основе древних культовых сооружений, имеющих свои архитектурные особенности (пирамида, зиккурат, менгиры, кромлехи, дольмены, шаманский чум), но сохраняющих семантику своих элементов, прежде всего ориентацию по странам света.

В системе четырехчленной горизонтальной модели культового комплекса кургана 3 особо значимую роль играла крепиды.

По мнению автора раскопок С.В. Ивановой, крепиды являлись объемным изображением зооморфной фигуры, по всей вероятности, черепахи, на что указывает ее конфигурация: голова отделена от туловища полосой вертикально стоящих камней, два больших камня маркируют глаза, к округлому туловищу примыкают лапы, выделен загнутый хвост. Поскольку камни сооружения скреплены смесью глины с суглинком и перекрыты еще одной насыпью из глины, они могли сохранить свое первоначальное положение. Аналогичные сооружения в Северо-Западном Причерноморье неизвестны.

С моей точки зрения ни археологические материалы, ни полученные археоастрономические данные не дают оснований для такого рода сопоставлений. Как уже отмечалось выше, обозначенная конфигурация крепиды, возможно отдаленно и напоминающая зооморфное изображение, оформилась в результате пристройки к внешней стороне кольцевой выкладки астрономически ориентированных объектов, указывающих на наиболее значимые солнечные и лунные азимуты, которые использовались древним населением в погребальной и календарной обрядности. Сравнение формы крепиды с изображением фигуры черепахи не оправдано и по архитектурным особенностям сооружения, представляющего собой окружность со свободной от застройки внутренней площадкой (без «панциря»).

Кроме того, в культурных и мировоззренческих традициях населения эпохи энеолита и бронзового века исследуемого региона

черепаха практически не представлена (или еще не известна) ни в оформлении керамики, ни в зооморфной пластике, ни в подкурганых сооружениях. Но полностью отрицать возможность существования символики черепахи в археологических материалах, имеющих отношение к мировоззренческим схемам древнего населения, будет не совсем корректно. В космогонических мифах многих народов образ черепахи играет не последнюю роль. Среди них есть и такие, которые можно было бы привлечь для определения места крепиды («черепахи») в пространственно-временных параметрах исследуемого кургана в системе существовавшей Модели мира, если бы в данном случае имели место соответствующие артефакты.

Литература

Вязьмитина М. І., Іллінська В. А., Покровська Е. Ф., Тереножкін О. І., Ковпаненко Г. Т., Кургани біля с. Ново-Пилипівка і радгоспу «Аккермень» // Археологічні пам'ятки УРСР. — Т. VIII. — К., 1960.

Мифы народов мира: Энциклопедия. — Т. 1. — М., 1987.

Потемкина Т. М., Юревич В. А. Из опыта археоастрономического исследования археологических памятников (методический аспект). — М., 1998.

Потемкина Т. М. Энеолитические круглоплановые святилища Зауралья в системе сходных культур и моделей степей Евразии // Мировоззрение древнего населения Евразии. — М., 2001.

Потемкина Т. М. Пространственно-временная организация погребального поля могильника эпохи бронзы по материалам археологических раскопок // Астрономия древних обществ. — М., 2002. — С. 134-150.

Потемкина Т. М. Особенности структуры сакрального пространства энеолитических курганов со столбовыми конструкциями (по материалам Северного Причерноморья) // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. — М., 2004 — С. 214-251.

Рассамакін Ю. Я., 1990. Енеолітичні поховання Північно-Західного Приазов'я // Археологія. Київ. № 4.

Серова Н. Л., Яровой Е. В. Григориопольские курганы. — Кишинев, 1987.

Субботин Л. В., Энеолитическое святилище курганного могильника Кубей // Старожитності Степового Причорномор'я і Криму. — Т. IX. — Запоріжжя, 2001.

В. Ф. Петрунь

**О составе и происхождении минерального сырья
из курганов Буго-Днестровского междуречья
(Катаржино — Ревово — Новогригорьевка — Дубиново)**

Исследование пород коллекции производилось макро- и микроскопически, в иммерсионных препаратах при поляризационном свете (Татарский, 1965, с.207), поскольку другими точными методами изучения камня автор из-за отсутствия лабораторной базы не располагает. Это делает полученные выводы отчасти предварительными, но, учитывая опыт многолетнего личного изучения автором геологии Украины, в первом приближении оправданными и целесообразными.

Изученные минеральные агрегаты представлены четырьмя, по условиям генезиса, группами пород, а именно метаморфической (1), осадочно-диагенетической, отчасти инфльтрационной группой кремнистых новообразований (2), магматической (3) и группой рыхлых, преимущественно остаточных минеральных пигментов, обычно именуемых охрой (4). В этом порядке ниже приводится характеристика всех 23 проанализированных образцов¹.

Метаморфические породы

1. Навершие булавы из погребения 12 катакомбной культуры в кургане 1, с. Дубиново (рис.60, 2). Материал — зеленовато-черный гнейс, кварц-полевошпат-биотитовый, массивной текстуры, гранолепидобластовой структуры, с редкими зернами магнетита и довольно частыми микроигльчатого апатита. Полевые шпаты породы в основном слабо пелитизированы-микрососсюритизированы, хотя налицо и свежий альбит. Биотитовые (в данном случае исходно сидерофиллитовые, судя по показателю преломления N_g) гнейсы встречаются как в тысячах естественных выходов пород Украинского кристаллического щита (где повышенная биотитистость более характерна для Приазовья), так и в Карпатах,

¹ В соответствии с правилами геолого-минералогической номенклатуры (Геологический словарь, 1978, т. 1 и т. 2) при использовании двояных или даже тройных литолого-петрографических характеристик каменного сырья последний в «связке» термин является основным, определяющим, тогда как предшествующие второстепенными, дополняющими информацию. Например, «алевро-пелитовая структура» означает, что в породе преобладают пелитовые (размером 0,001–0,009 мм) частицы, тогда как алевритовые (0,01–0,09 мм) играют второстепенную роль и т.д.

где они переслаиваются сланцами (Татарский, 1965). В этих условиях для надежной идентификационной привязки сырья к конкретному региону необходимо определение абсолютно-го возраста калий-аргоновым методом, что недоступно автору и требует большой навески пробы. В общем, это биотитовый гнейс. Следует добавить, что часть поверхности булавы сохраняет декоративную примазку красной охры, которой натиралось изделие. В других местах охра отсутствует, а материал снижает исходную (отлично фиксируемую в отверстии) прочность и подвергается расслаиванию в результате процессов выветривания, протекавших после помещения изделия в захоронение.

Осадочные породы

2. Полифункциональный пест из толстой субовально-призматической каменной плитки, найденный в позднеэнеолитическом погребении 1 кургана 2 Катаржино (рис.28, 3). Светло-бурый мелкозернистый кварцевый песчаник массивной текстуры, алевро-псаммитовой структуры из остроугольных зерен размером 0,05–0,2 мм, в среднем 0,1 мм в поперечнике (что усиливало абразивный эффект орудия). Налицо редкие чешуйки обесцвеченного биотита, цемент соприкосновения слабосиллабно-глинистый, чуть лимонитизированный, но достаточно прочный (при процарапывании поверхности стальной иглой порода отчетливо «искрит»).

По сумме признаков наиболее вероятное происхождение данного сырья — обнажения полтавской свиты, выходы которой на Правобережной Украине располагаются к северу от условной субширотной линии Гайсин — Кривой Рог ((Геологический словарь, 1978, т.1 и т.2) с. 173–174).

3. Неправильной формы обломок случайных очертаний, длиной до 6 см, обнаруженный на крестце скелета в том же погребении (рис.28, 4). Белая, чуть желтоватая (за счет локальных примазок вторичного ожелезнения-лимонитизации) порода невысокой твердости (легко процарапывается стальной иглой). Текстура неяснослоистая за счет чередования скрытозернистых пелитоморф-

ных прослоев с участками псевдооолитового ступко-водорослевого строения с мелкоферролитовыми обособлениями (диаметром 0,05–1,0 мм).

В куске на холоде порода с соляной кислотой стандартного разведения бурно реагирует (с выделением CO_2), растворяясь, но оставляя в остатке микрохлопьевидные агрегаты глинистого вещества и единичные зерна кластогенного кварца преимущественно алевритовой (сотые доли миллиметра в поперечнике) размерности. Под микроскопом в иммерсии структура ступкового субстрата алевро-пелитовая (из зерен кальцита, «замутненного» глинистой примесью, размерами от 0,002 до 0,03 мм).

Это слабоглинистый, незначительно запесоченный известняк, скорее всего, местного происхождения, возможно, использованный в погребальном ритуале как символическая замена красной охры. Белые известняки сарматского яруса, в основном, правда, раковинные, переслаивающиеся с песками, обнажаются, например, на левом склоне р. Средний Куяльник в районе Катаржино (Рощин, 1948, с.58), где они разрабатывались с XIX века.

Кремнистые породы

4–5. Кремневые долотовидные орудия из позднеэнеолитического погребения 10 (Катаржино, курган 1). Первым из них, с одним лезвием на толстом отщепе (рис.23, б), представлено серое «холодцевидное» сырье, с рассеянными, почти не просвечивающими из-за примеси глинистой мути, серовато-белесыми пятнышками до 2 мм в диаметре. В иммерсионных препаратах это исходно диагенетический, реликтивно-микроглобулярный (из неделимых по 0,02–0,03 мм) апоспикульный кремнь, частично вторично инфильтрационно перекристаллизованный (с увеличением индивидов исходного халцедонового субстрата от 0,002–0,01 мм до 0,08–0,04 мм). Артефакт сохраняет остатки вторичной желвачной корки, типичной для специфических трещин отдельностей в инфильтрационно-остаточной кремнистой «плите» из кровли сеноманских отложений в среднем течении Днестра. По сумме литологических признаков предмет сложен халцедоновым сырьем исходно нижнесеноманского возраста. В коренных выходах оно обнажается главным образом в среднем течении Прута и Днестра (Пастернак и др., 1968, рис. 22), а в переотложенном валунно-галечном состоянии фиксируется в днестровских террасах вплоть до Черного моря.

Ближайшие наиболее мощные обнажения подобного галечного сырья находятся к западу от Катаржино, в районе Тирасполя. До них по прямой всего около 60 км (расстояние дневного перехода).

Другое долотовидное орудие, с двумя лезвиями на отщеповидной пластине (рис.23, 5), сложено серовато-дымчатым, отлично просвечивающим (на всю толщину до 5 мм) кремнем, с редкими белесоватыми (за счет глинистой примеси) пятнышками диаметром до 5 мм. Основной тонкозернистый (0,002–0,01 мм в неделимых) халцедоновый субстрат характеризуется алевро-пелитовой структурой с редкими реликтами нацело халцедонизированных раковинок простейших, иногда — со сферолитовой раскристаллизацией. Этот кремнь, скорее всего туронского возраста, но единичность находки не позволяет уточнить его возможное происхождение: то ли он из бассейна Днестра, то ли с Крымского полуострова, то ли с Левобережной Украины и т.д. Но, во всяком случае, с точки зрения обрабатываемости приемами первобытной техники это наиболее качественный материал из числа халцедонолитов изученной коллекции.

6. Кремневый артефакт из погребения № 16 ямной культуры в кургане 1 Катаржино (рис.25, 2). Представлен удлинённым отщепом светло-серого «холодцевидного» сырья, просвечивающего на всю толщину (9 мм) изделия. В иммерсионном препарате артефакт под поляризационным микроскопом обнаруживает реликты спикул губок (в том числе с глинистым заполнением осевых каналцев). Наблюдаются отчетливые признаки вторичной перекристаллизации, охватывающей до 75% объема породы (с замещением исходного тонкохалцедонового субстрата пелитоморфной структуры из неделимых в тысячные доли мм участками с зернистостью порядка 0,05 мм). Налицо также единичные чешуйки слюды и очень редкие разрозненные призмы раковин иноцеромов, массовое появление которых характерно для кремней, развитых среди верхнесеноманских отложений, обнажающихся по долине Днестра от г. Могилева-Подольского и до 48-й параллели северной широты (Petrougne, 1995, fig.1).

Судя по реликтам шероховатой желвачной корки, типичной для вторичной кремнистой «плиты» в кровле нижнесеноманских отложений среднего течения Днестра (см. описание образца № 4), сырье отщепы проис-

ходит или оттуда, или из галечного аллювия долины последнего (вплоть до Черного моря).

7–16. Находки из курганов у сел Рёвова, Новогригорьевка, Дубиново. Представлены как орудиями, так и случайными обломками без признаков целенаправленной (после первичного расщепления) обработки, макро- и микроструктурно весьма пестрыми: от халцедонового до микрокварцево-роговикового состава с незначительной примесью глинистости. По материалу совпадают только три из четырех образцов (Рёвова, погр.13). Отсутствие сколько-нибудь выдержанной серии однотипных кремней (естественной для памятников палеолита — неолита — мезолита) крайне затрудняет задачи идентификационной привязки сырья к конкретным месторождениям. Но сразу же стоит отметить, что почти все кремни коллекции не находят аналогий в силицилитах основных коренных месторождений Правобережной Украины, включая поречье Десны (Petrougne, 1995, fig. 1, 2-8). Исключений два.

Во-первых, это пластинчатый отщеп (рис.51, 5) белого кремня (Новогригорьевка, кург.2, погр.15) апохалцедоно-микророговикового типа, возможно, реутилизированный, аналогичный части силицилитов морены днепровского оледенения (иногда аллювиально-переотложенных). Правда, следует иметь в виду, что моренные отложения развиты как на Правобережной, так и на Левобережной Украине.

Во-вторых, это дымчато-белесая халцедонозная пластина (рис.57, 5) кремня осадочно-диагенетического происхождения с реликтами на фоне субстрата алевро-пелитовой структуры спикул кремневых губок (фиксируемых по заполненным глинистым материалом осям) и разрозненных призм раковин иноцерамов (Дубиново, кург.1, погр.5). Материал близок по этим признакам кремнево-сырью верхнесеноманского возраста, обнажающемуся в долине Днестра ниже по течению г. Могилева-Подольского (Petrougne, 1995, fig. 1, 7), хотя единичность предмета делает подобную локализацию предположительной. Впрочем, это касается и других видов минерального сырья.

Пест-отбойник из погребения 4 кургана Рёвова 3 (рис.39, 2) представлен роговиковидной кремнистой породой массивной текстуры, светло-серой, со специфическим восковым блеском, очень слабо просвечивающей (в осколках менее 0,5 мм толщиной).

Состав микрокварцевый с тонкодисперсно-глинистой равномерно распределенной примесью. Судя по отсутствию остатков микрофауны и структуре это инфильтрационное новообразование из коры выветривания каких-то исходно тонкозернистых силикатных пород протерозойского возраста, типа выходящих на поверхность в среднем течении р. — Ингулец. Соответственно кремень исходно криворожского происхождения.

Скребок из Рёвова, кург.3, погр.7 (рис.40, 1), на сером с более темными разводами, чуть просвечивающем кремне с матовым блеском, слабоглинисто-апохалцедоново-вторичномикрокварцевого состава, апоглобулярной структуры, с реликтами крупных спикул (то есть осадочно-диагенетического происхождения, хотя и невысокого качества). Сырье типа обнажающегося в мергелях верхнемелового возраста в районах города Лисичанск и Луганска (Восточный Донбасс) и восточнее, едва ли не до Поволжья.

Три из четырех небольших обломков характеризуются остатками полуотмытой желвачной корки (Рёвова, кург. 3, погр. 13). Это коричневато-бурые кремни без признаков дополнительной обработки, слабоглинистого, локально вторично микрокварцево-халцедонового состава, с реликтами спикул кремневых губок и микросферолитового замещения раковин простейших (рис.43, 2-5). Эти образцы наиболее близки кремням мергелей верхнемелового возраста и сегодня разрабатываемых в карьерах цементного комбината г. Амвросиевка на Донбассе.

Остальные кремни серии из-за малых размеров (Дубиново, кург. 1, погр. 7) или отсутствия типоморфных микропризнаков не поддаются даже ориентировочной привязке к конкретным месторождениям сырья, как и единичный обломочек стенки раковины пластинчато-жаберного моллюска (Дубиново, кург. 1, погр. 7).

Магматические горные породы

17. Единственный предмет коллекции такого рода — боевой сверленный топор-молот из погребения № 10 ямной(?) культуры под курганом «Солдатской славы» в районе с. Катаржино (рис.15, 2). Изделие характеризуется слабо свисающими лопастью лезвия и обушком, овальным в сечении, продольными (на верхней и нижней поверхности) нервюрами и поперечными рифлеными каннелюрами (по обе стороны просверленного отверстия

для рукояти). Порода макроскопически у поверхности темно-серая (в свежем изломе черная, сверкающая), с крупным овальным (длинной до 5 см), более светлым пятном на левой «щеке» лезвия. По-видимому, это пятно — след начального выветривания по трещине отдельности, некогда расщепившей скальный монолит, из которого для последующей обработки был выломан подходящий для мастера по размерам кусок породы.

Структура породы афировая, возможно, микроолигофировая за счет микрофенокристаллов редких, размером не более 2 мм в более мелкозернистом микродиабазовом базисе из преобладающего (более 50% от объема) плагиоклаза, моноклинного пироксена и довольно обильного титано-магнетита (?).

Судя по перечисленным параметрам, это гипобиссальная жильно-дайковая порода основного состава типа широко распространенных в Украине и на сопредельных территориях групп базальтов, долерито-диабазов и габбро-диабазов (Справочник..., 1975. С.176—184). Для обоснованной привязки сырья топора из Катаржино, даже не к отдельным обнажениям, а хотя бы к тому или иному региону, нужны дополнительные данные. Прежде всего, необходим прозрачный шлиф в сочетании с определением химического состава, как известно, достаточно варьирующим у диабазов Украины (Свиридов, 1968, с.442—444). Требуется также определить спектральный состав и абсолютный возраст образца (Геологический словарь, 1978, т. 1, с. 24)². Однако, по результатам сравнения находки с диабазами топоров ряда регионов (за исключением северокавказского) можно уже исключить крымское, добруджинское или карпато-волынское происхождение ее сырья. Ориентируясь на территориальную близость к району с. Катаржино месторождений известных на сегодня основных магматических пород в пределах Украинского кристаллического щита, можно допустить два варианта происхождения сырья топора из Катаржино. Во-первых, это обнажения эффузивно-дайковых диабазов в зоне, простирающейся от долины Днепра³ через область среднего течения

² Аргоновый, стронциевый или свинцовый методы датирования пока требует образцов, значительно превышающих в объеме каменное орудие.

³ В частности от устья р. Самары, где подобные породы уже с неолита широко использовались для изготовления дисковидных артефактов, то ли грузил к сетям, то ли примитивных мотыжек для вскапывания песчаных грунтов.

Ингульца (Петрунь, 1959, с.85—90) и Ингула до Южного Буга в районе г. Сороки, то есть ориентировочно вдоль уже упоминавшейся 48-й параллели. Во-вторых, это может быть Приазовский регион Украины (Шаталов, 1986, с.61, 85, табл.4), часть диабазов которого при микрозернистости, особенно в призальбандовых участках, и относительной свежести по сравнению с основными породами Правобережья, отличается повышенным содержанием аксессуарив ильменит-магнетитового ряда. И в том, и в другом случае материал катаржинского топора по предварительным результатам иммерсионной оценки имеет северное или, скорее, восточное происхождение. Более точное заключение могут дать или определение абсолютного возраста или, отчасти, результаты спектроскопии.

Минеральные пигменты (красные охры)

18—23. Минеральные пигменты (6 образцов) в основном представлены рыхлыми, землистого сложения агрегатами, от порошковидных до комковатых. Все они разных фиолетово-красных, но не повторяющихся оттенков, что является признаком происхождения из различных источников исходного сырья. Соответственно идентификационная привязка большинства этих образцов к тому или иному конкретному месторождению немыслима без определения их химического состава, спектроскопии, термографических и рентгеноструктурных параметров. Это касается не только погребальных пигментов. Естественные выходы подобных материалов, например, Украины, тоже нуждаются в исследовании на более высоком уровне, чем это делалось до сих пор (Толстихина, 1963, с. 97—105). Тем не менее, и на микроскопическом уровне три предмета коллекции поддаются однозначной идентификации, а именно:

а) Артефакт типа «минерального карандаша» (Дубиново, кург. 1, погр. 7), который в куске использовался для нанесения пигментного покрытия на поверхность других предметов (рис.57, 9). Отсюда — стертость и отшлифовка граней, в том числе криволинейных, ограничивающих изделие. В минералогическом отношении это неясно параллельно-слоистая гидрогетито-(в прослоях и отчасти импрегнации)-каолининовая порода (с единичным кварцевым прожилком и редкими аксессуарными зернами магнетита) коры выветривания, скорее всего, исходно сидерит (?)-силикатных роговиков про-

терозойского возраста криворожской метаморфической серии. При этом первоначально делювиальный штуф подобного относительно свежего роговика в виде валунчика был перетолжен в песках понтического яруса в районе Кривого Рога. Там образец подвергся гипергенному выветриванию по ранее описанной схеме (Белокрыс, Петрунь, 1961, с. 126–128). При этом исходный минеральный состав полностью изменился на вторичный. Во-первых, материал стал более мягкий (с хорошей кроющей способностью) и, во-вторых, дающий локальные переходы оттенков от белого до розового и цвета запекшейся крови. Описываемый материал попал на берега Южного Буга с востока, из области развития песчаной фации понтического яруса, хотя обломки железистых роговиков криворожского типа встречаются и среди известняков последнего вплоть до черноморского побережья, откуда, как источник охры, они извлекались уже позднепалеолитическими насельниками региона, например, стоянки Большая Аккаража.

б) К категории минеральных пигментов, безусловно, криворожского происхождения относятся и бело-окрашенные образцы обмазки стенок погребальных ям (Новогригорьевка, кург. 2, погр. 14) или подсыпки на их дне (Новогригорьевка, кург. 2, погр. 8). Это землистые пелитоморфной структуры агрегаты, в первом случае с реликтами копролитов эллипсоидальной формы, длиной до 2–3 мм (экскременты мелких грунтофагов), дающие с водой «тесто». Судя по показателю преломления ($N_{\text{ар}} = 1,520-1,525 \pm 0,002$) и слабому двойному преломлению, — это галлуазит из класса листоватых глинистых силикатов. На территории Украины этот минерал входит в состав коры выветривания, где связан постепенными переходами с каолинитом. Однако в предельно чистом виде, к тому же в жилах мощностью до 20 см, галлуазит зафиксирован как эпигенетическое образование среди бурожелезняковых руд только Кривого Рога (Минералогия Криворожского бассейна, 1977, с. 310–312).

Итак, полученные результаты при всей их неполноте и фрагментарности, все-таки подчеркивают преимущественно восточное (от Ингульца до Донбасса) происхождение камня артефактов коллекции. Порода условно местного происхождения в ней мало.

Присутствие в инвентаре погребений зачастую невыразительных обломков силицитов (и это на территориях, располагающих

собственным более высококачественным кремнем!) позволяет в качестве рабочей гипотезы предположить следующее. В находках такого рода можно усматривать материализованную память пребывания (рождения, первых или более важных лет жизни и т.д.) по-смертно погребенных в кургане лиц первоначально где-то за пределами междуречья Днестр — Южный Буг. Для скифского времени, судя по петрографии камней из курганных, это не вызывает сомнений.

Квалифицированное решение проблемы красных пигментов (охры) откладывается на будущее, поскольку должно осуществляться на региональном уровне, при наличии мощной лабораторной базы.

Литература

Белокрыс Л.С., Петрунь В.Ф. О происхождении экзотических валунов в понтических отложениях юга Украины // Известия высших учебных заведений. Геология и разведка. — №3. — М., 1961. — С.126–128.

Геологический словарь. — М., 1978. — Т. 1. — 486 с., Т. 2. — 456 с.

Минералогия Криворожского бассейна. — К., 1977. — 543 с.

Пастернак С.И., Гаврилишин В.И., Гинда В.А., Коцюбинський С. П., Сеньковський Ю. М. Стратиграфія і фауна крейдових відкладів заходу України (без Карпат). — К., 1968. — 272 с.

Петрунь В.Ф. О некоторых петрографических особенностях оливиновых диабазов с реки Ингульца // Труды КГРИ. — М., 1959. — С.6.7. — С.85–90.

Роштин А.Д. Полезные ископаемые Одесской области. — Одесса, 1948. — 135 с.

Свиридов В.В. О химическом составе диабазов Украины // ДАН СССР. — 1968. — Т. 183. — № 2. — С.442–444.

Справочник по петрографии Украины (магматические и метаморфические породы). — К., 1975. — 579 с.

Татарский В.В. Кристаллооптика и иммерсионный метод. — Москва, 1965. — 305 с.

Толстихина К.И. Природные пигменты Советского Союза, их обогащение и применение. — М., 1963. — 363 с.

Шаталов Н.Н. Дайки Приазовья. — К., 1986. — 192 с.

Petrougne V.F. Petrographical-lithological characteristics of stone materials from late-Tripolye cementeries of the Sofievka type // Cementaries of the Sovievka type: 2950 – 2750 B.C. — BPS. — Vol. 3. — 1995. — P.190–199.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. НОВЫЕ РАСКОПКИ КУРГАНОВ В БУГО-ДНЕСТРОВСКОМ МЕЖДУРЕЧЬЕ	6
Могильник Зальц	6
Курган “Солдатская Слава”	19
Могильник Катаржино	25
Великозименовский курган	45
Курганная группа у с. Редова	57
Курган “Любаша”	73
Курган у с. Дубиново	84
Распределение погребальных комплексов по культурам	95
Итоги радиоуглеродного датирования	96
ГЛАВА 2. МЕЖДУРЕЧЬЕ ДНЕСТРА И ЮЖНОГО БУГА В ЭПОХУ ЭНЕОЛИТА-БРОНЗЫ	100
Памятники энеолитической эпохи	100
Ямная культура	111
Памятники кеми-обинского типа	132
Катакомбная культура	147
Культура многоваликовой керамики	160
Погребения эпохи поздней бронзы и других исторических эпох	168
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	171
ЛИТЕРАТУРА	173
ПРИЛОЖЕНИЯ	188
<i>Приложение 1.</i>	
Потемкина Т.М. Археoaстрономический аспект исследования кургана 3 у с. Редова	188
<i>Приложение 2.</i>	
Петрунь В.Ф. О составе и происхождении минерального сырья из курганов Буго-Днестровского междуречья (Катаржино — Редова — Новогригорьевка — Дубиново)	200

ББК 63.4 (4Укр–4Оде)26–431
И 209
УДК 903.5'14 (477.74)''–05–03''

Наукове видання

ІВАНОВА
Світлана Володимирівна

ПЕТРЕНКО
Владислав Григорович

ВЕТЧИННІКОВА
Наталія Євгенівна

***КУРГАНИ СТАРОДАВНІХ СКОТАРІВ
МЕЖИРІЧЧЯ
ПІВДЕННОГО БУГУ ТА ДНІСТРА***

Монографія

Російською мовою

технічний редактор
В. Сукачев
комп'ютерна верстка
А. Косой

Підписано до друку 11.02.2005 р.
Формат 60х84/8. Гарнітура NewtonС.
Папір офсет. Друк офсет.
Ум. друк. арк. 24,18+2,75 укл.
Зам. 4193.

Видавництво КП ОМД
(свід. ДК № 774 від 17.01.2002 р.)
Надруковано в КП «Одеська міська друкарня»
65011, Одеса, вул. Рішельєвська, 47

На 1-й странице обложки:

Рева, курган 3, крепида.

На последней странице обложки:

- 1 — Катаржино 1/10.
- 2 — Рева 3/13.
- 3 — Дубиново 1/11.
- 4 — булава из погребения Дубиново 1/12.
- 5 — «Солдатская слава», погребение 9.
- 6 — булава из погребения Старые Беяры 1/14.
- 7 — «Любаша», общий вид кургана.
- 8 — Зальц 4/3, кинжал и бусы.
- 9 — Великозименово, деревянные палочки.
- 10 — «Любаша», погребение 8.